

ПРЕДИСЛОВИЕ

Одна из основных целей проведения научных мероприятий на факультете славянских и германских языков учреждения образования «Барановичский государственный университет» — повышение качества подготовки будущих специалистов посредством развития исследовательских умений, создание условий для реализации творческих способностей и научного потенциала студентов, их активного включения в научно-исследовательскую деятельность учреждения высшего образования.

Состоявшаяся 23 ноября 2016 года II Республиканская студенческая научно-практическая конференция с международным участием «Актуальные проблемы филологических и педагогических наук» проведена при активном участии Студенческого научного общества факультета славянских и германских языков «LinguArt». Представленные материалы отражают результаты научного поиска более девяти молодых исследователей — представителей учреждений образования разного профиля Республики Беларусь и Украины. Сборник содержит три раздела по заявленным направлениям работы конференции.

Авторы материалов раздела «Языкознание. Литературоведение (белорусский, русский языки). Методика преподавания белорусского, русского языков и литературы» рассматривают вопросы нарушения орфографических норм в языке современной белорусской публицистики; выявления языковых и внеязыковых особенностей современной наружной рекламы, приоритетных духовных ценностей белорусов на материале русскоязычных печатных изданий Беларуси, особенностей глагольных фразеологизмов, обладающих модальным значением; влияния социокультурного фактора на метаморфозы мотивов текста малых художественных форм; места художественного анимализма в современном литературоведении; сопоставления жанра сказки в польском и русском фольклоре; определения сущности постапокалиптической антиутопии как жанровой разновидности, тенденций развития современной подростковой прозы; изучения разнообразных аспектов творчества М. Богдановича, М. А. Булгакова, В. Бутрима, С. А. Есенина, М. Зощенко, Я. Коласа, Я. Сипакова и т. д. Кроме того, авторами проанализированы способы обогащения речи младших школьников на уроках русского языка средствами изучения глагола, методические принципы и подходы к развитию связной речи и др.

В раздел «Лингвистика. Литературоведение (английский, немецкий, французский языки)» помещены работы в области лингвистики, социолингвистики, лингвокультуроведения и литературоведения. Внимание авторов обращено к исследованию таких явлений и аспектов, как концепты (концепт «красота» в немецких пословицах; концептуализация категории «жизнь» во фразеологической системе немецкого языка; концепт «женщина» в немецкой и русской языковых картинах мира; концепт «гостеприимство» в текстах англоязычных СМИ); фразеология (фитонимы в английских фразеологизмах, фразеология субкультуры байкеров); речевые тактики и стратегии («издѣвка», «обещание», «угроза», «сочувствие», «разногласие/полемицирование» в американском, британском, канадском, немецком общении); словообразование (потенциал терминов родства, модели наименования профессий); различные виды дискурса (дискурс реагирования на кинотекст в англо- и русскоязычном интернет-пространстве; сказочный дискурс как отражение менталитета народа; юмористический дискурс; художественный дискурс); отдельные аспекты анализа (лингвостилистический анализ клятвенных речений на получение гражданства; структурно-семантический анализ наименований французских и белорусских интернет-магазинов); особенности глаголов власти, современных англоязычных песен, профессионального интернет-общения; выступлений Р. Рейгана, А. Меркель; произведений Р. Брэдбери, Р. Дала, У. С. Моэма; метакоммуникативные средства управления вниманием на занятиях с использованием видео и пр.

Материалы раздела «Методика преподавания иностранных языков» освещают различные аспекты организации образовательного процесса по иностранному языку, в частности, отбор подкастов для развития у учащихся аудитивных умений; методический потенциал отечественных учебников как средства развития у учащихся компенсаторных умений в чтении иноязычных текстов прагматического характера; использование технологии критического мышления в развитии у учащихся речевых умений; формирование социокультурных знаний у учащихся на основе веб-квест-технологии и т. п.

Анализ тематики исследований позволяет сделать вывод о её соответствии актуальным направлениям исследований в указанных выше научных областях. Представленные материалы характеризуются конкретностью изложенного содержания, научной лаконичностью, а также языковым разнообразием, что выражается в наличии текстов докладов на белорусском, русском, английском и немецком языках.

Авторский коллектив выражает надежду, что издание материалов откроет возможность его потенциальным пользователям (студентам, магистрантам, аспирантам, учащимся) для успешного применения теоретических положений и практических результатов в последующей научно-исследовательской деятельности, а также для поиска новых направлений и стимулов в проведении филологических и методических исследований.

А. В. Никишова, Н. Н. Круглякова, А. В. Прадун

ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ (БЕЛОРУССКИЙ, РУССКИЙ ЯЗЫКИ). МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ БЕЛОРУССКОГО, РУССКОГО ЯЗЫКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

УДК 821.161.1-3:82'06

Е. В. Бакунова

Учреждение образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины», Гомель

МЕСТО ХУДОЖЕСТВЕННОГО АНИМАЛИЗМА В СОВРЕМЕННОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ

Введение. В настоящее время отсутствует четкое определение термина «анимализм». Выделяют следующие основные значения термина «анимализм» (лат. *animal* животное): 1) сущность отличительных признаков животного тела сравнительно с растением; 2) совокупность черт, свойственных животным; 3) поклонение священным животным; 4) подход к изучению человека и общества, ищущий объяснений в биологическом происхождении человека и его связи с миром животных; 5) направление в изобразительном искусстве, основным объектом изображения которого является животное; 6) грубо животная жизнь в противоположность высшей, духовной.

То определение термина, о котором будет идти речь, звучит следующим образом: «Анимализм — это художественное изображение животных, птиц, растений и т. д. через призму человеческого мироощущения, наделение их возможностями человеческого характера» [1, с. 42]. Когда мы говорим о характере термина «анимализм», то имеем в виду особенности мировоззрения автора, его возможности создавать анималистические образы. Рассматривая изображение животного мира в литературных произведениях, целесообразно использовать понятие «художественная анималистика». «Художественная анималистика — целая своеобразная система образов и мотивов фауны, которая базируется на определенных законах и принципах функционирования» [2].

Основная часть. Анималистическая литература есть у каждого народа, и существует она в огромном перечне художественных форм: мифы о птицах и зверях, сказки про животных, басни, легенды, свадебные песни восточных славян, сочинения о диковинных животных фантастического характера, средневековые бестиарии, эпические поэмы и сатирические повести о царстве животных. Основными персонажами таких произведений выступают звери и птицы, реже растения, а анималистические сюжеты являются аллегорическим воплощением человеческих нравов и взаимоотношений.

Вопросом об особенностях отображения животного мира в литературе одними из первых заинтересовались фольклористы. «В фольклоре и художественной литературе образы животных присутствовали всегда, но особое многообразие мотивов, сюжетов, типов стало характерным для анималистической литературы в XX веке, когда анималистика стала своего рода ареной философских раздумий и рассуждений о мире природы, человека и животного в нем» [3, с. 42].

Много научных работ посвящено анализу анималистических образов в творчестве А. П. Чехова, М. М. Пришвина, К. Г. Паустовского, Ч. Т. Айтматова, А. А. Кима, В. П. Астафьева, В. Г. Распутина. Список перечисленных авторов значительно увеличится за счет включения в него зарубежных писателей-анималистов, среди которых наиболее весомый вклад в развитие анималистического направления внесли такие мастера слова, как Э. Сетон-Томпсон, Д. Р. Киплинг, Д. Даррелл, Д. Ч. Харрис.

Диссертации и научные статьи, посвященные художественному анимализму, преимущественно были написаны не позднее 90-х годов XX века. С помощью информационного метода определения новизны было выявлено, что за последние пять лет подобных исследований не проводилось.

Почему же художественная анималистика, занимающая большое место в литературе, в настоящее время не получила серьезного научного осмысления в литературоведческой среде? Можно выделить несколько видимых причин:

1) анималистическую литературу рассматривают как детский текст. Безусловно, художественное изображение животного мира в литературе играет важнейшую роль в развитии понятия гуманизма, знакомит с реальной жизнью диких животных в доступной и понятной форме. Такая литература призывает детей как можно скорее встать на путь истины, чистоты и добра во всех их проявлениях — будь то природа, любовь или отношения между людьми. Сегодня же многие произведения анималистического направления несут философскую, символическую и экспрессивную нагрузку, вследствие чего литература перестает иметь чисто детский характер;

2) все наиболее существенные особенности мировоззрения писателей-анималистов уже изучены. Литературный анимализм возник на рубеже XIX—XX веков. В данный период времени изображение животных в литературе было нередким явлением, которое привлекло к себе пристальное внимание литературоведов. С начала 1990-х по 2000-е годы было написано и защищено большое количество работ (статьи, курсовые и дипломные работы, диссертации) по теме «Художественная анималистика». Вероятно, создалось впечатление, что многие вопросы уже изучены и нет надобности в дальнейшем исследовании;

3) анималистическая литература реинкарнировала в новую форму изучения. Если раньше рассматривали художественный анимализм с точки зрения психологии животного мира, уподобляли явления окружающего мира человеку (т. е. рассматривали проблему антропоморфизма), то теперь анималистическая литература заинтересовалась поиском новых значений символов животных. Большое количество работ, относящихся к теме «Анимализм», связано с фольклором и мифологией. Примером таких работ могут послужить диссертации О. Н. Волковой «Зооморфные мифологические образы как репрезентанты духовного аспекта китайской культуры» (2007), М. А. Сомкиной «Мифологемы в истории императорского Китая: зооморфные символы и их функции» (2009).

Следует отметить ряд научных трудов, посвященных проблеме изучения анимализма, которые были опубликованы после 2000 года. Так, С. П. Белогурова в диссертации «Анимализм как культурологический и художественный феномен в общественной мысли рубежа XIX—XX веков» (2011) исследовала феномен анимализма на широком культурологическом материале (философском, естественнонаучном, литературном). В работе проведен детальный анализ анималистических рассказов Ч. Робертса, Э. Сетона-Томпсона на предмет выявления художественных приемов и средств изображения животных в комплексе взаимоотношений друг с другом, с естественной и антропогенной средами обитания, с человеком. Раскрыты индивидуально-личностные и социальные аспекты жизнедеятельности животных в рамках литературного анимализма.

Исследователь Л. Г. Дуктова в статье «Художественная анималистика: к вопросу определения термина (на примере произведений белорусской литературы XX века)» (2010) даёт теоретическое обоснование понятиям «художественная анималистика» и «художественный анимализм». Исследователь проводит анализ эволюции художественной анималистики в контексте национальной литературной традиции с учётом опыта всемирного искусства и культуры. Статья является полезным источником информации, поскольку белорусское литературоведение редко обращается к таким терминам, как «анимализм» и «анималистика».

В свою очередь Г. А. Коблякова в статье «Анималистическая литература» (2010) выделяет наиболее ярких писателей-анималистов, таких как М. М. Пришвин и Д. Даррелл. Автор статьи обосновывает правомерность изучения творчества М. М. Пришвина и Д. Даррелла с точки зрения сопоставительного анализа, а также предлагает свою классификацию анималистических образов: 1) классический натурализм; 2) эмпатический натурализм; 3) сравнительная антропология; 4) сентиментальная анималистика; 5) басня; 6) литературная анималистическая сказка.

Так, А. В. Караковский, позиционирующий себя писателем, поэтом и публицистом, в статье «Анимализм как метод и руководство к действию» (2013) рассматривает возможности, которые предлагает анимализм для поиска нравственно-философских смыслов. Он характеризует особенности изучения различных аспектов анимализма по направлению от доминирования зоологического к доминированию антропологическому. В качестве примеров А. В. Караковский предлагает максимально доступные широкой аудитории тексты, что делает статью в достаточной степени информативной.

Исследователь Н. Е. Лихина в статье «Бестиарный мотив в русской литературе» (2011) проводит дифференциацию понятий «анималистика» и «бестиарий» на материале российской прозы XX — начала XXI века. В данной работе исследуются поэтические функции бестиарных мотивов в русской постмодернистской литературе А. Королева, В. Пелевина, В. Сорокина.

Заключение. Исследуя научную литературу, посвященную анималистической тематике, можно заметить отсутствие трудов, авторы которых выдвинули бы новые идеи и подходы в изучении художественной анималистики на материале мало и вовсе не изученных текстов. Вероятно, особый научный интерес должен возникнуть на основе сравнительного изучения анималистических образов в творчестве писателей разных национально-литературных традиций. На данный момент интерес к художественному анимализму у литературоведов в значительной мере уменьшился. Создаётся впечатление, что в 1990-е годы было написано и защищено так много работ по теме «Художественный анимализм», что теперь эта тема ушла в сторону. Но не стоит забывать, что вопросами мира животных человечество занимается с древнейших времен до настоящего времени, а анималистическую тему относят к вечным темам литературы и искусства.

Список цитируемых источников

1. Литературоведческий словарь-справочник / Р. Т. Громяк [и др.] ; под ред. О. З. Лебедевой-Гулей. — Киев : Академия, 2007. — 751 с.
2. Дуктова, Л. Г. Художественная анималистика: к вопросу определения термина (на примере произведений белорусской литературы XX века) [Электронный ресурс] / Л. Г. Дуктова // Электронный архив библиотеки МГУ имени А. А. Кулешова. — 2009. — Режим доступа: <http://libr.msu.mogilev.by/bitstream/123456789/1442/1> . — Дата доступа: 28.09.2016.
3. Коблякова, Г. А. Анималистическая литература / Г. А. Коблякова // Альманах соврем. науки и образования. — 2010. — № 12 (43). — С. 208—210.

УДК 80:37

М. С. Богущ

Установа адукацыі «Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт», Баранавічы

ВОБРАЗ ДАРОГІ Ў ТРЫЛОГІ Я. КОЛАСА «НА РОСТАНЯХ»

Уводзіны. Трылогія Якуба Коласа «На ростанях» з'яўляецца адным з лепшых узораў мастацкай прозы. У гэтым творы пісьменнік паўстаў не толькі мастаком слова, але і гісторыкам, філосафам беларускага шляху.

Трылогія, высокаідэйная па змесце і высокамастацкая па форме, насычана шматлікімі архетыпамі: лес, балота, дарога, поле. У мастацкім плане ўсе гэтыя вобразы знаходзяцца ў адзінстве, як бы матэрыялізуюцца бачная паэзія лясоў, рэк, палёў, дарог. «І ўся гэта вялікая разнастайнасць зліваецца ў адзіную мелодыю вечнай песні пра вечную прыгажосць, ва ўрачысты гімн прыродзе, роднай зямлі» [5, с. 54]. Пейзаж займае значнае месца ў трылогіі. Колас добра разумеў невычэрпнасць, бяздоннасць загадак прыроды. Прасачыць погляды Я. Коласа на прыроду — значыць знайсці ключ да разумення філасофскай і этычнай асновы яго творчасці. Без гэтага немагчыма пранікнуць у паэтычны свет мастака, зразумець глыбіню яго народнасці і патрыятызму.

Асноўная частка. Прырода для Я. Коласа — гэта «найцікавейшая кніга, якая разгорнута перад вачыма кожнага чалавека. Чытаць гэту кнігу, умець адгадаць яе мнагалучныя напісы — хіба ж гэта не ёсць шчасце?» [3, с. 11].

Прырода ў Коласа заўсёды цесна звязана з чалавекам, уплывае на яго настрой: то наводзіць смутак, то радуе сваёй прыгажосцю, бо «рытм коласаўскай прозы блізкі да рытму прыроды» [4, с. 37]. «Апошні раз расступіўся лес, і перад вачыма настаўніка раскрылася шырокая круглая палянка, вясёлая і прыветная. Лабановіч уздыхнуў лягчэй, як бы з яго плячэй зваліўся нейкі цяжар...».

Для трылогіі, на думку літаратуразнаўцы Т. І. Шамякінай, «у цэлым не характэрна сімвалічнасць. Але ў асобных выпадках чыста зрокавы вобраз пераходзіць у філасофска-эпічнае абагульненне. Філасофскае адценне маюць у творы вобразы дрэва, дома, дарогі, хлеба» [5, с. 55].

Даволі часта сімвалічны змест набывае вобраз дарогі. У трылогіі словы «дарога», «дарожка» сустракаюцца прыкладна 270 разоў. Часта ўжываюцца лексемы «гасцінец», «шлях», «сцэжка». Можна з упэўненасцю сказаць, што вобраз дарогі ў творы найбольш ужывальны. У слоўніку эпітэтаў беларускай мовы паняцце «дарога» падаецца ў некалькіх значэннях. Па-першае, дарога — паласа зямлі для язды. Па-другое, дарога — паход, паездка, падарожжа. Па-трэцяе, дарога — жыццёвы шлях, кірунак у развіцці народа, краіны [2]. Вобраз дарогі ў трылогіі шматфункцыянальны і дакладна выкарыстоўваецца ва ўсіх згаданых значэннях. Ён узнікае ў творы невыпадкова. Ён звязаны з сюжэтам твора. Галоўны герой Андрэй Лабановіч часта пераязджае з месца на месца і наогул любіць падарожжы. Амаль самы нармальны стан для Лабановіча — знаходзіцца ў дарозе. Яго прыцягвалі «неакрэсленыя далечы, маўклівыя і мудрыя ў сваёй задуманнасці» [4, с. 38]. Ён заўсёды спадзяецца ўбачыць нешта новае за заслонаю сінечы, у ім пастаянны інтарэс да новых мясцін і новага жыцця.

Вобраз дарогі выконвае ў творы некалькі функцый. Гэты сімвал робіць пейзаж дынамічным, маляўнічым, адухоўленым. Вобраз надае твору гістарызм і нейкую асаблівую шырыню, а таксама адлюстроўвае ўнутраны свет галоўнага героя, яго перажыванні, настрой, пачуцці. Наваколле ўздзейнічае на Лабановіча такім чынам, што спрыяе паглыбленню яго засяроджанасці.

«Знаходжанне ў дарозе, язда... цесна звязаны з роздумам герояў, са спробамі асэнсавання імі свайго становішча... Карціны пейзажу, асаблівасці надвор'я пэўным чынам уздзейнічаюць на адчуванні падарожных, часта нясуць сімвалічную нагрузку ў канцэптуальнай будове твора» [1, с. 23].

Вобраз дарогі пісьменнік вымалёўвае ўжо на першых старонках трылогіі. Асаблівасць характару Лабановіча заключалася ў тым, што, усталяваўшыся на адным месцы, ён марыць аб падарожжах, аб неабсяжных абшарах. Багатае ўяўленне настаўніка малое новага дарогі, трасфармуючы пры гэтым

успаміны. «Як толькі заплочыў вочы, перад ім, як жывы, усплыў малюнак дарогі, якою ён ехаў да станцыі...» [3, с. 15]. Гэты вобраз супакойвае Лабановіча, калі вакол цемра, калі на душы так цяжка. Дарога трохі заспакойла. Турботныя і невясёлыя думкі развееліся, бо Лабановіч добра ведае, што гэта самае лепшае лякарства ад усіх напасцей.

Нескладана заўважыць, як прырода ўплывае на ўнутраны стан галоўнага героя, а можа, правільней сказаць, як па-рознаму ўспрымаюцца прыдарожныя малюнкi ў залежнасці ад настрою маладога настаўніка. «Прыроднае і псіхалагічнае ўвесь час супакоіцца, перагукваюцца адно з адным» [1, с. 21].

На пачатку трылогіі паўстае вобраз дарогі «траскай і караністай», але аздобленай вясёлымі палянкамі і прыгожымі павароткамі. І тут жа «высокія тонкія бярозы мяшаліся з шэрымі стваламі хвой і прыдавалі характар маркоты і засмучэння ўсяму малюнку» [3, с. 17]. Часам нават цяжка прасачыць за рэзкімі зменамі настрою акаляючага асяроддзя, а значыць, і настрою Лабановіча. Вось ён у дарозе, радасны і шчаслівы ад кахання. «Штось прыемнае і радаснае ўлівалася яму ў душу ад гэтых новых малюнкаў і ад гэтага размашыстага бегу машыны». Настаўнік зачараваны вясёлымі палянкамі і сакавітымі хвойкамі, поўнымі ласкаю і цішынёй. Ды як можна не любавання старасвецкімі шляхамі, гасцінцамі, нават маленькімі сцяжынкамі, калі ў іх столькі гармоніі, прывабнасці, загадканасці, бо «ў кожнай дарогі і дарожкі былі свой характар, свой нораў» [3, с. 47]. А зусім праз кароткі час мы бачым Лабановіча зноў у дарозе, але на гэты момант пуста і няветла там. Дзе ж зніклі прыветныя павароты? Пакідаючы Цэльшына, галоўны герой назірае статычныя, нерухомыя малюнкi: «лес, нерухліва развесіўшы свае галіны», «вятрак з занямельнымі ў вячэрняй цішы крыллямі». «Дарога крута паварочвала» [3, с. 175], а разам з ёй і само жыццё настаўніка.

Перажыванні героя вельмі дакладна пераносяцца на малюнкi прыроды, калі Лабановіч ідзе на патаемны сход: «...на дарозе ціха і бязлюдна, асенні змрок насоўваецца борзда, звужаючы паземы і націскаючы на знямелья далі». У гэтым эпізодзе кожны малюнак нясе сэнсавую нагрукку, апісваючы неспакой і трывогу настаўніка. Гэта і шэрае неба, і паліцэйскія будкі, і «капшы, дзе захавана бульба на гарэлку» [3, с. 336].

Сімвалічна напоўненым з'яўляецца вобраз лясной дарогі каля Смалярні, што «разгаліньвалася, дзялілася на дзве». Пайшоўшы па адной, Лабановіч бачыць «запушчаныя, маладаступныя нізіны — лужыны, заваленыя галлём». «Густая трава, дзікія кветкі закрывалі маладое пакаленне новага лесу, але ён падымаўся ўгору...». І зусім іншай выглядала другая дарога «з прыземістымі хвойкамі, пышнымі кусцікамі ядлоўцу», што прывяла да цудоўнага сада землеўласніка Сцяпанавы. Усяго на кароткія імгненні чыгач сустракаецца з вобразамі дарогі, лесу, з вяртаўніком, што прыйшоў нібыта з мінулых гадоў, з чырвонымі яблыкамі, але колькі ўзнікае асацыяцый і з будучай рэвалюцыяй, і з перажыткамі мінулага, што «закрываюць маладое пакаленне», і з новай нарастаючай хваляй народнага незадавальнення.

Але вобраз дарогі ў творы аб пошуках месца ў жыцці часам набывае больш глыбокае значэнне. У Коласа звычайная дарога, сцяжынка сярод поля перарастае ў сімвал шырокага жыццёвага шляху [4, с. 37].

«Ад рэфлістычнага ўвасаблення ў рэальным пейзажы да самага вышэйшага плана абагульнення — дарога — шлях пошукаў, шлях інтэлігенцыі, шлях народа ў будучае, у рэвалюцыю» [5, с. 56]. Дарога — гэта сімвал руху наперад, сімвал надзей на лепшую будучыню.

Як выйсці на правільную дарогу? Такое пытанне часта задае сабе малады настаўнік. Але хто можа яго навучыць? Хіба тыя самыя дарогі, «якія маглі прывесці да выйсця з гэтага зачарованага кола». «Трэба было саматугам працярэбіваць дарогі, а дзеля гэтага трэба было ўзысці на іх» [3, с. 183]. Шмат часу спатрэбілася настаўніку, каб выйсці на шлях свабоды і незалежнасці. Колькі сумненняў, няўпэўненасці, страху перад нябачным, але жаданым. «Шмат на гэтай дарозе ям і калдобін, але калі ты чэсны і свядомы чалавек, не бойся, не адступайся ад праўды» [3, с. 504]. І толькі калі прайшоў шматлікія перашкоды, «яму здалася, што ён зараз стаіць на вернай дарозе: стварыць настаўніцкую рэвалюцыйную арганізацыю і весці барацьбу па пэўнай праграме» [3, с. 401].

Заклучэнне. Аўтар надае гэтаму паняццю значэнне руху наперад, значэнне надзеі на нешта лепшае, на лепшую будучыню. Каб выйсці на правільны шлях, шлях незалежнасці і свабоды, Лабановічу спатрэбілася шмат часу. Перацяпеўшы шматлікія перашкоды, Андрэй зразумеў, што «добра быць у дарозе, якую ты сам сабе выбіраеш» [3, с. 465]. Такім чынам, мы бачым, што асноўным у вандраванні Андрэя Лабановіча «па новых дарогах» застаецца верыць, спадзявацца, жыць...

Спіс цытуемых крыніц

1. *Гарадніцкі, І.* Вобразы дарогі і падарожных у трылогіі І. Мележа / І. Гарадніцкі // Роднае слова. — 2003. — № 4. — С. 22—25.
2. *Гаўрош, Н. В.* Слоўнік эпітэтаў беларускай мовы / Н. В. Гаўрош. — Мінск : Выш. шк., 1998. — 603 с.
3. *Колас, Я.* На ростанях / Я. Колас. — Мінск : Маст. літ., 2000. — 383 с.
4. *Тамашова, Л. Ф.* Вывучэнне трылогіі Я. Коласа «На ростанях» у школе / Л. Ф. Тамашова. — Мінск : Нар. асвета, 1976. — 112 с.
5. *Шамякіна, Т. І.* Вобразы мілага роднага краю / Т. І. Шамякіна. — Мінск : Беларус. навука, 2004. — 171 с.

ПІСЬМЕННІКІ ХІХ СТАГОДДЗЯ Ў ЛІТАРАТУРНА-КРЫТЫЧНЫХ АРТЫКУЛАХ МАКСІМА БАГДАНОВІЧА

Уводзіны. Новая беларуская літаратура, станаўленне якой прыпадае на другую палову XVIII — XIX стагоддзё, заклала трывалы падмурак для развіцця класічных асноў літаратуры на пачатку XX стагоддзя, які традыцыйна характарызуецца як перыяд нацыянальнага адраджэння. Асабліва значны ўклад у беларускую крытыку і навуковую думку ўнёс Максім Багдановіч, які лічыцца адным з заснавальнікаў беларускага нацыянальнага літаратуразнаўства.

Шматгранная творчая спадчына Максіма Багдановіча — гэта сведчанне магутнага таленту, якім быў адораны мастак. Багдановіча-крытыка найперш цікавіла творчая індывідуальнасць мастака. Гэта абумоўлівалася разуменнем таго, што духоўныя каштоўнасці ствараюцца ўнутры кожнай асобы, а не ўкараняюцца звонку, яны натуральна выяўляюцца ў творчым працэсе. Да асэнсавання заканамернасцей развіцця літаратуры, яе ўнутраных законаў, узаемадзеяння зместу і формы М. Багдановіч ішоў праз аналіз канкрэтных твораў, праз спасціжэнне самабытнасці індывідуальнага свету творчай асобы. Даследчык «напрямую» выводзіў абумоўленасць стылю мастацкім метадам, агульнымі прынцыпамі засваення рэчаіснасці, падкрэсліваў залежнасць стылю ад характару творчай індывідуальнасці пісьменніка, яго светапогляду і асаблівасцей мастацкага таленту.

Асноўная частка. Максім Багдановіч працягвае ідэйна-эстэтычную канцэпцыю, якую распрацавалі паэты XIX стагоддзя (В. Дунін-Марцінкевіч, У. Сыракомля, В. Каратынскі). Іх мастацкая спадчына цікавіла пісьменніка. Сведчанне гэтаму — літаратурна-крытычныя артыкулы «І. Неслухоўскі», «За сто лет», «Белорусское возрождение», «Забыты шлях». Малады крытык адзначаў: «Пішучы па-польску, апошнія імкнуліся ў сваіх творах раскрыць дух народа, яго маральныя і эстэтычныя каштоўнасці. Як вядома, беларуская мова ў XIX стагоддзі мела “паўлегальнае” становішча. Але гэтага не дастаткова, каб абгрунтаваць значную перавагу польскамоўнай літаратуры. Мяркуюцца, што ёсць і іншыя падставы: па-першае, паэты былі апантаны жадаючы адкрыць свету беларуса, яго характар, культуру, ідэалы, а гэта трэба было рабіць у форме літаратурнай мовы, г. зн. польскай; па-другое, адкрыць селяніна айчынай інтэлігенцыі, якая таксама трымалася польскамоўных форм праяўлення культурнага жыцця» [2, с. 93].

Максім Багдановіч імкнецца абгрунтаваць узнікненне новай беларускай літаратуры XIX стагоддзя з пазіцыі культурна-гістарычнай школы: «Адраджэнне беларускай пісьменнасці належыць да першых гадоў XIX стагоддзя, калі паміж нашай краёвай шляхты патроху пачала вырабляцца інтэлігенцыя. ...Гэтая завіруха збудзіла ў многіх людзей, найбольш са спольшчанай шляхты, пачуццё грамадзяніна, пачуццё любові да роднай старонкі; старонкай жа гэтай для іх была не Варшаўшчына, не Кракаўшчына, а наша беларуская зямля» [2, с. 208—209].

Багдановіч робіць агляд беларускай літаратуры XIX стагоддзя: «Возникла на почве местного “патриотизма” особая “краевая” литература, главным образом польская» [2, с. 265]. Вярыняй яе ён лічыць паэму Адама Міцкевіча «Пан Тадэвуш», сярод найбуйнейшых пісьменнікаў называе Чачота, Баршчэўскага, Рыпінскага. «Предметом “краевой” литературы являлось описание Белоруссии, белорусской природы, белорусского крестьянства и мелкой шляхты, их повседневной жизни и обычаев» [2, с. 266]. У гэтых апісанні, заўважае М. Багдановіч, нярэдка траплялі творы беларускага фальклору, а таксама народная гутарковая мова. Найбольш каштоўны ўклад у беларускую літаратуру, на думку М. Багдановіча, унёс Ян Чачот: «Искренний демократ, горячо любивший белорусский народ, он собирал и издавал произведения народного творчества, писал по-белорусски морализующего характера брошюры, а в сборнике “Piosnki wieśniacze z-nad Niemna” 1845 г. поместил десятка три своих белорусских стихотворений, написанных в подражание народным песням» [2, с. 267]. Завяршаецца, на думку аўтара артыкула, перыяд «краёвай» літаратуры беларуска-польскай «Ідыліяй» В. Дуніна-Марцінкевіча. Трэба адзначыць, што М. Багдановічам упершыню ў XX стагоддзі быў уведзены «фенаменальны» тэрмін — «краёвая» літаратура, які і цяпер актыўна ўжываецца даследчыкамі, бо ў ім закладзены адметнасці развіцця нацыянальнага прыгожага пісьменства. Тэрмін «краёвая» літаратура дае падставу адмяжоўваць мясцовых аўтараў ад уласна польскай літаратуры [1, с. 10].

Асобнае месца ў літаратурным працэсе займае постаць Вінцэнта Дуніна-Марцінкевіча, які сваімі творами («Гапон», «Вечарніцы» і інш.) значна развіваў беларускую літаратуру. Беларускамоўныя творы В. Дуніна-Марцінкевіча адрасаваны селяніну: «Гапон» абуджаў у працаўніка веру ў чалавечую годнасць, «Вечарніцы» і «Купала» раскрывалі каштоўнасць народнага жыцця, традыцыі, красу душы, трываласць маральных норм у прадстаўнікоў сялянства. Багдановіч сцісла падае жыццёпіс пісьменніка, пералічвае яго творчыя набыткі пасля «Ідыліі» — «целый ряд белорусских поэм», аднак крытыкуе аўтара за мастацкую

недасканаласць: «Писатель грузный и тяжеловесный, сосредоточившийся исключительно на эпосе, Марцинкевич писал стихом неизящным и неповоротливым, сплошь отступающим от требований белорусской просодии (влияние польских образцов). Можно даже сомневаться, был ли он вообще поэтом... Однако заслуги Марцинкевича перед белорусской литературой лежат все же не в области художественных достижений, а в области чисто исторической. Они в том демократизме, который веял от сентиментально-народнических поэм Марцинкевича, в той гуманизаторской тенденции, которая явственно проступает из каждой строки... Наконец, ...много писал и много печатая, он возбуждал вокруг своих произведений разговоры и полемику, напоминая о существовании белорусского языка и зародышей белорусской литературы, наводил на вопрос о возможности их дальнейшего развития» [2, с. 269]. У ацэнцы, дадзенай М. Багдановічам Дуніну-Марцінкевічу, ёсць супярэчлівасць: з аднаго боку, гэта буйны талент, які ўплываў на развіццё літаратуры, быў «цэнтрам пісьменніцкага кружка», з другога — недасканалы майстра.

Шэраг крытычных прац М. Багдановіча прысвечаны літаратуры XIX стагоддзя, якую ён успрымаў як натуральны працяг літаратуры старажытнасці. Сярод іх — «І. Неслухоўскі» — няскончаны артыкул, прысвечаны Янку Лучыне, датуецца 1910—1911 гадамі. Аўтар гаворыць аб малой колькасці твораў паэта і неспрыяльнай літаратурнай сітуацыі 80—90-х гадоў XIX стагоддзя, аднак падкрэслівае факт ажыўлення «нацыянальнага самапачуцця», разам з якім «пачала аджываць і замершая лет на 15 беларуская пісьменнасць: перадрукоўваўся Марцінкевіч, з'явілася колькі ксёнджачак Ельскага, пераклад гаршынаўскага апавядання «Сігнал», вершы Бурачка, Каганца, Шункевіча і інш.» [2, с. 183].

Яшчэ адзін артыкул М. Багдановіча — «Булгарин в белорусской шуточной поэме» — быў напісаны ў 1914 годзе для яраслаўскай газеты «Голос». У ім дадзена даволі высокая ацэнка паэмы, якая, на думку аўтара, «во многих местах полна хоть и не очень тонким, но живым и неподдельным юмором, речь её достаточно колоритна и чиста, стих — бойкий, льющийся непринуждённо, вся поэма в целом — беспреценциозна и, между прочим, довольно литературна» [2, с. 254—255]. Пра аўтара, тады яшчэ невядомага, М. Багдановіч гаворыць, што гэта быў «человек русской культуры». Крытык лічыць найбольш цікавым у сюжэце выпад «человека русской культуры» супраць Булгарына і Грэча, «сделанный даже в скромной белорусской литературе» [2, с. 254—255]. Такі акцэнт, магчыма, быў зроблены таму, што М. Багдановіч пісаў для рускай газеты і лічыў, што гэта выкліча цікавасць да паэмы з боку рускага чытача [1, с. 9].

Сярод іншых пісьменнікаў XIX стагоддзя М. Багдановіч вылучае У. Сыракомлю як найбуйнейшага па сіле таленту, В. Каратынскага, А. Вярэгу-Дарэўскага, Я. Францішка Вуля, Ю. Ляскоўскага і інш. Станоўча ацэньвае паўстанцкую публіцыстыку 1860-х гадоў — «Мужыцкую праўду», «Гутарку старога дзеда», «Перадсмертны разгавор пустэльніка Пятра». Багдановіч назваў нямала новых імёнаў пісьменнікаў канца XIX стагоддзя: Хвэлька з Рукшэніц, віцябчанін (Фелікс Тапчэўскі), называе яго верш «Г аспадыня», сёння невядомы даследчыкам.

Максім Багдановіч падрабязна спыняецца на постаці Ф. Багушэвіча: у 1891 годзе выйшла кніга вершаў Мацея Бурачка «Дудка беларуская», а ў 1894-м — зборнік Сымона Рэўкі «Смык беларускі»; «и то и другое принадлежало перу интересного белорусского деятеля Францишка Богусевича» [2, с. 267]. Далей М. Багдановіч падае ў цэлым дакладныя звесткі з яго жыццяпісу. Цікавай з'яўляецца характарыстыка творчасці Ф. Багушэвіча: «Его произведения, глубоко проникнутые национальным и демократическим духом, не блещут изяществом отделки, но зато отличаются большой энергией выражения. Стих его прост и суров; изредка эта суровость сменяется юмором» [2, с. 273]. Багдановіч падкрэсліў важную ролю прадамоў да кніг, у якіх, як ён лічыць, Ф. Багушэвіч з'явіўся першым «проповедником всестороннего национального возрождения белорусов, доказывая, что они представляют отдельный, самостоятельный народ» [2, с. 273].

«У сваіх ацэнках беларускай літаратуры пачатку XIX стагоддзі М. Багдановіч не паграшыў супраць гістарычнай праўды, не перабольшыў заслуг тых, перш за ўсё польскіх, пісьменнікаў, вучоных-археолагаў, гісторыкаў, этнографіаў, якія шчыра ставіліся да справы адраджэння беларускай пісьменнасці. Ён з удзячнасцю гаворыць пра ўсіх прыхільнікаў беларускага народа. Сярод тых, чые заслугі перад Беларуссю высока ацэньваюцца М. Багдановічам, — Зянькевіч, браты Тышкевічы, Кіркоў, Нарбут, Ярашэвіч, Даніловіч, Ліндэ, Чарноўская, Шыдлоўскі, Фалютынскі, Мухлінскі. «На старонках журналаў пачалі з'яўляцца беларускія казкі і песні, у апавяданнях з краёвага жыцця ўвесь час спатыкаліся беларускія выразы, іншы раз гутаркі дзе-якіх асоб пераказваліся нават цалкам па-беларуску, а адсюль ужо недалёка і да чыста беларускіх твораў»» [3].

Заклучэнне. Павышаная ўвага даследчыкаў да нацыянальнай своеасаблівасці літаратуры, да вуснай народнай творчасці, да фальклорных жанраў узгадавана, як мы ўжо бачылі, культурна-гістарычнай школай. Максім Багдановіч у сваім артыкуле змадэляваў шлях перспектыўнага развіцця нацыянальнай літаратуры, даў яго тэарэтычнае абгрунтаванне.

Спіс цытуемых крыніц

1. Максім Багдановіч — празаік, крытык, публіцыст : матэрыялы Міжнар. навуц.-практ. канф., Мінск, 29 ліст. 2005 г. / Літ. музей М. Багдановіча ; уклад. І. В. Мышкавец. — Мінск : РІВШ, 2006. — 124 с.
2. Багдановіч, М. Поўны збор твораў : у 3 т. / М. Багдановіч. — Мінск : Навука і тэхніка, 1993. — Т. 2 : Мастацкая проза, пераклады, літаратурныя артыкулы, рэцэнзіі і нататкі, чарнавыя накіды. — 600 с.
3. Навуковая і літаратурна-крытычная спадчына М. Багдановіча [Электронны ресурс] // Сайт Максима Богдановича. — Режим доступа: <http://www.maksimbogdanovich.ru/stories/249-page-5.htm> . — Дата доступа: 01.11.2016.

ВЛИЯНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ФАКТОРА НА МЕТАМОРФОЗЫ МОТИВОВ ТЕКСТА МАЛЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ФОРМ В СОВРЕМЕННОЙ НЕМЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Введение. Появившись однажды как протест, как критика существующего положения вещей, новелла как жанр на протяжении всего периода своего существования неизменно чутко реагировала на воздействие социокультурного фактора. Актуальность мотивов немецкой новеллы определенного исторического периода всегда зависела и зависит от культурных и политических процессов, протекающих внутри общества.

Основная часть. Литературой поворота называют те художественные произведения, которые являются эстетической реакцией на исторические события падения Берлинской стены и объединение двух немецких государств. К этому термину в своих работах обращаются Д. Корманн и Ф. Т. Груб.

В то же время политическое слияние двух немецких государств не привело к такому же быстрому возникновению ментального единства, более того, вызвало непрекращающиеся взаимно критические реплики в адрес новых «соседей». Показательна лёгкая растерянность, испытанная одной парижской журналисткой во время поездки в Берлин в 1998 году: «Должна признать, что в одном и том же городе я натолкнулась на существование двух различных миров. Один не знал другой. Темы и интересы не имели отношения к другому. Одни чувствовали себя “отделёнными”, “невостробованными” или же начинали упрямо утверждать, что западные немцы испытывают опасения перед ними. Другие полностью игнорировали восточное культурное пространство или единственно признавали его молодых представителей» [1].

С этого же момента в художественной литературе расширилось и понятие «немецкое прошлое», прежде традиционно рассматривавшееся как иное обозначение периода нацизма. Современный литературовед М. Баслер писал: «В ФРГ “немецкое прошлое” было синонимом для 1933—1945 гг., в крайнем случае, для непосредственно послевоенной поры. Все опубликованные воспоминания, даже тех, кто был рождён после 1945 г., невольно адресовались времени национал-социализма, войны и послевоенного стыда». Однако после падения Берлинской стены понятие «прошлое» распространилось и на всю историю послевоенной Германии вплоть до объединения. Здесь следует сослаться на рассказ Бернхарда Шлинка «Скачок в сторону» (“Der Seitensprung”, 2000), где под «прошлым» понимается период истории ГДР 1970—1980-х годов.

Представление облика новейшей немецкой литературы в целом оставалось до настоящего времени открытой проблемой. После объединения страны заметно увеличился не только национальный, но и международный интерес к произведениям немецкоязычных авторов. Творчество Г. Грасса, Г. Бёлля, З. Ленца или К. Вольфа пользовалось успехом всегда, однако лишь в начале XXI века на этот уровень признания вышли и другие писатели (прежде всего Б. Шлинк). После объединения ФРГ и ГДР изменилась культурная роль Берлина, который не только превратился «в самый крупный центр литературной жизни страны», но и стал «самостоятельной темой современной немецкоязычной прозы». Ещё одно важное обстоятельство, требующее уточнения, заключается в возникшем в конце века сосуществовании «разновозрастных» писательских групп. Продолжали творить и выходить к читателю те, кто составил себе имя ещё почти полвека назад: Г. Грасс, М. Вальзер, К. Вольф, а также Г. Бройн, К. Хайн, У. Пленцдорф, чьи культурные предпочтения сформировались достаточно давно.

Особенный читательский интерес внутри самой Германии обратился к творчеству молодых авторов, рождённых на востоке страны и вышедших к публике уже после падения Берлинской стены (Т. Бруссиг, И. Шульце). В целом же авторы Восточной Германии, избежавшие в отличие от западных современников увлечения постмодернизмом, играют весьма заметную, едва ли не ключевую роль в литературной жизни новой Германии.

Давний разговор о поколениях, связанный с проблемой «отцов и детей», сопрягался в 1990-е годы с попытками подобрать хотя бы приблизительно верное определение для поколений настоящего. Как иронично заметил Р. Ханзелле в своей статье о поп-культурном квинтете «Королевская грусть» (“Tristesse Royale”): «В последние годы много было написано не только о собравшихся здесь так называемых “чудо-парнях” немецкой литературы, но и вообще об особенностях их возрастной группы. Даже слишком много, если подумаешь, как часто старались дать этому поколению имя». «Поколение X», «поколение Гольф», «поколение 1989-го года», «поколение наследников» — посредством этого набора терминов можно было бы охватить всех ныне пишущих: от 15 до 35 лет.

Современные литературные тенденции обнаруживаются в поэтике произведений крупнейшего немецкого писателя конца XX — начала XXI века Патрика Зюскинда. Он расценивает свое писательство как отказ от «беспощадного принуждения к глубине», которого требует критика. Его герои обычно

испытывают сложности в поисках своего места в мире, в установлении контактов с другими людьми, от любого рода опасностей они склонны замыкаться в своем маленьком мирке. Писателя интересуют также темы становления и крушения гения в искусстве. Новеллы Зюскинда («Голубка» (1987); «История о господине Зоммере» (1991); «Тяга к глубине»; «Сражение» и «Завещание метра Мюссара» (1995)) проникнуты мотивом трагизма мироощущения человека, пытающегося найти свое место в экзистенциальном лабиринте. Одиночество воспринимается писателем как страшный симптом внутреннего распада, разрыва с «другим» миром, живущего по «другим» законам. Для его героев характерны, как правило, добровольное отстранение от причастности к обыденности, универсальное «европейское одиночество» [2], попытки преодолеть страх перед миром. Но экзистенциальная трагедия отчуждения предельно усугублена особенностями литературы постмодернизма, провозглашающей ситуацию тотальной пародийной игры.

«Человек информационный», «человек потребляющий» становится центральным мотивом многих новелл на рубеже XX—XXI веков. Быстрое развитие компьютерных технологий, растущий авторитет научных сообществ, централизация принятия решений — вот основные тенденции сегодняшнего общества, нашедшие отражение в современных новеллах. Машины, как наиболее важная форма капитала, вытесняются теоретическим знанием, а корпорации, как центры социального авторитета, — университетами и исследовательскими институтами; основным условием социального продвижения становится не обладание собственностью, а владение знаниями и технологиями.

«Осью» постиндустриального общества являются, прежде всего, научное знание и информация. На рубеже XX—XXI веков происходит переосмысление понятия постиндустриального общества как информационного. Массмедиа превратились в своего рода «церковь» современного общества и вполне могут перерасти в некую «сверхвласть» в государстве. Несмотря на очевидно положительную функцию, выполняемую средствами информации, существует опасность, что человек окажется в рабстве у новых технологий, которые манипулируют побуждениями, представлениями, желаниями и чувствами человека. В этой ситуации массовая культура постепенно становится определяющим явлением в духовной жизни общества.

Происходит своеобразный отрыв от подлинной реальности. Люди все больше погружаются в сферу грез и фантазии, где иллюзии воспринимаются как реальность. Это — сознание внушаемого человека, наделенного множеством социальных ролей, приспосабливающегося конформиста, человека, который потерял связь со своим подлинным «Я», идентифицируясь с вымышленными героями и кумирами, человека, не желающего возвращаться к истокам своей души, к своему подлинному предназначению и самобытности, превращающегося в «просто продукт».

Современные новеллисты все чаще обращаются к мотивам изменения культурного слоя в условиях нового качественного уровня информационного пространства и влияния этих изменений на духовное состояние личности, опасности превращения людей в «покупательные машины» (Д. Коупленд «Поколение Икс», К. Вала «Туристы», У. Сатклифф «Новенький», Дж. Куликья «Все равно тебе водить» и др.). Эти и многие другие вопросы вряд ли будут однозначно решены в ближайшее время, поскольку процесс структурирования информационного общества пока находится в самом начале. Различные обобщающие гипотезы если и выдвигаются, то носят весьма приблизительный характер. В то же время культурные потребности в изменении общества в связи с новым качеством «человека информационного» ощущаются достаточно сильно.

Феномен «потребительской цивилизации» нашел отражение в новеллистике второй половины XX — начале XXI века. Мир в представлении новеллистов представал как «поле битвы за покупателя». Писатели показывали, как человек по мере продвижения по социальной лестнице и увеличения материального благополучия свыкается с монотонностью своего абсурдного существования, а его чувства и идеи, созданные им художественные образы превращаются либо в предмет купли-продажи, либо в тему для салонной болтовни (Д. Веллерсхоф «Морской берег в двойном освещении» (1974)). Современный человек с трудом находит дорогу к «себе настоящему», чувствуя себя потерянным в потоке взаимосменяемых вещей, услуг, идей и информационных сообщений (С. Бенни «Ахилл быстроногий» (2003)).

Вирус потребительства, проникая в человеческие отношения, мертвит живые чувства, души любовь. Если основным содержанием бытия становится приобретение и материальный комфорт, человек обезличивается, превращаясь в отражение рекламного образа (К. Остер «Моя большая квартира» (2003)).

Заключение. После объединения Западной и Восточной Германии заметно увеличился не только национальный, но и международный интерес к произведениям немецкоязычных авторов. Особенный читательский интерес внутри самой Германии обратился к творчеству молодых авторов, рожденных на востоке страны и вышедших к публике уже после падения Берлинской стены. Анализ социокультурных факторов, повлиявших на изменения мотивов текста малых художественных форм в современной немецкой литературе, показал, что современная новелла позволяет автору выразить свое отношение к окружающей действительности, в мотивах новеллы отражаются мысли и чувства эпохи, «человек информационный», «человек потребляющий» становится центральным мотивом многих новелл, феномен «потребительской цивилизации» нашел отражение на мотивном уровне современной новеллы, предельного звучания достиг мотив абсурдного мира и затерянного в нем экзистенциального существования.

Список цитируемых источников

1. Пронин, В. А. Современный литературный процесс за рубежом : учеб. пособие / В. А. Пронин. — М. : Логос, 2012. — 260 с.
2. Мжельская, А. С. Мотивы зрительных ощущений в новеллистике П. Зюскинда / А. С. Мжельская // Вестн. Самар. гос. ун-та. — 2007. — № 5/3. — С. 54—59. — (Серия «Литературоведение»).

УДК 821.161.3-31.09

К. Ю. Гарбачова

Установа адукацыі «Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П. М. Машэрава», Віцебск

ІДЭЙНА-МАСТАЦКАЯ СПЕЦЫФІКА АПАВЯДАННЯЎ МАКСІМА БАГДАНОВІЧА

Уводзіны. Сярод творчай беларускай інтэлігенцыі ў літаратуры дарэвалюцыйнай пары няма іншай больш каларытнай постаці, як Максім Багдановіч. Ён — яркавы прадстаўнік ХХ стагоддзя, класік, празаік, паэт і перакладчык.

Асноўная частка. Творчасць Максіма Багдановіча ўспрымаецца сёння як узорная, класічная, універсальная. У гісторыі беларускай літаратуры яна з'яўляецца яркім прыкладам наватарства — канструктыўнага адмаўлення традыцыі, творчага развіцця лепшых дасягненняў сусветнай літаратуры.

Сваёй дзейнасцю Максім Багдановіч унёс вялікі ўклад у станаўленне беларускай літаратуры. Письменнік адлюстравуе ў апавяданнях духоўнае жыццё эпохі, закранае важныя грамадскія пытанні свайго часу, у тым ліку і пытанні сапраўднай маральнай прыгажосці чалавека, што не страціла сваёй значнасці і да нашых дзён. Творчая спадчына Максіма Багдановіча з'яўляецца не толькі праявай багатай інтэлектуальнай дасведчанасці, але і смелым прыкладам у кантэксце нацыянальнай літаратуры пачатку ХХ стагоддзя. Канцэптуальная ўстаноўка паэтычнай эстэтыкі мастака створана на сумежжы навукі і мастацтва, сінтэзе рацыянальнага і эмацыянальнага. Наватарская па сваёй сутнасці, творчасць Максіма Багдановіча стала адмысловай эпохай у далейшым духоўна-культурным развіцці беларускай нацыі.

У айчынным літаратуразнаўстве мастацкая проза Максіма Багдановіча вывучана яшчэ недастаткова поўна, што тлумачыцца многімі прычынамі. Адна з іх у тым, што шырокая папулярнасць Багдановіча як выдатнага паэта і перакладчыка міжвольна адбілася на ўспрыманні яго празаічных твораў. На наш погляд, выключэннем сталі хіба што апавяданні «Музыка», «Апокрыф», «Сон-трава», у якіх выкладаецца эстэтычнае крэда пісьменніка, яго погляды на ролю і месца мастацтва ў жыцці народа.

Яшчэ трэба мець на ўвазе і тое, што многія празаічныя творы Багдановіча на працягу доўгага часу заставаліся невядомымі даследчыкам і чытачу. Проза Максіма Багдановіча адметна тым, што аўтар не паўтараў вядомых на той час ідэйна-мастацкіх схем з адпаведных узораў Якуба Коласа, Ядвігіна Ш., Максіма Гарэцкага, Змітрака Бядулі, а імкнуўся ісці сваёй дарогай, шукаў сваю тэму, якая стала для яго тэмай адухоўленай Красы, самаадданага служэння мастака свайму народу.

Аповяданні пісьменніка з'яўляюцца рэалістычнымі, цесна звязанымі з канцэпцыяй нацыянальнага адраджэння беларусаў. Любоў да Радзімы — адна з галоўных тэм апавяданняў Багдановіча. Аўтар паказвае моцную сувязь простых людзей з Беларуссю, роднай зямлёй. Яго творы насычаны багаццем рэчавага, прадметнага свету і шматаспектнай эпічнай інтанацыяй. Трэба адзначыць, што ў празаічных творах Максіма Багдановіча рознабакова раскрываецца эстэтычна-філасофская канцэпцыя жыцця, з чым карэлюецца пэўная канструктыўнасць, рацыянальная выяўленасць ідэі твора. Так, у апавяданні «Музыка» Багдановіч сцвярджае актыўную грамадскую ролю мастацтва, звязанага з народным жыццём, яго вялікую сілу ўздзеяння на жыццё, неўміручасць. У апавяданні «Апокрыф» аўтар паказвае народную патрэбу ў мастацтве, у разуменні характара як фактару духоўнага ўзбагачэння, жыццядзейнасці чалавека, узаемадзеянне традыцыйнага і наватарскага як закон мастацкага развіцця, мастацкай уласцівасці. У апавяданні «Шаман» Багдановіч сцвярджае чалавечую прагу мары, духоўнай вышыні. У празаічных творах беларускага класіка заўважаецца паэтычнасць аўтарскага светаадчування, імкненне адкрыць светлае, інтэлектуальнае ў дзяцінстве, жаночай душы, свеце народных песняроў, у прыродзе, мастацтве, нацыянальнай гісторыі, гармоніі жыцця, багацці яго праяўленняў. Абвострана ўспрымаюцца і драматычныя, трагічныя аспекты жыцця — у лёсе народных талентаў ва ўмовах несправядлівага грамадства, у вайне з яе смяротным вынікам, у перыпетыях кахання, нечаканасці дзіцячых страт, раптоўнасці пераходу ад радасці да бяды.

Сваімі апавяданнямі аўтар пашыраў жанравыя межы беларускай прозы пачатку ХХ стагоддзя, у якой тады моцна адчуваліся этнаграфізм, натуралістычнае бытапісальніцтва. Гэтыя рысы ўносілі ў яе свежы струмень, новыя фарбы. Тэма мастацтва як з'ява духоўнага парадку (апавяданні «Вясной», «Марына»), тэма красы (апавяданні «Музыка», «Аповяданне аб іконніку і залатару»), што ўзвышае чалавека, сваё вобразнае ўвасабленне знаходзілі не толькі ў творчых формах, аснову якіх Багдановіч

запачытаў з арсенала паэтычных жанраў ці са старажытнай пісьменнасці (апавяданне «Апокрыф»), але і з традыцыйных сюжэтных структур (апавяданне «Шаман»).

Максім Багдановіч сваімі творамі перш за ўсё прывіў беларускай літаратуры эстэтычныя якасці, якіх яна яшчэ не мела, раскрыў светаадчуванне простага чалавека, яго эмацыйнасць, асабістае багацце ўнутранага свету. Багдановіча цікавіла гісторыя Радзімы, якая таксама адлюстроўваецца ў творах. Ён захапляўся міфалогіяй з яе дзіўнымі вобразамі, нападўняў свае апавяданні філасофскімі роздумамі аб сутнасці Быцця.

Заклучэнне. Максім Багдановіч стаіць у шэрагу тых першапачынальнікаў беларускага адраджэння, хто спрабаваў паказаць месца і ролю беларуса ў гісторыі і часе, сфармуляваць нашу нацыянальную ідэю, асэнсаваць шляхі далейшага развіцця суайчыннікаў. Заслуга Багдановіча заключаецца ў тым, што ён даследаваў не толькі беларускае, але і агульнаславянскае адраджэнне. У гістарычнай перспектыве класік бачыў незалежнасць кожнага народа, яго творчы росквіт, супрацоўніцтва. Пісьменнік быў адным з нямногіх, чые творы друкаваліся па-за межамі Бацькаўшчыны і былі шырокавядомыя.

У сваіх апавяданнях аўтар трактуе жыццё, аднаўленне прыроды ў ім як адвечную крыніцу характа, а здольнасць чалавека адчуць, прасякнуцца ім — як здольнасць да вышэйшай асалоды, рух жыцця — як працэс узаемадзеяння прыроды і чалавека, паэтычнага і звычайнага, радаснага і балючага.

Максім Багдановіч — лепшы прадстаўнік беларускай літаратуры свайго часу. Ён уваходзіць у шэраг вялікіх творцаў свету як роўны сярод роўных.

УДК [821.162.1+821.161.1]-343.4.09

В. Ю. Горохова

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П. М. Машерова», Витебск

ЖАНР СКАЗКИ В ПОЛЬСКОМ И РУССКОМ ФОЛЬКЛОРЕ: СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Введение. Отношения между Россией и Польшей нельзя назвать простыми, так как часто история этих государств переплеталась, сопровождаясь то военными конфликтами, то временами хрупкого перемирия. Это не могло не повлиять на культуры обеих стран, на такие её составляющие, как национальный язык, фольклор, литература, которые определяют лицо нации, её духовное наследие. Народная культура — это многовековой опыт народа, кристаллизованный в его традициях, верованиях, обрядах, материализованный в предметах искусства, труда и быта. В сложных исторических условиях особая роль (как у поляков, так и у россиян) отводилась устному народному творчеству. Актуальность исследования заключается в том, что именно через фундаментальные жанры устного народного творчества, такие как сказка, можно проследить индивидуальный путь духовного становления той или иной нации. Благодаря народным сказкам мы можем определить, как разные народы относятся к проблемам нравственности. Сказка — один из самых значительных фольклорных жанров. Как известно, «сказочная фантастика, выраженная в специфических формах, с особой остротой выражает устремления народа, его мечты, желания, надежды» [1, с. 45]. Данный жанр устного народного творчества достаточно хорошо изучен литературоведами. Цель нашего исследования: выявить общие и отличительные черты польской и русской сказки, сравнить сюжеты, мотивы, основные образы.

Основная часть. В сказках о животных, которых в польском фольклоре преобладающее большинство, чаще всего побеждает дружба, зло наказывается, слабый хитростью одолевает сильного. Так, в сказке «Баран и волк» барану удается провести волка, а в сказке «Конь, вол, петух, кот и рак» животные выгоняют из избы чертей. То же самое наблюдается и в русской сказке («Волк и семеро козлят», «Кот, петух и лиса»). Отношения положительных героев в бытовой сказке, равно как и в волшебной, строятся на принципах добрососедства и взаимопомощи: персонажи держат своё обещание и помогают попавшим в беду. Однако некоторым польским сказкам присущ шутливый конец при собственно трагической развязке сюжета. Так, в сказке «Кот и курица», идентичной русской народной сказке «Кот, петух и лиса», кот, увидев курочку, которую он неоднократно пытался спасти, зажаренной, с горя съедает её. «Займствование всегда совершается путем сложнейшего процесса “органической” переработки заимствуемого сюжета или мотива в новой воспринимающей среде. При этом сказка подвергается, прежде всего, действию закона бытового и социального переосмысления, национально-социальной акклиматизации. Попадая к разным классам, сказка облекается в конкретные образы, тенденции и целеустановки враждующих и борющихся классов, подменяя соответственно мотивы, эпизоды, образы, цели» [2]. Тот же мотив победы слабого над сильным встречается и в бытовых

польских и русских сказках, где происходит противопоставление богатства и бедности, и только народная находчивость и хитрость помогают справиться с нуждой (пол. «Как люди богатеют», «Как мужичок Бурачок пана в дураках оставил», рус. «Барин и собака», «Глупая барыня»). Польские и русские бытовые сказки ироничны и язвительны, те и другие проникнуты чувством ненависти к тем, кто хочет поживиться за счёт народа, желанием восстановить справедливость. В польской сказке ярко отразилась привычка народа к труду, его ответственное отношение к работе. Например, в сказке «Великаны и храбрый пастушок» Павлуша больше беспокоится об убитых овцах, которых ему было поручено пасти, чем о богатствах, кои ему неожиданно достались. Как особенность следует отметить факт проникновения в польскую волшебную сказку социальных мотивов и бытовых деталей, которые широко распространены в сказке бытовой (пол. «О стеклянной горе»). Также в ней характерно смешиваются персонажи высокого социального положения (князя и короли) с героями-простолюдными (пастухами, мельниками, кузнецами, рыбаками). Часто в польскую сказку проникают религиозные мотивы, в ней очень заметна своеобразная фигура чёрта, которую народ видит иначе, чем то предписывает католическая христианская традиция. «Еще Казимир Вуйцицкий на основании многочисленных сказок о чёрте описывает его внешность и повадки, замечая при этом, что польский чёрт не так страшен, как чёрт на Руси» [3, с. 6]. Церковь рисует Сатану как нечто, нагоняющее злоешищий ужас, однако в устном народном творчестве Дьявол оказывается глупее среднего крестьянина. Так, в сказке «Мазур чёрта хитрее» мужик обманул Дьявола, когда заключил с ним договор о продаже души за деньги, но с тем условием, что отдаст её, когда все зелёные листья с деревьев опадут. Когда же чёрт пришёл по душу крестьянина, чтобы забрать её, тот показал бесу вечнозелёную сосну и поглумился над дурачком. Даже название этой сказки говорит о том, что чёрт, который должен пленять и похищать людские души, с этой задачей не справляется.

Попытки одурачить чёрта выявляются и в распространённом сюжете легенды о пане Твардовском, которому, однако, обмануть Дьявола так и не удалось. В сказке «О Добродневском» нечистая сила восстанавливает справедливость, наказывая злых и одаривая счастливой жизнью добрых людей, нередко она же и заступается за несправедливо обиженных, как, например, в сказке «Дар чёрного лешего», в которой Водяной отчитывает Лешего за то, что тот украл краюху хлеба у бедняка. В сказке «Как чёрт монахом был» за подобный проступок антихрист ссылает чёрта в монастырь. С этой стороны представляет интерес и польская сказка «Про Дьявола и Господа Бога», которая в юмористической форме пытается показать привычку воцерковлённого человека все благие дела приписывать пособничеству Бога, а дурные — проказам Дьявола. Таким образом, акценты в этой сказке смещаются: чёрт не так зол, а Бог не так благостен, как учит религия. Похожая ситуация и в русской народной сказке, о которой некогда А. Н. Афанасьев писал: «Чёрт здесь не столько страшный губитель христианских душ, сколько жалкая жертва обманов и лукавства сказочных героев: то больно достается ему от злой жены, то бьёт его солдат прикладом, то попадает он под кузнечные молоты, то обмеривает его мужик на целые груды золота» [4, с. 113]. Любопытна в этом отношении сказка «Солдат, чёрт и смерть», где сосуществуют независимо друг от друга нечистая сила и смерть, однако именно смерть сводит героя в могилу, что свидетельствует о её преимуществе над нечистыми. Если говорить о темах, которые объединяют русскую и польскую сказку, то можно выделить такие лейтмотивы, как противоборство богатства и бедности, жадности и щедрости, ума и глупости, встреча человека с нечистыми или небесными силами, обличение таких пороков, как зависть, лень, пьянство, трусость и восхваление мудрости, доброты, преданности, любви, смелости, силы знания и искусства.

Герои сказок часто пытаются найти смысл жизни, иногда для этого они отправляются в путешествие. Мотив странничества характерен для польской сказки, где часто персонажи покидают родимый дом по разным причинам: кто-то ищет лёгкой жизни, как Бартек; некоторые ищут работу, как храбрый пастушок Павлуша; кто-то хочет сыскать военную славу или сделаться королём. Нередко этот мотив перемежается с мотивом освобождения от гнета господ, как, например, в сказке «Конь, вол, петух, кот и рак», где кот устами народа провозглашает: «Да здравствует свобода!» [3, с. 228], а в «Золотой девочке» волшебная яблоня говорит: «В неволе я увяла и высохла, а на воле опять расцвету» [3, с. 236]. С этим же связана популярность легенд о спящих рыцарях, которые ждут своего часа в заколдованных башнях. Именно они символизируют дремлющую военную силу Польши во времена национального порабощения. Русскую сказку от польской отличает ещё и то, что в последней намного чаще встречаются имена собственные, обозначающие названия польских городов (Варшава, Краков, Кельце, Олькуш), архитектурных объектов (Вавель, Марицкая башня), есть и лексемы, отражающие реалии польской действительности разных эпох (вельможный пан, грамота, подати, воевода, грош, ксёндз и т. д.). Композиционно русские и польские сказки похожи: и в тех и других присутствуют такие традиционные элементы, как зачин («Давным-давно...»), «Жили-были...», «В некотором царстве, в некотором государстве...»), основная часть, концовка и присказка («И я там был...», «Живут-поживают, добра наживают» и т. п.). Польская сказка, как и русская, обнаруживает пристрастие к числам и формулам. Для русской сказки характерны числа «3», «2», «12», в польской часто встречаются «3», «6», «7», «12». В сказках часто встречается тройка персонажей (три сына (дочери) сказочного царя, три бабы-яги, три чёрта), герои проходят три испытания, находятся в пути три дня и три ночи. Долгое время число «3» было для многих народов пределом счёта, символом полноты, счастливым числом.

Заклученне. Рэзультаты, атрычаныя ў ходзе даследавання, дазваляюць пазглянуць на становленне нацыянальнага характара рускага і польскага народа, асабнасці іх быта і менталітэта. Выявланы якасці і рыткі чалавечэскага характара, лічаныя найважэйшымі, лепшымі, і рыткі, поріцаемыя народам. Прааналізаваныя сказочныя сюжеты дапамаглі нам лепш пазнаць культуру рускага і польскага народаў і знайсці ў іх многа агульнага. Очевідна, што гэта сходства вызначае факт, што гэтыя народы маюць агульныя старонкі гісторыі, якія ўзаемна павплывалі на менталітэт і свядомасць полякоў і рускіх. У польскіх і рускіх сказках адраіліся прадстаўленні працоўнага народа аб добра і зла, сацыяльнай справядлівасці, маральнае, а іногды і інтэлектуальнае прывосходства простага народа над эксплуатацыйнікамі. Іменна гэтыя выражаныя ў сказочных сюжэтах надзеі і чаюння людзей аб'яднаюць сказкі ўсіх краін сусвету.

Спісок цытуемых крыніц

1. Анікін, В. П. Русская народная сказка : пособие для учителей / В. П. Анікін. — М. : Просвещение, 1977. — 208 с.
2. ФЭБ: Сказка [Электронный ресурс] // Литературная энциклопедия. — 2003. — Режим доступа: <http://refdb.ru/look/3320811-pall.html>. — Дата доступа: 07.10.2016.
3. Щербакова, А. Польские народные сказки / А. Щербакова, Я. Мацюсовіч. — Л. : Художеств. лит., 1980. — 328 с.
4. Афанасьев, А. Н. Народные русские легенды / А. Н. Афанасьев. — М. : Директ-Медиа, 2014. — 266 с.

УДК 821.161.3*Я.Сіпакоў

В. У. Гулькевіч

Установа адукацыі «Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны», Гомель

ЖАНРАВЫЯ ПОШУКІ Ў ТВОРЧАСЦІ ЯНКІ СІПАКОВА

Уводзіны. Праблема жанру з'яўляецца адной з найбольш складаных у літаратуразнаўстве. Гэта тлумачыцца прыродай самога жанру, яго зменлівасцю пад уплывам зрухаў у сацыяльным і духоўным жыцці грамадства. Кожная гістарычная эпоха абумоўлівае ўзнікненне спецыфічных жанравых форм. Калі мець на ўвазе літаратуру апошніх дзесяцігоддзяў, то асабліва лёгка заўважыць тэндэнцыю да абнаўлення многіх жанравых структур, іх узаемапраціканне і ўзбагачэнне на гэтай аснове. Сінтэз мастацкіх форм — працэс настолькі пашыраны, што адноснасць жанравай чысціні ўжо не выклікае сумнення. Нягледзячы на тое, што прырода пэўнага літаратурнага роду захоўваецца, «змяшанасць», сінкрэтычнасць шмат у чым адрознівае многія жанравыя структуры ад іх класічных узораў. Даследчык А. Яскевіч ахарактарызаваў гэтую з'яву як «перафарміраванне, дынаміку жанраў» [1, с. 169].

Асноўная частка. Янка Сіпакоў — адзін з нямногіх беларускіх пісьменнікаў, у чыёй творчасці заключаюцца вялікія мастацкія патэнцыі ўніверсальнага плана на мяжы двух амаль узаемавыключальных родавых утварэнняў літаратуры — эпікі і лірыкі. Духоўная і творчая эвалюцыя гэтага творцы ўяўляе досыць цікавы феномен у сучаснай беларускай культуры, калі энцыклапедызм творчых памкненняў, скіраванасць на жывы і рухомы эстэтычны аб'ект, на адноснасць жанравых форм і абсалютнасць духоўнага зместу гавораць аб аўтары як аб унікальнай творчай індывідуальнасці.

Глыбокая інтэлектуальнасць яго творчасці вынікае з ведання фальклору, міфалогіі, гісторыі народаў свету і ўвасабляецца ў надзвычай шырокай жанравай палітры, якая ўключае і класічныя формы (санеты, трыялеты, балады), і верлібр, і прозу (лірычныя мініяцюры, апавяданні, аповесці), і публіцыстыку (нарысы, артыкулы). Аднак якімі б разнастайнымі па родава-жанравым выяўленні ні былі яго творы, ён застаецца паэтам. Як слухна заўважае даследчыца А. Лысенка, «паэтычнасць светаадчування вызначае стыліявую дамінанту вершаў, апавяданняў, аповесцей, нарысаў Янкі Сіпакова і адпаведна — месца гэтага пісьменніка як прадстаўніка лірычнага напрамку ў сучаснай беларускай літаратуры» [2, с. 3].

Адзначым, што ўжо першая кніга «Сонечны дождж» (1960) спалучае ў адзінае цэлае лірыку і эпас, фактычна ўвесь зборнік уяўляе сабой ліра-эпічную паэму. Менавіта адсюль была пракладзена вялікая дарога, ад якой потым пойдучы ў розныя бакі шляхі майстра як паэта, празаіка, нарысіста, публіцыста, эсэіста, сатырыка і перакладчыка.

Аўтар часам «у палоне» эпічнай змястоўнасці, вершам тады не стае рухомасці і прасторы, імкнення палёту. Адноснае свабоду на шляху гарманічнага паяднання разнародных стыхій паэт набыў у зборніку «Лірычны вырай» (1965), калі думка аўтара набірала сваю сілу і моц. У гэтай кнізе Янка Сіпакоў, па словах М. Стральцова, «таленавіта адмовіўся ад сябе, ад сваёй здольнасці пісаць вершы — у імя здольнасці мысліць імі» [3, с. 176].

Новая «выпакутаная» паэзія з'яўляецца ў зборніку «Дзень» (1968), у якой свет значна ўскладнены і не пазначаны аднамернасцю метафізічнага прымітыву. Лірычны эстэтызм паэта знаходзіць сваё завяршэнне не ў паэзіі эпічнай, іманентнай прыгажосці, а ў паэзіі залежнай красы, дзе на першым плане стаіць духоўны пачатак, які толькі і можа ўратаваць свет.

Значным дасягненнем на шляху спасціжэння гісторыі як самакаштоўнасці стала кніга «Веча славянскіх балад» (1973), якая спалучыла ў сабе жанрава-стыльваю шматстайнасць мастацтва. Баладная форма аказалася асабліва спрыяльнай для сінтэзу ўзаемавыключальнага і разнароднага матэрыялу. Баладу ў гэтым аспекце можна ўмоўна характарызаваць як досыць сінтэтычнае ўтварэнне, але з перавагай драматычнага зместу.

Цікавым у плане душэўнага сталення лірычнага героя з'яўляецца зборнік паэзіі «У поўдзень, да вады» (1976). Самым важным тут з'яўляецца вынік духоўнай эвалюцыі пісьменніка. Уся кніга запоўнена незвычайнай душэўнасцю, адчуваннем нейкага шчыmlівага болю за чалавека. Як адзначае навукоўца Д. Санюк, «вызначальнай рысай у творчасці Я. Сіпакова з'яўляецца тое, што эпічная гэндэнцыя неад'емна суіснуе разам з лірычнай стыхіяй. Чыста лірычных вершаў у яго амаль няма. Янка Сіпакоў заявіў пра сябе як лірык з эпічнымі пошукамі або, лепш сказаць, як эпik з «лірычным голасам» [4, с. 677].

Імклівая і шматстайная эстэтыка мастацкіх форм прывяла Я. Сіпакова да стварэння цыкла санетаў «Жанчына». Творца выкарыстоўвае адну з самых камерных лірычных форм — санет, якая тут сапраўды, па словах А. Лысенкі, «у пэўнай меры знімае “стомленасць” верлібра» [2, с. 92].

Кніга паэм у прозе «Ахвярны двор» (1991) вызначаецца скіраванасцю да жаклівых трагедый веку — землятрусу ў Арменіі і Чарнобыльскай катастрофы, а таксама да драматычнага лёсу Т. Шаўчэнкі і лёсу Абхазіі, да ўражанняў ад наведвання пушкінскага Міхайлаўскага. Моцны публіцыстычны элемент кнігі — вынік пісьменніцкай неабякавасці да жыцця, калі знешні свет стаў унутраным болем паэта. Мастацкасць спалучаецца з выразнай адкрытасцю пачуцця пісьменніка, калі патрэбна адэкватная форма выражэння набалелага на душы.

Як празаік Янка Сіпакоў пачаў сваю творчасць з нарысаў «Акно, расчыненае ў зіму», «Даверлівая зямля», «Па зялёную маланку», «Там, дзе Сібір», якія склалі асобную кнігу «Па зялёную маланку» (1971).

Пасля з'яўлення першай кнігі прозы «Крыло цішыні» (1976) з падзагаловак «Кніга вёскі». Пераход да прозы вельмі натуральны для паэта. Хутчэй за ўсё гэта вытлумачаецца скіраванасцю таленту пісьменніка да аб'ектывізму. І калі паэтычна-суб'ектыўны бок таленту адлюстравання жыцця знайшоў дастаткова поўнае ўвасабленне ў шэрагу кніг паэзіі, то эпічна-аб'ектыўны яшчэ не выявіўся цалкам, хоць ён вельмі значны для паэта. Сацыяльна-аб'ектывізаваныя структуры аўтара патрабавалі празаічнай сферы, дзе і магла з'явіцца пэўная тоеснасць паміж творчым памкненнем і яго рэалізацыяй. Суб'ект лірыкі Я. Сіпакова нібы пераходзіць у прозу і апасродкавана праз шэраг знешніх узаемаабумоўленых элементаў становіцца раўназначным аб'екту. Сюжэтнасць, прадметнасць і канкрэтнасць, якія былі відавочнымі ў лірыцы і асабліва ў баладах мастака, атрымалі працяг у прозе, дзе гэтыя элементы набылі сваё натуральнае і ўласна-самастойнае жыццё.

У наступнай кнізе прозы Я. Сіпакова «Жанчына сярод мужчын» (1980) аўтар пайшоў па шляху далейшай эпiзацыі. Апавяданні з гэтай кнігі закранаюць важныя праблемы духоўнага жыцця як на вайне, так і ў мірны час. Як зазначае Д. Санюк, «“чалавек сярод людзей” — стрыжнёвая лінія апавяданняў» са згаданай кнігі [4, с. 676].

Пошукі ў жанравых межах апавядання Я. Сіпакоў працягнуў у сваіх наступных кнігах «Спадзяванне на радасць» (1983) і «Пяць струн» (1984). Аўтар развівае папярэднія матывы сваёй творчасці, калі можна «з упэўненасцю гаварыць аб абумоўленасці мастацкага ўзроўню твора мерай яго духоўнасці» [2, с. 87]. «Геаграфія» апавяданняў падпарадкоўваецца аб'ёмнай прасторы мастацкага слова, значнасці прадмета адлюстравання. Стракатасць сюжэтна-кампзіцыйнай і ідэйна-эстэтычнай структуры апавяданняў выяўляе імкненне мастака ахапіць жыццё цалкам, сінтэтычным метадам наблізіцца да разумення яго першаасноў.

Кніга прозы «Журба ў стылі рэтра» (1990) працягнула лінію паэтычнай «аб'ектывізацыі» таленту пісьменніка. Своеасаблівы касмізм таленту Я. Сіпакова, увага да жаклівага нядаўняга мінулага і драматычнага сённяшняга вызначае агульны каларыт кнігі.

Цікавай падзеяй у літаратурным жыцці стаў выхад кнігі прытчаў «Тыя, што ідуць» (1993), першай такога плану ў беларускай літаратуры. Невыпадкова маштабны талент мастака скіроўвае яго ў рэчышча ладзенага жанру, таму што прытча — адна з самых універсальных форм адлюстравання супярэчлівай і парадаксальнай рэчаіснасці. У прытчах Я. Сіпакова жыццё паўстае ва ўсёй размаітасці сваіх праўд. Прастора і час не абмяжоўваюць іх дзеянне, у якім пераплецены рэальнае і ірацыянальнае, жыццёвае і прывіднае. Як сцвярджае даследчык А. Пяткевіч, «у любові аўтар адкрывае нянавісць, у жыцці — смерць, у волі — турму, у слабасці — сілу, ва ўзвышаным — звычайнае. На парадоксах трымаюцца паводзіны персанажаў, парадоксы высвятляюць таямнічую складанасць чалавечага жыцця» [5, с. 241].

Янка Сіпакоў — аўтар фантастычна-прыгодніцкай аповесці «Блуканне па іншасвеце», цыклаў мініяцюр («Наталенне смагі», «Дні за спіною», «Паміж сонцам і дажджом»), эсэ («Коні», «Паляванне», «Мужчыны»), зборнікаў гумарэсак («Лысы юбілей», «Плюс на мінус», «Ланцугі для мух»). Вядомы ён як перакладчык твораў А. Пушкіна, А. Блока, А. Міцкевіча, А. Туманяна, С. Квазімоды, І. Межэлайціса і інш.

Заклучэнне. Творчае быццё Янкі Сіпакова выражаецца ў імкненні да пераўвасаблення, да душэўнай рэалізацыі сябе ў пэўным вызначаным тыпе лірычнага суб'екта альбо праявінага героя. Паэт як бы не вытрымлівае «сцэнічнай эфектнасці» паэзіі і пераходзіць да адлюстравання аб'ектыўнага свету ў эпасе. Факт існавання ў адной асобе лірыка і праяіка выражае заканамерны працэс творчага пошуку Я. Сіпакова. Парадакспальнасць сваіх паэтычных парываў адчуваў і сам аўтар: «Творчасць — гэта нейкая падсвядомая энергія, якая выпраменьваецца сама па сабе, без удзелу нашых нецярплівых жаданняў, а часам і насуперак ім, і не паддаецца звычайнаму для звычайных рэчаў уліку і разгляду» [2, с. 8].

Спіс цытуемых крыніц

1. Яскевіч, А. Карані маладога дрэва : літ.-крыт. арт. / А. Яскевіч. — Мінск : Беларусь, 1967. — 203 с.
2. Лысенка, А. Лінія гарызонта : нарыс творчасці Янкі Сіпакова / А. Лысенка. — Мінск : Навука і тэхніка, 1986. — 119 с.
3. Стральцоў, М. Лінія паэтычнага гарызонту / М. Стральцоў // Польша. — 1966. — № 5. — С. 251—257.
4. Санюк, Д. Янка Сіпакоў / Д. Санюк // Гісторыя беларускай літаратуры XX стагоддзя : у 4 т. / НАН Беларусі, Аадр-не гуманітар. навук і мастацтваў, Ін-т літ. імя Я. Купалы ; навук. рэд. У. Гніламёдаў, С. Лаўшук. — Мінск : Беларус. навука, 2002. — Т. 4. Кн. 1. — 1966—1985. — 928 с.
5. Пяткевіч, А. Паміж зямлёю і небам / А. Пяткевіч // Польша. — 1994. — № 9. — С. 241—244.

УДК 81

А. И. Дейлид

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

ВУЛЬГАРИЗМЫ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ ДЛЯ СОЗДАНИЯ КОМИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ МИХАИЛА ЗОЩЕНКО

Введение. Комическое является одной из основных категорий эстетики, которая описывает курьезные стороны жизни. Данное понятие трактовалось не только авторами античности, но и писателями последующих веков до наших дней. Таким образом, понятие комического актуально и в настоящее время.

Под комическим понимается смешное, которое имеет безграничную общественную значимость. Оно обуславливает социально окрашенный смех, который направлен на конкретный объект. Однако понимание комического в его историческом, национальном и классовом аспектах строго определено. Следует отметить, что все виды искусства способны образовывать комедийные отображения [1].

Основная часть. В комическом всегда прослеживается какое-то противоречие, отклонение от нормы, которое выражается, как правило, на языковом уровне. Основная цель комизма представляет собой употребление языковых средств в комическом аспекте. Анализ научной литературы показывает, что ученые выделяют различные формы комического, однако основными формами большинство исследователей в своих работах рассматривают такие формы комического, как **юмор** и **сатира**. Автор юмористического или сатирического произведения отбирает такие языковые единицы, которые обладают комическим свойством. Писатель также должен уметь придать тем или иным языковым средствам сатирический или юмористический оттенок.

Сатира и юмор имеют не только сходства, но и различия. Общее для сатиры и юмора — комедийное отношение к происходящему [2].

Юмористическая позиция неагрессивна. Так, А. Н. Лук формулирует юмор как беззлобную насмешку [3]. Юмор трактует пороки жизни и человеческие слабости как нечто такое, что заслуживает снисхождения, а сатирическая позиция означает всегда последовательное и бескомпромиссное соперничество со злом, для сатирика не характерна снисходительность.

Считается, что чувство юмора шире любого определения, так как это сложное душевное качество. Юмор как форма терпимости и миролюбия противопоставляется боевой и бескомпромиссной сатире, а в связи со склонностью к рефлексии — также примитивным формам комизма.

Сатира относится к высшему виду критики. Она не только заостряет, но и изменяет облик осмеиваемого явления.

Исследователь Г. Н. Поспелов считает, что объект сатиры можно видеть только в лицах, обладающих «высоким положением»: «Когда люди, обладающие властью, силой, значительностью, претендующие на уважение, внутренне оказываются несостоятельными, пустыми, бессодержательными, они вызывают насмешку» [4]. Однако мы придерживаемся мнения, что сатира может быть направлена на выявление негативных сторон любого человека, независимо от социального положения.

Актуальность темы связана с необходимостью научного осмысления места сатиры и юмора в русскоязычном пространстве. Писатель Михаил Зощенко известен как автор юмористических и сатири-

ческих произведений. Эволюция юмора и сатиры в его произведениях связана со многими факторами: общественно-политическими, социально-экономическими, эстетическими. В этом также заключается актуальность избранной тематики. Михаил Зощенко писал не только для взрослых, но и для детей. Писателю удалось создать свой, совершенно неповторимый художественный стиль. Его рассказы смешные и ироничные, в них автор использует тонкий юмор и сатиру. Современные представители сатиры и юмора чаще используют грубые шутки, сниженную лексику.

Для анализа языковых средств создания комического в русскоязычной литературе нами были выбраны такие рассказы Михаила Зощенко, как «Баня», «Аристократка», «История болезни» и другие, которые любимы читателями.

Методом контекстуального анализа нами были отобраны языковые средства создания комического. Выборка представлена такими средствами выразительности, как метафора, каламбур, например: *Всякая то есть дрянь и невидаль в воспоминание лезет; Воздух этакий сумасшедший; Смерть так и ходит, своей косою помахивает; И заболел поп с тех пор. Заболел сомнением* [5].

Михаил Зощенко — мастер парадоксов. Для данного художественного приема характерны краткость и законченность, а также необычность содержания, которая противоречит общепринятой трактовке проблемы, например: *Ей, видите ли, на досуге всякие несчастья стали вспоминаться, и как папа ее скончался, и как она замуж за меня вышла...; Не вовремя помирать решили. Потерпите, говорю, до осени, а осенью помирайте; Иногда там пассажиры разговаривают между собой на отвлечённые философские темы — о честности, например, или о заработной плате; Как вы есть народ, конечно, темный, то, этого, про политику скажу...* [5].

Следует отметить, что достаточно часто автор прибегает к использованию фразеологизмов, например: *И через нее пошла моя жизнь в разные стороны, и через нее я докатился до тюрьмы и сумы и много путешествовал* [5].

Особенностью создания комического у Михаила Зощенко является использование вульгаризмов.

Вульгаризм (лат. *vulgaris* грубый, простой) — слова и выражения, свойственные фамильярной или грубой речи. Используются писателями для усиления выражаемой мысли, более эмоциональной характеристики персонажей [6].

Использование вульгаризмов автором художественного произведения имеет разные цели. Это может быть указание на социальную среду персонажа, уровень культуры, способы создания языкового портрета. Как правило, вульгаризмы присутствуют в прямой речи персонажей, а не в словах автора, например: *Это, говорит, каждый гражданин настрижет веревки — полть не напасешься; И сапоги тоже съмай! — сказал человек. — Мне и сапоги требуются; Это, говорит, пустяки — ихняя вера; Здравствуйте, — говорит, — ваше высокоблагородие; В одна тыща девятьсот, должно быть, что в шестнадцатом году; Строят еропланы и летают после; Позвали фершала. Фершал ранку осмотрел; Ступай, говорит, отселева; Тьфу на нее, — подумал поп. — Что ей тутотко приспичило?; Газы и туды и суды крутятся, выскивают нас-то; Взглянула я на теленка — слезы каплют; Которые без денег — не ездют с дамами; Руки у меня и так — то изувечены — кровь текёт, а тут еще он щиплет; С транвая их, воров-то, скидывать надоть!; И идет он весь в белом, будто шкелет какой; Раскинул поп мозгами; А случилось: немцы пушичкин затвор стибрили; Вспрыснуть, значит? — спросил земляк, улыбаясь; Мальчик у ней — сосун млекопитающий* [5].

Анализируя функции вульгаризмов в произведениях Михаила Зощенко, мы пришли к выводу, что писатель использует их в своих произведениях как существующие в языке средства дополнительной детализации своеобразия жизни, создает образ простого, не очень ученого человека, который использует в своей речи неправильно образованные слова (*полть, ихняя, здравствуйте, текёт, фершал*) или просторечия (*туды и суды, еропланы*). Однако его герои не столько раздражают, сколько вызывают некое умиление, сочувствие и даже понимание.

Заключение. Для создания комического в художественной литературе используются различные языковые средства, употребление которых зависит не столько от богатства языка, сколько от индивидуального стиля автора и его отношения к своим героям.

Список цитируемых источников

1. Боров, Ю. Б. Комическое / Ю. Б. Боров. — М. : Искусство, 1970. — 272 с.
2. Виды (формы) комического [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://creative3d.ru/about-humor/forms-of-comical>. — Дата доступа: 03.10.2016.
3. Лук, А. Н. О чувстве юмора и остроумии / А. Н. Лук. — М. : Искусство, 1968. — 192 с.
4. Пospelов, Г. Л. Теория литературы / Г. Л. Пospelов. — М. : Высш. шк., 1978. — 351 с.
5. Зощенко, М. Избранное / М. Зощенко. — Л. : Лениздат, 1984. — 590 с.
6. Современная западная философия. Энциклопедический словарь / под ред. О. Хеффе, В. С. Малахова, В. П. Филатова при участии Т. А. Дмитриева ; Ин-т философии. — М. : Культур. революция, 2009. — 392 с.

КОНЦЕПТ «ЗАПАХ» В РАННЕЙ ЛИРИКЕ С. А. ЕСЕНИНА

Введение. Восприятие действительности может формироваться под впечатлением красок, звуков, запахов окружающего мира. Очень тонко подметил А. Т. Твардовский, акцентируя внимание на обонянии, что «мир не только слухом полон, но и запахом...», поэтому образно-поэтический язык запаха занимает особое место в художественном творчестве. Поэтика запахов в русской литературе XIX—XX веков основывается на том, что писатели стремились свои ощущения, восприятия переложить на литературный язык. Исследователь Н. А. Рогачёва считает, что «человек эпохи модернизма неожиданно открыл в себе способность принохиваться к реальности и признал за этой способностью непреложную ценность» [3, с. 5].

Основная часть. Сегодня отсутствует единое определение понятия «концепт». Мы опираемся на определение концепта, предложенное Ю. С. Степановым: «Культурный концепт — это как бы ступок культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека русского самосознания» [2, с. 287]. Концепт «запах» мы представляем не в виде чётких понятий о «запаховой» лексике, а в виде ассоциаций, переживаний, понятий. В художественных произведениях концепт «запах», как правило, несёт в себе понятийную, образную сторону слова. По словам Ю. С. Степанова, концепты не только мыслятся, они и переживаются. Они — предмет эмоций, симпатий и антипатий. Концепт — основная ячейка культуры в ментальном мире человека [2, с. 287]. Значительный след в изучении концепта «запах» оставили диссертационные исследования Н. А. Рогачёвой, О. Н. Фенчука. Изучением запаховой лексики и её роли в художественных произведениях занимаются М. В. Одинцова (И. А. Бунин), Н. Иванова (А. П. Чехов).

Приведённое нами толкование позволяет исследовать концепт «запах» в текстах художественной литературы. Исследование концепта «запах» способствует более глубокому пониманию творческого замысла автора и представляет интерес, является важным для литературоведения.

В ранней лирике С. А. Есенина нам удалось обнаружить 98 лексем, репрезентирующих концепт «запах». Запахи как результат индивидуального восприятия с их едва уловимой, неопределённой и непостоянной сущностью зачастую носят предельно субъективный характер. Известно, что запахи закрепляются в памяти неосознанно: «Запах действует, как музыка: он обращается к подсознательному, вызывает в нашем воображении мечты и воспоминания вопреки желаниям нашего рассудочного “я”, обладает необыкновенной силой внушения» [3, с. 92]. Поэтому в 69 случаях «запах» значение слова встречается тогда, когда тот или иной запах связан с воспоминаниями писателя. Это объясняется тем, что тот или иной запах, который впервые был зафиксирован в памяти в связи с конкретным человеком или ситуацией, может возродить забытые эпизоды прошлого. Это запахи *крестьянской избы, природы, драчёнов, дёгтя, хлеба* и т. д.

Сон избы легко и ровно
Хлебным духом сеет притчи [1, с. 34].

В данном примере С. А. Есенин запах хлеба использует не случайно. Одорическая семантика этого образа символизирует собой спокойствие, тишину и умиротворение. Если в доме пахнет хлебом, значит, люди в нём не будут голодать. Получается, что хлебный дух — это своего рода знак крестьянского благополучия.

Тихо от хлебного духа
Снится кому-то апрель [1, с. 42].

«Пахнет яблоком и мёдом. По церквям пахучий Спас» [1, с. 67]. В данном примере запах яблок и мёда связан со Спасом. Здесь запах мёда и яблок выступает как символ христианства. Спас — церковный праздник, на который освещали первый урожай яблок и первый сбор мёда. В связи с этим в церквях обычно пахнет яблоками и мёдом. Любовь к почитанию религиозных праздников привила поэту его бабушка. Сам С. А. Есенин вспоминал: «Бабка была очень набожная, таскала меня по монастырям, а дед был не дурак выпить» [1, с. 7]. Поэтому для Сергея Александровича запах мёда и яблок становится символом родного домашнего очага, является ощущением, предвосхищающим чувства и эмоции, пережитые в детстве. Именно это позволяет лирическому субъекту окунуться в атмосферу прошлого. В стихотворениях С. А. Есенина вещи, предметы имеют свой запах либо ассоциируются с неким

запахом. *Хомутный запах дёгтя, рыхлых драчёнов, запах смолистой сосны* ассоциативно связывается с деревенским бытом писателя.

В 29 случаях концепт «запах» выступает как изобразительно-выразительное средство, что усиливает образно-ассоциативное мышление. В лирике С. А. Есенина преобладают сравнения и метафоры, раскрывающие жизнь природы в её естественном многообразии. Поэтому в лексемах точно использован запах, входящий в структуру метафорического уподобления или в структуру сравнения. Так, метафора «горек запах чёрной гари. Осень роши подожгла» [1, с. 97] находит оправдание, если представить, что увяданье природы — это время, когда «в багрец и золото одетые леса», С. А. Есенин уподобляет пожару, а осень — поджигателю, отсюда возникает образ: «горек запах чёрной гари, осень роши подожгла». Казалось бы, противоестественный для осени запах леса находит оправдание, если представить голые деревья, «сожжённые» пожаром осени.

«Не жалею, не зову, не плачу / всё пройдёт, как с белых яблонь дым» [1, с. 118]. В данном примере мы видим, что одорическая лексема представлена словом «дым». В словаре Д. Н. Ушакова даётся следующее толкование этого понятия: «Дым — летучие продукты горения с мелкими летящими частицами угля» [4, с. 185]. Отметим и переносное значение этой лексемы: дым — это что-то быстроисчезающее, призрачное. Из вышесказанного сделаем вывод, что *дым белых яблонь* обозначает быстроту отцветания. Таким образом, дым — символ быстротечности человеческой жизни.

«В роше чудились запахи ладана, в ветре бластились стуки костей» [1, с. 152]. В переносном значении слово «ладан» трактуется как «умирать, быть еле живым». Поэтому запах ладана, который используется во время церковных служений, ассоциируется со смертью. Запах и стуки костей предвещают отчаянные вести. Отсюда и чувство тревоги. Связано это с тем, что происходившие в 1920-е годы преобразования деревни были восприняты поэтом трагически. Отсюда тревожные раздумья С. А. Есенина о будущем крестьянской Руси — противоречивые, мучительные. Поэт не раз с грустью назовёт себя «последним поэтом деревни».

Заключение. Одорическая образность используется в стихах Есенина как изобразительно-выразительное средство. В лирике С. А. Есенина преобладают сравнения и метафоры, раскрывающие жизнь природы в её естественном многообразии. В лексемах широко представлены образы запахов, входящие в структуру метафорического уподобления или в структуру сравнения. Одорические образы в поэзии Есенина — это, кроме того, и субъективные впечатления лирического «я», а именно — символы. Стихотворения С. А. Есенина — это запечатлённое в памяти мгновение жизни, представленное как совокупность человеческих ощущений, где запах — символ родного домашнего очага, знак крестьянского благополучия.

Список цитируемых источников

1. Есенин, С. А. Собрание сочинений : в 2 т. / С. А. Есенин. — Минск : Маст. літ., 1992. — Т. 1 : Стихотворения. Поэмы. — 480 с.
2. Степанов, Ю. С. Константы: словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. — М. : Акад. проект, 2004. — 386 с.
3. Фенчук, О. Н. Структура и функции памяти в поэзии И. А. Бунина : автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. Н. Фенчук. — Воронеж, 2012. — 22 с.
4. Ушаков, Д. Н. Толковый словарь русского языка / Д. Н. Ушаков. — М. : АСТ, 2004.

УДК 811.161.1'37'367.625

Т. В. Дроздова

Учреждение образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины», Гомель

ГЛАГОЛЬНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ, ОБЛАДАЮЩИЕ МОДАЛЬНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ

Введение. В статье предпринята попытка выявления лексико-семантических групп глаголов, на базе которых формируются фразеологизмы с различными модальными значениями. Анализируемые фразеологизмы взяты из «Словаря русского языка» в 4 томах (гл. ред. А. П. Евгеньева), иллюстративный материал — из корпуса русского национального языка.

В семантической характеристике слов принято разграничивать несколько типов лексических значений. Классификация такого рода была предложена академиком В. В. Виноградовым, который в зависимости от возможностей лексической сочетаемости описал свободные и связанные значения слов. Связанные значения характеризуются ограниченной сочетаемостью; такие значения представлены тремя подтипами: конструктивно ограниченными (реализуются только в составе определенной грамматической конструкции: *глаза разгорелись* (у кого на что) 'кому-либо непреодолимо, страстно захотелось, хочется чего-либо'); синтаксически обусловленными («формируются в словах, за которыми закрепляется строго

определенная функция в составе предложения»; например, слово *молодец*, выражающее похвалу и одобрение, в функции сказуемого: *Она у нас молодец* [1, с. 184], сравн. также: *Он орел*); фразеологически связанными значениями, для которых типична «замкнутость, ограниченность возможных сочетаний с другими словами» [1, с. 187], т. е. в целом для фразеологически связанных значений характерна константная сочетаемость с определенными словами, неширокая сфера семантических отношений.

Основная часть. Фразеологизм — «общее название семантически связанных сочетаний слов и предложений», которые не вновь конструируются при организации высказывания, а воспроизводятся в устойчивом виде, «в фиксированном соотношении семантической структуры и определенного лексико-грамматического состава» [2, с. 559]. Устойчивость в данном случае понимается не как абсолютная неизменяемость фразеологизма, а как «ограничение разнообразия трансформаций, допустимых в соответствии с множественностью регулярных способов выражения одного и того же смысла» [2, с. 559].

Глагольные фразеологизмы имеют общее значение действия или состояния. Наблюдения над языковым материалом показывают, что область субъективно-модальных значений традиционно понимается широко и вбирает в себя оценку событий, «отношение субъекта речи к обозначаемому» [2, с. 559], личное, субъективное отношение к чему-либо: желание, намерение, долженствование, сомнение, недовольство, сожаление, изумление, восхищение, радость, одобрение и т. д.

Формирование подобных переносных модальных значений прослеживается у фразеологизмов, в состав которых входят глаголы следующих лексико-семантических групп.

1. Фразеологизмы со структурным центром — глаголом движения. Глаголы движения *ездить*, *ехать* ‘двигаться, перемещаться по суше или воде при помощи каких-л. средств передвижения’ [3, т. I, с. 468] встречаются в нескольких фразеологических единицах (ФЕ), обладающих модальным значением. Фразеологическое сочетание *дальше ехать некуда* употребляется для выражения крайнего предела чего-либо и выражает модальность невозможности: *Дальше ехать некуда, решите вы — и ошибётесь. В своём научном поиске академик дошёл уже до палеолитических рисунков на стенах пещер Франции и Испании. И, конечно же, обнаружил там русские надписи* (В. Эрлихман). По-видимому, значение невозможности обусловлено наличием в составе фразеологизма отрицательного наречия *некуда*, однако семантика невозможности здесь тесно связана с идеей общего изменения, развития событий, которая отражается глаголом со значением перемещения *ехать*. Модальность стремления, желания выражают следующие фразеологизмы с компонентом *ездить*: *выезжать (или ездить) на чьей спине* ‘использовать кого-л. для достижения своих целей’, *ездить (верхом) на ком* ‘подчинять своей власти, использовать кого-л. в своих интересах’, например: *Не каждый день простой человек, бедный палач, имеет случай ездить верхом на важных персонах* (М. Алданов). Можно сказать, что во всех фразеологизмах с компонентом *ехать* наблюдается десемантизация глагола.

В основе ряда фразеологизмов находится глагол движения *дуть* ‘нести, гнать струи воздуха, приводить воздух в движение (о ветре)’: *Сердито бился дождь в окно, И ветер дул, печально воя* (Пушкин) [3, т. I, с. 454]. *Дуть губы (губки)* ‘сердиться на кого-л.’: *Дули губки, сплетничали и злословили купавнинские невестки, гадая, по какому благу Колюнчик попал в телевизор и чьим внуком для этого назвался* (А. Варламов). Фразеологическая единица выражает эмоциональное отношение, оценку: неприятие чьих-либо поступков, неодобрение. *Дуть в уши* ‘сплетничать, наговаривать кому-л. на кого-л.’: *Не надо, ребята, дуть в уши! Загадка пирамид в том, что одни их строили, а другие обворовывали* (М. Задорнов). В семантике ФЕ заключена модальность стремления, желания пустить в ход инсинуации. *И в ус (себе) не дуть* ‘не обращать внимания на что-л., не беспокоиться’: *Вы видели: я не боюсь Ни туль, ни дротика куртинца; Лечу стремглав, не дуя в ус, На нож и шашку кабардинца* (Б. Садовской, Д. Давыдов). В отмеченной ФЕ проявляется модальность намерения: человек решает игнорировать что-л. и не испытывать беспокойства по какому-л. поводу. *Дуй тебя (его и т. д.) горой* — шутивно-бранное выражение негодования, досады, удивления и т. п. Например: *Похвалялась море зажечь, синица-то наша, дуй ее горой!* (Д. Мордовцев). В семантику ФЕ включены модально-оценочные оттенки недовольства, порицания, обличительной экспрессии.

Модальность невозможности выражает ФЕ *глаза разбежались* ‘трудно, невозможно выбрать что-л., сосредоточить внимание на чем-л. (при виде множества, разнообразия чего-л.)’: *Как открыли мы его [сундук], я так и ахнула. Глаза разбежались. Вещи ослепительные. И чего-чего там только не было.* (А. Амфитеатров). Глагол *разбежаться* ‘бегом направиться в разные стороны (о многих, нескольких)’ входит в группу глаголов движения [3, т. III, с. 583]. Значение фразеологизма формируется на основе метафорического переноса.

2. Фразеологизмы со стержневым глаголом физического воздействия. *Бить на что* ‘стремиться к чему-л., добиваться чего-л.’: *Бью на сознательность. Хочу, чтоб [ты] прочувствовал* (В. Тендряков). Данная ФЕ обладает модальной семантикой желания, стремления. *Бить (или ударить) по рукам* ‘заклучать (заклучить) сделку, соглашение’: *За ценой не стою. Берите за всё пять тысяч, ударим по рукам* (А. Толстой). В семантике отмеченной ФЕ присутствуют модальные оттенки согласия, принятия условий.

Глагол физического воздействия *бить* ‘ударять, колотить’ [3, т. I, с. 91] наблюдается в составе «сходнокомпонентных» фразеологических антонимов: *бить в цель* ‘достигать требуемого, желаемого результата’ — *бить мимо цели* ‘не достигать нужного, действовать безуспешно’. На наш взгляд,

характер модальности в семантике данной антонимической пары требует комментариев: модальное значение в двух ФЕ не является противоположным, в нем наблюдается сходное логическое основание. В первом случае мы видим модальное значение намерения, стремления приблизить образ желаемого будущего через выполнение определенных действий: *Призывы к добру отскакивают от каменного сердца Тодеро, как мячик от стенки. А вот фальшивые ласки вдовушки бьют в цель* («Культура», март 2002). Во втором случае нельзя говорить только о полярности модального значения, о том, что здесь нет модальности стремления, так как фразосочетание *бить мимо цели* также связано со стремлением достичь запланированного результата, однако действия выполняются безрезультатно, не доводят до цели, поэтому в семантике отражается модальный оттенок невозможности добиться цели путем прежних действий: необходимо скорректировать деятельность, заменить безуспешные действия успешными (еще Альберт Эйнштейн отмечал, что «самая большая глупость — это делать то же самое и надеяться на другой результат»): *Она занимается пустяками и все время бьет мимо цели* (А. Платонов).

Фразеологическое сочетание *бить в цель* включается не только в антонимическую пару, являющуюся носителем модальных значений, но и в синонимическую. Синонимия выявляется при сравнении с ФЕ *бить в (одну) точку* ‘направлять действия, внимание, слова на что-л. одно, добиваясь поставленной цели’: *Петя Рюмин два года назад ударно трудился на их телерадиокомпанию, причем ударник упорно бил в одну точку — старался перебраться в столицу* (М. Баконина). Модальные значения подобны: выражают намерение, стремление, желание.

Во фразеологизме *выбить дурь из головы* ‘образумить кого-л., заставить образумиться’ прослеживается каузативная модальность желания, волеизъявления: побудить к тому, чтобы кто-либо образумился. Например: *Как бы одним махом прекратить все это и выбить дурь из головы?* (Т. Иванова); [Отчим] *в самое нужное время выбил дурь из головы и поставил на ноги* (Д. Рубина).

3. Фразеологизмы с глаголами физиологического действия. Глагол зрительного восприятия *глядеть* ‘устраивать, направлять взгляд, иметь глаза направленными на кого-, что-л. или куда-л.; смотреть’ [3, т. I, с. 318] является структурным компонентом ФЕ с модальной семантикой стремления, намерения: *глядеть вон* ‘стремиться уйти, удалиться откуда-л.’, *глядеть (или смотреть) в лес* ‘тяготаясь местом работы или местом пребывания, намереваясь его оставить, покинуть’. Глагол *глядеть* входит в ФЕ *глядеть косо на кого, что*, обладающую оценочным значением: ‘выказывать неодобрение, недоброжелательство’.

Глагол *надышаться* ‘вдоволь, много подышать, вдыхая что-л.’ [3, т. II, с. 350] является стержневым компонентом фразеологизма с модальным значением желания, стремления опекать, быть рядом: **не надышится / не может надышаться кто на кого** — ‘о чем-л. чрезвычайно заботливым, любовном отношении к кому-л.’. Например: *Очень уж к сердцу пришлась молодая сноха Тарасу Ермильчу, и он не мог надышаться на нее* (Д. Н. Мамин-Сибиряк). Каузативную модальность намерения заключает в себе ФЕ с глаголом физиологического действия *вдохнуть* ‘вобрать, втянуть внутрь при вдохе, вдохом’: **вдохнуть жизнь в кого, во что** ‘пробудить к деятельности, оживить’ [3, т. I, с. 144].

Заключение. Фразеологизмы, обладающие модальными значениями желания, стремления, намерения, согласия, невозможности, достаточно регулярно формируются с глаголами лексико-семантических групп движения, физического воздействия, физиологического действия. Так, модальные значения желания, стремления, намерения (*дуть в уши, и в ус (себе) не дуть, выезжать (или ездить) на чьей спине, ездить (верхом) на ком, бить в глаза, бить на что, бить в цель, бить в (одну) точку, выбить дурь из головы, глядеть вон и др.*), значения невозможности (*дальше ехать некуда, глаза разбежались, бить мимо цели*), эмоциональные модально-оценочные оттенки (*дуть губки, дуй тебя (его и т. д.) горой, глядеть косо на кого-что*), модальное значение согласия (*бить (или ударить) по рукам*) выражаются во фразеологических конструкциях с глаголами отмеченных лексико-семантических групп.

Все проанализированные единицы можно стилистически охарактеризовать как разговорные фразеологизмы, имеющие яркую эмоционально-экспрессивную коннотацию.

Список цитируемых источников

1. *Виноградов, В. В.* Фразеология. Семасиология / В. В. Виноградов // Лексикология и лексикография: избранные труды / В. В. Виноградов. — М.: Наука, 1977. — С. 118—189.
2. *Телия, В. Н.* Фразеологизм / В. Н. Телия // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. — М.: Совет. энцикл., 1990. — С. 559—560.
3. *Словарь русского языка*: в 4 т. / гл. ред. А. П. Евгеньева. — М.: Рус. яз., 1985—1988.

ПОСТАПОКАЛИПТИЧЕСКАЯ АНТИУТОПИЯ КАК ЖАНРОВАЯ РАЗНОВИДНОСТЬ

Введение. Термин «антиутопия» говорит сам за себя — мы видим очевидную зависимость антиутопии от утопии. «Антиутопия — самоосознающее течение в литературе, представляющее собой критическое описание общества утопического типа. Антиутопия выделяет наиболее опасные, с точки зрения авторов, общественные тенденции» [1]. В поисках истоков этого жанра резонно обратить внимание на его основу. Жанр утопии получил определение в XVI веке благодаря одноимённому труду Томаса Мора «Утопия», где он изложил концепцию идеального устройства государства, соответствующую его взглядам. Попытки изображения идеального общественного устройства мира существовали задолго до появления произведения Т. Мора. Так, например, в диалоге древнегреческого философа Платона «Государство» впервые употребляется слово «утопия» в значении «модель идеального государства» [2].

Антиутопия появляется значительно позже. Так, критическим переосмыслением утопий Т. Мора, Ф. Бэкона, Дж. Харрингтона, Т. Кампанеллы и других ранних утопистов были: «“Левиафан” (1651) Т. Гоббса — первая ярко выраженная антиутопия в форме трактата о благоустройстве государства, уподобляемого философом библейскому чудовищу Левиафану; аллегорическая сатира “Басня о пчелах, или Частные пороки — общая выгода” (1714) Б. Мандевиля, повествующая о самопроизвольном крушении идеального сообщества; “Путешествия Гулливера” Дж. Свифта, где в 3-й книге осмеиваются замыслы благотворительной технократии, а в 4-й иронически превозносится воплощенный в соответствии с духом действительной философии и вдохновленных ею утопических сочинений идеал опрощения и приближения к естественному состоянию, по сути дела исключаящий человечность» [3]. Расцвет жанра антиутопии приходится на XX век. Социальные и духовные потрясения того времени, ставшие следствием реализации утопических проектов, вызвали ответную реакцию.

Ещё одной разновидностью описания краха цивилизации и неминуемых ужасных последствий можно считать литературу постапокалиптического типа.

Основная часть. В «Новейшем философском словаре» А. А. Грицанова слову «апокалиптический» мы находим следующее определение: «в XX веке обозначение периода времени или состояния общества, когда существованию самого человека угрожают разрушительные, смертоносные силы континентального либо планетарного масштаба (оружие массового уничтожения, экологические катастрофы, неотвратимые эпидемии)» [4]. Если ещё для древних греков слово «апокалипсис» означало только «раскрытие, откровение», то с написанием Апокалипсиса Иоанна слово приобрело негативную, пугающую коннотацию.

Постапокалиптика — это произведение, в котором описана жизнь человечества после глобальной катастрофы. Как правило, это катаклизм (Кормак Маккарти «Дорога»), последствия ядерной катастрофы (реж. Альбер и Аллен Хьюз «Книга Илая»), вирус (реж. Терри Гиллиам «12 обезьян»), в том числе заражение вампиризмом и зомби-вирусом (реж. Дэнни Бойл «28 дней спустя»), роман Ричарда Мэтисона «Я — легенда»), эпидемия (Джек Лондон «Алая чума») и другие явления, несущие за собой упадок материальной и духовной жизни общества (Энтони Бёрджесс «Вожделеющее семя» — перенаселение). Следует отметить, что причина катастрофы не является ведущей проблематикой произведения, события развиваются, как правило, спустя долгие годы, столетия, тысячелетия, при этом делается акцент на последствия. Иногда конкретное явление, послужившее апокалиптическим предзнаменованием, и вовсе не названо, постапокалиптическая картина мира преподносится как данность (Сьюзен Коллинз трилогия «Голодные игры»).

Рассмотрим, как развивалась жанровая разновидность (постапокалиптическая антиутопия) на примере следующих произведений: Мэри Шелли «Последний человек» (1826), Ричард Джефферис «После Лондона» (1885), Джек Лондон «Алая чума» (1912), Джон Уиндем «День Триффидов» (1951), Ричард Мэтисон «Я — легенда» (1954), Джон Уиндем «Хризалиды» (1955), Невил Шют «На берегу» (1957), Роджер Желязны «Долина Проклятий» (1969), Дэвид Брин «Почталён» (1985), Алесь Адамович «Последняя пастораль» (1987).

В романе «Последний человек» Мэри Шелли показывает общество, пораженное эпидемией — чумой. Всё начинается оптимистично: процветает демократия, не стоит на месте технический прогресс, но с наступлением чумы и ряда других стихийных катаклизмов мир охватывает отчаяние и жаждущий спасения человек меняет моральные ориентиры.

Английский писатель и эссеист Ричард Джефферис в романе «После Лондона» показывает мир, переживший глобальную катастрофу. Подобный сюжет, где общество от варварства, первобытных отношений развивается до нового феодализма, позже был использован, например, Джеком Лондоном в «Алой чуме». Поражённое «алой чумой» общество отказалось от всех устоев цивилизации, предавшись грабежам и убийствам. Главный герой произведения, наблюдающий моральную и физическую агонию

людей, верит, что сохранённые им книги ещё пригодятся и люди восстановят прежний порядок (вот только всё снова повторится).

Английский писатель-фантаст Джон Уиндем в романе «День Триффидов» использовал, кроме типичной для постапокалиптики темы эпидемии (чумы), тему меркантильности человека (беспечное обращение с растением-хищником — триффидом, распространением которого люди занимались из соображений выгоды). После наблюдения кометы многие люди ослепли, что лишило их возможности контролировать опасный источник дохода. Произведение ставит ряд этических, философских и практических вопросов, свойственных постапокалиптической антиутопии: спасать ли слепых? Кто представляет большую ценность: солдат или мыслитель? На что человечество готово, чтобы выжить? Как победить главного врага?

Американский писатель Ричард Мэтисон в романе «Я — легенда» выводит причину апокалипсиса пандемию. Вследствие заражения люди превратились в вампиров, и последний оставшийся здоровым человек ведёт борьбу с осаждавшим город злом, особое внимание уделяя противовирусной вакцине. Когда главный герой встречает здоровую на вид девушку Руфь, он всё-таки проверяет её кровь, и результат подтверждает её инфицирование. Позже оказывается, что таких, как Руфь, отчасти приспособившихся к вирусу, немало, они пытаются создать новое общество, попутно истребляя «истинных» вампиров. Вот только Нэвилль этого не знал, и среди убитых им вампиров, конечно, оказались и приспособившиеся. В их глазах Нэвилль — убийца, враг, и он это понимает. В романе «Я — легенда» последний здоровый человек погибает, а новые люди создают альтернативное общество.

Холодная война 1946—1989 годов между СССР и союзниками с одной стороны и США и их союзниками — с другой повлияла на тематику постапокалиптической антиутопии, что наглядно продемонстрировано в романах.

В романе Джона Уиндема «Хризалиды» действие разворачивается после ядерной войны на свободном от радиации острове Лабрадор. В романе описаны порождённые радиацией мутанты (малейшее несоответствие норме недопустимо), которых общество безапелляционно истребляет, жители острова практикуют фундаментальное христианство, рассматривая войну как кару небесную. В нетерпимой и фанатичной общине рождается Дэвид Сторм, скрывающий свои телепатические способности и обретший путь к цивилизации благодаря им. То есть толкуемая всеми как отклонение, его способность оказывается эволюционным преимуществом, частью нового мира.

Подобная ситуация складывается в романе английского писателя Невилла Шюта «На берегу», где ядерной войной полностью уничтожено северное полушарие. Вот только радиационное облако не останавливается и продолжает покрывать всю землю. В произведении показано поведение общества, которое знает, что ему предстоит неминуемо погибнуть.

Американский писатель-фантаст Роджер Желязны в «Долине Проклятий» демонстрирует жизнь нескольких штатов Америки, оставшихся целыми после ядерной войны. Сюжет строится на миссии бывшего заключенного, который, рискуя своей жизнью, должен доставить сыворотку против чумы в один из уцелевших штатов.

Другой американский писатель Дэвид Брин в своём романе «Почтальон» показывает возрождение американской нации после ядерной войны, голода и эпидемий, произошедшее благодаря заурядному человеку, ставшему героем.

Белорусский писатель Алесь Адамович, предостерегая о последствиях ядерной войны, написал «Последнюю пастораль», где иллюстрируется грехопадение человека. В центре повествования три персонажа — последние люди на Земле. В их руках оказывается будущее рода человеческого. Главная героиня произведения совершает ошибочный выбор, как можно было бы думать, обрекая человечество на полнейшее вымирание, но обнадеживающей становится фраза: «Солнышко... любимая... весна моя... всё будет хорошо, всё, всё будет!..» [5].

Заключение. Постапокалиптическую антиутопию отличает наличие масштабной катастрофы (причины которой варьируются), причём сама катастрофа отходит на периферию, а в центре внимания — последствия и, как правило, оптимистичный конец: у человечества есть шанс.

Список цитируемых источников

1. Грицанов, А. А. Новейший философский словарь [Электронный ресурс] / А. А. Грицанов. — М. : Росмэн, 1999. — Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_new_philosophy/97/АНТИУТОПИЯ. — Дата доступа: 03.10.2016.
2. Платон. Государство [Электронный ресурс] / Платон. — М. : Мысль, 1964. — Режим доступа: <http://psylib.org.ua/books/plato01/26gos04.htm>. — Дата доступа: 03.10.2016.
3. Кожевников, В. М. Литературный энциклопедический словарь [Электронный ресурс] / В. М. Кожевников, П. А. Николаев. — М. : Совет. энцикл., 1987. — Режим доступа: <http://www.pseudology.org/Kojevnikov/LES.htm>. — Дата доступа: 03.10.2016.
4. Грицанов, А. А. Новейший философский словарь [Электронный ресурс] / А. А. Грицанов. — М. : Росмэн, 1999. — Режим доступа: <http://bookz.ru/authors/gricanov-aa/gricanov03/page-17-gricanov03.html>. — Дата доступа: 03.10.2016.
5. Адамович, А. М. Последняя пастораль. Повести. Рассказы [Электронный ресурс] / А. М. Адамович. — М. : Совет. писатель, 1980. — Режим доступа: http://www.e-reading.club/chapter.php/123990/16/Adamovich_-_Poslednyaya_pastoral%27.html. — Дата доступа: 03.10.2016.

ТРАДИЦИИ ЖАНРА ВРАЧЕБНОЙ ПРОЗЫ В БЕСТСЕЛЛЕРЕ ГЕНРИ МАРША «НЕ НАВРЕДИ. ИСТОРИИ О ЖИЗНИ, СМЕРТИ И НЕЙРОХИРУРГИИ»

Введение. Жанр врачебной прозы является одним из самых популярных в современной литературе. Однако в научной терминологии понятие «врачебная проза» официально не закреплено. «Литературоведческий энциклопедический словарь» под прозой предлагает понимать «прозаические художественные произведения» [1, с. 306]. Данную дефиницию следует продолжить и конкретизировать: «врачебная проза» — это «прозаические художественные произведения» [1, с. 306] с медицинской направленностью, которые написаны писателями-врачами.

Основная часть. Основы врачебной прозы положены классиками русской литературы А. П. Чеховым, В. В. Вересаевым, М. А. Булгаковым. Начиная со второй половины XIX века жанр врачебной прозы активно развивался и приобретал все больше специфических черт, которые делали произведения принципиально отличающимися от других жанровых модификаций. Сегодня можно четко сформулировать основные черты, характерные для произведений данной жанровой разновидности.

Традиции жанра врачебной прозы будут рассмотрены на примере бестселлера Генри Марша «Не навреди. Истории о жизни, смерти и нейрохирургии».

В основе произведений врачебной прозы лежит практический опыт писателя в медицинской сфере, которую автор отображает в своем произведении: «Должность старшего врача я получил в 1987 году, сделавшись к тому времени довольно опытным специалистом» [2, с. 212]. Из приведенной выше цитаты логично выделить такую отличительную черту данной жанровой модификации, как автобиографичность, которая представлена у этого автора в высшей степени правдиво. Генри Марш подробно рассказывает о своем жизненном пути, становлении как врача, своей семье и многом другом: «Я окончил известную частную привилегированную школу, где много лет изучал латынь, греческий, английский и историю. После выпуска я устроил себе двухгодичные каникулы, затем провел несколько месяцев в государственном архиве, где редактировал документы, посвященные средневековым обычаям и традициям (на эту работу меня устроил отец, воспользовавшись многочисленными связями), а потом год преподавал английскую литературу в удаленном уголке Западной Африки в качестве волонтера» [2, с. 94]. «Я хотел стать хирургом — по крайней мере я верил в это, — так что выбил себе место в хирургической бригаде при клинике, в которой проходил обучение» [2, с. 100].

В жанре врачебной прозы всегда используется медицинская терминология и профессионализмы. При описании некоторых эпизодов Генри Марш использует специальную лексику и строит свои описания таким образом, что в произведении появляются элементы научного стиля: «Аневризма представляет собой небольшое, напоминающее надутый воздушный шарик выпячивание стенки артерии головного мозга, которое может привести — и зачастую приводит — к обширному кровоизлиянию в мозг» [2, с. 25].

Как и большинство писателей-врачей, Генри Марш до мельчайших подробностей описывает скрупулезную и ответственную работу врачей: «Операции на головном мозге несут в себе огромный риск, и с помощью современных технологий его удалось снизить лишь в определенной мере. При проведении операций на головном мозге я могу использовать что-то вроде GPS — систему компьютерной навигации, для реализации которой на голову пациента направлены инфракрасные камеры <...>» [2, с. 12].

Особое место в жанре врачебной прозы занимают описания специфики и принципиальных отличий той области медицины, с которой непосредственно связан автор произведения: «Но никому, никому, кроме нейрохирурга, не суждено понять, каково это — каждый день (порой на протяжении нескольких месяцев) заставлять себя снова и снова приходить в палату, чтобы увидеть человека, которого ты сделал инвалидом, чтобы столкнуться лицом к лицу с его семьей, которая когда-то верила в тебя» [2, с. 223].

Так как работа врача сопряжена не только с физической, но и с эмоциональной нагрузкой, произведения данной жанровой разновидности отличаются присутствием в тексте разнообразных форм и приемов психологизма. Причем в отличие от авторов классических романов использование психологизма не всегда является преднамеренным. «Новейший литературоведческий словарь-справочник» под термином «психологизм» предлагает понимать «определенное стилевое единство, сформированное системой приемов и средств, которые направлены на наиболее полное раскрытие внутреннего мира персонажей» [3, с. 84]. Традиционно выделяют суммарно-обозначающий, косвенный и прямой психологизм.

Суммарно-обозначающий психологизм необходим для «предельно краткого обозначения тех процессов, которые протекают во внутреннем мире» [4, с. 240]. С помощью суммарно-обозначающего психологизма автор может прокомментировать какую-либо реплику героя, поступок и раскрыть истинные мотивы поведения героя: «Его беспокойство в сочетании с неприятным осадком, который остался у меня

в душе после неудачной операции, проведенной за неделю до того, означало, что мне предстоит оперировать, испытывая сильный страх за конечный результат» [2, с. 14].

Косвенный психологизм «передает внутренний мир героя не непосредственно, через внешние симптомы» [4, с. 240]. К приемам данной формы психологизма относятся различные детали портрета, пейзажа, интерьера, а также поступок и умолчание: «Стоял исключительно ясный весенний день. Протекавшая под нами Темза, словно отполированная сталь, отражала солнечный свет, который резал мне глаза. Город, раскинувшийся внизу, почти угнетал своими четкими безжалостными очертаниями — мне подумалось, что эти несоразмерно большие здания — не самое подходящее зрелище для умирающего человека» [2, с. 225].

Исследователи отмечают, что «ведущую роль в системе психологизма играет прямая форма — непосредственное воссоздание процессов внутренней жизни человека» [4, с. 241]. Используя данную форму психологизма, автор проникает в сознание, душу, достоверно показывая, что происходит с героем в определенный момент. К приемам прямого психологизма относят дневниковые записи, внутренний монолог, поток сознания, диалектику души, сны героя, а также бред и галлюцинации: «И почему я до сих пор вожусь со стажерами? — корил я себя, озлобленно крутя педали. — Почему бы мне не проводить все операции самостоятельно? Почему именно я должен решать, готовы они оперировать или нет, если программу стажировки составляют гребаные политики и чиновники? Мне все равно приходится каждый день осматривать пациентов, поступающих в отделение, потому что современным молодым врачам не хватает опыта, да и в больнице они появляются нечасто. <...> В стране вечно ни на что не хватает денег, так почему бы ей не смириться и с нехваткой медицинского опыта? Да будет целое поколение невежественных врачей. К черту будущее, пусть само с собой разбирается — я никому ничего не должен. К черту руководство, к черту правительство, к черту жалких политиков с их дурацкими расходами и к черту гребанных чиновников в гребанном министерстве здравоохранения. Пошли все к черту» [2, с. 206].

Психологизм в определенной мере присущ любому искусству. Но только «литература, — полагают исследователи, — обладает уникальными возможностями осваивать душевные состояния и процессы благодаря характеру своей образности» [4, с. 237].

Генри Марша, как и большинство писателей-врачей, волнуют важные морально-этические, социальные проблемы и вопросы, возникающие в области медицины: «Было сказано, что медики слишком сильно устают и перенапрягаются, из-за чего жизнь их пациентов подвергается угрозе. Врачи-стажеры, однако, вместо того чтобы стать эффективнее и надежнее (ведь у них появилась возможность лучше выспаться по ночам), теперь сделались куда более раздражительными и на них стало сложнее положиться. Мне кажется, это связано с тем, что они начали работать посменно, из-за чего в какой-то степени утратили чувство принадлежности к коллективу и перестали осознавать важность общего дела. В прошлом, когда стажерам приходилось трудиться долгие часы напролет, таких проблем не возникало» [2, с. 28].

Произведения жанра врачебной прозы интертекстуальны, т. е. тексты или их отдельные фрагменты могут разными способами явно или неявно ссылаться друг на друга. Очевидной является связь бестселлера Генри Марша с произведениями В. В. Вересаева «Записки врача» и Н. М. Амосова «Мысли и сердце». Например, Генри Марш и русский писатель-врач В. В. Вересаев пишут о человеческих страданиях, связанных со здоровьем: «Младшие врачи излагают истории болезни — истории внезапных катастроф и ужасных трагедий, которые повторяются день за днем, год за годом, словно человеческим страданиям никогда не суждено прекратиться» [2, с. 29]. Подобную мысль высказывает В. В. Вересаев: «Меня поразило, какая существует масса страданий, какое разнообразие самых утонченных, невероятных мук заготовила нам природа, — мук, при одном взгляде на которые душе становилось жутко» [5, с. 258]. Английский автор пишет о том, что «в жизни большинства студентов-медиков есть короткий период, когда они обнаруживают у себя всевозможные воображаемые болезни (я и сам как-то четыре дня болел лейкемией)» [2, с. 249]. Автор подробно излагает случаи из собственной жизни, когда он обнаружил, что «из родинки <...> развивалась саркома» [5, с. 262] и когда «симптомы весьма подходили к несахарному мочеизнурению» [5, с. 263], однако все тревоги оказались ложными. Генри Марш пишет: «Я ненавидел вскрытия и всячески старался их избегать» [2, с. 174]. Аналогично высказывается Н. М. Амосов по этому поводу: «Я вот иду на вскрытие. Никакой врач не любит этой процедуры — провозжать свою работу в покойницкую. И я не люблю» [6]. Но В. В. Вересаев считает, что «без вскрытий не может выработаться хороший врач, без вскрытий не может развиваться и совершенствоваться врачебная наука» [5, с. 266]. Подобных примеров, подтверждающих интертекстуальность произведения, множество.

Заключение. В данной научной статье исследованы основные традиции жанра врачебной прозы на примере произведения Генри Марша «Не навреди. Истории о жизни, смерти и нейрохирургии».

Список цитируемых источников

1. *Кожевников, В. М.* Литературный энциклопедический словарь / В. М. Кожевников, П. А. Николаев. — М. : Совет. энцикл., 1987. — 752 с.
2. *Марш, Г.* Не навреди. Истории о жизни, смерти и нейрохирургии / Г. Марш. — М. : Э, 2016. — 320 с.

3. Сулова, Н. В. Новейший литературоведческий словарь-справочник для ученика и учителя / Н. В. Сулова, Т. Н. Усольцева. — Мозырь : Белый ветер, 2003. — 130 с.
4. Введение в литературоведение : учеб. пособие / Л. В. Чернец [и др.]. — М. : Высш. шк., 2004. — 680 с.
5. Вересаев, В. В. Полное собрание сочинений : в 5 т. / В. В. Вересаев. — М. : Правда, 1961. — Т. 1 : Повести и рассказы 1887—1900. — 480 с.
6. Амосов, Н. М. Мысли и сердце [Электронный ресурс] / Н. М. Амосов. — Донецк : Сталкер, 1998. — Режим доступа: http://royallib.com/book/amosov_nikolay/misli_i_serdtse.html. — Дата доступа: 22.09.2016.

УДК 808.26

А. У. Каспарэвіч

Установа адукацыі «Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы», Гродна

ЛЕКСІКА СА ЗНАЧЭННЕМ БЕЛАГА КОЛЕРУ Ў ПАЭМЕ ЯКУБА КОЛАСА «НОВАЯ ЗЯМЛЯ»

Уводзіны. У канструяванні свету мастацкага твора надзвычай важную ролю адыгрывае падбор колераабзначэнняў, спецыфіка іх выкарыстання ў паэтычнай мове, бо характар функцыянавання лексікі са значэннем колеру звычайна адлюстроўвае самабытнасць стылю аўтара, яго творчую індывідуальнасць і непаўторнасць светабачання. Таму невыпадкова, што даследаванне каларатываў спрыяе выяўленню эстэтычных ідэалаў паэта, асэнсаванню спосабаў успрымання імі рэчаіснасці.

Каларатывы, ужытыя Я. Коласам у паэме «Новая зямля», даюць магчымасць меркаваць пра мастацкі густ аўтара, яго псіхалагічны настрой, душэўныя перажыванні.

Асноўная частка. У паэме «Новая зямля» бяспрэчную перавагу Якуб Колас аддае *беламу* колеру (48 словаўжыванняў).

Як вядома, у індаеўрапейскай сімволіцы *белы* колер з'яўляецца ў першую чаргу сімвалам чысціні, гармоніі, традыцыі, законнасці, агульнапрынятасці. Гэта колер жыцця: мацярынскай сілы (малако), міру, веры, ачышчальнай вады [1, с. 26]. У славян *белы* колер заўсёды звязваўся таксама з Небам, якое давала святло.

Лексіка з колеракодам *белы* мае ў кантэксце паэта станоўчую канатацыю, вызначаецца разнастайнасцю, але дамінуюць прыметнікі, што ўжываюцца ў ролі азначэння назвы колеру: Пльлілі, як гускі маладыя, / Чародкай *белай* над лугамі; З павязкай *белай*, дамацканай; Над *белым* дахам, як карона, / Красуе комінак чырвоны; Абрусам *белым* стол засланы; На ніжах *белай* павуціны прывозяць восень павучкі.

Найбольш часта паэтам эстэтызуецца *белы* колер і яго адценні пры стварэнні пейзажаў, асабліва зімовых: І *белаватаю* смугою / Туман навіснуў над зямлёю; І толькі зоркі *пабялелі*; Ды ўсё ж святлеюць даляў вочкі / І іх *бялюткія* сарочкі.

Паўтарэнне ў кантэксце прыметніка *белы* павышае адчуванне ізаляванасці, дазваляе дакладна і тонка перадаць магію прыгажосці беларускай прыроды ў час панавання зімы, заварожвае, напаўняе душу спакоем, прадчуваннем здзяйснення чагосьці радаснага, доўгачаканага, патаемнага. Пакажам дзеля прыкладу: Маўчалі пад *белай* поцілкаю далі. Там, угары, далыш з-па-над Нёмна сяло глядзела зсіня-цёмна; Над ім стаіць дым *белаваты*; І *бель* над далямі звісае... / Сняжынкі жвавыя гуляюць, / Садок і дворык засцілаюць / *Бялюткім*, чыстым палаценцам.

Даследчыкі мяркуюць, што прыметнік *белы* ўтварыўся ад індаеўрапейскай асновы *bha 'святціць, блішчэць, ззяць' пры дапамозе суфікса -l-. Гэты прыметнік мае этымалагічныя сувязі з многімі індаеўрапейскімі лексемамі (параўнаем: літ. *balas, baltas* 'белы', гоцк. *bela* 'бледны' і інш.). На беларускай глебе прыметнік *белы* не выявіў якіх-небудзь асаблівых зменаў. У мове старабеларускага пісьменства ён сустракаецца, галоўным чынам, «як абзначэнне адпаведнай колернай прыкметы прадмета або шэрсцевага покрыва жывёл» [2, с. 10].

«Гістарычны слоўнік беларускай мовы» фіксуе прыметнік *белы* з 7 значэннямі: 1. Белы (пра колер); 2. Светлавалосы, са светлай скурай, светлай масці або апярэння; 3. Ясны, празрысты, светлы; 4. Чысты, ачышчаны; 5. Бялізнавы, які адносіцца да бялізны; 6. Непастрыжаны ў манахі (або духавенства); 7. Бязгрэшны.

У паэме Я. Колас ужывае прыметнік *белы* толькі ў першасным значэнні: 'які мае колер снегу, малака, процілеглы чорнаму'. У мове твора зафіксавана 26 ужыванняў каларатыва *белы* з падобным значэннем.

У паэме «Новая зямля» знаходзім прыклады вытворных слоў ад прыметніка *белы*. Сярод іх формы суб'ектыўнай ацэнкі прыметнікаў, назоўнікі, дзеясловы, прыслоўі.

Разгледзім асаблівасці коласаўскага выкарыстання колеравага кода *белы* ў розных аспектах. Спачатку прааналізуем семантычную структуру кампазітаў-дэрыватаў ад прыметніка *белы*:

1. Румяна-белая пампушка, / Чырвона зверху, сакаўная.
2. Ёсць хараство ў гэтых зімах, / І ў мёртва-белых тых кілімах.

Усе адзначаныя ў межах колеравага кода *белы* кампазіты паводле структуры можна падзяліць на дзве групы:

- а) колеравыя, у якіх асноўнае значэнне — ядро — выражана каляронімамі (1.);
б) умоўна-колеравыя, дзе перыферыя — факультатыўнае, дадатковае значэнне (2.).

Колеравы код *румяна-белы* мае поўны колератон. Другая група кампазітаў у значнай ступені выяўляе асаблівасці індывідуальна-аўтарскага светаўспрымання. Перыферыя складанага колеравага кода *мёртва-белы* не рэалізуе непасрэдна колеравыя семы. Аднак, відавочна, уплывае на спецыфіку ўспрымання колеру. Гаворка ідзе пра ізаляванасць белага колеру, яго эстэтызацыю.

Выпадкі эстэтызацыі *белага* колеру па-за «зімовым» кантэкстам адносна нешматлікія.

Як паказвае аналіз, ізаляваны *белы* колер сапраўды выклікае аўтарскае захапленне. У зімовых пейзажах ізаляванасць выяўляецца дастаткова выразна праз ужыванне асобных «няколеравых» лексем або праз кантэкст увогуле.

Лексема *бялявы*, што ўтварылася ад асновы прыметніка *белы* з дапамогай суфікса -яв-, сустракаецца адзін раз у паэме з першасным значэннем «не зусім белы, белаваты»: У завітушках дым *бялявы* / Нясе, як воблак кучаравы.

Форма суб'ектыўнай ацэнкі *бялюткі* ўтворана з дапамогай памяншальна-ласкавага суфікса -ютк- ад асновы прыметніка *белы*, ужываецца чатыры разы ў паэме ў значэнні «вельмі белы»: Тут сыр, як першы снег, *бялюткі*.

У паэме пашырэнне маюць прыметнікі, якія ўтвараюцца шляхам складання дзвюх асноў або складана-суфіксальным спосабам: *густа-белы*, *мёртва-белы* і інш. Ужыванне ў кантэксце дадзеных прыметнікаў перадае прыгажосць роднай прыроды: І шугнуў дождж палётам смелым, / Павіс абрусам *густа-белым*, Ёсць хараство і ў гэтых зімах, / І ў *мёртва-белых* тых кілімах, / Што віснуць — ззяюць хрусталамі... .

У паэме таксама зафіксаваны назоўнік *бель*, што ўтварыўся нулясуфіксальным спосабам ад асновы прыметніка *белы* (сустракаецца тры разы у паэме са значэннем «яркі, чысты белы колер чаго-небудзь»): І ўсюды чыста, *бель* такая, / Што проста вочы адбірае.

Для перадачы зрокавых карцін багатага свету фарбаў роднай прыроды ўжываюцца дзеясловы *пабялець*, *бяліць*.

Дзеяслоў *пабялець*, што ўтварыўся ад *бялець* з дапамогай прэфікса па-, сустракаецца двойчы ў паэме са значэннямі: 1. Стаць, зрабіць белым, бялейшым. 2. Стаць, зрабіцца бледным, пабялднець: І толькі зоркі *пабялелі*, / У хаце дзверы зарыпелі.

Лексема *бяліць*, што ўтварылася ад асновы прыметніка *белы* з дапамогай суфікса -і-, ужываецца адзін раз у паэме і мае значэнне «рабіць белым»: На шыбах *беліць* ён палотны, / Такі тужлівы і маркотны.

Для перадачы прыгажосці зімовага лесеу пісьменнік выкарыстоўвае дзеепрыметнік *збялелы*, утвораны з дапамогай суфікса -л- ад асновы дзеялова *збялець*. Дадзеную форму аўтар выкарыстоўвае для перадачы стану прыроды, а таксама з мэтай характарыстыкі ўнутранага стану асобы герояў. Лексема сустракаецца адзін раз і мае значэнне «які збялеў, стаў белым»: А лес, як добры той знаёмы, / Стаіць *збялелы*, нерухомы.

Для больш дакладнага апісання зімовага пейзажа Якуб Колас выкарыстоўвае і прыслоўе *бялютка*, утворанае ад асновы прыметніка *бялюткі* з дапамогай суфікса -а-. Згаданая адзінка ўжываецца ў адным выпадку са значэннем «вельмі бела»: Куды ні глянь — усё *бялютка*!

Заклучэнне. Як мы бачым, мікраполе белага колеру вельмі разнастайнае. Пейзажныя замалёўкі Якуба Коласа набываюць асаблівую вобразнасць і маляўнічасць, калі ў тэксце ўжываюцца колеравыя спалучэнні. На наш погляд, лексіка са значэннем белага колеру ў значнай ступені дапамагае стварыць цэласную карціну аўтарскай задумы, дае магчымасць меркаваць пра спецыфіку колерабачання пісьменніка, пра ўплыў колеравых камбінацый на ўспрымання твора чытачом.

Спіс цытуемых крыніц

1. *Колас, Я.* Новая зямля : паэма / Я. Колас. — Мінск : Нар. асвета, 1975. — 336 с.
2. *Шамякіна, Т.* Мадэль свету ў міфалагічных сістэмах / Т. Шамякіна // Роднае слова. — 1994. — № 2. — С. 49—58.

ПАРУШЭННЕ АРФАГРАФІЧНЫХ НОРМАЎ У МОВЕ СУЧАСНАЙ БЕЛАРУСКАЙ ПУБЛІЦЫСТЫКІ

Уводзіны. На думку М. В. Абабуркі, трэба «адрозніваць чатыры тыпы парушэнняў сучаснай беларускай літаратурнай мовы: 1) няведанне або слабае засваенне саміх літаратурных нормаў; 2) уплыў дыялектнай мовы на літаратурную; 3) уплыў суседніх ці міжнацыянальных моў — рускай, польскай, украінскай, літоўскай і інш.; 4) уплыў адных норм літаратурнай мовы на другія, часцей за ўсё арфаэпіі на арфаграфію ці арфаграфіі на арфаэпію (не заўсёды пішацца, як гаворыцца, а чытаецца, як напісана)» [1, с. 70].

Асноўная частка. Усе парушэнні літаратурных нормаў прынята называць маўленчымі памылкамі. Разнавіднасцямі такіх памылак з'яўляюцца разнавіднасці саміх нормаў: парушаецца арфаграфічная норма — атрымліваецца і арфаграфічная памылка і г. д.

Лічым неабходным адзначыць, што разнабой у перадачы вуснага маўлення на пісьме ў тэкстах публіцыстычных выданняў, разнастайныя парушэнні існуючых правіл напісання слоў і іх значымых частак адмоўна адбіваюцца на культуры маўлення публіцыстычнага артыкула, паколькі абцяжарваюць яго разуменне і могуць прывесці да агульнай непісьменнасці. Па гэтай прычыне прытрымліванню арфаграфічных нормаў надаецца асаблівае значэнне. Разам з тым даследаванне паказала, што ў мове сучаснай беларускай публіцыстыкі нярэдка сустракаюцца парушэнні арфаграфічных нормаў.

Так, у «Правілах беларускай арфаграфіі і пунктуацыі» вызначана, што «ў запазычаных словах у ненаціскных складах асновы пасля шыпячых, [р], [д], [т] і цвёрдага [ц] пішацца э: *жэтон, Жэнева, Жэрар, жэлацін, чэкмень, рэспубліка, рэформа, Рэмарк, рэклама, рэактар, рэвізія, агрэгат, рэжым, рэкорд, рээстр, рэвалюцыя, дэталі, гардэроб, Дэтройт, Дэфо, дэлегат, дэманстрацыя, ордэн, тэорыя, тэатр, тэлеграф, тэлефон, ветэран, катэт, тэрмометр, тэарэма, цэнтралізм, цэвіта*» [2, с. 9]. Паводле гэтага ў слове *дэкрэтны* таксама неабходна пісаць э, аднак замест яе выкарыстоўваецца літара а: *Між тым, ці павінна залічвацца ў час абавязковай «адпрацоўкі» маладога спецыяліста інтэрнатура, якой можа быць максімальная працягласць змены і ці заўсёды ёсць сэнс датэрмінова спыняць «дакрэтны» водпуск дзеля перспектывы заняць больш высокую пасаду?* [3, с. 2].

Згодна правілу перадачы якання на пісьме, «галосныя е, ё ў першым складзе перад націскам абазначаюцца на пісьме літарай я: *землі — зямля, зелень — зялёны, сем'і — сям'я, сёлы — сяло, сёстры — сястра, вёслы — вясло, вёска — вясковы, елка — яліна, ездзіць — язда, ёмкі — ямчэй, ёрш — ярша*» [2, с. 11]. Аднак на практыцы сустракаюцца адхіленні, напрыклад: *Міжнародная навукова-асветніцкая экспедыцыя «Дарога да святыняў» з Дабрадатым агнём ад Труны Гасподняй ладзіцца семнаціцаты раз* [4, с. 12]; *Так сталася і сёлета — у васемнаціцаты раз* [5, с. 2]. Парушэнні, відаць, выкліканы працяглай традыцыяй ужывання е ў гэтых словах.

Шмат адступленняў ад «Правілаў беларускай арфаграфіі і пунктуацыі» назіраецца ў права пісе ў (у нескладовага) і у (у складовага). «Правіламі» вызначана, што «ў канцы запазычаных слоў ненаціскае у не скарачаецца: *фрау, Шоу, Ландау, Каратау, Дахау, Цеміртау, ток-шоу, ноу-хау*» [2, с. 20]. У тэкстах жа публіцыстычных выданняў назіраецца разнабой: пішуць у такіх выпадках то ў, то у: *Прынамсі, следам за тэатральным ноў-хау з'явілася сумесная акцыя кінатэатра «Кастрычнік» і размеічанай побач з ім кавярні* [6, с. 5]; *Рэтра з ноў-хау* [6, с. 8]. Як адступленне ад арфаграфічнай нормы ўспрымаецца выкарыстанне вялікай літары У нескладовае ў пачатку слоў: *На Ўсебеларускім народным сходзе амаль не гучала беларуская мова* [7, с. 3], хоць «Правілы» патрабуюць: «гук [у] на пачатку ўласных імён і назваў заўсёды перадаецца вялікай літарай У складовае без надрадковага значка: *ва Узбекістан (для ўзбекаў), на Уральскіх гарах (на ўральскіх дарогах), на Украіне (за ўкраінцаў), за Уладзіміра, каля Уладзіслава, да Усяслава*» [2, с. 21].

У тэкстах перыядычных выданняў сустракаюцца часам адхіленні ў правапісе некаторых марфем, у прыватнасці, у правапісе суфіксаў. Так, падвоянае *нн* пішацца на стыку ўтваральнай асновы і суфікса паміж галоснымі, калі ўтваральная аснова заканчваецца на *н*, а суфікс пачынаецца з гэтай жа літары [2, с. 37]: *тэлефон + -н(ы) → тэлефонны*. У тэкстах жа іншы раз другая літара *н* губляецца: *На гэты раз у дарогу паклікаў тэлефоны званок з в. Палонка* [8, с. 1].

Калі ўтваральная аснова слова заканчваецца на *т, ц, ч*, а суфікс пачынаецца зычным *с*, то спалучэнні *тс, цс, чс* на пісьме перадаюцца праз *ц* згодна з вымаўленнем [2, с. 38]: *мадэрніст + -ск- = мадэрністскі [мадэрн'ісцк'і] = мадэрнісцкі*. Таму з'яўляецца адхіленнем ад нормы адсутнасць літары *с* у прыметніку *мадэрнісцкі*: *У большасці кніг «фарбаванья» малюнкi, з размытымі межамі, бяжквымі фарбамі, а то і наогул мадэрнісцкімі малюнкамі* [9, с. 5].

Згодна правілу, калі ёсць або падразумяваецца супрацьпастаўленне, *не* са словамі пішацца асобна [2, с. 65]. Таму наступны прыклад з'яўляецца парушэннем арфаграфічнай нормы: **Негалопа** на еўропам [10, с. 3]. Таксама ў дадзеным прыкладзе назіраецца парушэнне марфалагічнай нормы: канчатак *-ам* замест *-ах*. Парушэнне, відаць, дапушчана, каб захаваць рыфму.

Заклучэнне. Праведзены аналіз дазваляе зрабіць вывад, што ў тэкстах сучаснай беларускай публіцыстыкі назіраюцца парушэнні арфаграфічных нормаў, сярод якіх можам вылучыць памылкі ў перадачы акання і якання на пісьме; памылкі ў правапісе ў нескладовага і у складовага; памылкі ў правапісе суфіксаў і інш. Лічым, што пазбегнуць парушэнняў арфаграфічных нормаў дапаможа дасканаласць веданне правілаў беларускай арфаграфіі, а таксама зварот да слоўнікаў і даведчанай літаратуры пры сумненні ў напісанні слова.

Спіс цытуемых крыніц

1. Абабурка, М. Культура беларускай мовы / М. Абабурка. — Мінск : Выш. шк., 1994. — 122 с.
2. Правілы беларускай арфаграфіі і пунктуацыі. — Мінск : Нац. цэнтр прававой інфарм. Рэсп. Беларусь, 2008. — 144 с.
3. Звязда : беларус. газ. — 2009. — 3 верас. (№ 165).
4. Культура : штотыдн. грамад.-асветн. газ. — 2010. — 4—10 верас. (№ 36).
5. Культура : штотыдн. грамад.-асветн. газ. — 2011. — 12—18 лют. (№ 7).
6. Культура : штотыдн. грамад.-асветн. газ. — 2011. — 19—25 сак. (№ 12).
7. Наша слова. — 2010. — 15 снеж. (№ 50).
8. Звязда : беларус. газ. — 2008. — 25 верас. (№ 181).
9. Звязда : беларус. газ. — 2009. — 8 верас. (№ 168).
10. Культура : штотыдн. грамад.-асветн. газ. — 2010. — 30 кастр. — 5 ліст. (№ 44).

УДК 81'37

П. А. Кириков

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П. М. Машерова», Витебск

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ КАК СИСТЕМА

Введение. Главная задача лексической семантики — это описание системы лексических значений. Специфика определенного семантического поля определяется той огромной ролью, которую в жизни любого народа играет соответствующая денотативная область. Лексике любого семантического поля свойственны специфические закономерности ее константно-семантической организации, развитые прагматические механизмы, которые служат метафорическому освоению различных сфер человеческого опыта.

Основная часть. С помощью лексических единиц, которые изучаются в качестве частей большой системы, лингвисты раскрывают семантические структуры. Слово, которое является отражением действительности, выступает в роли предмета изучения семантики. Изучение и сравнение сходных лексико-семантических групп в разных языках помогает выявить не только их лексические и грамматические особенности, но и вскрыть культурные процессы, происходившие на протяжении истории развития различных наций.

Организация такой системы, как лексика, определяется объединением слов, которые обладают общим значением. Такие объединения являются лексико-семантическими группами или парадигмами, внутри которых существуют парадигматические отношения. Общность содержания — это основной признак, который лежит в основе формирования лексико-семантической группы. Важно отметить, что лексико-семантическая группа состоит из слов одной части речи. Если слова принадлежат к разным частям речи и связаны по значению, то данное объединение слов будет называться тематической группой.

Термин «семантическое поле» является одним из наиболее популярных в современной лингвистике. Он завоевал чрезвычайно широкое распространение практически во всех областях науки о языке. Под понятийным, семантическим полем Й. Трир понимает в первую очередь структуру определённой сферы или круга понятий. Понятийному полю соответствует в языке лексическое поле, которое вычленяется из словарного состава, будучи соотносённым с каким-либо понятийным полем [1].

Зарубежными учёными (К. Ройнинг, А. Л. Кребер и др.) в качестве основного критерия выделения семантического поля выдвигалось наличие общих значений у лексем, входящих в данное поле. Семантическое поле — термин, применяемый в лингвистике чаще всего для обозначения совокупности языковых единиц, объединённых каким-то общим семантическим признаком.

В отечественном языкознании теорию поля развивали Ю. Д. Апресян, С. Г. Бережан, А. В. Бондарко, Л. М. Васильев, В. А. Звегинцев, Ю. Н. Караулов, А. И. Кузнецова, А. А. Уфимцева, Ф. П. Филин, Д. Н. Шмелев, Г. С. Щур и др.

В настоящее время учёными в качестве одной из основных задач выдвигается изучение языковых единиц как системы. Одним из принципов системной организации признаётся семантическое поле.

Главная задача лексической семантики — это описание системы лексических значений. На протяжении нескольких лет лингвисты занимаются изучением системных связей лексического состава, что привело к возникновению теории семантического поля. В трудах отечественных и зарубежных лингвистов представлены различные теории поля. Так, были выделены закономерности семантических связей между единицами языка, а также типы семантических полей. Впервые термин «семантическое поле» был введен в работах немецких лингвистов Трира и Ипсена в первой половине XX века. Семантическим полем называется множество слов, объединенных общностью содержания. Теория поля охватывает много точек зрения и является, по сути, резульативной, так как в понятии «поле» лингвистам удалось реализовать идею о наличии структурной величины, которая объединяет лексику в лексико-семантическую систему, где каждая система обнаруживает эту величину как доминантную сему лексического значения.

Исследователь Н. И. Толстой пишет: «В последнее время развитие лексикологии дает все больше основания говорить о чистой лексикологии — лексикологии, обращенной исключительно к лексемной стороне словаря» [2]. Приведенное высказывание затрудняет сравнение лексики и семантики как систем. Семантическая система — совокупность значений слов или понятий, которые выражаются лексическими единицами. Единицей лексики является слово, а единицей семантики — значение слова.

В своих трудах Степанов приводит два принципа выделения полей: 1) логический (основанный на логике познания); 2) ассоциативный (основанный на ассоциациях понятий).

Изучение лексики в трудах В. В. Виноградова признано необходимостью. Особое внимание ученый уделял наблюдению за изменением лексики в исторические промежутки времени: «Слова и их значения в том или ином общенародном, общенациональном языке образуют внутренне связанную, единую и общую для всех членов общества систему. Слово, как смысловая единица языка, отражающая тот или иной “кусочек действительности”, вместе с тем выражает его общественное понимание и является элементом данной лексико-семантической системы языка» [1].

В современной литературе по лингвистике существует большое количество определений поля. Так, З. Н. Вердиева приводит следующие определение: «поле в лингвистике представляется как совокупность слов различных частей речи, объединенных общностью выражения одного понятия» [3]. Определение О. С. Ахмановой несколько шире: «Поле — совокупность содержательных единиц (понятий, слов), покрывающая определенную область человеческого опыта» [3].

С точки зрения Мейера, задачей семасиологии является принадлежность каждого слова к той или иной системе и обнаружение системообразующего дифференцирующего фактора этой системы. Дифференцирующим фактором автор называет семантический признак, с помощью которого можно упорядочить определенное количество слов и выражений.

Мейер выделял следующие типы семантических полей: 1) естественные (названия деревьев, животных, частей тела); 2) искусственные (названия воинских чинов, механизмов и пр.); 3) полусинтетические (терминология водителей, рыбаков, этические понятия и пр.).

Термин «лексико-семантическое поле» применяется в лингвистике чаще всего для обозначения совокупности языковых единиц, которые объединены общим лексико-семантическим признаком. На начальном этапе в роли таких лексических единиц лингвисты рассматривали единицы лексического уровня — слова. Позже появились работы лингвистов, которые включили сюда словосочетания и предложения.

По определению Е. И. Дибровой, лексико-семантическое поле — это иерархическая организация слов, объединенная одним родовым значением и представляющая в языке определённую семантическую сферу.

Под структурой лингвисты понимают относительно устойчивое единство элементов, их отношений и целостность объекта. Семасиологическая характеристика поля заключается в том, что члены поля соотносятся друг с другом по интегрально-дифференциальным признакам в своих значениях. Это позволяет их объединять и различать в пределах одного поля.

Собственно семантическая структура поля состоит из следующих частей:

1) ядро поля представлено родовой семьей, или, как её называют, гиперсемой. Гиперсема поля — семантический компонент, вокруг которого образуется семантическое развёртывание поля;

2) центр поля включает в себя единицы, которые имеют интегральное, общее с ядром и рядоположительными единицами дифференциологическое значение;

3) периферия поля состоит из единиц, которые наиболее удалённые в своём значении от ядра, общее родовое понятие здесь отнесено в разряд потенциальной или вероятностной семантики. Периферийные единицы могут иметь контекстуальное значение, если поле строится по определённому тексту произведения. Обычно периферийные единицы поля могут вступать в контакт с другими семантическими полями, образуя лексико-семантическую непрерывность языковой системы.

Следует отметить, что граница между ядром поля и периферией, а также граница самого семантического поля нечёткая, размытая, поэтому элементы одного поля (особенно периферийные) могут входить в другое поле. Семантическое поле обладает, как уже было отмечено, внутренней структурированностью, что делает его более удобным для анализа. Оно состоит в основном из соответствующей тематической группы, внутри которой в процессе анализа должны будут выделиться более мелкие лексико-семантические группы.

Основные свойства семантического поля: 1) семантическое поле интуитивно понятно носителю языка и обладает для него психологической реальностью; 2) семантическое поле автономно и может быть выделено как самостоятельная подсистема языка; 3) единицы семантического поля связаны теми или иными системными семантическими отношениями; 4) каждое семантическое поле связано с другими семантическими полями языка и в совокупности с ними образует языковую систему.

Понятие семантического поля получило большое распространение, число конкретных исследований постоянно растёт, в теорию поля вносятся добавления и уточнения. Теория поля всё больше связывается с определённой классификационной системой словарного состава, который расчленяется на упорядоченные по отношению друг к другу большие и малые группы.

Заключение. Проанализировав разные подходы к дефиниции семантического поля, мы пришли к выводу, что наиболее точным является следующее определение поля: «Поле — это совокупность языковых (главным образом лексических) единиц, объединённых общностью содержания (иногда также общностью формальных показателей) и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений» [2]. Лексико-семантическое поле — совокупность лексем, обозначающих определённое понятие в широком смысле этого слова. По современным представлениям, поле включает в свой состав слова различных частей речи, с допущением включения фразеологизмов и лексических материалов различных форм существования национального языка не только литературного, но и просторечия (диалектов, жаргонов), с обращением к историческим лексическим материалам при ориентации на диахроническое исследование.

Список цитируемых источников

- 1 *Апресян, Ю. Д.* Иден и методы современной структурной лингвистики / Ю. Д. Апресян. — М.: Просвещение, 1966. — 283 с.
- 2 *Васильев, Л. М.* Современная лингвистическая семантика / Л. М. Васильев. — М.: Высш. шк., 1990. — 235 с.
- 3 *Кронгауз, М. А.* Семантика: учеб. для студентов лингвист. фак. высш. учеб. заведений / М. А. Кронгауз. — М.: Академия, 2005. — 352 с.

УДК 070.2(476):17.023.34

О. М. Матуль

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П. М. Машерова», Витебск

СЧАСТЬЕ КАК ОДНА ИЗ ВАЖНЕЙШИХ НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ БЕЛОРУСОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ)

Введение. Счастье — одна из ведущих категорий в этике. Стремление быть счастливым является одним из важнейших аспектов человеческого существования. Научное обоснование сущности и содержания этого понятия довольно проблематично, ведь у каждого человека свое представление о счастье.

Исследование данной проблемы имеет давнюю историю, поскольку она составляет одну из наиболее постоянных и в то же время динамичных установок морального сознания.

Основная часть. Исследованию проблемы уделяли много внимания как мыслители прошлого, так и современные философы. Аристотель признавал счастье (блаженство) высшим благом, внося много инновационных оттенков в интерпретацию этого понятия. Счастье — это особое состояние удовлетворённости, получаемое от совершенной (добродетельной) деятельности. Отмечая единство морали и счастья, Аристотель подчеркивал, что достижение состояния высшего удовлетворения жизнью зависит не только от определённой организации сознания, но и от поступков. Среди многочисленных условий счастья главными являются нравственное и интеллектуальное совершенствование, здоровье и наличие внешних благ, активная гражданская позиция, дружба [1].

История развития проблемы *счастья* достаточно богата. В этической науке выделили три основных направления изучения *счастья*:

1) гедонизм — философское направление этики, считающее радость и удовольствие высшим благом и условием счастья в хорошей жизни;

2) эвдемонизм — философско-этическая традиция, считающая, что *счастье* достигается через освобождение от физических страданий, а души — от волнений;

3) утилитаризм, согласно которому моральная ценность поведения или поступка определяется его полезностью.

«Толковый словарь русского языка» С. И. Ожегова приводит такое определение: «СЧАСТЬЕ. -я, ср. 1. Чувство и состояние полного, высшего удовлетворения. 2. Успех, удача» [2].

Таким образом, понятие *счастье* весьма многогранно. В нем можно выделить такие аспекты: везение, удача, фортуна, особая благосклонность судьбы; состояние радости, эмоциональной возвышенности; обладание высшими благами, достижение высокого положения; состояние морального и физического удовлетворения.

Цель нашей работы — выявление приоритетных духовных ценностей белорусов на материале русскоязычных печатных изданий Беларуси. Источником фактического материала для данного исследования послужили русскоязычные статьи изданий «СБ. Беларусь сегодня» (далее — СБ), «Знамя юности» (далее — ЗЮ), «Народная газета» (далее — НГ), «Союзное вече» (далее — СВ), «Аргументы и факты в Беларуси» (далее — АиФ), а также «Беларускі час» (далее — БЧ) и «Рэспубліка» (далее — Р) за 2015-й — начало 2016 года.

В данной статье мы представляем результаты наблюдений над функционированием лексем, маркирующих духовную ценность *счастье*, на страницах русскоязычных печатных СМИ Беларуси. Анализ фактического материала позволил сделать нам следующие выводы.

Частота употребления лексем, маркирующих понятие *счастье*, на страницах республиканских изданий составляет 13%:

- *Счастливые смен не замечают* (НГ, № 18 от 08.05.2015);
- *Счастливых лет священный оберег* (СБ, № 85 от 08.05.2015);
- *Счастье в дом* (СБ, № 101 от 30.05.2015);
- *День счастья — сегодня* (СБ, № 204 от 22.10.2015);
- *Третий на счастье* (ЗЮ от 11.09.2015);
- *Ключ от квартиры, где счастье лежит* (Р, № 104 от 06.06.2015);
- *«В Беларусь поеду летом». Эрнест Мацквявичус — о музыке, родине, счастье* (АиФ, № 20 от 12.05.2015);
- *Разбитая тарелка — на актерское счастье и режиссерскую удачу* (СВ, № 45 от 13.11.2015);
- *Монетка на счастье* (НГ, № 44 от 06.11.2015);
- *Семейное счастье. Сохранить и приумножить* (СБ, № 15 от 27.01.2016).

Приоритетная грамматическая форма, представляющая духовную ценность *счастье* в заголовках, — существительное в форме единственного числа (80% употреблений). Преобладание форм имени существительного, на наш взгляд, говорит о важности для журналиста предметной части лексического значения данного понятия:

- *30 лет настоящего счастья* (АиФ, № 21 от 19.05.2015);
- *Тарелка на счастье* (ЗЮ от 06.11.2015);
- *«Знаменка» в дом — к счастью!* (ЗЮ от 05.06.2015);
- *О, счастливец!* (ЗЮ от 19.06.2015);
- *«Счастье — в умении управлять деньгами!»* (АиФ, № 52 от 22.12.2015);
- *Длинный хвост короткого счастья* (ЗЮ от 31.07.2015).

В 18% заголовочных конструкций ценность *счастье* представлена именем прилагательным. Это позволяет автору дать оценочную характеристику многим событиям и явлениям, описываемым им в статье:

- *Кадетства счастливые дни* (НГ, № 6343 от 27.11.2015);
- *Счастливый знак* (ЗЮ от 16.01.2015);
- *«Никакого кризиса нет!» Михаил Веллер — о том, когда народ снова будет счастлив* (АиФ, № 14 от 31.03.2015);
- *Бес в ребро? Может ли быть счастливым неравный брак* (АиФ, № 42 от 13.10.2015);
- *Традиции и амбиции. Геннадий Хазанов — об умении быть счастливым и уроках истории* (АиФ, № 50 от 08.12.2015);
- *Счастливый жребий* (СБ, № 149 от 07.08.2015).

В единичном случае духовная ценность *счастье* маркирована наречием. В данном случае стилистическая роль наречия подобна стилистической роли прилагательных. Разница заключается лишь в том, что наречие здесь определяет не предмет, а действие:

- *Жить достойно и счастливо* (БЧ, № 22 от 05.06.2015).

В значительной части примеров (47%) лексема *счастье* занимает в предложении сильную синтаксическую позицию — подлежащего (28%) и сказуемого (18%). Такая особенность свидетельствует о значимости данного понятия, его актуальности и ценности для автора статьи:

- *Счастье быть отцом. 22 ребёнка воспитывает семья Косиковских* (АиФ, № 28 от 07.07.2015);
- *Счастье на ладони* (ЗЮ от 13.11.2015);
- *И будет вам счастье* (ЗЮ от 17.12.2015);
- *Счастье в квадрате* (ЗЮ от 16.10.2015);

– *Снег. Смех. Счастье* (СБ, № 246 от 19.12.2015).

Однако в большинстве заголовков духовная ценность *счастье* представлена лексемами, функционирующими в качестве второстепенного члена предложения (53%), что, на наш взгляд, говорит о конкретизации данного понятия:

- *Десять дней счастья* (СБ, № 249 от 24.12.2015);
- *Впереди планеты. Илзе Лиена — о счастье, таланте и... боли* (АиФ, № 42 от 13.10.2015);
- *Рождественский гид по счастью для сомневающийся* (СБ, № 249 от 24.12.2015);
- *Рецепт счастья* (НГ, № 116 от 26.06.2015);
- *ЭКО. Счастья привалило* (Р, № 95 от 26.05.2015);
- *Возраст счастья не помеха* (Р, № 95 от 26.05.2015).

В толковом словаре В. И. Даля «СЧАСТЬЕ (со-частье, доля, пай) ср. рок, судьба, часть и участь, доля; случайность, желанная неожиданность, талант, удача, успех, спорина в деле, не по расчету, счастье, счастки; благоденствие, благополучие, земное блаженство, желанная насыщенная жизнь, без горя, смут, тревоги; покой и довольство; вообще, все желанное, все то, что покоит и доводит человека, по убеждениям, вкусам и привычкам его» [3]. В качестве одного из значений понятия *счастье* В. И. Даль приводит лексему «благополучие». Этимологически эта лексема является словообразовательной калькой из греческого языка, представляющей собой сложение прилагательного *благая* 'хорошая' и несохранившегося существительного *полука* 'случай, судьба'. Слово *благо* известно с древнерусской эпохи в значении 'добро, польза'. Таким образом, можно говорить о семантической близости понятий *счастье* и *добро*.

Заключение. *Счастье* представляет собой сложное понятие. Содержание *счастья* определяется тем, в чем люди видят смысл своего существования, свое предназначение. Счастливый человек чувствует в себе активность и наличие сил для продуктивной деятельности, поэтому можно утверждать, что *счастье* действительно является той движущей силой, которая толкает человека на смелые поступки, на выполнение различных видов деятельности, в том числе и созидательной творческой деятельности. *Счастье* порождает чувство свободы, легкости, воодушевления. Естественно, что каждый человек стремится быть счастливым. Всё это обуславливает присутствие ценности *счастье* в ряду приоритетных ценностей, выявленных нами в ходе анализа фактического материала.

Список цитируемых источников

1. *Аристотель*. Сочинения : в 4 т. / Аристотель. — М. : Мысль, 1983. — Т. 4. — 644 с.
2. *Ожегов, С. И.* Счастье / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова // Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. — 1992. — Режим доступа: http://lib.ru/DIC/OZHEGOW/ozhegow_s_q.txt. — Дата доступа: 03.05.2016.
3. *Даль, В. И.* // Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. — М. : Директ-Медиа, 2014. — 7602 с.

УДК 82-1 Багдановіч

Г. В. Мінько

Установа адукацыі «Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт», Баранавічы

УСХОДНІЯ МАТЫВЫ Ў ПАЭЗІІ МАКСІМА БАГДАНОВІЧА

Уводзіны. Літаратура кітайскага народа — адна з самых старажытных у свеце. У глыбокай старажытнасці ў Кітаі існавала развітая сістэма міфалогіі. Першым мастацкім помнікам лічыцца «Кніга песень». Перыяд старажытнасці адзначаны паскораным развіццём класаў, прыманнем рабскай працы і падпарадкаваннем сялянскай абшчыны арыстакратыі. Літаратура адлюстроўвае цяжкую працу земляробаў, лесарубаў, паляўнічых, іх незадаволенасць чыноўнікамі пабораў і ваеннымі паходамі.

Моцны ўплыў на развіццё кітайскай літаратуры на працягу тысячагоддзяў аказвала ідэалогія канфуцыянства і даасізму. Канфуцыянства — вучэнне маральна-этычным нормам, якое грунтуецца на аўтарытэце старэйшых. Ідэі канфуцыянства выкарыстоўваліся тымі пісьменнікамі, якія абаранялі інтарэсы правячых класаў у перыяды ўзмацнення дзяржаўнай улады. Даасізм рабіў акцэнт на «законах натуральнасці». Моцны ўплыў рэлігійна-містычнай разнавіднасці даасізму выявіўся ў такіх блізкіх да фальклору жанрах літаратуры, як сказ і драма.

Самай яркай старонкай паэтычнай спадчыны ханскай эпохі з'яўляюцца народныя песні, якія атрымалі назву «Юэфу». У іх адлюстраваны ўяўленні народа аб працы і штодзённых клопатах, імкненне вырвацца з-пад прыгнёту. У песнях вядзецца апавед аб бясконцых ваенных паходах і «бядзянні» па чужых краях, аб долі пакінутай жанчыны, апяваецца любоў і сямейнае шчасце.

Асноўная частка. Старажытная беларуская літаратура мае тая ж матывы, што і кітайская літаратура. Старажытная беларуская літаратура, фальклор падрыхтавалі трывалую нацыянальную глебу для новай беларускай літаратуры. У гэтым назіраецца асабліва цесная сувязь з літаратурай Кітая: і беларуская, і кітайская літаратура грунтуюцца на фальклорных матывах.

Літаратурнае ўзаемадзеянне выяўляецца ў працэсе аналізу вобраза Месяца, які мае фальклорныя вытокі і часта сустракаецца ў кітайскай і беларускай літаратурах. У кітайскай паэзіі пачуцці лірычнага героя часта перадаюцца месячнай ноччу. Кітайскі паэтычны мелас напоўнены прыёмам і прыхаваных асацыяцый і ўнутраным паралелізмам, а гэта заўсёды лічылася вышэйшым узроўнем паэтычнасці.

Кітайскія творцы любяць апісваць, як зіхаціць раса, як пераліваецца снег пад месячным святлом, якія дзіўныя цені адкідае поўня, як блішчыць ноччу, быццам шоўк, возера, як поўня ўпрыгожыла неба намалёванай ёю ракой. У кітайскай пейзажнай паэзіі пануе галоўнае — пачуццё-замілаванне, захапленне прыродай. Лі Бо піша такія радкі:

У скалы Нючжу я оставил челн,
Ночь блистает во всей красе.
И люблюсь я лунным сиянием волн,
Только нет генерала Се.

Кітайцы захапляюцца порамі года, даючы кожнай з іх вобразную характарыстыку. Восень паўстае ў творах як святло месяца. У вершы Лі Бо «Увосень узыходжу на паўночную вежу Се Цяо ў горадзе Сюанчэн» восеньскі пейзаж мае адзнакі медытацыйнасці: «Ці згадае хто-небудзь узшыоўшы на паўночную вежу / Пра гаспадара Се Цяо... / Ці можа толькі вецер?!» На Усходзе жыве адчуванне далучанасці да духоўнага пачатку, які «разліты» ў прыродзе, кітайцы заўсёды імкнуцца да Вечнага [1, с. 96].

Творы беларускай літаратуры таксама прасякнуты адчуваннем таямнічасці, загадкавасці свету. Паэты імкнуцца да метафарычнасці і ўвасабляюць гэта ў сваёй творчасці. Вялікі ўплыў на творчасць паэтаў аказаў беларускі фальклор. Творчасць класікаў пачатку ХХ стагоддзя ўражвае значным узбагачэннем вобразнасці, глыбокай філасофскай напоўненасцю традыцыйных матываў. Класікі беларускай літаратуры гарманічна спалучаюць нябеснае і зямное, малююць нацыянальны ландшафт, ствараюць абагульнены вобраз беларускай прыроды.

У беларускай паэзіі нашаніўскага перыяду прысутнічае шмат міфалагічных вобразаў. Адным з іх з'яўляецца Месяц, якому ў беларускіх вераваннях надаецца шмат магільных уласцівасцей. Лічыцца, што асаблівымі магчымасцямі валодае месячнае святло. Пры святле Месяца гушкаюцца на дрэвах, плешчуцца на паверхні вады або бегаюць па палях, заманьваючы пракожых, русалкі. Беларусы асабліва асцерагаліся таго, каб святло Месяца падала на калыску з немаўлём. Уздзеяннем месячнага святла тлумачылася і такая хвароба, як лунатызм, або самнамбулізм, — хаджэнне ў сне. Каб пазбегнуць лунатызму ў дзіцяці, жанчына яшчэ ў час цяжарнасці павінна была асцерагацца ўначы месячнага святла [3, с. 303].

Творчасць класіка Максіма Багдановіча прываблівае сваёй «касмільнасцю». Ён увёў у беларускую літаратуру асобныя міфалагічныя матывы і персанажы, узбагаціў канкрэтна-гістарычныя вобразы ўніверсальным сэнсам. У многіх яго вершах прысутнічае Месяц. Ён надзвычай «актыўны» персанаж, але часцей за ўсё прысутнічае «ў звязцы» з Сонцам і зоркамі. Месяц і зоркі ў творчасці М. Багдановіча — вобразы, якія выяўляюць прыгажосць прыроды. У беларускага паэта «месяц белы заплакана свеціць», «месяц правёў праз раку светлы шлях», «месяц увесь чырвона-жоўты, быццам пугачова вока» [2, с. 114].

Вялікае значэнне Максім Багдановіч надаваў вытокаў нашай гісторыі, бо менавіта адтуль ідуць многія загадкі і таямніцы. Невыпадкова зборнік «Вянок» пачынаецца з пранікнення ў зачараванае царства, якое напоўнена вобразамі, што прыйшлі ад далёкіх продкаў. Верш «Самнамбул» уключаны ў раздзел «У зачараваным царстве». У эпіграфе да раздзела паэт гаворыць, што ў яго вершы ёсць настаўленне чытачу, схаванае «за дзіўнымі радкамі».

У вершы «Самнамбул» апавед вядзецца ад трэцяй асобы, і гэтым ён адрозніваецца ад папярэдніх твораў. Такую незвычайную асобу, магчыма, Максім Багдановіч убачыў у паэзіі Усходу. Яго герой — сузіральнік, якога прываблівае месяц, што асвятляе «змрочную, заснуўшую зямлю». Вобраз «змрочнай, заснуўшай зямлі» сімвалізуе штотдзённае жыццё, беднае на фарбы, асацыяцыі, тоны, але даль, хоць яна і цёмная, заўсёды прыцягальная, бо выклікае цікавасць, веру, надзею і радасць. Цікавым з'яўляецца параўнанне «сэрца білася рыбкай у сеці», яно багата на асацыяцыі, звязаныя з уяўленнем пра шчасце. Бляск золата, срэбра выкліканы ясным святлом месяца. Герою верша «Самнамбул» здаецца, што вясна, якую ён «доўга-доўга чакаў і шукаў», блізка. Аўтар выкарыстоўвае прыём абрыву, бо рэальнасць пагражае смерцю, але гэта не смерць фізічная, а стан спакою, сну.

Верш «Самнамбул» напісаны пад уплывам кітайскай літаратуры, ёсць падставы меркаваць, што менавіта ад імя кітайскага паэта Лі Бо вядзецца апавед у дадзеным творы М. Багдановіча. Лі Бо — адзін з самых любімых паэтаў кітайскага народа. Ён з'яўляецца аўтарам каля тысячы вершаў. Геніяльны паэт быў захоплены імкненнем сцвердзіць культ слова, паказаў багацце народнага духу. Ён цягнуўся да мастацтва, але ненавідзеў жыццё, жадаў асабістай адзіноты і вызвалення ад зямной арбіты, якая перашкаджала яму стаць вечным сябрам поўні, бязмоўнай сяброўкі яго зямной адзіноты.

У многіх вершах Лі Бо узгадваецца Месяц, а некаторыя творы цалкам прысвечаны яму. Вядома, што паэт хварэў на лунатызм, і менавіта гэтая хвароба ў многім паўплывала на яго творчасць.

Заклучэнне. Месяц вабіў мастакоў слова сваёй таямнічасцю і загадкаваасцю, асабліва ярка гэта праявілася ў творчасці Максіма Багдановіча. Ён гарманічна спалучыў у сваіх творах міфалагічныя матывы і гістарычныя вобразы з аўтарскай індывідуальнасцю, усталяваўшы сувязь з кітайскай паэзіяй.

Спіс цытуемых крыніц

1. Шамякіна, Т. І. Міфалогія Беларусі / Т. І. Шамякіна. — Мінск : Маст. літ., 2000. — С. 95—99.
2. Шамякіна, Т. І. Міфалогія і беларуская літаратура / Т. І. Шамякіна. — Мінск : Маст. літ., 2008. — С. 102—114.
3. Міфалогія беларусаў : энцыкл. слоўн. / склад. І. Клімковіч, В. Аўтушка ; навук. рэд. Т. Валодзіна, С. Санько. — Мінск : Беларусь, 2011. — С. 299—303.

УДК 81'42:659

Г. И. Ногтева

Учреждение образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины», Гомель

ЯЗЫКОВЫЕ И ВНЕЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ НАРУЖНОЙ РЕКЛАМЫ

Введение. Современная реклама уже давно стала неотъемлемой частью человеческой жизни. Информацию о потребительских товарах и услугах можно встретить практически везде и в любое время суток. Объявления, расклеенные в лифте и в транспорте, привлекают внимание потенциальных покупателей товаров и услуг. Рекламные объявления можно увидеть на столбах вдоль дорог. В газетах, на специально отведённых страничках, печатают рекламные материалы. На радио фирменные слоганы вещает диктор, а во время показа телевизионных фильмов или передач на самом интересном месте начинается трансляция рекламных роликов.

Реклама сегодня зачастую воспринимается как искусство. Создаются специальные шоу-программы в целях показа рекламных роликов. Например, существует киношоу «Ночь пожирателей рекламы», которое реализуется в формате киносеанса, т. е. потенциальные зрители смотрят всю ночь на экране ролики, но не в качестве рекламы, а как кинопроизведение. Выходят книги, содержащие в себе советы и методы реализации рекламных текстов: как убедить общество, как оформить плакат или флаер, как правильно подать товар или услугу и т. д. Появляются инновационные способы составления и продвижения рекламы. Считается, что реклама в газетах, на радио и на телевидении перешла в категорию «устаревшего», а её место в современном мире прочно заняли интернет-технологии.

Основная часть. Наша статья посвящена особенностям составления наружной рекламы, на первый взгляд традиционного вида размещения информации. Современная наружная реклама представляет собой графическую, текстовую или другую информацию. Она размещается на особых временных или стационарных конструкциях, расположенных на открытой местности, на внешних поверхностях зданий, сооружений, на элементах уличного оборудования, над проезжей частью дорог, а также на автозаправочных станциях. Наружная реклама рассчитана преимущественно на визуальное восприятие и имеет различные форматы, наиболее распространённым из которых является билборд (англ. *billboard* афиша, реклама на доске). Билборд — это отдельно стоящие рекламные щиты, установленные, как правило, на самых оживлённых трассах, магистралях, закреплённые на опоре.

Существует два основных принципа создания данного типа рекламы: 1) «взгляд за одну секунду» (плакат должен бросаться в глаза и быстро «схватываться»); 2) реклама должна быть запоминающейся (нужно создать образ, который будет ассоциироваться с товаром или услугой).

Наружная реклама классифицируется по цели размещения:

1) коммерческая реклама направлена на удовлетворение экономических потребностей. Её тематика разнообразна: обувь, одежда, бытовые товары, электрические приборы, продукты, услуги туризма, врачебная деятельность и т. д. Целью этой рекламы является продвижение товаров и услуг для получения прибыли;

2) социальная реклама направлена на изменение ситуации в обществе. Главной задачей социальной рекламы является убеждение.

Можно выделить следующие особенности наружной рекламы:

1) использование крупных шрифтов, целью использования которых является возможность человека с дальнего расстояния либо с невысокой остротой зрения прочитать информацию;

2) использование контрастных цветов. Цвет обладает свойством оптически увеличивать (светлые оттенки) или уменьшать (тёмные оттенки) предметы. Использование игры на контрасте облегчает прочтение текста с дальнего расстояния, делает его заметнее. Графические элементы должны быть достаточно велики для комфортного восприятия;

3) выделение текста. Жирный шрифт используется, чтобы подчеркнуть надежность товара, а тонкий шрифт — его изящество;

4) с помощью различных морфологических аффиксов можно обратить внимание потенциального потребителя на уникальность товара или услуги;

5) использование рифмы в лозунге вызывает интерес к прочтению рекламы, а затем закрепляет его с предлагаемой услугой или товаром;

6) яркое изображение или использование образов-ассоциаций в названии или слогане способствует привлечению предполагаемого покупателя, например, при оформлении рекламы компании «Солтур» создатели на месте буквы «о» использовали изображение солнца, ассоциирующегося с отдыхом на море.

Кроме того, рекламные тексты составляются с учётом морфологических и лексических особенностей используемых сочетаний (предпочтение отдаётся употреблению конкретных, а не абстрактных слов), а также с учётом построения слов в определённых синтаксических конструкциях.

Бизнесмену важно представить свой товар или услугу целевой аудитории, рассказать о положительных сторонах, а затем подтолкнуть покупателя к приобретению. Из множества методов продвижения рекламного материала он выбирает наиболее удобный в финансовом отношении и учитывает определённую целевую аудиторию. Наружная реклама приносит выгоду благодаря количеству людей, случайно или специально обративших внимание на объявления, размещённые, например, на билбордах.

Наиболее действенной по своему влиянию на человека является социальная реклама. Основными чертами социальной рекламы является её общественная направленность, не связанная с коммерческой деятельностью, ориентация на достижение социально значимых ценностей в результате влияния на общество и принадлежность рекламы государству. Тематика социальной рекламы разнообразна: охрана труда, безопасность на дорогах, борьба со СПИДом, отказ от аборта, экономия воды, культурные ценности и т. д.

Основные функции социальной рекламы следующие:

1) информационная — распространение информации и привлечение к ней внимания;

2) экономическая, проявляющаяся в перспективе, так как решение многих социальных проблем ведёт к улучшению здоровья нации, благосостоянию государства, потому что здоровая нация способствует появлению здоровых детей, улучшению трудоспособности и поступлению достойного налога в бюджет;

3) просветительская, состоящая в популяризации социально значимых ценностей, таких как здоровый образ жизни (следствие отказа от курения, наркотиков и борьбы со СПИДом), порядочное поведение на дорогах, повышенное внимание к культуре общества;

4) собственно социальная — заключается в формировании в общественном сознании правильной модели поведения.

К числу основных способов создания социальной рекламы можно отнести следующие:

1) речевое сообщение в целях внушения, убеждения. Для данной цели используются конкретные слова и образы, содержание которых легко представить и запомнить. Например, на плакате социальной рекламы против СПИДа изображены два скрещенных кольца с красной ленточкой между ними и сообщение: *«Любовь и верность против СПИДа»*. Обручальное кольцо в мире является символом вечности любви и верности. Красная ленточка — официальный международный символ в борьбе со СПИДом. И слова не несут никакой лишней смысловой нагрузки: только конкретное значение — противостояние этой проблеме;

2) использование на плакате символических рисунков, «зашифрованных» картинок, характерно для социальной рекламы с культурной направленностью. В последние годы создан целый ряд билбордов на тему любви к нашей стране, значимости её ценностей. Основным символом на плакатах является сердце, созданное из различных «богатств» Беларуси: леса, поля, луга, цветов, ягод. Рядом с ним присутствует фраза *«Я люблю Беларусь!»*. Считается, что в позитивных контекстах не следует употреблять слово *«нет»* и слова с частицей *«не»*, так как сознание человека отказывается воспринимать информацию, содержащую перечисленные элементы;

3) для удобного восприятия рекламного текста используются метафоры. На дорогах не так давно появились билборды с текстом *«Выбери свой тариф»*, и под каждым тарифом указана цена. Казалось бы, представлена простая реклама Интернета на дороге. Однако таким образом (в метафорической форме) служба ГАИ предупреждает водителей соблюдать скорость на дороге, чтобы не *«выбрать штраф»*.

К оформлению текстов рекламные агентства подходят ответственно. В целях привлечения внимания к надписи используются шрифты разной высоты и толщины, текст создаётся на цветном фоне, применяются контрастные сочетания цветов в дизайне, в шрифте, используется игра слов, ирония, каламбур, намеренно искажаются слова. В целях убеждения и внушения авторы играют ассоциациями, создавая конкретные образы или отсылая к известным символам, приводят убедительные доводы в слоганах, применяя «эффект толпы», например: *«У всех есть, а Вы не купили...»*. Практически во всех рекламных текстах используются игровые приёмы. Целесообразность их применения обусловлена, по нашему мнению, следующими факторами: 1) игровые приёмы позволяют создать такой рекламный текст,

который наверняка привлечёт к себе внимание покупателя; 2) игровые приёмы придают оригинальность рекламе; 3) «двойное дно» рекламы усиливает запоминаемость текста; 4) полисемия способствует экономии времени, затраченного на создание и восприятие рекламного текста.

Заключение. Современная реклама многофункциональна. Если изначально реклама выполняла две основные функции — экономическую (развитие процесса продаж) и информационную (сообщение о наличии товаров и услуг), то сегодня она выполняет и образовательную, и идеологическую, и социально-культурную, а также коммуникативную функции. Реклама имеет различные формы, цели и характеристики. Этим определяется дизайн и лексико-грамматический строй рекламного текста. Так, коммерческая реклама направлена на информирование покупателей о товаре или услуге и на получение прибыли от продажи. Социальная же реклама ставит своей целью создать необходимое общественное мнение по той или иной морально-нравственной проблеме. Как следствие, текст социальной рекламы по структуре сложнее текста коммерческой рекламы.

УДК 821.161.09

Т. М. Пятроўская

Установа адукацыі «Гомельскі дзяржаўны педагагічны каледж імя Л. С. Выгоцкага», Гомель

ТЭНДЭНЦЫ РАЗВІЦЦЯ СУЧАСНАЙ ПАДЛЕТКАВАЙ ПРОЗЫ

Уводзіны. Псіхалагі, апісваючы кожны ўзрост, звычайна вылучаюць новаўтварэнне пэўнага перыяду жыцця. У падлеткавым узросце такіх новаўтварэнняў — максімальная колькасць, а значыць, і літаратура для падлетка павінна адпавядаць тым маштабным зменам, якія адбываюцца ў яго псіхіцы. Псіхалагічныя асаблівасці ўзросту вызначаюць кагнітыўныя, паводніцкія і эмацыянальныя аспекты дадзенай літаратуры. З кагнітыўнага боку для падлеткавай літаратуры характэрны наступныя асаблівасці сюжэта: праблемны характар літаратуры, зварот да адносін з прадстаўніком супрацьлеглага полу, наяўнасць атрыбутыкі сучаснага падлеткавага жыцця.

Паводніцкая лінія падлеткавых твораў характарызуецца наступным чынам:

– *героём твораў з’яўляецца падлетак.* Прычым узрост героя, як правіла, і вызначае ўзрост чытацкай аўдыторыі кнігі. Так, кніга «Тры талеры» А. Федарэнкі, безумоўна, будзе цікавіць пяцікласнікаў, таму што асноўнымі яе героямі з’яўляюцца падлеткі адпаведнага ўзросту. Такая ж заканамернасць і з творам «Адзінокі васьмікласнік жадае пазнаёміцца» А. Бадака. Менавіта таму аўтары яшчэ ў пачатку твора вызначаюць узроставую прыналежнасць сваіх герояў;

– *адсутнасць станоўчых ці адмоўных персанажаў.* Як правіла, героі адрозніваюцца неадназначнымі паводзінамі, памыляюцца ў сваіх першапачатковых меркаваннях. Увесь сюжэт скіраваны на тое, каб герой на вопыце сваёй памылкі адкрыў для сябе нешта новае, часам таксама няпэўнае.

Асноўная частка. Нягледзячы на ўсю сваю спецыфічнасць, у жанрава-тэматычных адносінах падлеткавая літаратура апошніх пятнаццаці гадоў дастаткова рознабакая і неаднастайная. З пункту гледжання выхаваўчых і пазнаваўчых задач, якія выконвае дадзеная літаратура, падлеткавую прозу можна падзяліць на пэўныя групы.

1. *Твор-актуалізацыя гістарычнага мінулага.* Сучасных падлеткаў не цікавіць гісторыя. Аднак прыцягальнай для іх з’яўляецца магчымасць перамяшчацца ў розным часе. Фантастычныя часавыя перамяшчэнні становяцца сюжэтастваральнымі элементамі твораў «Казімір — сын Ягайлы + Насця з 8 “Б”», «Памёр, каб нарадзіцца» Р. Баравіковай, «Пакланюся Перуну, памалюся Вялесу» А. Наварыча, «Час заўсёды добры» А. Жвалеўскага і Я. Пастарнак. Усе кнігі звяртаюцца да рознага часовага прамежку, сродкі спосабу актуалізацыі мінулага таксама розныя. Так, гераіня твора «Казімір — сын Ягайлы + Насця з 8 “Б”» Наста становіцца ўдзельніцай вандровак па часавым калідоры фантастычных істот Інф-1 і Інф-2. Верагоднасць усім падзеям надае эпіграф у выглядзе слоў фізіка-оптыка А. Кузаўкіна: «Сыходзячы з тэорыі адноснасці, можна “прабіць тунэлем” і нашу чатырохмерную прастору, выходзячы ў нейкае невядомае нам яшчэ вымярэнне, на іншыя старонкі “кнігі” прыроды» [1, с. 3]. Інфы будуць своеасаблівы калідор паміж Настай і яе далёкімі продкамі, а менавіта яе бабуляй, якая выратавала ад смерці Казіміра, польскага караля. Усе гістарычныя падзеі Наста бачыць праз сны, яна не ведае пра наяўнасць Інфаў. Аднак у выніку яна з’яўляецца тым самым голасам, які папярэджвае Настусю аб неабходнасці выратаваць шаснаццацігадовага караля. Усё, што адбываецца з Настай, здаецца такім рэальным, што яна пачынае адчуваць да маладога караля сімпатыю. Гераіня даведваецца, што яна і ёсць нашчадак дзяўчыны са сна, і застаецца з гэтай праўдай сам-насам на ўроку гісторыі, з якога фактычна пачынаецца новы навучальны год. Звычайная, нецікавая гісторыя становіцца для маладой дзяўчыны

актуальнай, звязанай асабіста з ёй, яе сям'ёй. Сувязь кожнай асобы са сваім родам, адказнасць чалавека за мінулае і будучыню ненавязліва сцвярджаецца праз вопыт падлетка. Важна, што непасрэдным удзельнікам гістарычных падзей з'яўляецца ўсё ж гістарычная асоба, а Наста, прадстаўнік сучаснага пакалення, проста атрымлівае магчымасць назіраць за гэтымі падзеямі, містычна ўплываць на іх. Наяўнасць загадкі надае твору займальнасці: падлеткі разам спрабуюць вызначыць сэнс сноў Насці, тым самым раскрываючы тайну яе рода і рэальныя гістарычныя факты, якія наўрад ці зацікавілі б іх раней. Тыпова «падлеткавым» з'яўляецца і эмацыянальны фон твора, які выражаецца ў рамантычным прадчуванні першай вялікай закаханасці. Дарэчы, такое прадчуванне часцей за ўсё і становіцца аб'ектам увагі пісьменнікаў, якія працуюць у жанры падлеткавай прозы. Яно дае магчымасць не паглыбляцца ў будзённасць адносін паміж жанчынай і мужчынам, дастаткова рамантызаваць пачуццё першай закаханасці. Такі ракурс на тэму дае своеасаблівы маральны ўрок: само па сабе каханне з'яўляецца падарункам, якія б пакуты яно не несла. У творы прадчуванне кахання выражана толькі ў адным эпізодзе, калі ўдзячны Казімір за сваё выратаванне запрашае Насцю ў палац: «Настуся затрапятала, але не ад слоў. Яна раптам зразумела, што на яе цікаўна-прыязным позіткам пазірае вялікі князь Вялікага княства Літоўскага — шаснаццацігадовы Казімір. Кроў прыліла да яе твару, стала цяжка дыхаць, быццам нейкая сіла ціснула і ціснула на яе. Хацелася паварушыць плячыма, скінуць гэты цяжар...» [1, с. 78]. Сучасную Насцю прыцягвае менавіта гэты эпізод, яна яго «пракручвае» ў сваіх думках і марах, нягледзячы на тое, што гістарычныя факты суха паведамляюць пра тое, што жонкай Казіміра стала зусім не Настуся.

2. *Падлеткавыя дэтэктывы.* Трэба адзначыць, што падлеткавы дэтэктыў ясна адрозніваецца ад звычайнага дэтэктыва, бо апошні не абслугоўвае педагагічныя і выхаваўчыя задачы. Дзіцячы дэтэктыў — гэта ўсё ж штучнае вынаходніцтва, ён не мае вытокаў у дзіцячым фальклоры, як, напрыклад, містычныя фэнтэзі, жахі. Любы дэтэктыў грунтуецца на злачынстве, якое заўсёды мае дачыненне да дарослых. Гэта значыць, дзіцячы дэтэктыў — уцягванне дзіцяці ў рэаліі дарослага жыцця. Усе дарослыя ў ім выконваюць дзве функцыі: 1) маюць дачыненне да злачынства, 2) дапамагаюць даследаваць злачынства. Важна, што дзецям даецца права на самастойнае вырашэнне задачы, сапраўдныя выпрабаванні і прыгоды ў дарослым жыцці. Прыцягвае дэтэктыў падлеткаў і сваёй рэалістычнасцю. Калі ў фэнтэзі ствараецца прыдуманая свет, дзе ў канфілікце добра са злом у якасці носьбітаў добра выступаюць міфічныя, містычныя істоты, то ў падлеткавым дэтэктыве носьбітам добра становяцца самі дзеці. Прадстаўніком аўтараў дзіцячага дэтэктыва ў класічным разуменні з'яўляецца Андрэй Федарэнка. Яго дэтэктывы з'яўляюцца займальнай літаратурай, разам з тым яны маюць моцную выхаваўчую дамінанту. Галоўная асаблівасць дэтэктыва як жанру — гэта яго кананізаванасць і стэрэатыпнасць. Нягледзячы на тое, што дзіцячы дэтэктыў і ўтрымлівае гэтыя рысы, важным для яго з'яўляецца ўсё ж наяўнасць прыгодаў, дынамічны характар твора. Для падлетка не так важна, каб загадка, злачынства адрозніваліся пэўнай арыгінальнасцю, галоўнае — максімальна ўдзельнічаць у вырашэнні «дарослай» праблемы, якая наўрад ці была б вырашальнай дзецямі ў рэальным жыцці.

3. *Творы з актуальнай для падлетка праблематыкай.* Як правіла, асноўнай тэмай такіх твораў з'яўляюцца ўзаемаадносіны з супрацьлеглым полам, сяброўства і адносіны да бацькоў. Па сутнасці, гэта і ёсць праблемы, якія выносяцца падлеткамі на першы план. Амаль заўсёды герой у такіх творах перажывае канфлікт як з самім сабой, так і з людзьмі, якія знаходзяцца побач. Часта, ствараючы такія кнігі, аўтары звяртаюцца да ўласнага вопыту, таму творы носяць спавядальны характар. Гэта, безумоўна, скарачае дыстанцыю паміж дарослым аўтарам і падлеткам. Праблема ўзаемаадносін розных пакаленняў — адна з вядучых праблем не толькі саміх твораў, але і праблема напісання твора для дзяцей дадзенай узроставай катэгорыі. Да тэмы першага «дарослага» вопыту звяртаецца В. Гапееў у творы «Першы боль, або Доказ закона прыгажосці». Трэба адзначыць, што ўсе героі-падлеткі В. Гапеева — даволі дарослыя для свайго ўзросту: яны самастойна зарабляюць на жыццё і стала мысляць. Нягледзячы на гэта, аўтар апісвае непрадказальнасць і імгненнасць тых змен, што адбываюцца з падлеткам, калі ён пераходзіць у стан дарослага чалавека. Не выключэнне і шаснаццацігадовая Каця, якая па сямейных абставінах вымушана жыць на дачы і большую частку свайго часу займацца гаспадарчымі справамі. Але ніякія абставіны не здольны спыніць тых змены, якія адбываюцца з гераіняй. Дастаткова дэталева і разам з тым рамантычна-ўзнёсла апісвае аўтар першае дзявочае замілаванне ўласнай знешнасцю, якая сапраўды становіцца жаночай: «Улеглася хваляванне. Ужо апрануўшы бялізну, Кацярына зноў падышла да люстра, больш пільна агледзела свой твар. Ён быў роўна загарэлы, скура яшчэ і цяпер трохі ружавела ці то ад гарачай вады, ці то ад узбуджэння. Але галоўнае — не было бачна прышчыкаў. Толькі на ілбе яшчэ заставаліся крыху, але і яны, было бачна, сходзілі» [2, с. 112]. Змены ў знешнасці надаюць Кацярыне смеласці і ўпэўненасці не толькі ў марах. Яна актыўна дзейнічае па заваяванні ўвагі аб'екта свайго кахання — Юрыя. Мары дзяўчыны абмяжоўваюцца менавіта інтымнай блізкасцю з хлопцам. У падлеткавай свядомасці, затуманенай новымі зменамі ў знешнасці, фізіялагічнае каханне атаясамліваецца з духоўнай блізкасцю. Для дасягнення сваёй мары Кацярына складае план, прычым выконвае яго бездакорна правільна, як дарослая, вопытная жанчына. Аднак калі гераіня дасягае сваёй мэты, інтуітыўна пачынае разумець памылковасць сваіх уяўленняў пра адносіны паміж мужчынам і жанчынай. Сумненні пацвердзіліся ўжо праз некалькі хвілін, калі на тэлефон дзяўчыны прыйшло паведамленне: «Каця, мы — дарослыя людзі, мы атрымалі цудоўны ўрок. Не будзем пра пачуцці — галоўнае, усё выйшла чыстым.

На гэтым кропка» [2, с. 133]. Учынкі герояў, іх разважанні — даволі дарослыя, ды і апісаная сітуацыя не мела б такога важнага значэння, калі б не яе героямі з’яўляліся падлеткі. Для Кацярыны — гэта не проста сумная гісторыя кахання, а першы вопыт дарослага жыцця.

Заклучэнне. На сучасным этапе падлеткавая літаратура пачынае развівацца больш інтэнсіўна, чым у папярэднія гады, аб чым сведчыць заснаванне дзвюх паўнаважных серый, прызначаных для падлеткаў: «Пераходны ўзрост» (2008) і «Маладзік» (2012). Такім чынам, упершыню ў айчыннай літаратуры прызначацца права падлетка на літаратуру для свайго ўзросту: замест абагульненай фармулёўкі «для сярэдняга і старэйшага школьнага ўзросту», пад якой часта выдаюцца і творы для дарослых, з’явілася больш канкрэтная адрасацыя. Аднак сучасная беларуская падлеткавая проза — мала распрацаваны сегмент кніжнага рынку. Найбольш удала раскрываюць тэму падлеткавага жыцця так званыя праблемныя творы, якія ілюструюць канфлікт падлетка з акаляючым асяроддзем, першы вопыт дарослага жыцця.

Спіс цытуемых крыніц

1. *Бадак, А.* Адзінокі васьмікласнік хоча пазнаёміцца : аповесці / А. Бадак, Р. С. Баравікова, А. Наварыч. — Мінск : ЛіМ, 2008. — 175 с.
2. *Гапееў, В. М.* Урокі першага кахання : аповесці / В. Гапееў. — Мінск : ЛіМ, 2011. — 192 с.

УДК [821.161.1]–31.09

Т. А. Рогог

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П. М. Машерова», Витебск

МОСКВА 1930-Х ГОДОВ В РОМАНЕ М. А. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»

Введение. В данной статье раскрываются сатирические методы и приемы создания образа Москвы 1930-х годов в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Итоговое произведение писателя представляет собой мениппею — метажанр, совмещающий в себе полярные начала (философское и сатирическое, трагическое и фарсовое, фантастическое и реалистическое). В нашей работе мы обратимся к сатирической части романа, сосредоточенной в «московских» главах.

Цель статьи — выявить особенности булгаковской сатиры в изображении Москвы 1930-х годов.

Основная часть. Создавая сатирический образ Москвы 1930-х годов в романе «Мастер и Маргарита», М. А. Булгаков высмеивает разные виды пороков. Так, общечеловеческие пороки обличаются на примере обывателей Москвы. Пагубность профессиональных пороков писатель раскрывает посредством образов администрации и сотрудников театра Варьете, а также работников жилтоварищества. Массолит же представляет собой царство лжеискусства и деспотизма.

Исследователь И. И. Виноградов отмечает: «Да, это сатира — настоящая сатира, весёлая, дерзкая, забавная, но и куда более глубокая, куда более внутренне серьёзная, чем это может показаться на первый взгляд. Это сатира особого рода, не такая уж часто встречающаяся, — сатира нравственно-философская... Михаил Булгаков судит своих героев по самому строгому счёту — по счёту человеческой нравственности» [2, с. 76].

Объектом сатиры М. А. Булгакова становится не отдельный порок, а жизнь как целое, порочный мир с коллективной виной. Писатель рисует лица персонажей с полным отсутствием в них духовной устремленности. Булгакову важно показать в живой цельности характеров результат утраты человеческой полноценности. В облике каждого персонажа наблюдается несоответствие, противоречие, карикатурные черты вплоть до гротескной деформации.

Москвичи в романе — это ограниченные люди, не верящие ни во что, кроме материальных благ. В булгаковской Москве нет ни настоящей дружбы, ни истинного искусства, ни просто мудрых и честных людей. Система сатирических персонажей даёт целую иерархию греховных пороков: ложь, мошенничество, лицемерие, самоуправство, заносчивость, насилие, пьянство, разврат, доносительство.

Одним из пороков, обнажающихся в романе, является «служебное несоответствие». Примером этого порока может в полной мере послужить администрация и сотрудники театра Варьете.

Со Степаном Богдановичем Лиходеевым — директором театра Варьете, а по совместительству бездельником, бабником и пьяницей, мы знакомимся в седьмой главе: «Вообще они в последнее время жутко свинячат. Пьянствуют, вступают в связи с женщинами, используя своё положение, ни черта не делают, да и делать ничего не могут, потому что ничего не смыслят в том, что им поручено» [1, с. 186].

Служебное несоответствие Лиходева подчёркивается не только оценкой Коровьева, но и мнением о директоре его коллег — финдиректора Римского и администратора Варенухи:

– Уж не попал ли он, как Берлиоз, под трамвай? — говорил Варенуха, держа у уха трубку, в которой слышались густые, продолжительные и совершенно безнадёжные сигналы.

– А хорошо бы было... — чуть слышно сквозь зубы сказал Римский [1, с. 210].

Образ председателя зрелищной комиссии Прохора Петровича свидетельствует о том, что сатирическое изображение приобретает характер гротеска. В семнадцатой главе Прохор Петрович исчезает, на его месте остаётся пустой костюм, но при этом ровным счётом ничего не изменяется. Прохор Петрович по-прежнему занимается мнимой работой для прикрытия своего бездействия.

Булгаков изобличает и конференсье Жоржа Бенгальского — человека без юмора и фантазии, который вымучивает шутки, абсолютно несмешные и никому не интересные, а также буфетчика Андрея Фокича Сокова.

Помимо сотрудников Варьете, сатирическому осмеянию подвергается председатель жилтоварищества Никанор Иванович Босой — взяточник, человек жадный, пользующийся своим служебным положением для извлечения личной выгоды.

Однако главным объектом сатиры Булгакова является именно литературный мир, микро модель которого представляет в романе Массолит. Этот мир погубил Мастера, этот же мир губил писателей и в реальной жизни, отбирая у них самое главное для творца — свободу творчества, возможность выражать свои мысли, воплощать в жизнь свои идеи.

Беспощадна сатира автора в отношении московских литераторов и чиновников от литературы. Литераторов Массолита объединяет не талант, не стремление к истине, не искусство, а членский билет и доступ к благам, простым людям недоступным (престижная дача, отдых на курорте, изысканная пища в ресторане). Ради этих благ они, подобно своему наставнику Берлиозу, готовы принять правильную позицию, писать согласно партийно-идеологическим указаниям сверху. Ни один из трех тысяч ста одиннадцати членов этой организации не занимается своим непосредственным делом — литературой. Но зато все они с успехом решают в Массолите свои насущные проблемы — квартирные, дачные, продовольственные и пр. Берлиоз, Латунский, Лаврович, Рюхин и другие твердо усвоили, что и как следует писать, чтобы обеспечить себе положение в обществе: не то, что думаешь, а то, что положено. Главным лозунгом всех этих деятелей является знаменитая фраза «Чего изволите?» (М. Е. Салтыков-Щедрин), их главная задача — покончить с беспартийными писателями вроде Мастера и воспитать благонадёжных, с точки зрения власти, авторов.

– Ба! Да ведь это писательский дом! Знаешь, Бегемот, я очень много хорошего и лестного слышал про этот дом. Обрати внимание, мой друг, на этот дом. Приятно думать о том, что под этой крышей скрывается целая бездна талантов.

– Как ананасы в апельсинах! [1, с. 494].

Устами Бегемота Булгаков приравнивает литераторов к ананасам, которые растут себе в «парниках», «удобряемые» «сверху» теми мыслями, что выгодны новому строю. Они сами не верят в то, что они пишут. Они делают это только ради выгоды, но не из глубоких убеждений: «Какой вздор! Не обманывай-то хоть сам себя. Никогда слава не придёт к тому, кто сочиняет дурные стихи. Отчего они дурны? Правду, правду сказал! — безжалостно обращался к самому себе Рюхин. — Не верю я ни во что из того, что пишу!» [1, с. 174].

Пожалуй, самым ярким образом литературного мира Москвы является Михаил Александрович Берлиоз — председатель Массолита. Несмотря на нечастые появления в романе (дискутирует с Воландом о Боге и Дьяволе в первой главе, попадает под трамвай в третьей главе, в двадцать третьей главе отрубленная голова Берлиоза присутствует на Великом Балу Сатаны), его смело можно назвать одним из главных героев.

Сам Берлиоз — не писатель. Он — та сила, которая направляет творчество молодых авторов в русло идеологического, конъюнктурного письма. Примером являются взаимоотношения Михаила Александровича Берлиоза с молодым поэтом Иваном Поньрёвым, пишущим под псевдонимом Бездомный.

Главная задача Берлиоза — подчинить духовную жизнь общества новой власти. Для него главное — продвигаться вверх, получить то самое положение, которое позволит ему иметь блага (дачу в Перельгине, путёвки в Кисловодск, почётное место в любом президиуме и т. д.). Ради всего этого он может приспособиться к любым условиям, принять любую позицию, если она обернётся для него выгодой. Вот такой человек, к искусству отношения не имеющий, становится руководителем литературного процесса, распоряжается судьбами писателей.

Спрос с Берлиоза особый, ведь он не рядовой критик, вроде Латунского или Лавровича, он стоит над ними, он их голова, а потому гибель героя символична — ему трамваем отрезает голову — ту самую голову, на которой лежала ответственность за умы, за судьбы писателей. Под чутким руководством Берлиоза литература из искусства превратилась в школу догматизма.

Заключение. В романе «Мастер и Маргарита» М. А. Булгаков использует различные сатирические приемы создания образа Москвы 1930-х годов: алогизм, гипербола, символ, гротеск. «Московские» главы романа отражают установку писателя на социальную критику. Примечательно, что сатирические элементы романа «Мастер и Маргарита» тесно связаны с фантастической и мифологической основой произведения.

Список цитируемых источников

1. Булгаков, М. А. Мастер и Маргарита / М. А. Булгаков. — СПб. : Азбука : Азбука-Аттикус, 2013. — 655 с.
2. Виноградов, И. И. По живому следу : Духовные искания русской классики / И. И. Виноградов. — М. : Совет. писатель, 1987. — 420 с.

УДК 811.161.1'367.625 : 371.32

А. С. Хоменя

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

ОБОГАЩЕНИЕ РЕЧИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА СРЕДСТВАМИ ИЗУЧЕНИЯ ГЛАГОЛА

Введение. Одним из важнейших направлений работы с младшими школьниками является обогащение и активизация их словарного запаса. Чем богаче словарь человека, тем шире у него возможности выбора более точного и выразительного оформления мысли, а также развития умения убедительно, ярко говорить и писать.

Для ребенка грамотная речь — залог успешного обучения и развития. Неполноценная речевая деятельность оказывает негативное влияние на все сферы личности ребенка: затрудняется развитие его познавательной деятельности, логической памяти, нарушаются все формы общения и межличностного взаимодействия. Расширение и активизация запаса слов у детей — одна из важнейших задач процесса обучения русскому языку в начальной школе. Основной базой для достижения этой задачи могут служить уроки изучения морфологии как раздела науки о языке. Морфология является одним из важнейших разделов школьного курса русского языка, в изучении которого значимая роль отводится глаголу. Тема «Глагол» концентрически представлена в каждом из классов начальной школы. Глагол является самой сложной и самой ёмкой частью речи русского языка, так как он наиболее конструктивен по сравнению с другими самостоятельными частями речи. Особенность глагола заключается в том, что он с богатством и разнообразием значений сочетает богатство и разнообразие форм, поэтому его изучение обладает большими возможностями в обогащении и активизации словарного запаса младших школьников, в их речевом развитии.

Основная часть. Цель нашего исследования — выявить уровень развития лексического компонента речи учащихся 4-го класса на примере лексико-грамматической составляющей в процессе изучения глагола как знаменательной части речи. В исследовании принимал участие 21 ученик 4-го класса ГУО «Большечучевичская средняя школа» Лунинецкого района.

В качестве критериев оценки мы выбрали систему словарно-лексических умений: умение объяснять лексическое значение глагола; умение подобрать антоним к заданному глаголу; умение подобрать синоним к заданному глаголу; умение подобрать синоним к заданному глагольному фразеологизму.

Исходный уровень, который отражает степень сформированности умений, выбранных в качестве критерия лексической обогащенности речи учащихся, был выявлен на начальном этапе эксперимента посредством анализа результатов выполнения соответствующих заданий. Учащимся предлагались задания следующего типа: объясните значение глагола *цебетать*; подберите антонимы к словам *молчать*, *притихнуть*, *чихать*, *греметь*; подберите по три синонима к словам *произносить*, *звонить*, *стучать*, *реветь*; к фразеологизмам подберите глагол, близкий по значению: *обведешь вокруг пальца*, *гладить по головке*, *вставляет палки в колёса*, *клюем носом*.

Анализ полученных результатов позволил установить, что 7 учеников (33,3%) смогли объяснить лексическое значение глагола, с заданием подобрать антонимы и синонимы к словам справилось 10 и 12 человек соответственно (47,6% и 57,1% младших школьников). Наиболее трудным было задание подобрать к фразеологическим оборотам глагольные синонимы. С этим заданием справились 6 человек (28,6% детей). Очевидно, что учащиеся 4-го класса испытывают определенные трудности: это и подмена грамматических значений слова признаками, относящимися к его лексическому значению, и неумение правильно толковать лексическое значение слова, неумение находить в тексте глаголы определенной семантики, неумение подбирать антонимы, синонимы к заданному глаголу.

Итоги эксперимента и наши наблюдения выявили необходимость системного подбора специальных упражнений, направленных на пополнение и развитие словаря учащихся; развитие речи детей, углубление знаний учащихся о глаголе (лексическое значение); на продолжение наблюдений над употреблением глагола в прямом и переносном значении; на расширение знаний учащихся по работе над фразеологизмами.

Предлагаем систему заданий и упражнений по обогащению и активизации речи учащихся младших классов в процессе изучения темы «Глагол»:

– в целях формирования умений находить в тексте синонимы к заданным глаголам, подбирать синонимы, дополнять синонимический ряд, выбирать синоним из ряда для определенного контекста, заменять синоним более подходящим можно использовать серию заданий. Например: 1) назовите, с какими из данных слов лучше употребить глаголы-синонимы: *тихо // как белуга — реветь // плакать*; 2) прочитайте текст, найдите его недостатки и постарайтесь исправить, заменяя глаголы их синонимами; 3) подчеркните в тексте синонимы к глаголу *смеяться*: *Хихикнули молодые зайчата, прикрыв мордочки лапками, засмеялись добрые старушки, улыбнулись старые зайцы, побывавшие в лапах у лисицы и отведавшие волчьих зубов. Очень уж смешной заяц*;

– в целях формирования умений находить и подбирать антонимы к глаголам предлагаются следующие задания: 1) спишите предложения парами, подчеркните в каждой паре глаголы-антонимы: *Вдали погас последний луч заката. В одном окошке зажегся огонек*; 2) выпишите пары слов с противоположным значением, составьте предложение с глаголом движения: *ложиться, рыдать, мешать, хохотать, взять, вставить, хвалить, помогать, ругать, уходить*; 3) дополните начатое предложение словами с противоположным значением: *От радости смеешься, а от горя...*; *Вороны кричат, а рыбы...* [1, с. 144];

– в целях формирования умений толковать значение глагольного фразеологизма, умений подбирать к нему синонимический глагол, умений подбирать к глаголу синонимический глагольный фразеологизм можно использовать задания следующего типа: 1) выпишите подчеркнутые устойчивые обороты и подберите к ним близкие по значению глаголы: *Играя с Жоржем оловянными солдатиками, я сказал про одного из них, что он будет стоять на часах. Жорж схватил солдатика и со смехом помчался туда, где висели часы (К. Чуковский); Пришел Иван домой, а лягушка и спрашивает: «Что это ты голову повесил?». Игорь так и представил себе, что снял Иван голову и повесил ее на гвоздь (К. Чуковский)*; 2) к данному ряду синонимических фразеологизмов подберите глаголы-синонимы (слова для справок прилагаются): *зубы заговаривать, водить за нос, кривить душой, сидеть сложа руки, гонять лодыря, бить баклуши* [2, с. 94].

Также следует отметить эффективность использования схем, таблиц и занимательного материала в процессе изучения глагола. Это не только «украшает» урок, но и повышает познавательную активность школьников.

В целях проверки результативности предложенного методического инструментария по обогащению и развитию активного словаря в ходе изучения глагола на контрольном этапе ученикам были предложены те же задания, которые использовались на начальном этапе диагностики. По полученным данным выяснилось, что количественные показатели уровня развития лексического компонента речи детей, участвующих в исследовании, значительно повысились. Представим различия в уровне развития словарно-лексических умений учащихся 4-го класса в процессе изучения темы «Глагол» на начальном и контрольном этапе диагностики (таблица 1).

Т а б л и ц а 1 — Сравнение данных результатов начального и контрольного этапов эксперимента

Этап диагностики	Словарно-лексическое умение			
	объяснять лексическое значение, %	подбирать антоним к заданному глаголу, %	подбирать глаголы-синонимы к заданному глаголу, %	подбирать к фразеологизму глаголы-синонимы, %
Начальный	33,3	47,6	57,1	28,6
Контрольный	52,4	76,2	81	42,4

Заключение. Сравнительный анализ данных результатов начального и контрольного этапов эксперимента доказывает эффективность предложенной системы упражнений, направленной на обогащение речи младших школьников в процессе изучения темы «Глагол». Наше исследование показывает, что процесс работы над глаголом будет более успешным, если он будет целенаправленным, постоянным и систематическим.

Список цитируемых источников

1. Методика преподавания грамматики, правописания и развития речи : учеб.-метод. пособие для преподавателей и студентов пед. учеб. заведений (по специальности «Учитель начальных классов») / сост. Т. П. Сальникова. — М. : ТЦ Сфера, 2001. — 240 с.
2. Дубова Т. А. Дидактическая игра «Иду в гости» на уроках русского языка / Т. А. Дубова // Нач. шк. — 2001. — № 11. — С. 93—94.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПОСЛЕВОЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ГЕРМАНИИ

Введение. Немецкий народ после поражения в войне должен был преодолевать состояние растерянности, морально-нравственного увечья, нанесенного ему за годы фашистского режима. Процесс преодоления этого шокового состояния по-разному протекал на востоке и на западе Германии. На западе постепенно был найден выход из послевоенной разрухи на путях экономической и политической интеграции Западной Германии в мировой капиталистический рынок. На востоке возобладала концепция строительства социализма по советскому образцу. В 1945 году впервые за всю историю существования немецкого народа возникла необходимость, а кроме того и реальная возможность обеспечить влияние литературы, действующей в интересах мира и общественного прогресса, сделать доступным для широких кругов общества гуманистическое содержание как новой, так и старой литературы и непосредственным образом способствовать созданию новых условий жизни с помощью литературного творчества.

Основная часть. Определенное моральное преимущество исходных посылок культурного строительства в советской зоне оккупации и затем в ГДР состояло в том, что здесь культурную политику проводили активные участники антифашистской борьбы, которые с полным на то правом чувствовали себя победителями, представителями той — пускай и небольшой — части немецкого народа, которая не склонилась перед фашистским варварством. Именно их реальным авторитетом и широко распространенными в первые послевоенные годы и на западе Германии настроениями, направленными на более радикальные общественные реформы и на обобществление частной собственности, объясняется то, что в первое послевоенное десятилетие в восточную зону и затем в ГДР довольно активно переезжали деятели культуры из западных зон и из ФРГ. Но волна переездов из ФРГ почти иссякла к середине 1950-х годов, обратная тенденция нарастала с конца 1940-х годов и до самого распада ГДР; ФРГ достаточно долго придерживалась курса на изоляцию леворадикальных общественных сил, что заставляло писателей ФРГ иногда публиковаться в издательствах ГДР [1].

Упреждающая активность коммунистов-победителей в послевоенные годы сказалась в том, что именно от них исходили важные общенациональные культурные инициативы. Например, в целях объединения всей прогрессивной интеллигенции Германии Иоганнес Бехер уже летом 1945 года провозгласил создание Демократического Культурбунда (Союз работников культуры за демократическое обновление Германии). С 1 июля 1945 года стал выходить еженедельник Культурбунда «Зонтаг», в августе было основано издательство «Ауфбау», в сентябре вышел первый номер журнала «Ауфбау». Культурбунд быстро стал популярной и массовой общественной организацией, которая на первых порах способствовала восстановлению прерванных нитей немецкой национальной культуры. Рост популярности демократической организации напугал военную администрацию западных зон: в ноябре 1947 года Культурбунд, насчитывавший уже 120 тысяч членов, был в западных секторах Берлина запрещен как «коммунистический». Так, Б. Брехт, который после возвращения в Европу хотел поселиться в западной зоне, не получил даже въездной визы. Таким образом, ситуацию в Западной Германии в первые послевоенные годы тоже никак нельзя характеризовать как однозначно демократическую.

Во многом по инициативе писателей-антифашистов и коммунистов был созван Первый съезд немецких писателей, проходивший 4—8 октября 1947 года в Берлине. Этот съезд продемонстрировал как намерение немецких писателей сохранять творческие контакты и искать общий язык, так и неуклонно назревавшее отчуждение. Наиболее длительной и острой на этом съезде, собравшем более 300 немецких писателей из всех зон оккупации, была полемика между сторонниками различных форм аполитичного, «пассивного» гуманизма и сторонниками гуманизма социалистического, хотя обе стороны стремились избежать непосредственной конфронтации. Эта полемика по-своему продолжала начавшийся еще в 1933 году затяжной спор представителей «внешней» и «внутренней» эмиграции о том, кто из них в большей степени представляет немецкую национальную культуру: те, кто наблюдал ужасы фашизма извне (Г. Манн, Т. Манн и др.), или же те, кто пережил их со своим народом (О. Лёрке, В. Леман, Г. Бенн и др.). При всей нарочитой искусственности этой дискуссии она не прошла без последствий: в ГДР возобладала правота внешних эмигрантов, в ФРГ — по крайней мере, до середины 50-х годов, — наибольшим читательским спросом пользовались внутренние эмигранты [2]. Даже литература, создаваемая узниками концлагерей или тематически связанная с концлагерями, имела тенденцию к разделению: книги, где фашизм изображался как неизбежное и непреодолимое метафизическое зло, публиковались, как правило, только в Западной Германии («Город за рекой» Г. Казака, «Мир обвиняемых» В. Йенса, отдельные романы Э. М. Ремарка), книги же, где фашизм изображался как зло совершенно конкретное, обусловленное

определенной расстановкой классовых сил, печатались в восточной зоне («Испытание» В. Бределя, «Седьмой крест» и «Мертвые остаются молодыми» А. Зегерс).

История литературы ГДР насыщена драматической борьбой писателей за свою творческую самостоятельность. Стефан Гейм, Эрвин Штриматтер, Франц Фюман, Хайнер Мюллер, Гюнтер де Бройн, Криста Вольф, Петер Хакс, Фолькер Браун — все эти крупнейшие писатели ГДР испытали на себе огонь жесточайшей критики «сверху», запреты на свои произведения, многолетние проволочки с изданием уже законченных произведений, длительную борьбу с цензурой разных уровней и неизбежные уступки в этой неравной борьбе. Но все они оставались в ГДР до конца, запечатлев в своем творчестве многие драматические страницы реальной жизни в своей стране. Однако фактом является и то, что многие не менее талантливые писатели этой борьбы не выдерживали и переезжали в ФРГ.

В 1948 году писатели западных зон провели сепаратный конгресс во Франкфурте-на-Майне под девизом «Литература и политика». Подобные тенденции раскола Германии сказались также и в преобразовании в 1948 году в Гёттингене «Пен-центра Германии». Их выражением в культурной жизни явилась дальнейшая обособленность и американизация западногерманской культуры. Это было следствием плана Маршалла, который, помимо «долларовой помощи», предусматривал и импорт «массовой культуры» из США.

Потребность людей разобраться в событиях послевоенного времени выдвинула писателей-гуманистов в центр литературной жизни. Об этом свидетельствуют многочисленные обращения к нации и публичные литературные встречи, имевшие место в то время. Разумеется, позиции деятелей культуры были весьма различны. Некоторые оставшиеся в Германии писатели, которые отрицательно относились к фашизму, старались теперь стать на сторону демократических преобразований. В их числе были Э. Кестнер, работавший в литературной редакции издаваемой американцами газеты «Нойе цайтунг», а также авторы христианского толка, например, Р. Шнейдер. Другие писатели, участвовавшие в прямом сопротивлении фашизму и сотрудничавшие в строительстве демократических культурных учреждений, все-таки оказывались, как, например, Г. Вайзенборн и А. Эггебрехт, в общественной изоляции или, как Э. Вихерт, опускали руки, от всего устранившись. Писателям и деятелям культуры, вернувшимся на родину из эмиграции (в их числе С. Хермлину, В. Лангхофу, Э. Клаудиусу, М. Бургхардту), не удалось на длительное время найти себе в западных зонах поле деятельности. Вскоре они переехали в Восточную Германию [3]. Насколько важно рассмотрение литератур ГДР и ФРГ в едином общенациональном контексте, настолько же важно и уяснение специфики развития этих литератур в период их обособленного существования.

После окончания Второй мировой войны на литературной арене в западно-германской зоне происходит некое «глухое» противоборство самых различных литературных направлений, ищущих пути вхождения в переполненную противоречиями послевоенную действительность. Пока влияние представителей литературы «магического реализма» сохраняется, еще не подняли головы неофашистские, национал-патриотически настроенные группировки. Литература ФРГ переживает «нулевую» ситуацию, когда оказываются прерванными исконно традиционные связи. Казалось бы, в атмосфере всеобщей разрухи, психологической подавленности и разочарования не может быть возврата к прежним идеалам, слово утрачивает свое значение, все то, что выражается в слове через прозу, поэзию, звучит как пустозвонство. В связи с этим появляются писатели, склонные к предельной скупости стиля, сухой «инвентаризации» ситуации первых послевоенных лет. Эти годы отмечены столь противоречивыми тенденциями в искусстве, в литературе, что невозможно найти однозначного определения происходящих процессов.

В 1960-е годы произошли перемены в литературной жизни. Внешне это выглядело как лихорадочное и крайнее непостоянство. При этом проявлялись противоречивые тенденции. Повышенная ориентация издательского дела на прибыльность благоприятствовала в первую очередь засилью аполитичной литературы для массового читателя. Капиталистическое литературное производство связывалось при этом с реальными и вместе с тем искусственно создаваемыми потребностями. Все жанры и все формы публикации открылись для таких модных течений, как «сексуальная волна» или «волна Иисуса» [4]. Эти модные «волны» отличались от тех, которые были обращены преимущественно к интеллектуальной публике, как, например, конкретная поэзия, культ новой чувствительности. Однако оба этих течения стремились вызвать к себе интерес, когда часть интеллигенции начала открыто политизироваться. Эта политизация принадлежит к важнейшим изменениям, которые произошли в литературе 1960-х годов.

Заключение. Литературы ГДР и ФРГ выделились из одного национального русла после 1945 года и затем снова слились в едином русле. Они должны рассматриваться в едином контексте истории немецкой литературы, которая в XX веке пережила разные и весьма сложные фазы развития, связанные, в том числе, с резкими политическими, идеологическими, эстетическими и территориальными размежеваниями. При всей конфронтации общественно-политических систем, на переднем крае которых находились ГДР и ФРГ, литературы этих стран упорно шли на сближение, постоянно поддерживая друг друга и взаимно предоставляя эмигрантам из обеих стран возможность работать и публиковаться. Немецкая литература в лице представлявших ее писателей стремилась к единству и заполняла духовный вакуум на той или другой стороне всеми доступными ей средствами.

Список цитируемых источников

1. Послевоенная история Германии: российско-немецкий опыт и перспективы : материалы конф. рос. и нем. историков : сб. ст. / под ред. Б. Бонвеча, А.Ю. Ватлина. — М. : ДиректМедиа Паблишинг, 2007. — 340 с.
2. Андреев, Л. Г. Зарубежная литература XX века : учеб. для вузов / Л. Г. Андреев, А. В. Карельский, Н. С. Павлова. — М. : Высш. шк., 2004. — 559 с.
3. Леонова, Е. А. Немецкая литература XX века. Германия, Австрия : учеб. пособие / Е. А. Леонова. — М. : Наука, 2010. — 360 с.
4. Лапин, И. Л. Зарубежная литература. XX век : учеб.-метод. пособие / И. Л. Лапин, В. В. Здольников, С. В. Лапунов ; под ред. И. Л. Лапина. — Витебск : Изд-во ВГУ им. П. М. Машерова, 2007. — 146 с.

УДК 811.161.3'27

Н. І. Чарніцкая

Установа адукацыі «Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт», Баранавічы

МЕТАДЫЧНЫЯ ПРЫНЦЫПЫ І ПАДЫХОДЫ ДА РАЗВІЦЦА ЗВ'ЯЗНАЙ МОВЫ І МАЎЛЕННЯ

Уводзіны. У практыцы школьнага навучання настаўнікі карыстаюцца агульнадыдактычнымі і агульнаметадычнымі прынцыпамі навучання. Пад метадычнымі прынцыпамі развіцця звязнага маўлення ў методыцы выкладання беларускай мовы разумеюць зыходныя тэарэтычныя палажэнні, агульныя правілы, якімі кіруецца настаўнік пры выбары формаў, метадаў, прыёмаў працы па развіцці маўлення вучняў пры навучанні беларускай мове.

Асноўная частка. На думку С. В. Мартынкевіч, «метадычнымі прынцыпамі фарміравання камунікатыўнай кампетэнцыі з'яўляюцца: прынцып актуалізацыі камунікатыўна рэлевантных моўных сродкаў у працэсе вывучэння праграмага матэрыялу па беларускай мове, які накіраваны на ўзнаўленне моўных адзінак, неабходных для спараджэння выказвання, і матывацыі вучняў да маўленчай камунікацыі па-беларуску; прынцып сітуацыйна-тэматычнага ўпарадкавання тэкставага матэрыялу, які патрабуе вывучэння моўных законаў і маўленчых паняццяў на аснове тэкстаў розных стыляў і жанраў з апісаннем сітуацый, умоў і сферы зносін; прынцып камунікатыўнай крэатыўнасці і актыўнасці навучання, які абумоўлівае фарміраванне ўменняў прадуктыўнай ацэнкі сітуацыі і самастойнага выбару шляхоў рэалізацыі ўласнага выказвання» [1, с. 59].

Прынцып апоры на тэкст у яго жанрава-стылёвай разнастайнасці накіроўвае настаўніка на выкарыстанне аналітыка-сінтэтычных і камунікатыўных практыкаванняў, пры выкананні якіх вучні ўпэўніваюцца, што ў беларускай мове функцыянуюць розныя стылі і жанры маўлення. У мове размяжоўваюць інфарматыўныя і выяўленчыя сродкі, якія абслугоўваюць розныя сферы маўленчай дзейнасці людзей. Настаўнік павінен памятаць, што «неабходна развіваць мову вучняў не наогул, а мову гутарковую, навуковую, афіцыйна-дзелавую, публіцыстычную, мастацкую» [2, с. 88]. Таму ў якасці дыдактычнага матэрыялу на ўроку павінны выкарыстоўвацца тэксты розных стыляў і жанраў.

Так, В. У. Вінаградаў акцэнтаваў увагу на тым, што стылістыка «разглядае пытанні аб функцыях і сферах ужывання варыянтных — паралельных і сінанімічных — форм спражэння і скланення, а таксама ступеней параўнання», аб «функцыях і сферах паралельных сінтаксічных зваротаў, а таксама кампазіцыйна ці семантычна абмежаваных, звязаных сінтаксічных з'яў, характэрных толькі для тых ці іншых разнавіднасцей маўлення» [3, с. 167].

Прынцып адзінства і ўзаемазвязі развіцця маўлення і мыслення заснаваны на тым, што мова і мысленне цесна ўзаемзвязаны: слова ўздзейнічае на нараджэнне думкі, а думка стымулюе працэс выбару неабходнага слова. З гэтага палажэння вынікае: трэніроўка моватворчага механізма — неабходная ўмова для актывізацыі і развіцця маўлення вучняў. На думку Г. М. Валочка, «працуючы над любым выказваннем, школьнікі вучацца назіраць і аналізаваць, знаходзіць адрозненні і падабенства, класіфікаваць, абагульняць, сістэматызаваць, тлумачыць, даказваць. У выніку такой актыўнай дзейнасці развіваецца і маўленне, і мысленне вучняў» [5, с. 109].

Яшчэ Я. Колас падкрэсліваў, што «развіваць мову асобна ад думкі немагчыма: слова — дзейсны супрацоўнік нашага мыслення. Вялікі запас слоў — адна з умоў дакладнага і яснага выражэння нашай думкі. Адсюль развіццё вуснага маўлення ёсць і развіццё адной з прылад нашага мыслення» [4, с. 250].

Прынцып актыўнай камунікацыі патрабуе ад настаўніка арыентавацца ў працы з вучнямі на віды маўленчай дзейнасці: чытанне, аўдзіраванне, пісьмо, гаварэнне. Пры гэтым у цэнтры ўвагі настаўніка тая акалічнасць, што мова перш за ўсё з'яўляецца сродкам зносін. Вучань павінен быць актыўным удзельнікам працэсу суразмоўніцтва. Фарміраванне ўменняў ствараць вусныя і пісьмовыя выказванні, асэнсоўваць змест прачытанага і пачутага, дакладна адказваць на пытанні, фармуляваць вывады разам з засваеннем моўных сродкаў складаюць змест работы настаўніка і вучняў на ўроку беларускай мовы.

Даследчык С. В. Мартынкевіч падкрэслівае, што прынцып узаемасувязі развіцця вуснага і пісьмовага маўлення «патрабуе ад настаўніка выкарыстання формаў працы, накіраваных як на развіццё вуснага, так і на развіццё пісьмовага маўлення. Улічваючы, што часта на ўроках беларускай мовы пісьмовая форма маўлення пераважае, настаўнік, кіруючыся названым прынцыпам, павінен суадносіць прыёмы працы пры фарміраванні ў вучняў ўменняў вуснай і пісьмовай камунікацыі» [1, с. 8].

Прынцып сувязі работы па развіцці маўлення з вывучэннем усіх раздзелаў школьнага курса мовы і літаратуры арыентуе настаўніка на выкарыстанне форм працы па развіцці маўлення як пры вывучэнні ўсіх раздзелаў курса беларускай мовы, так і пры вывучэнні літаратуры. Так, Т. А. Ладзьжынская ўсе заданні па развіцці маўлення ўмоўна падзяляе на пяць груп:

- 1) заданні аналітычнага характару па гатовым тэкстах;
- 2) заданні аналітыка-сінтэтычнага характару па гатовым тэкстах (аналіз гатовага тэксту і стварэнне на гэтай аснове элементаў тэксту);
- 3) заданні на перапрацоўку гатовага тэксту (удасканаленне тэксту);
- 4) заданні на стварэнне новага тэксту на аснове прапанаванага;
- 5) заданні на стварэнне ўласнага тэксту.

Асноўнымі прыёмамі працы па развіцці маўлення ў методыцы выкладання мовы з'яўляюцца: чытанне тэкстаў розных стыляў і жанраў; сэнсава-граматычны, стылістычны, структурна-кампазіцыйны аналіз тэксту; фармулёўка пытанняў да тэксту; рэцэнзаванне вуснага адказу вучня; рэдагаванне тэксту; складанне кампазіцыйнай схемы тэксту; структураванне тэкстаў у адпаведнасці з тэматыкай і інш.

Як адзначае Г. М. Валочка, «немагчыма вылучыць універсальныя камунікатыўныя ўменні, якія б забяспечвалі стварэнне тэкстаў усіх стыляў, тыпуў і жанраў. Кожнае канкрэтнае ўменне непасрэдна звязана з відам выказвання. Таму лічыцца, што вучыць школьнікаў трэба не ўменням наогул, а канкрэтным уменням, якія залежаць ад стылю, тыпу і жанру выказвання» [5, с. 108].

У сваю чаргу М. Г. Яленскі лічыць, што «настаўнік, вызначаючы сістэму працы па развіцці маўлення, павінен памятаць, што вучань ніколі не навучыцца выказаць свае думкі, уступаць у суразмоўніцтва, пакуль не будзе пастаўлены перад неабходнасцю дзейнічаць (гаварыць) ва ўмовах штучнага маўленчага асяроддзя — у працэсе школьнага навучання» [6, с. 52].

Заклучэнне. На думку даследчыкаў і метадыстаў, арганізацыя працы па развіцці маўлення вучняў павінна ажыццяўляцца на аснове агульнадыдактычных, прыватнаметадычных і спецыфічных прынцыпаў. Кіруючыся імі, настаўнік выбірае метады і сродкі навучання школьнікаў.

Спіс цытуемых крыніц

1. *Мартынкевіч, С. В.* Маўленчая дзейнасць як аснова фарміравання камунікатыўнай кампетэнцыі вучняў / С. В. Мартынкевіч // Сучасная моўная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь: праблемы, перспектывы : матэрыялы рэсп. нав.-практ. канф. (да 80-годдзя праф. В. У. Протчанкі), Мінск, 9 крас. 2010 г. — Мінск : РІВШ, 2010. — С. 56—60.
2. Развитие русской речи учащихся средних и старших классов / М. Б. Успенский [и др.] ; под ред. Н. М. Шанского, И. Г. Чистяковой. — Л. : Просвещение : Ленингр. отд.-е, 1998. — 225 с.
3. *Ляшчынская, В. А.* Методыка выкладання беларускай мовы : вучэб. дапам. / В. А. Ляшчынская, З. У Шведава. — Мінск : РІВШ, 2007. — 252 с.
4. *Колас, Я.* Методыка роднае мовы : зб. тв. : у 12 т. / Я. Колас. — Мінск, 1976. — Т. 12. — 319 с.
5. *Валочка, Г. М.* Тэарэтыка-метадычныя асновы развіцця звязнага маўлення вучняў на ўроках беларускай мовы: 5—10 клас / Г. М. Валочка. — Мінск : НІА, 2005. — 204 с.
6. *Яленскі, М. Г.* Асобны падыход у методыцы навучання беларускай мове: тэарэтыка-эксперыментальнае даследаванне / М. Г. Яленскі. — Мінск : НІА, 1997. — 171 с.

УДК 821.161.3:82-3

В. М. Яромліч

Установа адукацыі «Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт», Баранавічы

ФОРМЫ АЎТАРСКАЙ ПРЫСУТНАСЦІ Ў АПАВЯДАННІ ВЕНАНЦЫ БУТРЫМА «ХАТА»

Уводзіны. Праблема аўтара і яго прысутнасці ў творы з'яўляецца прадметам навуковых дыскусій. Адно даследчыкі яе адмаўляюць, другія прызнаюць. Так, Р. Барт і яго паслядоўнікі лічаць, што аўтар знаходзіцца ў мінулым адносна сваёй кнігі. Але большасць даследчыкаў лічаць, што твор нельга разглядаць асобна ад яго стваральніка. Мы таксама кіруемся гэтай думкай. Існуе вялікая колькасць тэрмінаў для абазначэння прысутнасці аўтара ў мастацкім творы. Адзін з іх — аўтарская свядомасць. Гэта «вьяўленне аўтарскага светапогляду як сістэмы абагульненых поглядаў чалавека на аб'ектыўны

свет і яго месца ў ім, а таксама абумоўленыя гэтымі поглядамі яго асноўныя жыццёвыя пазіцыі, перакананні, каштоўнасныя арыентацыі» [3, с. 52].

Асноўная частка. Аўтарская свядомасць выяўляецца рознымі сродкамі: моўнымі, графічнымі, кампазіцыйнымі. Формай прысутнасці аўтара ў тэксце з’яўляюцца назва твора, гаваркія прозвішчы, тапанімічныя назвы, у якіх аўтар непасрэдна звяртаецца да чытачоў, аўтарскія лірычныя адступленні і інш. Адною з усталяваных каштоўнасцей беларускага быцця з’яўляецца хата. Такую назву носіць апавяданне Венанцы Бутрыма, якое мае выразныя рысы эсэ. Эсэ —жанр філасофскай, літаратурна-крытычнай, гісторыка-біяграфічнай, публіцыстычнай прозы, які спалучае падкрэслена індывідуальную пазіцыю аўтара з нязмушаным, часта парадаксальным выкладам, арыентаваным на гутарковае маўленне [4]. Сучасны даследчык Міхаіл Эпштэйн лічыць, што характарыстыкі эсэ збліжаюць яго з раманам, і ў сваёй працы «Парадоксы навізны» прыводзіць словы Юрыя Алешы: «Мне здаецца, што адзіны твор, які я магу напісаць як значны, патрэбны людзям, — кніга пра маё ўласнае жыццё. <...> Разважанне ці ўспамін на дваццаць або трыццаць радкоў, максімальна на сто... гэта і ёсць сучасны раман» [5]. Абодва жанры не толькі ўзніклі ў адзін час, а і сцвердзілі права сучаснага ўвайсці ў свет усталяваных каштоўнасцей і паказваць іх суадноснасць з індывідуальнасцю аўтара і героя. Твор напісаны сталым чалавекам, які, прыйшоўшы да асэнсавання сапраўднай глыбіні і значнасці жыццёвых з’яў, звяртаецца да чытача: «Потым зразумееш і ўпэўнішся, што паняцці *жытло* і *родная хата* ніяк не адназначныя, без яе іншы чалавек можа аказацца мала чаго варты, неўпрыкмет будзе губляць чуласць чалавечнасці, цэласнасць натуре. ...Зусім выпадкова стрэлася ў Пімена Панчанкі, з асабістых дзённікавых нататак: “Атрымаць кватэру — адно, а пабудаваць хату — зусім іншае”. Няма яе — і ўвечары сціплы сусед не адчыніць брамкі, не пройдзе стамлёным крокам да старой лавачкі — прысесці, перакурыць, памаўчаць...” [1, с. 86].

Адступленне ад прамога аповеду азначае, што пры парушэнні быцця нейкай падзеяй, справай, мэтай у ім усё ж захоўваецца «непарушная раўнавага, супакаенне, гармонія...» [2, с. 92].

Апавяданне пачынаецца аўтарскім разважаннем: «“Ты куды? — Дахаты. А ты адкуль? — З хаты...” У такім, максімальна спрошчаным, дыялогу ці і не выкладзены ўвесь сэнс так неабходнага кожнаму з нас, жывых, таго рэальнага прытулку на зямлі, у жыцці штодзённым? А шмат каму (мо, менавіта, табе...) нават ці не з містычным адценнем — *родная хата*» [1, с. 50].

Венанцы Вікенцевіч нарадзіўся ў 1936 годзе ў горадзе Баранавічы. Таму зразумела, што ў апавяданні аўтар звяртаецца да дзіцячых успамінаў часоў Вялікай Айчыннай вайны. Так выглядала хата, «...дзе прышлося першы раз падаць галасок...» [1, с. 51]: «Хата бабіна нічым не вылучаецца сярод іншых: белая пад цёмнай саламянай страхой, сінія з белым аканічкі, каваная клямка цяжкіх, амаль квадратных, дзвярэй, у абодва бакі ад якіх усыпаная кастрычаю прызба, ля ўваходу плоскі камень адной прыступкай» [1, с. 52].

Але хата для Венанцы Бутрыма — не проста хата, не набор будаўнічых матэрыялаў, а духоўная каштоўнасць: «...укрыць ад непагадзі такое адчувальнае цела, адагрэцца ў сцюжу... можна ж і пераначаваць, і пажыць і ў невыпадковым становішчы, а то і з камфортам... Не, выразна адчуць, што гэта менавіта *твой* прытулак, твая сцены, што вядома, дапамагаюць, бо родныя; твая, што без цябе, тваёй прысутнасці з цягам часу ператворацца ў стандартны набор бёрнаў, ліштваў, драккі, цвікоў ці халодных алюмінію і шкла, мёртвай цэглы» [1, с. 50].

Адно з балючых уражанняў дзяцінства — пажары. Але не менш уражвае і «ўпартае аднаўленне безваротна страчанага». «Марудна, але расце, пашыраецца, бо маўкліва, упарта трымаюцца гэтага кавалачка сваёй зямлі, меншага за макавае зерне, мікраскапічнага на той агульнай, неабсяжнай, спавітай сеткаю мерыдыянаў і паралеляў» [1, с. 78].

Заклучэнне. Мастацкі твор нельга разглядаць без уліку асобы яго стваральніка. Адзін з тэрмінаў, які пазначае прысутнасць аўтара ў тэксце, — аўтарская свядомасць. Яна часта рэалізуецца ў форме эсэізаваных лірычных адступленняў, што і назіраецца ў апавяданні В. Бутрыма. Іх характарызуе нязмушанасць, часта парадаксальнасць выкладу і сцвярджэнне ў сучасным свеце традыцыйных каштоўнасцей. Адною з іх заўсёды застаецца чалавечае жытло, хата, што асэнсоўваецца пісьменнікам не толькі як матэрыяльны аб’ект, а і духоўная прастора.

Спіс цытуемых крыніц

1. Бутрым, В. Маўклівыя сумныя птушкі : эсэ, апавяданні, аповесці / В. Бутрым. — Смоленск : Смоленск-Пресс, 2011. — 354 с.
2. Гачев, Г. Д. Содержательность художественных форм. Эпос. Лирика. Театр / Г. Д. Гачев. — М. : Изд-во Моск. ун-та : Флинта, 2008. — 288 с.
3. Мельничук, О. А. Повествование от первого лица. Интерпретация текста / О. А. Мельничук. — М. : МГУ, 2002. — 208 с.
4. Эссе это [Электронный ресурс] // Словари и энциклопедии на Академике. — Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/338226/127966>. — Дата доступа: 01.11.2016.
5. Эпштейн, М. Парадоксы новизны. О литературном развитии XIX—XX веков [Электронный ресурс] / М. Эпштейн. — М., 1988. — Режим доступа: http://www.booksite.ru/localtxt/epsh/tein/epshstei_m/parad_nov/. — Дата доступа: 01.11.2016.

ЛИНГВИСТИКА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ (АНГЛИЙСКИЙ, НЕМЕЦКИЙ, ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫКИ)

УДК 81

Т. М. Беленец

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

ОТРАЖЕНИЕ КОНЦЕПТА «КРАСОТА» В НЕМЕЦКИХ ПОСЛОВИЦАХ

Введение. На протяжении всей истории человечества о красоте и прекрасном писали мыслители разных научных школ и направлений. Это не случайно, поскольку данный концепт относится к числу важнейших ценностных ориентиров и оказывает влияние на человеческую деятельность, определяет отношение человека к другим людям и окружающему миру. Концепт «красота» рассматривается с позиций лингвокультурологии, являющейся активно развивающимся направлением современной науки.

Основная часть. Термин «концепт» был заимствован лингвистами из математической логики. В общем значении концепт — это содержание понятия, его смысловая наполненность в отвлечении от конкретно-языковой формы его выражения. Концепт как ментальное образование высокой степени абстрактности связан преимущественно именно со словом. Из этого следует, что он включает в себя помимо предметной отнесенности всю коммуникативно значимую информацию. Прежде всего, это указания на место, занимаемое этим знаком в лексической системе языка: его парадигматические, синтагматические и словообразовательные связи — то, что Ф. Соссюр называл «значимостью» и что, в конечном итоге, отражает «лингвистическую ценность» внеязыкового объекта. В семантический состав концепта входит также вся прагматическая информация языкового знака, связанная с его экспрессивной и иллокутивной функциями, что вполне согласуется с «переживаемостью» и «интенсивностью» духовных ценностей, к которым он относится.

Концепт, согласно научным дефинициям С. А. Аскольдова, Е. С. Кубряковой, С. Х. Ляпина, О. П. Скидан, — это «многомерный мыслительный конструкт, отражающий процесс познания мира, результаты человеческой деятельности, его опыт и знания о мире, хранящий информацию о нем».

По мнению Р. Павиленса, концепты — это «смыслы, составляющие когнитивно базисные подсистемы мнения и знания». Концепт, как и понятие, — единица когнитивного порядка. Архитектоника концепта как структурно-смыслового образования сложнее архитектоники понятия [1, с. 40].

Методологически важными мы считаем рассуждения о структуре концепта Ю. С. Степанова. По его мнению, концепт включает в себя следующие компоненты: основной, актуальный признак; дополнительный или несколько дополнительных, пассивных признаков, являющихся уже не актуальными, а историческими; внутреннюю форму, обычно вовсе не осознаваемую, запечатленную во внешней словесной форме.

Первый компонент — основной, актуальный признак концепта — значим, «известен» всем носителям того или иного языка, той или иной культуры. Выраженный вербально он является средством коммуникации представителей определенной этнической общности, нации, народа, народности. В отличие от него второй компонент — дополнительный, пассивный признак концепта — обнаруживает свою актуальность далеко не для всего этноса; он доступен для представителей определенной социальной группы, для конкретного микросоциума. И, наконец, третий компонент — этимологический признак, или внутренняя форма — является наименее актуальным для языко- и концептоносителей любой культуры, поскольку историей жизни слова занимаются преимущественно специалисты конкретных наук [1, с. 4].

Для выявления понятийного аспекта концепта die Schönheit ‘красота’ в немецком языке мы рассмотрели словарную статью в словаре Duden „Das Bedeutungswörterbuch“: die Schönheit 1. Etwas, was (an einer Sache) schön ist; das Schöne. 2. Schöner Mensch“ [2].

Доминантами при поиске синонимов концепта die Schönheit ‘красота’ в немецком языке оказались: die Pracht, die Anmut, die Herrlichkeit, der Reiz, das Ebenmaß, die Kostbarkeit, die Wohlgestalt, die Harmonie, die Formvollendung, die Grazie, der Liebreiz, der Glanz, die Erhabenheit, die Herrlichkeit, die Klassefrau, die Venus, die Beauty, der Prunk; Schön; romantisch, zart, einzigartig, perfekt, mild, geschmückt, malerisch [3].

Немецкая лингвокультура представляет богатый языковой материал, касающийся концепта die Schönheit ‘красота’, а пословицы и поговорки являются неотъемлемой частью национального языка, поэтому мы считаем целесообразным исследование концепта именно на этом материале.

Проанализированные пословицы и поговорки позволяют конкретизировать данный концепт в таких его компонентах, как внешняя красота человека, внутренняя красота человека и красота природы, которые, в свою очередь, содержат некоторые подкомпоненты.

Так, компонент «внешняя красота человека» включает такие подкомпоненты, как натуральная внешняя красота, недолговечность внешней красоты, обманчивость внешней красоты, внешняя красота как красота одежды, внешняя красота как мода, внешняя красота как негативная черта человека, красота глазами влюбленных, красота как тягость для её владельца, влияние красоты на внутренние качества и на окружающий мир, красота движений, противоборство внешней красоты с отрицательными внутренними качествами. Внутреннюю красоту составляет красота души. К красоте природы мы отнесли также подкомпоненты «материальная красота», «красота слов и выражений».

Анализируя немецкие пословицы, мы обратили внимание на то, что такой компонент концепта 'красота', как внешняя красота, основанный на описании натуральной красоты, встречается нечасто, например: „Es ist nicht alles schön, was geschminkt ist“ [4].

Наиболее ярко выражается такой подкомпонент внешней красоты, как её недолговечность. Концепт die Schönheit 'красота' может выступать как составляющий компонент смерти, например: „Herrlichkeit kommt einst zusammen im Sterbekleid“ [4].

В некоторых пословицах внимание акцентируется на такой негативной характеристике внешней красоты, как её обманчивость. За красивой, величественной внешностью может скрываться бедность, например: „Äußere Pracht verbirgt oft Armut“ [4].

Слишком большое количество красоты показано как негативное качество, например: „Viel Glanz blendet die Augen“ [4].

Также в пословицах показано противоборство приятной внешности с отрицательными внутренними качествами, например: „Schönheit ist ein stillender Betrug“ [4].

В немецком языке встречаются пословицы, выражающие повышение интереса к красоте внешнего вида через одежду. Но эти пословицы имеют как положительный, так и отрицательный аспект, например: „Kleider machen Leute“ [4].

Красота встречается не только в повседневной жизни, но и является незаменимым, важным компонентом в моде, например: „Nicht was schön, ist Mode, sondern was Mode, ist schön“ [4].

Влюбленные люди рассматривают как внешнюю, так и внутреннюю красоту по-особому, например: „Der ist schön, den man im Herzen liebt“ [4].

Подкомпонентом внешней красоты человека является красота движений, например: „Ohne Grazie kann man nicht gefallen“ [4].

Красота может представляться не только как что-то прекрасное, но и как негативное качество, например: „Schön hat der Teufel lieb“ [4].

Концепт die Schönheit в поговорках и пословицах иногда показан как тягость для её владельца, например: „Große Herrlichkeit, große Beschwerlichkeit“ [4].

Красота влияет не только на внутренние качества человека, но также на окружающих, например: „Je schöner, je unkeuscher“; „Je schöner, je ärger“; „Heut' in Pracht, morgen verachten“ [4].

Большую часть в проанализированных пословицах и поговорках занимает внутренняя красота. Она может описывать внутренне состояние, например: „Die Pracht vermehrt den Schein und erntet nicht das Sein“; „Eine Schönheit verdunkelt die andere“; „Schönheit bedarf keiner Schnörkel“ [4].

Значение внутренней красоты особенно важно для человека. В следующем примере показано, что внутренняя красота более ценна, чем внешняя, например: „Die Grazien erscheinen in keinem Hemde“ [4].

Заключение: Семантический анализ концепта die Schönheit 'красота' на материале немецких пословиц позволил выделить три основные группы: 1) описание привлекательного внешнего облика человека; 2) описание внутренней красоты; 3) описание материальной красоты, красоты природы. Следует отметить, что большое количество пословиц и поговорок о красоте имеет иронический оттенок.

Список цитируемых источников

1. Ельмслев, Л. Прологомены к теории языка / Л. Ельмслев. — М.: Просвещение, 1960. — 140 с.
2. Duden. [In 12 B.]. B. 10. Das Bedeutungswörterbuch. — 21th. ed., bearbeit. — Mannheim ; Leipzig ; Wien ; Zürich : Dudenverlag, 1997. — 1103 S.
3. Duden. [In 12 B.]. B. 12. Zitate und Aussprüche. — 21th. ed., bearbeit. — Mannheim ; Leipzig ; Wien ; Zürich : Dudenverlag, 1997. — 827 S.
4. Deutsches Sprichwörter-Lexicon von Karl Friedrich Wilhelm Wander [Elektronische Ressource]. — Zugriffsmodus: <http://woerterbuchnetz.de>. — Datum des Zugriffs: 27.05.2016.

СКАЗОЧНЫЙ ДИСКУРС КАК ОТРАЖЕНИЕ МЕНТАЛИТЕТА НАРОДА (НА ПРИМЕРЕ БЕЛОРУССКОЙ И НЕМЕЦКОЙ СКАЗОК)

Введение. Сказочный дискурс — «универсальное хранилище» информации, закодированной в течение многовековой истории. Данный вид дискурса представляет собой наиболее глубинную репрезентацию этносоциокультурно обусловленной картины мира и менталитета нации и дает возможность строить суждения о стратегии речемыслительной деятельности народа как коллективной языковой личности, которая его продуцирует.

Основная часть. Белорусские сказки художественно разнообразны и богаты. Их национальная специфика выражается в языке, в бытовых подробностях, в характере пейзажа, укладе жизни, преимущественно крестьянской. В белорусских сказках речь идет об идеях и чувствах, присущих природе именно белорусского народа в течение всей его истории.

Главным действующим лицом в подавляющем большинстве белорусских сказок оказывается выходец из простого народа. Эта особенность определяет и несколько иное сюжетное построение: результатом испытаний, выпавших на долю героя, становится улучшение не только его личной жизни, но и жизни всех людей, что является свидетельством того, что белорусские люди заботятся не только о себе, но и о тех, кто их окружает.

В белорусских сказках героизм и мужество народных заступников часто сочетаются с готовностью пожертвовать своей жизнью для блага всех людей. В сюжетном плане реализация этих качеств героя подчеркивается выбором наиболее трудного пути из всех, открывающихся перед борцом за народное счастье. Исследователь белорусских сказок А. К. Сержпутовский отмечает, что для героев характерным является чувство жертвенности.

Утверждая общественное предназначение поступков героя, его служение народу как одну из самых высоких социальных целей, белорусская сказка не отрицает права человека на личное счастье. Достижение счастья, радости и зажиточной жизни народ не мыслит без единства материального достатка и здоровой духовной жизни. Во многих белорусских сказках понятие об индивидуальном крестьянском счастье связывается прежде всего с исправным хозяйством, своей землей и постоянным трудом на ней. В белорусских сказках выражение крестьянского идеала (стать владельцем своей земли) проявляется в том, что герой сказки достигает своей заветной цели — работает на своей пахне (например, в сказке «Иванка-прастачок»).

Если говорить о материальных благах, отметим, что в белорусской сказке приобретение материальных благ чаще происходит следующим путем: освобождением царевны из неволи без женитьбы на ней («Курьла Кажамяка»), смекалкой или хитростью, что в сказке одно и то же («Несцерка», «Дзіва», «Чорт-злодзей»), или с посторонней помощью («Жораваў кашалёк», «Рогі», «Залатое пярэ»).

Для белорусской сказки представление о счастье отличается большим максимализмом: герой получает в награду или добывает сам не менее чем царство, полцарства, обеспечивая себе безбедное существование до конца жизни, причем в белорусской сказке такая жизнь зачастую связана с трудом (например, «Ілья», «Рогі», «Дзіва», «Івашка Мядзвежае вушка»).

Непререкаемый авторитет родителей, являющийся одним из составляющих «морального кодекса» белорусского народа, в сказке становится направляющей силой приключений или злоключений героя, однако действия родителей почти никогда не обсуждаются, а тем более не осуждаются (например, «Рогі» и др.). В конце своих странствий герой обязательно возвращается домой или забирает к себе родителей, обеспечивая им спокойную старость. Это является характерной чертой белорусских сказок.

Таким же непререкаемым в белорусской сказке является авторитет мужа: жена не смеет ему перечить даже в случае, когда приходится жертвовать кровными родственниками («Пакацігарошак»). В то же время можно встретить сюжет, когда жена руководит действиями мужа: жена оказывается злой колдуньей (или просто недоброй женщиной, что для белорусского народа одно и то же) и заставляет мужа избавиться от своих детей (например, «Бабіна дачка і дзедава дачка») или же вовсе задумывает извести своего мужа и занять его место во главе государства (например, «Залатое пярэ») [1].

Можно предположить, что такое построение сказочного сюжета опирается на мифологическое представление о женщине как существе, близком к нечистой силе и обладающем колдовскими возможностями. Интересна в этом отношении концовка белорусской сказки «Курьла Кажамяка»: главный герой погибает от взгляда своей матери, совсем не желавшей ему зла. Думается, здесь заложено архетипическое представление об убийственной силе взгляда, тем более что женщина в народном представлении всегда считалась гораздо более способной «сглазить», чем мужчина. Следует отметить, что данное представление характерно для славянской культуры вообще.

Остатки тотемистических верований, бытуя в народе, проникали в белорусские сказки. Наиболее ярко это отразилось в сказках, где главный герой рождается от зверя-тотема («Вашка Мядзвежае вушка») либо героиня становится женой медведя, змея («Бабіна дачка і дзедава дачка», «Пакацігарошак»). Одно из действующих лиц может быть заколдовано и превращено в рака («Аб рачку»). Также интересен сюжет сказки, в которой бездетная супружеская пара получает детей, родившихся из яйца, выступающего языческим символом начала жизни или обладающего магическими свойствами («Вашка Мядзвежае вушка»).

Если говорить о немецких сказках, отметим, что существуют следующие тенденции и даже закономерности: самые распространенные сюжеты — судьбы униженных и обездоленных, где правда всегда должна восторжествовать. Достаточно частотным является мотив покладистой жены («Der Frieder und das Katerliessen») — своего рода насмешка над глуповатыми супругами, взаимоотношения людей через описание нелепых, с точки зрения среднестатистического немца, конфликтных социально-бытовых сцен.

Очевидным является факт, что немецкая нация не боится высмеивать себя, свои пороки, к числу которых относит, прежде всего, глупость. Например, в сказках о животных часто показано то, что народ осуждал в себе и в обществе: плутовство, хвастовство, лицемерие («Der Hase und der Igel», «Katze und Maus in Gesellschaft»).

Во многих немецких сказках с помощью выдумки, остроумной шутки на всеобщий суд выставляются такие общечеловеческие пороки, как лень, жадность, зависть, скупость, воплощенные через образы животных, черты которых выразительно отличаются от характеристик белорусских героев животного мира. Так, в немецких сказках заяц — надменный и гордый, кот — хитрый и изворотливый, мышь — до абсурда доверчива и добра, а еж — умен, азартен и изворотлив. В сказке «Katze und Maus in Gesellschaft» кот тайно съедает горшочек с маслом, хитро «обводя мышь вокруг пальца». В конце концов он съедает и мышь, которая узнает о коварном обмане друга.

Герои немецких сказок чаще всего являются ремесленниками, солдатами, крестьянами, вступающими в борьбу с драконами, свирепыми великанами, ведьмами; при этом положительные герои оказываются умнее и отважнее. Судьба всегда вознаграждает простую крестьянку, нелюбимую падчерицу или доброго пастушка за их честность и трудолюбие. Но наряду с темой противоборства добра и зла, где героям помогают сверхъестественные силы и где, благодаря верности и доброте, беды героев сменяются благополучием, в немецких сказках присутствуют и поучительные истории о взаимоотношениях человека и фантастического существа.

Самым многочисленным видом немецких сказок являются социально-бытовые. Они в наибольшей степени отражают реальную жизнь немецкого народа. В них отсутствуют элементы фантастики, а вымысел и преувеличения, которые легко угадать, помогают понять образ и характер героя. Здесь особенно сильно проявляется сатирическое начало, которое и выражает симпатию народа. Ведь немцы по главу угла ставят трудолюбие, упорство, рациональность, которые, по их мнению, являются основой для формирования характера каждого представителя нации. В бытовых немецких сказках выделяются четко несколько типов сюжетов, например, жизнь супругов, когда при описании взаимоотношений умного, смекалистого мужа и глупой и ленивой жены немцы постигают основы традиционно немецкого брака («Der Frieder und das Katerliessen»). Это отнюдь не означает, что в понимании немцев жена — всегда глупое и бесправное существо, а муж — идеален: высмеивая глупость и лень, немецкий народ как бы указывает на недостатки общества, института брака и направляет молодое поколение в правильное русло [2].

Заключение. Сказки являются яркой иллюстрацией менталитета той или иной этнической группы, во многом влияя на сложение характеристик данной нации: немцы становятся трудолюбивыми, честными и пунктуальными, заботясь о своих семьях; белорусы изобретательны и духовно богаты, действуют сообща. Сказка не потеряла своего значения и в наши дни. Она несет добро, понимание справедливости, непоколебимую веру в торжество правды, победу светлых сил.

Таким образом, сказочный дискурс является многослойным и многогранным понятием. Для понимания специфики данного явления нужно принимать во внимание историю возникновения и развития фольклора и места в нем сказки как одного из ведущих жанров. Сказочный дискурс не является однопорядковым, он связан с другими видами дискурса (например, с педагогическим, политическим). В то же время он является особой разновидностью художественного дискурса, в котором всегда реализуются коллективные смыслы и представлено культурное наследие народа. Сказки включают в себя многовековой опыт народа, подтверждением чему является наличие в них природных и антропологических концептов, таких понятий, как душа, добро, зло, сердце, воля, истина и правда, любовь и ненависть, злоба, справедливость, вера, духи, свет и тьма и т. д. Сказочный дискурс — это своеобразное собрание большого количества социоконцептов, разнообразных вариантов их реализации, соотносимость с реалиями той или иной эпохи, авторитет традиций, проверенный временем, особенности сознания индивида и всего народа, обусловленные лингвистическими, этническими, культурными, социально-историческими факторами.

Список цитируемых источников

1. *Ахрыменка, П. П.* Беларускія песні і казкі / П. П. Ахрыменка. — Мінск : Навука і тэхніка, 1965. — 160 с.
2. *Брауде, Л. Ю.* Скандинавская литературная сказка / Л. Ю. Брауде. — М. : Радуга, 1979. — 418 с.

ЭКСПРЕССИВНЫЕ СРЕДСТВА ЯЗЫКА В ВЫСТУПЛЕНИЯХ АНГЕЛЫ МЕРКЕЛЬ КАК СПОСОБ ПРОЯВЛЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Введение. Политика играет важную роль в современном мире, поэтому политический дискурс превратился в актуальный объект междисциплинарных исследований. Не только лингвисты, но и представители других дисциплин подчеркивают манипулятивность современного политического дискурса и пытаются описать особенности использования языковых средств для воздействия на массовое сознание. Анализ порождаемого личностью дискурса дает представление об индивидуальных особенностях коммуникативной компетенции, о скрытых процессах языкового сознания, составляющих своеобразие дискурсивного мышления человека.

Основная часть. Одной из особенностей политического дискурса является воздействие на эмоции адресата, а это значит, что политический дискурс содержит широкий спектр экспрессивных языковых средств.

Дискурсивная личность политика — это интерактивная личность, обладающая «коммуникативным паспортом», т. е. системой индивидуальных дискурсивных стратегий и тактик, когнитивных, семиотических, мотивационных предпочтений, сформировавшихся в процессах коммуникации и оставляющих свои следы в создаваемых текстах. Языковая личность политика представляет собой дискурсивно-текстовый феномен, в котором через разные тексты с различной степенью интенсивности проявляются надындивидуальные и индивидуальные черты [1].

Характер коммуникативных стратегий у разных политиков отличается незначительно, а все различия проявляются на уровне речевых тактик, которые в разных формах реализуются в текстах с помощью языковых средств. Информационно-интерпретационная стратегия и стратегия самопрезентации являются основными коммуникативными стратегиями личности политика. Стремление любого политика заключается в том, чтобы заявить о себе, выделиться на фоне других политиков, определить свою позицию в соответствующей коммуникации, предложить собственную интерпретацию современной политической ситуации и проинформировать общество о принятии возможных и необходимых, по мнению данного политика, политических решений. Исследование коммуникативных стратегий и тактик, используемых политиком, позволяет определить характер языковой личности.

Языковая личность — совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), различающихся степенью структурно-языковой сложности, глубиной и точностью отражения действительности, определенной языковой направленностью [2, с. 264].

Для выявления особенностей характера языковой личности были проанализированы пять текстов в объеме 20 страниц выступлений Бундесканцлера ФРГ Ангелы Меркель на предмет использования экспрессивных языковых средств.

Методом контекстуального анализа были отобраны такие языковые средства, как инверсия, лексический повтор, дейктик, метафора, метонимия, пассивный залог, уточнение и вопросительные конструкции.

Очень часто госпожа Меркель прибегает в своих речах к инверсии (35%). Выстраивая предложения нетрадиционным образом, политик хочет привлечь внимание к особо важным вещам: *Heute aber wissen wir: Nichts muss so bleiben, wie es ist — Veränderung zum Guten ist möglich* [3]; *Heute sehen wir uns hier geeint in dem Ziel, die absolute Armut bis zum Jahr 2030 zu beseitigen — ein Ziel, das vor nicht allzu lange Zeit ebenfalls zu oft als Träumerei abgetan wurde* [3].

Использование дейктиков (16%), выраженных, как правило, местоимением «мы», госпожа Меркель хочет показать свою солидарность с немецким народом, позиционируя себя в качестве его представителя: *In wenigen Tagen feiern wir in Deutschland 25 Jahre Deutsche Einheit. Wir feiern in Europa das Ende des Kalten Krieges* [3]; *Heute aber wissen wir: Nichts muss so bleiben, wie es ist — Veränderung zum Guten ist möglich. Und wir wissen: Jedes große Vorhaben fängt im Kopf an* [3].

В качестве примера можно также привести фразу, сказанную госпожой Меркель в отношении приема Германией большого количества мигрантов, которая стала в последнее время самой цитируемой в СМИ: *Wir schaffen das* (Мы справимся).

Широко востребованными в выступлениях оказались метафора (9%) и метонимия (9%), например: *Das einst geteilte Europa wuchs in Frieden und Freiheit zusammen. Wir wollen und wir können der Welt ein menschlicheres Gesicht geben. Diesem Ziel dient die Agenda 2030* [3]; *Deutschland unterstützt zudem regionale Organisationen und Partnerschaften, um Kräfte zu bündeln* [3]; *Deutschland wird sich in den notwendigen Reformprozess aktiv einbringen* [4].

Часто в выступлениях Бундесканцлера Германии можно увидеть такое экспрессивное средство языка, как использование лексических повторов (16%): *Unsere Werte, unsere Traditionen, unser Rechtsverständnis, unsere Sprache, unsere Gesetze, unsere Regeln — sie tragen unsere Gesellschaft, und sie sind Grundvoraussetzung für ein gutes, ein von gegenseitigem Respekt geprägtes Zusammenleben aller in unserem Land* [5].

Вопросительные конструкции (2%) в большинстве случаев представлены риторическим вопросом, который по своей структуре не требует ответа. Мы считаем, что таким образом оратор обращает внимание реципиента на особо важные вопросы: *Am 3. Oktober haben wir den 25. Jahrestag der Wiedervereinigung Deutschlands gefeiert. Ist es nicht großartig, wo wir heute, 25 Jahre später, stehen?* [5].

Уточнения (2%) в текстах политических выступлений Ангелы Меркель встречаются довольно редко: *Wir nehmen uns dafür neue Ziele vor, die das gesamte Spektrum der globalen Entwicklung umfassen und die für alle gelten — für Industrieländer ebenso wie für Entwicklungsländer. Um sie zu erreichen, brauchen wir eine neue globale Partnerschaft. Für eine solche globale Partnerschaft brauchen wir erstens effiziente Strukturen; und zwar auf allen Ebenen — national, regional und global* [3].

Заключение. Политические выступления Ангелы Меркель содержат большое количество экспрессивных средств, т. е. скрытых возможностей языка. С помощью таких средств решаются задачи политического дискурса: формирование общественного мнения, демонстрация своих взглядов как политика на мировые проблемы, получение необходимой эмоциональной реакции реципиентов, что свидетельствует о высокой степени индивидуальности канцлера ФРГ как языковой личности.

Список цитируемых источников

1. Языковая личность [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://psibook.com/linguistics/yazykovaya-lichnost-kak-subekt-politicheskogo-diskursa.html>. — Дата доступа: 13.05.2016.
2. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. — М.: Изд-во ЛКИ, 2010. — 264 с.
3. Выступление А. Меркель [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.bundeskanzlerin.de/Content/DE/Rede/2015/09/2015-09-28-rede-merkel-eroeffnung-vn-gipfel.html>. — Дата доступа: 02.05.2016.
4. Выступление Ангелы Меркель [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.bundesregierung.de/Content/DE/Regierungserklaerung/2015/2015-09-24-regierungserklaerung.html>. — Дата доступа: 03.05.2016.
5. Выступление Ангелы Меркель [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.bundesregierung.de/Content/DE/Bulletin/2016/01/01-1-bk-neujahr.html>. — Дата доступа: 03.05.2016.

УДК 808.5

К. А. Богатко

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

ВЕРБАЛЬНАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИЕМА ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ В АНГЛО- И РУССКОЯЗЫЧНОМ ЮМОРИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Введение. Определить, что такое юмор, так же трудно, как установить, что такое остроумие, поскольку то и другое весьма многообразно. Перечислить все свойственные человеку проявления юмора — занятие такое же бесконечное, как и перечисление всех мнений, которые у него могут быть. Как и многим сферам жизни и творчества, юмору присущи проявления интертекстуальности — соприсутствия в одном тексте двух или более текстов (цитата, аллюзия, плагиат и т. п.) [1, с. 4].

Интертекстуальная природа такого жанра юмористического дискурса, как анекдот, проявляется в том, что, с одной стороны, он функционирует не сам по себе, а в других видах дискурса (политический, рекламный, дискурс СМИ и др.), вклиниваясь в тексты, имеющие отличные от него жанровые характеристики, с другой стороны, на него могут ссылаться, используя различные виды текстовых реминисценций (цитирование анекдотов, аллюзии на «бородатые» анекдоты и т. п.) [2].

Данное исследование посвящено реализации приема интертекстуальности в англо- и русскоязычном юмористическом дискурсе жанра «анекдот». Актуальность рассматриваемой в работе проблемы обусловлена, во-первых, углублением интертекстуальной парадигмы в лингвистических исследованиях, во-вторых, необходимостью выявления природы комических процессов и их вербального отражения.

Объектом исследования является прием интертекстуальности в англо- и русскоязычном юмористическом дискурсе жанра «анекдот».

Предметом исследования являются языковые средства реализации приема интертекстуальности в современном англо- и русскоязычном юмористическом дискурсе, рассматриваемом на примере жанра «анекдот».

Целью данной научной работы является выявление и сопоставление средств реализации приема интертекстуальности в современном англо- и русскоязычном юмористическом дискурсе.

Заявленная цель исследования может быть достигнута путём последовательного решения следующих задач:

- 1) изучить теоретические источники, раскрывающие содержание понятий «дискурс», «юмористический дискурс», «речевой жанр», «анекдот», «интертекстуальность»;
- 2) рассмотреть стилистические и прагматические возможности, а также лингвокультурную значимость интертекстуальности применительно к юмористическому дискурсу;
- 3) произвести сравнительный анализ языковых средств и способов реализации интертекстуальности в юмористическом дискурсе носителей англо- и русскоязычной лингвокультуры на примере жанра «анекдот».

В ходе исследования применялись такие методы, как метод сплошной выборки, статистический метод, метод стилистического анализа, метод контекстуально-ситуативной и лингвокультурологической интерпретации.

Материалом исследования послужили англо- и русскоязычные анекдоты, в текстах которых прослеживались интертекстуальные отсылки (общее количество — 20 англоязычных и 15 русскоязычных текстов).

Основная часть. «Интертекстуальные» анекдоты, которые рассказывают друг другу носители английского языка, можно условно разделить на следующие группы:

1) Narrative jokes — анекдоты, написанные в форме повествования или диалога о событиях в реальном или вымышленном мире, например: *Once a very brave knight came to the gates of King Richard's palace, but it appeared that there was a day off*;

2) Elephant jokes — этот вид анекдотов чаще всего является своего рода загадкой, в которых обязательно присутствует фигура слона (*elephant*), создающая юмористический эффект: *Why are elephants wrinkled? They are too difficult to iron*;

3) Tom Swifities — этот вид юмористических текстов представляет собой фразу с прямой речью, в которой присутствует игра слов, описывающая манеру высказывания: *"I'm not Virginia Wulf", — said Tom self-consciously*;

4) Wellerisms — данная разновидность юмористических текстов определяется как общеизвестная идиома или поговорка, основанная на смысловой игре слов: *"Every little helps," as the captain said when he threw his wife overboard to lighten the ship*;

5) Knock-knock jokes — эти шутки характеризуются, как ролевая игра с протагонистом, главным действующим лицом или каламбуристом и антагонистом в позитивном смысле, антагонист здесь выступает в роли адресата шутки: *Knock, knock! Who's there? Olive. Olive who? Olive you! (I love you!)*.

Интертекстуальным элементом русскоязычных анекдотов является использование характерных формул, напоминающих языковые клише: стандартные зачины, элементы языковых масок, клишированные детали.

Использование указанных формул для многих анекдотов играет текстообразующую роль. Анекдоты естественным образом организуются в серии в соответствии со стандартным для всей серии зачином, например: *Приходит муж домой... или Врезается «Запор(ожец)» в «Мерс(едес)»...* Иногда стандартный зачин допускает наличие переменной в клишированной формуле — ср. международную серию анекдотов, начинающихся с вопроса *Сколько X нужно, чтобы вкрутить лампочку?..*

Языковая маска героя анекдота должна включать в себя использование клишированных формул, условных сигналов, делающих героя узнаваемым. Скажем, в анекдотах про чукчей или про грузин не всегда эксплицитно сообщается, что герой анекдота — представитель данного этнического меньшинства. Это часто становится понятно только из специальных условных сигналов в речи персонажа. Так, в грузинских анекдотах герой часто использует вопросительное «да?», в том числе в конце побудительных предложений, что противоречит нормам русского литературного языка (*Скажи, да?; Принеси, да?*). Вопросительное «да?» входит в состав клишированной формулы «обидно, да?», которая используется в составе речи персонажа-грузина в целом ряде анекдотов и произносится со специфическим грузинским акцентом.

Постоянное и не соответствующее стандартам русского языкового употребления использование слова *однако* является в анекдотах неотъемлемой языковой маской чукчи. Поэтому такое употребление иногда используется в других речевых жанрах как средство имплицитной отсылки к анекдотам про чукчу (как, например, в стандартных фразах, начинающихся и заканчивающихся передачу Михаила Леонтьева, которая так и называется «Однако»: *Однако, здравствуйте* и *Однако, время*).

Существуют серии анекдотов, в которых использование определенного клишированного выражения является необходимой приметой персонажа, без которой он не может быть идентифицирован. Так, например, в анекдотах о Шерлоке Холмсе герой каждый раз предвзвешивает свое заключительное высказывание, содержащее разгадку тайны, мучившей доктора Ватсона и одновременно составляющее «соль» анекдота, словами: «*Элементарно, Ватсон*». Как и другие клишированные формулы, данное выражение может приобретать новую прагматическую нагрузку, создавая неожиданный эффект: «*Холмс, как Вам удастся так долго обходиться без женщин?*» — «*Элементарно [после небольшой паузы, рассказчик делает указательный жест в сторону] — Ватсон!*».

Существуют и другие анекдоты, построенные на неожиданном употреблении узнаваемой языковой маски. Так, к числу клишированных выражений, свойственных «новым русским» в анекдотах, относится обращение *братан*, выражения *в натуре*, *ну, ты че?* На этом построен следующий анекдот: *Корреспондент спрашивает мэра Петербурга: «Правда, что Санкт-Петербург стал криминальной столицей России?» — «Ну, ты че, братан, в натуре, наезжаешь!» — отвечает мэр.*

Заключение. В результате исследования было выявлено, в чем проявляется категория интертекстуальности в англо- и русскоязычном юмористическом дискурсе жанра «анекдот». Было установлено, что как англоязычным, так и русскоязычным анекдотам характерны интертекстуальные связи внутри отдельных групп анекдотов, которые устанавливаются посредством использования стандартных зачинов и клишированных деталей.

Вместе с тем в реализации интертекстуальности в англо- и русскоязычном юмористическом дискурсе были выявлены определённые различия. Так, англоязычные анекдоты характеризуются реализацией интертекстуальности путем помещения событий анекдота в миры, описанные в художественной литературе или народном фольклоре, путем декомпозиции устойчивых выражений и антономазии (отсылки к культурно значимым текстам, построенные на упоминании имен собственных).

Интертекстуальность в русскоязычных анекдотах во многом строится на вариативном использовании языковых масок — клишированных выражений, присущих анекдотическим персонажам. Данная особенность русскоязычного анекдота позволяет устанавливать интертекстуальную взаимосвязь между данным жанром юмористического дискурса и другими дискурсами (главным образом, политическим и медийным).

Перспектива продолжения исследований в заданном направлении в дальнейшем представляется возможной в области реализации приемов интертекстуальности на материале различных жанров юмористического дискурса либо на материале других дискурсов (бытового, политического, рекламного, медийного и др.). Интересным представляется включение в сопоставительный анализ белорусскоязычного юмористического дискурса различных жанров.

Список цитируемых источников

1. Аксёнова, Н. С. Интертекстуальность в литературоведении и лингвистике: проблема выбора подхода [Электронный ресурс] / Н. С. Аксёнова // Электронный журнал «Вестник МГОУ». — Режим доступа: <http://vestnik-mgou.ru/Articles/Doc/271>. — Дата доступа: 21.02.2016.
2. Шмелев, А. Д. Анекдот в разных видах речевой деятельности / А. Д. Шмелев, Е. Я. Шмелева // Аксиологическая лингвистика: игровое и комическое в общении : сб. науч. тр. / под ред. В. И. Карасика, Г. Г. Слышкина. — Волгоград : Перемена, 2003. — С. 219—229.

УДК 800

В. В. Богданова

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА «ГОСТЕПРИИМСТВО» В ТЕКСТАХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Введение. Одним из центральных направлений современных лингвистических исследований является изучение взаимосвязи мышления и языка, роли языка для человека, а также роли человека в языке. Знания и представления об окружающем мире отражены в сознании человека посредством когнитивных структур — концептов.

Актуальность исследования обусловлена тем, что изучение когнитивных структур является одним из важнейших направлений развития современной лингвистики, чей интерес к способам формирования смысла и формам репрезентации знания обуславливает изучение типов концептов, проблем их классификации, а также установления специфики реализации концепта в контексте.

В связи с процессами миграции народов на данном этапе развития человечества интерес представляет репрезентация концепта «гостеприимство» в языке. Гостеприимство — это постоянное качество, свойство человека либо целого народа, которое проявляется в том, что кто-либо любит и постоянно готов принимать гостей у себя дома, его дом всегда открыт для других людей, и он старается им угодить, угостить и предоставить ночлег на неопределённое время [1].

Проблема беженцев на сегодня является одной из самых актуальных и находит широкое освещение в СМИ. Соответственно, интерес представляет выявление того, действительно ли гостеприимными являются носители английского языка, каково их настоящее отношение к проблеме

мигрантов, и, соответственно, каким образом концепт «гостеприимство» репрезентирован в текстах англоязычных газет.

Объектом исследования выступает концепт «гостеприимство», представленный в английском языке.

Предмет составляют особенности репрезентации концепта «гостеприимство» в английском языке.

Целью работы является исследование языковой репрезентации концепта «гостеприимство» в английском языке и выявление специфики актуализации данного концепта в текстах англоязычных СМИ.

Материалом исследования выступили 111 лексических единиц, вербализирующих концепт «гостеприимство», отобранных из текстов англоязычных СМИ (газеты “The Times”, “The Guardian”, “The Global Times”, “Los Angeles Times”).

Основная часть. Концепты представляют собой те идеальные абстрактные единицы смысла, которыми человек оперирует в процессе мышления и речемыслительной деятельности. Они отражают содержание полученных знаний, опыта, результатов всей деятельности человека и результаты познания им окружающего мира в виде определенных единиц, «квантов» знания. Человек мыслит концептами, формируя новые концепты как результаты мышления [2, с. 39].

Языковая репрезентация концепта «гостеприимство» происходит посредством разнообразной лексики, однако представляется возможным провести параллель в представлении носителей различных культур о гостеприимном человеке — это радушный человек, воплощающий в себе такие качества, как щедрость, доброта. Данные факты позволили выделить ядерные компоненты лексико-семантического поля «гостеприимство», в качестве которых выступили лексемы *hospitable, friendly, kind*.

В ходе проведенного исследования было выявлено, что существует две группы языковых единиц, репрезентирующих концепт «гостеприимство»:

1) слова, прямо выражающие гостеприимство: *welcome, accept, invite, help, avoid, offer, provide with*. (7% от общего количества исследуемых лексических единиц);

2) слова, косвенно вербализующие изучаемый концепт (103 лексические единицы, что составило 93%). Например, *take in, deliver, refusal, promise, sanctuary, give, asylum, allow*.

В статье на официальном сайте правительства Квебека репрезентация исследуемого концепта происходит посредством лексических единиц, прямо выражающих гостеприимство: ***As of April 25, 2016, Québec had welcomed 5467 Syrian refugees, including 3 597 adults and 1 870 children. In addition to numerous organizations and institutions working in cities across Québec to prepare for their arrival, thousands of Quebecers are mobilizing to offer their help.***

Прочитав статью, можно сделать вывод, что Квебек не желает отставать от других волонтеров, которые уже внесли свой вклад в разрешение проблемы с беженцами, а потому не только власти, но и само население демонстрирует гостеприимство и активно предлагает свою помощь.

На всех видах средств массовой информации лежит огромная ответственность, ведь именно благодаря широкому кругу их читателей или слушателей сегодня массмедиа являются неким образцом, на который равняется их аудитория. Для того чтобы достоверно описывать происходящие события, объективно их комментировать, в то же время не забывая о толерантности и не задевая чье-либо достоинство, в СМИ широко используется политическая корректность. Кроме того, публицистический стиль в целом отличается своей ограниченностью в стилистических средствах выражения, строгостью, следовательно, для создания каких-либо образов используется ограниченное количество языковых средств. Например, в предложении *I want to settle boat people* имеет место замена: местоимение *I* подразумевает всю страну, а не отдельного человека, а словосочетание *boat people* подразумевает существительное *refugees* (беженцы).

Существует два варианта реализации концепта «гостеприимство» в текстах англоязычных СМИ — положительный и отрицательный. В ходе проведенного исследования были выделены следующие способы положительной и отрицательной реализации гостеприимства:

1) посредством употребления слов и словосочетаний, которые окрашены оттенком (не)гостеприимства и воплощают данный концепт. В указанную группу лексических единиц могут входить как эвфемизмы, так и так называемая политическая корректность, которая имеет достаточное распространение в Великобритании и США (например, *rebels* вместо *traitors*);

2) репрезентация изучаемого концепта происходит не только при помощи лексических единиц, но и с учётом определенного контекста. Например, *slump* означает ‘резкое падение’, однако вне определенного контекста читатель не в состоянии догадаться о том, что семантика данного слова обретает оттенок негостеприимства, означая потерю интереса, поддержки;

3) для вербализации данного концепта используются слова и выражения, денотативные значения которых прямо выражают (не)гостеприимство (например, *welcome; not welcome*). Однако необходимо учитывать, что подобные лексические единицы в текстах СМИ встречаются весьма редко.

Наиболее распространенными способами положительной и отрицательной репрезентации концепта «гостеприимство» в СМИ являются первый и второй способы. На наш взгляд, данные результаты обусловлены тем фактом, что представители СМИ предпочитают иной раз весьма завуалировано, желая сохранять нейтралитет и объективность, описать ситуацию. Тем не менее из контекста выступает их отношение к проблеме. К примеру, политические деятели, слова которых

довольно часто цитируются в СМИ, также предпочитают изъясняться, используя политическую корректность, эллиптические предложения, метафоры и т. д.

В результате проведенного исследования было выявлено, что преобладают лексические единицы, окрашенные положительным оттенком гостеприимства, что составляет 90 слов (81% от общего количества исследуемых единиц). Менее частотными оказались слова, содержащие негативный оттенок гостеприимства в значении (19% от общего количества отобранных лексических единиц).

Заключение. Концепт «гостеприимство» представляет собой весьма сложное, многослойное ментальное образование, имеющее высокую значимость для человеческой культуры, так как является одним из ее составляющих компонентов. Примечательно, что исследуемый концепт может быть репрезентирован в языке, принимая во внимание особенности той или иной ситуации: не только положительно (одна из сторон с радостью примет у себя другую), но и негативно (одна из сторон согласна, но не с радостью, принять у себя другую). Особой частотностью употребления отличаются лексические единицы, окрашенные положительным оттенком гостеприимства.

Список цитируемых источников

1. Ушаков, Д. Н. Большой толковый словарь русского языка / Д. Н. Ушаков. — М. : Альта Принт, 2006. — Т. VIII. — 1239 с.
2. Болдырев, Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику : курс лекций / Н. Н. Болдырев. — Тамбов : Изд-во Тамб. ун-та, 2014. — 236 с.

УДК 811.133.1

А. В. Боуфал, В. Э. Захарченя

Учреждение образования «Полесский государственный университет», Пинск

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НАИМЕНОВАНИЙ ФРАНЦУЗСКИХ И БЕЛОРУССКИХ ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИНОВ

Введение. В последнее десятилетие в лингвистике приоритетным направлением для исследования являются разнообразные онимы, которые составляют значительный пласт лексической системы языка. Проблемами номинации занимались и продолжают заниматься такие учёные, как А. Суперанская, Е. Отин, Н. Астафьева, В. Бандалетов, Ю. Вайрах, А. Долгапнова, Т. Носенко и др.

Несмотря на повышенный интерес к вопросам наименований тех или иных предметов, остаются пробелы в изучении рекламного имени.

Цель исследования — выявить структурно-семантические особенности нейминга французских и белорусских интернет-магазинов.

В работе использовались описательный, сопоставительный, компонентный и статистический методы.

Материалом для анализа послужили названия интернет-магазинов бытовой и электротехники в Беларуси (150 единиц) и Франции (200 единиц). Общее количество — 350 единиц.

Основная часть. Номинация (лат. *nominatio* — (на)именование) — образование языковых единиц, характеризующихся номинативной функцией, т. е. служащих для называния и вычленения фрагментов действительности и формирования соответствующих понятий о них в форме слов, сочетаний слов, фразеологизмов и предложений [1, с. 189]. Так, В. Д. Бандалетов в своем научном исследовании «Русская ономастика» выделяет следующие особенности онимов:

1) онимы — единицы языка, потому должны рассматриваться как вполне законченный объект языкознания;

2) онимы — номинативные, а не коммуникативные языковые единицы;

3) специфика онима заметна как на уровне языка (при их рассмотрении «вообще», вне конкретного употребления), так и на уровне речи (в конкретных контекстах и ситуациях);

4) в функциональном плане специфика онима позволила выделить следующие основные функции: номинативную, идентифицирующую, дифференцирующую. В качестве второстепенных называют социальную, эмоциональную, аккумулятивную, дейктическую (указательную), функцию «введения в ряд», адресную, эстетическую, стилистическую [2, с. 20].

Перечисленные особенности класса онимов, конечно, не раскрывают всех вопросов, связанных с выявлением специфики имени собственного. Подмечено немало и других черт в разных ономастических исследованиях, которые характеризуют онимы.

В ходе структурного анализа наименований интернет-магазинов, образованных по ономастической модели, нами было выделено 4 структурных типа: 1 — простые, 2 — производные, 3 — сложные, 4 — словосочетания.

Необходимо сразу отметить, что все названия в силу своей специфики будут включать один из элементов: *by, fr, org, com*. Рассмотрим данные классы более подробно и приведем примеры из числа выборки.

1. В группу простых номинаций включены названия, образованные с помощью одной лексемы: франц. (33,4%): *chanel.com, camaieu.fr, jules.com, gant.fr*; бел. (16,6%): *baryshnya.by, trikotazh.by, emall.by, weshalka.by, casual.by*.

2. В группу производных наименований входят названия, образованные посредством искусственной номинации морфологическим способом (префиксальным, суффиксальным, слиянием основ и др.). На основе примеров наименований, образованных с помощью аффиксов, можно сделать вывод, что суффиксальный способ образования наименований магазинов одежды не является продуктивным, так как, к примеру, в белорусских наименованиях магазинов он составляет лишь 5,5%: *modiz.by, skidochnik.by, blyzka.by, mirtrik.by, lisenok.by*.

Наименований интернет-магазинов в Беларуси, образованных с помощью префиксов, нами не было выявлено. Во французских названиях интернет-магазинов производных наименований с помощью аффиксов или префиксов также не выявлено.

3. Группу сложных наименований представляют названия, которые образованы с помощью сложения нескольких полных или усеченных основ. Эта модель — самая многочисленная: белорусских интернет-магазинов — 66,6%, французских — 44,5% от общего количества выявленных единиц. Значительную часть исследуемых названий составляют наименования, образованные с помощью аббревиации (сложения усеченных основ или усеченных и полных основ). В зависимости от того, из каких компонентов складывались онимы, были выделены следующие словообразовательные модели наименований:

- состоящие из начальной части первого слова и целого второго: франц.: *novoidplus.com, anticboutik.com, fr.topshop.com, bonoboplanet.com*; бел.: *kodberri.by, belstock.by, s-wind.by, velesmoda.by, afashion.by, vseconde.by*;
- выщербленные, т. е. состоящие из начала первого слова и конца последнего: франц.: *chevignon.com, melijoe.com, caroll.com, devernois.com, pimkie.com, devred.com, bershka.com, uniqlo.com, armorlux.com*; бел.: *presli.by, anabel.by*. Как видим из примеров, сложные наименования образованы из двух основ, например, существительных, или основа существительного и числительного;
- буквенные, состоящие из названий начальных букв каждого слова: франц.: *dpam.com, mim.com, kiabi.com, etam.com, vans.fr*; бел.: *besta.by, tao.by*.

4. Словосочетания, как наиболее продуктивная модель образования наименований интернет-магазинов, представлены двусоставными, трехсоставными и четырехсоставными названиями. Всего выявлено белорусских интернет-магазинов 33,4%, французских — 44,5% от общего количества исследуемых единиц.

В группе двусоставных наименований — пять моделей:

- существительное + существительное: франц.: *elegance-paris.fr, royalcheese.com, graduatestore.fr, frenchtrotters.fr, www.jacquelinieriu.fr, fr.smallable.com, fr.nextdirect.com, store.diesel.com, bizzbee.com*; бел.: *sweetmoda.by, shopmodel.by, lovemoda.by, brestmoda.com, podium-brest.com, avroramarket.by*;
- существительное + числительное: бел.: *monro24.by*;
- артикль + существительное: франц.: *lahalle.com*;
- глагол + существительное: бел.: *kupivip.by*;
- прилагательное + местоимение+существительное: бел.: *ultra.mymarket.by*.

Структурная модель с трехсоставными наименованиями во французском и белорусском языках немногочисленна: франц.: *fr.shop-orchestra.com, www.graindemalice.fr*; бел.: *kiraplastininastyle.by, vrodepomode.by*

В целом анализ структурных моделей помог выявить наиболее продуктивную модель французских и белорусских магазинов одежды: «существительное + существительное» (7,2% от общей выборки).

Классификация наименований французских и белорусских интернет-магазинов одежды по семантическому признаку может быть представлена следующими группами:

1) имена предметной лексики. Названия имеют в своем составе полную лексему или усеченную основу слова, указывающую на специфику магазина: франц.: *frenchtrotters.fr, jupe-by-jackie.com*; бел.: *trikotazh.by, weshalka.by*;

2) названия с именем собственным: франц.: *www.jacquelinieriu.fr*; бел.: *monro24.by*;

3) названия, в основе которых лежит наименование известного бренда одежды: франц.: *chanel.com, camaieu.fr*;

4) названия с семантикой престижности и положительной оценки: франц.: *elegance-paris.fr, royalcheese.com, graduatestore.fr*; бел.: *casual.by, sweetmoda.by, premium.shop.by, 5ballov.of.by, lidershops.by*.

Это объясняется стремлением привлечь покупателя, ассоциирующего положительную сему, содержащуюся в названии, на себя или приобретаемый товар;

5) названия с семантикой продажи одежды по заниженным ценам: франц.: *fr.smallable.com*.

В большом количестве наименований белорусских магазинов одежды употреблена лексема «мода» (*lovemoda.by, brestmoda.com*), а также лексема «магазин, рынок» (*avroramarket.by, shopmodel.by*).

Заключение. Большинство наименований магазинов одежды образовано сложением основ либо состоят из словосочетаний. Самую обширную группу семантической классификации названий французских и белорусских магазинов одежды составили имена предметной лексики и названия с семантикой престижности и положительной оценки.

Список цитируемых источников

1. Арутюнова, Н. Д. Номинация, референция; значение / Н. Д. Арутюнова // Языковая номинация (общие вопросы). — М.: Наука, 1977. — С. 188—206.
2. Бондалетов, В. Д. Русская ономастика / В. Д. Бондалетов. — М.: Просвещение, 1983. — 224 с.

УДК 800

А. Д. Бруцкая

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

О ЯЗЫКОВОМ ВЫРАЖЕНИИ РЕЧЕВОЙ ТАКТИКИ «ИЗДЁВКА» В НЕМЕЦКОМ ОБЩЕНИИ

Введение. Современное языковое общество требует умения не только говорить на языке, но также умения пользоваться различными стратегиями для достижения той или иной коммуникативной цели. Искусное владение речевыми тактиками можно назвать искусством, ведь это предполагает особые знания и умения их использования. Существуют речевые тактики с положительным и отрицательным результатом воздействия. Нами была рассмотрена такая тактика с отрицательным результатом воздействия, как «издёвка».

Актуальность этой работы обусловлена необходимостью более детального изучения речевого общения и способов достижения коммуникативных целей говорящего для лучшего понимания собеседника и избегания конфликтных ситуаций.

Цель работы — изучить речевую тактику «издёвка» и выявить языковые особенности ее выражения в немецком общении.

Основная часть. Издёвка — злая, оскорбительная насмешка, обидная шутка, издевательство [1]. Исследователь О. А. Филиппова считает, что издёвка является одним из эмоциональных приемов, которые способны повлиять на возникновение или усиление отрицательного отношения к какому-то лицу. Она используется, чтобы свести на нет значимость того или иного мнения, идеи, доктрины, процесса, представить их несущественными, глупыми, смешными, нелепыми. Издёвка — это один из многочисленных видов насмешки, которые уместны в политических речах и текстах и малоуместны в деловых переговорах, в научных работах. Издёвка малоцелесообразна в производственном общении, в общении с клиентами и не используется в рекламе [2, с. 66]. Таким образом, издёвка, несомненно, относится к тактикам стратегии дискредитации, которые адресант использует, чтобы подорвать доверие, вызвать сомнение в положительных качествах кого-либо [3, с. 160].

Методом сплошной выборки мы проанализировали 12 эпизодов многосерийного фильма, вышедшего в 2006 году.

Изучив характер использованной в немецком общении речевой тактики «издёвка» на основе эпизодов многосерийного фильма, мы пришли к выводу, что языковое выражение данной тактики проявляется на лексическом уровне стилистическими средствами:

1) иронией:

Лена записывает видео своей подруге.

Also pass auf, meine Mutter hat sich offensichtlich von diesem albanischen Terroristen getrennt. Und ist jetzt in ihrer: Wir verarbeiten die Trennung mit Guter-Laune Phase. [Türkisch für Anfänger, 2006].

Лена разговаривает с ухажером своей матери.

Ja weißt du, ich versuch mich gar nicht erst an Mamas Liebhaber zu gewöhnen, dann wird der Abschied nicht so schwer. [Türkisch für Anfänger, 2006].

Семья Лены переезжает в новый дом, который ей не нравится.

Doris: Ist das schön.

Lena: Ja. Schön. Schön asozial. [Türkisch für Anfänger, 2006];

2) **градацей:**

Лена не может разобраться в своих чувствах и находится в подавленном состоянии. Метин, отчим Лены, утверждает, что она влюблена, на что Лена отреагировала с издёвкой.

Lena: Du hast Haare auf dem Rücken und guckst dir Fotos von toten Menschen an. Versuch also bitte nicht, dich in ein 16jähriges Mädchen hinein zu versetzen! [Türkisch für Anfänger, 2006];

3) **игрой слов:**

Джэм входит в комнату Лены.

Cem: Axel ist da und er nervt!

Lena: Hey, da habt ihr ja was gemeinsam! [Türkisch für Anfänger, 2006].

Лена и Дорис обсуждают друга Лены по переписке.

Lena: Ja und, wir haben uns erotische Briefe geschrieben.

Doris: Ihr habt Pferdeaufkleber getauscht. [Türkisch für Anfänger, 2006];

4) **гиперболой:**

Семья Лены и семья ухажера Дорис выбирают блюда из меню в ресторане. Лене не терпелось побыстрее закончить этот ужин.

So ich würd schnell essen. Mir is es hier ein bisschen zu harmonisch. [Türkisch für Anfänger, 2006].

Также необходимо отметить, что речевая тактика «издёвка» зачастую используется в сопровождении невербальных средств, таких как жесты и мимика (гримасы, смех и др.). Частота употребления тактики «издёвка» зависит от характера говорящего. Главная героиня проанализированных нами эпизодов — 16-летняя школьница Лена — отличается высокомерием и остроумием. Девочка была воспитана по правилам демократии и могла свободно выражать свои мысли в понравившейся ей форме. Для выражения недовольства либо негативного отношения к кому-либо Лена прибегает к использованию издёвки.

Исследуемая речевая тактика реализуется в речи с помощью языковых средств, использование которых обусловлено речевой ситуацией. В ходе исследования мы выяснили, что издёвка используется для насмешки и унижения собеседника.

Следует отметить, что языковое выражение речевой тактики «издёвка» зависит от ситуации, в которую поставлены говорящие, и их взаимоотношений друг с другом.

Заключение. В результате выполненной работы мы выявили некоторые языковые средства реализации речевой тактики «издёвка» в немецком общении. На основе полученных результатов можно отметить, что данная тактика имеет различные формы. В основном она выражается с помощью такого стилистического средства, как ирония, подкреплённая соответствующими жестами, мимикой и интонацией. Также стоит заметить, что данное исследование в очередной раз показывает несоответствие сложившихся стереотипов реальности. На первый взгляд может показаться, что серьёзные и сдержанные немцы не умеют насмехаться и издеваться над собеседником. На практике мы видим, что это не так, и немцам, как и многим другим народам, свойственна издёвка как одна из тактик общения.

Список цитируемых источников

1. Издевка [Электронный ресурс] / Словари и энциклопедии на Академике. — Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/169762/%D0%98%D0%B7%D0%B4%D0%B5%D0%B2%D0%BA%D0%B0>. — Дата доступа: 05.10.2016.
2. Филиппова, О. А. Обучение эмоциональному речевому воздействию : учеб. пособие / О.А. Филиппова. — М. : Флинта, 2012. — 142 с.
3. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. — Изд. 2-е, стер. — М. : Едиториал УРСС, 2002. — 284 с.

УДК: 81'42

А. А. Валявка

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

**ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ОБРАЗ: СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
(НА МАТЕРИАЛЕ КИНОТЕКСТА «КОРОЛЬ АРТУР»)**

Введение. Сегодня интерес к воинам-рыцарям и рыцарству в целом не угасает, а скорей, наоборот, набирает силу. О рыцарях пишут художественные романы и поэмы, изучают историю рыцарства, снимают фильмы и даже сочиняют песни со средневековыми мотивами. Несмотря на то, что прошло уже более шестисот лет, до сих пор при упоминании рыцарей мы представляем себе человека в доспехах и шлеме, сидящего на коне с копьём в руках, сражающегося с врагами ради защиты своего сюзерена и своей дамы.

Образ героя является одним из центральных моментов любого произведения, в том числе и рыцарского, где главными героями являются рыцарь, его дама и сюзерен. Рыцарь являлся воплощением отваги, верности и благородства. Проблема создания образа персонажа была и остаётся одной из главных в литературном творчестве. Портрет персонажа относится к числу основных средств создания образа и может рассматриваться как один из аспектов этой проблемы.

Цель работы — выявление лексических, стилистических средств для создания лингвокультурного образа на материале кинотекста «Король Артур».

Основная часть. Лингвокультурный образ — это узнаваемый вымышленный или реальный типизируемый персонаж, обладающий национально-культурной значимостью, стереотипизируемыми характеристиками, реализуемыми на лексическом и дискурсивном уровнях. Являясь разновидностью культурного концепта, обладает национально-культурной спецификой, но в то же время содержит отличительные черты и признаки узнаваемого представителя конкретного этнокультурного сообщества [1, с. 23].

Лингвокультурный образ следует изучать в единстве языка, сознания и культуры на основе устных или письменных текстов, в которых он преимущественно находит свою языковую реализацию.

Самым многочисленным и разнообразным разрядом стилистических средств в языковом репертуаре являются приёмы, используемые на лексическом уровне, среди которых выделяют фигуры речи, или тропы. Все средства создания образов героев классифицированы на художественные и лингвистические [2, с. 13]. К лингвистическим средствам в данной работе относятся: метафора, метонимия, антитеза, сравнение, гипербола.

Кинотекст — связанное, цельное и завершённое сообщение, выраженное при помощи вербальных (лингвистических) и невербальных (иконических) знаков, организованное в соответствии с замыслом коллективного функционально дифференцированного автора при помощи кинематографических кодов, зафиксированное на материальном носителе и предназначенное для воспроизведения на экране и аудиовизуального восприятия зрителями [3, с. 4].

При выполнении работы использовались такие методы, как описание, сравнение, метод сплошной выборки, компонентного анализа, контекстуального анализа.

Материалом для нашего исследования послужил кинотекст приключенческого исторического художественного фильма «Король Артур» (2004) — совместное производство США и Ирландии, по мотивам романа Томаса Мэлори «Смерть Артура» [4]. Режиссёр фильма — Антуан Фукуа, сценарист — Давид Франconi.

На первом этапе исследования был произведён анализ использования метафор. В кинотексте метафора возникает неоднократно, и в большинстве случаев она передаёт индивидуальность предметов, окружающих того или иного героя, тем самым подчёркивая уникальность самого героя. Следующий пример демонстрирует величие короля Артура: *Ye know well that Sir Arthur hath the flower of chivalry of the world with him, as it is proved by the great battle he did with the eleven kings...* — *Ведомо вам, что у сэра Артура — весь цвет рыцарства на земле, свидетельством тому — его великая победа над одиннадцатью королями...* Под «цветом рыцарства» подразумеваются лучшие рыцари, которые живут на земле, и все они служат Артуру, а значит, Артур — не просто великий король, а один из лучших рыцарей.

Следующим этапом стал анализ использования сравнения в кинотексте. Сценарист сравнивает самого короля Артура со львом: *Then you as a lion, ran unto King Cradelment of North Wales, and smote him through the left side, that the horse and the king fell down...* — *Тогда, подобно льву, бросился ты на короля Северного Уэльса Крадилманса и такой нанес ему удар с левой стороны, что рухнули наземь и конь и всадник...* Лев является воплощением силы, превосходства и бесстрашия. Именно таким представляется нам король Артур на протяжении всего фильма.

Лингвистическим средством создания образа героя является метонимия, которая как средство создания художественного образа встречается крайне редко в кинотексте: *I will assay thee, sir knight, on foot, for I have lost the honour on horseback.* — *Теперь я стану нападать на тебя пешим, сэра рыцарь, ибо в седле я не удержался и потерпел поражение.* Нужно отметить, что в переводе приём метонимии не сохранился, однако в оригинале метонимия хорошо просматривается, она указывает на то, что король Артур потерпел поражение именно будучи на коне, т. е. сражаясь как настоящий рыцарь.

Наравне с метонимией по частотности использования находится антитеза. Наиболее ярким примером антитезы может служить следующий: *At that time came in the Knight with the Two Swords and his brother Balan, but they two did so marvellously that the king and all the knights marvelled of them, and all they that beheld them said they were sent from heaven as angels, or devils from hell...* — *И прибыл туда Рыцарь-о-Двух-Мечах со своим братом, и такие они вдвоём явили чудеса, что король и все рыцари диву дались. Все, кто видели их в бою, говорили, что это ангелы, посланные с неба, или же дьяволы из преисподней...* Несмотря на то, что король и его рыцари самые сильные и отважные в своём государстве, они признают, что эти два рыцаря поразили их, что наводит на мысль, что им могут помогать только небесные или дьявольские силы. Возможно, сценарист хотел подчеркнуть необычайную силу не только физическую, но и духовную всего рыцарства в целом.

Для того чтобы подчеркнуть индивидуальность и уникальность каждого героя, сценарист довольно часто прибегает к использованию гиперболы. Приведём несколько примеров: *...here lieth a duchess dead, the which was the fairest of all the world, wife to Sir Howell, Duke of Brittany, you hath murdered her in forcing her, and hath slit her unto the navel.* — *...а здесь лежит погубленная герцогиня, краше которой не было на свете. Ты убил её, кроткую, безо всякого сожаления — учинил над нею грязное насилие и разорвал её до самого пупа.* Сценарист хотел подчеркнуть не только красоту женщины, но и жестокость её убийцы. Этот приём использован для того, чтобы подчеркнуть низость убийцы в противоположность рыцарям, которые обязаны защищать женщин.

But, sir, as thou art called the worshipfullest knight of the world, I require thee of true knighthood, keep me and save me. — *О, сэръ, — сказала дама, — как почитаешься ты благороднейшим рыцарем на свете, рыцарским твоим долгом прошу тебя — защити меня и спаси, ибо что бы он тебе ни стал говорить, он всё равно меня убьёт, ибо он безжалостен.* Данный пример также демонстрирует безжалостность одних героев и благородство других, тем самым противопоставляя их.

Заключение. Лингвостилистические средства языка, являясь индивидуально-авторскими образными средствами, создают индивидуальный мир автора, передают его понимание действительности. Таким образом, анализ лексических стилистических средств (метафора, метонимия, сравнение, антитеза, гипербола) показал, что они могут помочь режиссёру создать тот художественный образ, который был задуман сценаристом, и воплотить его в жизнь.

Список цитируемых источников

1. Воробьев, В. В. Лингвокультурологическая парадигма личности / В. В. Воробьев. — М.: РУДН, 1996. — 170 с.
2. Интерпретация текста: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по специальности. — 2-е изд., перераб. — М.: Просвещение, 1988. — 192 с.
3. Богдановская, П. Ю. Кинотекст как особый вид креолизованного текста / П. Ю. Богдановская // Междунар. студенч. науч. вестн. — 2016. — № 1. — С. 3—6.
4. Malory, T. Le morte d'Arthur / T. Malory; пер. И. М. Бернштейн. — М.: Худ. лит., 1991. — 899 с.

УДК 811

А. Ю. Вашкевич

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

О ЯЗЫКОВОМ ВЫРАЖЕНИИ «ОБЕЩАНИЯ» В АМЕРИКАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Введение. Язык и политика неразрывно связаны друг с другом, поскольку политическое действие — это, прежде всего, речевое действие, а политические процессы являются процессами коммуникативными и конституируются в значительной мере с помощью языка. Политический дискурс Е. И. Шейгал определяет как явление, с которым все сталкиваются ежедневно. Основу политического дискурса, который представляет собой поле битвы, составляет непрекращающийся диалог — поединок между «партией власти» и оппозицией, в котором противники время от времени нападают друг на друга, держат оборону, отражают удары и переходят в наступление [1, с. 128]. А И. С. Полякова замечает, что общественное предназначение политического дискурса состоит исключительно в том, чтобы «внушить адресатам — гражданам общества — необходимость “политически правильных” действий и/или оценок. Иначе говоря, “обещание” является неотъемлемой составляющей политического дискурса» [2, с. 126].

Объектом исследования данной работы является речевая тактика «обещание», совершаемая в соответствии со стереотипами речевого поведения, характерными для исследуемого языкового коллектива.

Предметом изучения являются языковые средства выражения речевой тактики «обещание» в предвыборной речи Дональда Трампа, кандидата на пост Президента США.

Цель данного исследования — определить языковые средства выражения обещания в американском политическом дискурсе. Новизна полученных результатов заключается в том, что анализ речевой тактики проводится на основе предвыборной речи кандидата в президенты Дональда Трампа [3].

Основная часть. Исходная формула обещания включает следующие элементы: кто (в нашем случае — политик) обещает кому (в нашем случае — народу) и что (обычно конкретное действие). Предвыборный дискурс уже привлекал внимание исследователей. Отмечены такие его особенности, как смысловая неопределенность, манипулятивность, мифотворчество. Уже выявлены жанровые предпочтения политиков-кандидатов, создан и уточнен перечень предвыборных жанров, среди которых отмечен и жанр

обещания. Обещание — добровольное обязательство что-нибудь сделать. ОБЕЩАТЬ — дать (давать) обещание в чем-нибудь. Внушать надежду на что-нибудь [4, с. 234]. Соответственно, говорящий должен быть в состоянии выполнить обязательство, неисполнимые обещания не имеют ценности. Как известно, предвыборная агитация очень часто базируется на обещаниях народу претендентов на власть. Отметим, что все обещания естественным образом ориентированы в будущее, данные обещания имеют конкретные временные границы. Как показала жизнь, ни одно из упомянутых обещаний не было выполнено полностью.

В нашем исследовании мы обнаружили, что в своей предвыборной речи Дональд Трамп использует различные языковые средства выражения обещания:

- 1) сравнительная степень прилагательных: “*We can come back bigger and stronger than ever before*”;
- 2) инфинитив и апелляция к американским рабочим (среднему и низшему классу): “*I am running for President to end the unfairness and to put you, the American worker first*”;
- 3) придаточное условное 1-го типа: “*If I am elected President, I will end the special interest monopoly in Washington*”;
- 4) будущее время: “*Our military will have the best technology and finest equipment*”;
- 5) принижение качеств соперника в предвыборной борьбе с помощью лексических средств: “*Inner cities, which have been horribly abused by Hillary Clinton and the Democrat Party, will finally be rebuilt*”.

Заключение. Мы выявили лишь некоторые из языковых средств, которые использует кандидат в президенты США Дональд Трамп для выражения речевой тактики «обещание» в политическом дискурсе. Данное исследование не претендует на завершенность, это лишь начальный этап работы над языковыми средствами, выражающими обещание в американском политическом дискурсе.

Список цитируемых источников

1. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. — Волгоград, 2000. — 32 с.
2. Полякова, И. С. Роль прецедентного имени в формировании эзотеричности политического текста / И. С. Полякова // Политическая лингвистика. — М., 2010. — 126 с.
3. Речь Дональда Трампа от 22.06.2016. Donald Trump NYC speech on stakes of the election. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.politico.com/story/2016/06/transcript-trump-speech-on-the-stakes-of-the-election-224654>. — Дата доступа: 09.08.2016.
4. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов. — М., 2012. — 1376 с.

УДК: 81'42

В. А. Войдак

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

БИНАРНАЯ ОППОЗИЦИЯ «ОПТИМИЗМ—ПЕССИМИЗМ» В АМЕРИКАНСКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

Введение. В статье рассматривается проблема бинарных оппозиций «оптимизм» и «пессимизм» в произведениях американских авторов.

Под бинарной оппозицией понимается (лат. *binarius* двойной, двойственный, состоящий из двух частей) тип отношений в семиотических системах, в рамках которого знак приобретает значение и смысл только через отношение со знаком, стоящим к нему в оппозиции [1].

В обществе человек пытается упорядочить свои представления о жизни, категоризируя явления по принципу «добро—зло», «мужчина—женщина», «оптимизм—пессимизм» и многие другие, наши мысли сложены по принципу противопоставления и объединения окружающих явлений в пары противоположностей.

Оптимизм и пессимизм являются универсальными нравственными общечеловеческими понятиями, которые характеризуют духовный мир человека и их жизненную позицию, какими глазами мы смотрим на мир.

Цель работы — выявить, какую мысль несет за собой оптимизм и пессимизм в американском художественном дискурсе.

Основная часть. Оптимизм (лат. *optimus* наилучший) — взгляд на жизнь с позитивной точки зрения, уверенность в лучшем будущем. Оптимизм утверждает, что мир замечателен, из любой ситуации есть выход, всё получится хорошо, все люди хорошие [2].

Пессимизм (нем. *Pessimismus* от лат. *pessimus* наихудший) — отрицательный, негативный взгляд на жизнь [2].

Исследования оптимизма и пессимизма являются актуальной проблемой в Америке. Оптимизм и пессимизм достаточно ярко проявляются в различных отраслях нашей реальной жизни: образовании,

спорте, профессиональной деятельности и др. Эти особенности существенно влияют на здоровье человека и его уровень благополучия.

В жизни мы часто используем бинарную оппозицию: да—нет, можно—нельзя, утверждение—отрицание, добро—зло, оптимизм—пессимизм, жизнь—смерть и др.

В современном мире критика двойных противопоставлений становится популярной. И поэтому часто стало употребляться такое понятие, как «бинарная оппозиция», которое очень часто используется в литературе, для того чтобы показать контрастность, создать конфликт характеров, образов и самих противопоставлений героев. На ней могут быть построены все главные идеи и сюжеты произведений.

В коротком рассказе “Breakfast” by John Steinbeck мы можем найти «нотки» оптимизма [3].

В этом произведении мы видим оптимизм от семьи. Семья всегда чувствовала себя счастливой и благодарной за каждую мелочь, что они имели. Несмотря на то, что они не имели дома и перемещались постоянно с места на место со своим шатром, и даже несмотря на то, что они были очень бедны и не могли позволить себе купить хорошую пищу, они все равно были очень добры к другим людям. Они не нуждались в большом доме, роскошном автомобиле, дорогой одежде, престижной работе и в других материальных благах, чтобы просто быть счастливыми. Деньги и вещи не могут купить настоящего счастья. Счастье в том, что мы имеем.

Если говорить о пессимизме, то мы не можем не упомянуть такого модернистского поэта, как Томас Стернз Элиот. Это автор XX века, который писал об одиночестве, о скуке и о душевной пустоте. Он начал предсказывать о большем количестве вопросов о пессимизме после Первой мировой войны.

В поэме “The Waste Land” by T. S. Eliot мы наблюдаем несколько символов: water, music and singing, and the fisher king [4]. Water символизирует как жизнь, так и смерть. Автор пытался объяснить читателю, что вода может принести как вред, так и удачу. Вода может помочь восстановить жизнь, но и привести к смерти. Остальные символы представляют собой также вдумчивое значение. Элиот в своем стихотворении показывает, что люди, живущие в современном мире, духовно мертвы. Писатель пытается рассказать читателю о хрупком психологическом состоянии человека в XX веке. Также в доказательство своих слов он использует такую фразу: “Human will only experience to work in their life”, чтобы лучше понять весь настрой поэмы [4]. Элиот пытается показать тесную связь эго поэмы с реальным миром и раскрыть проблемы, которые настигли человечество.

В романах “The adventures of Tom Sawyer” [5] и “The Adventures of Huckleberry Finn” by Mark Twain мы можем наблюдать проявление оптимизма и пессимизма одновременно [6]. “The adventures of Tom Sawyer” относится к вершинам мировой литературы, посвященной детям. Писатель выражает оптимизм через героя, который проявляется в радости к жизни, протекающей в согласии с естественным ходом вещей. Во второй из этих книг уже прослеживается появление пессимизма. Писатель выявляет черты американского общества: хищничество, расизм, социальное неравенство, фальшь, лицемерие. Уже нет выраженной атмосферы оптимизма, автор показывает противоположность и вариативность сюжетов.

Заключение. Анализ понятий «оптимизм» и «пессимизм» показал, что оптимизм выражает в целом все хорошее, положительное, направленное на благо, а понятие «пессимизм» связано с негативом, агрессией, с состоянием духовной неуравновешенности, невидения «лучика света» в происходящем.

Можно сделать вывод, что произведения, написанные в американской литературе, тесно связаны с событиями, которые происходили с самим автором либо во время написания произведения.

Следовательно, оптимистами можно назвать людей, которые придерживаются позитивных ожиданий своего настоящего или будущего, а пессимистами, соответственно, — склонных к более негативному проявлению мира.

Список цитируемых источников

1. Энциклопедия культуры и общества [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [http:// glossword.info/index.php/term](http://glossword.info/index.php/term) . — Дата доступа: 03.10.2016.
2. Дробницкий, О. Г. Оптимизм и пессимизм / О. Г. Дробницкий // Никко — Отолиты. — М. : Совет. энцикл., 1974. — (Большая советская энциклопедия : в 30 т. / гл. ред. А. М. Прохоров ; 1969—1978, т. 18).
3. Steinbeck, J. Breakfast / J. Steinbeck [Electronic resource]. — Mode of access: <https://www.d2ct263enury6r.cloudfront.net/> . — Date of access: 03.10.2016.
4. Eliot, T. S. The Waste Land / T. S. Eliot [Electronic resource]. — Mode of access: <http://www.bartleby.com/201/1.html> . — Date of access: 03.10.2016.
5. Twain, M. The Adventures of Tom Sawyer / M. Twain [Electronic resource]. — Mode of access: <http://etc.usf.edu/lit2go/34/the-adventures-of-tom-sawyer/5430/chapter-1/> . — Date of access: 03.10.2016.
6. Twain, M. The Adventures of Huckleberry Finn / M. Twain [Electronic resource]. — Mode of access: <http://booksonline.com.ua/view.php?book=69566> . — Date of access: 03.10.2016.

ПРИЧИНЫ ВЕРБАЛЬНОЙ АГРЕССИИ ШКОЛЬНИКОВ В КОММУНИКАТИВНО-ДИСКУРСИВНОЙ ПАРАДИГМЕ

Введение. В течение последних десятилетий наблюдается возрастающий интерес к исследованию вербальной агрессии, что связано с увеличивающимся распространением агрессии во всех сферах жизнедеятельности человека. Особую актуальность она приобретает в связи с ростом детской преступности, различных проявлений агрессивности, жестокости в детской субкультуре и семье. Напряженная, неустойчивая социальная, экономическая, экологическая обстановка, сложившаяся в настоящее время в нашем обществе, порождает повышенную тревожность, духовную опустошенность детей, влекущие за собой жестокость и агрессивность. Анализ зарубежных исследований по данной проблематике позволил предположить, что наиболее близким к адекватной трактовке речевой агрессии является выражение негативных чувств как через форму (ссора, крик, визг), так и через содержание словесных ответов (угроза, проклятия, ругань).

Цель работы — выявление факторов, которые влияют на развитие вербальной агрессивности школьников.

Основная часть. Попытаемся определить, что же такое агрессия. Различают два вида вербальной агрессии — косвенную и прямую.

Косвенная вербальная агрессия направлена на обвинение или угрозы сверстнику, которые осуществляются в различных высказываниях. В дошкольном возрасте это могут быть жалобы, демонстративный крик, направленный на устранение сверстника, агрессивные фантазии.

Прямая вербальная агрессия представляет собой оскорбления и вербальные формы унижения другого. Традиционными «детскими» формами прямой вербальной агрессии являются дразнилки и оскорбления. Антонимами прилагательного «агрессивный» являются: терпимый, доброжелательный, вежливый, а также входящее в последнее время в разговорную лексику слово «толерантный».

Исследователи Р. Бэрн и Д. Ричардсон считают, что агрессия, в какой бы форме она не проявлялась, представляет собой поведение, которое направлено на причинение ущерба или вреда другому живому существу, имеющему все основания избегать подобного обращения с собой. Данное определение включает в себя следующие положения: 1) агрессия обязательно подразумевает преднамеренное, целенаправленное причинение вреда жертве; 2) в качестве агрессии может рассматриваться только такое поведение, которое подразумевает причинение вреда или ущерба живым организмам; 3) жертвы должны обладать мотивацией избегания подобного обращения с собой [1].

Само понятие агрессии не имеет в лингвистике более или менее четкого определения. При узком понимании агрессия в речи рассматривается как речевой акт, замещающий агрессивное физическое действие: оскорбление, насмешку, угрозу.

Агрессию с самого раннего возраста мы можем наблюдать в поведении и действиях ребенка. Часто она проявляется в виде упрямства, криков, слёз, попыток причинить боль, а также капризами, своеволием и игнорированием приказов взрослых.

Можно выделить основные причины проявления агрессивности: стремление привлечь к себе внимание сверстников, стремление получить желаемый результат, стремление быть главным, защита и месть, желание ущемить достоинство другого в целях подчеркнуть своё превосходство [2].

Наиболее привычными, явными выражениями агрессивного поведения считаются: злословие, повышение тона и громкости голоса, аффектация (бурное проявление негативных эмоций), принуждение, негативное оценивание, оскорбления, угрозы, использование физической силы (кусание, царапание, удары), применение оружия. Скрытые формы агрессивного поведения выражаются в уходе от контактов, бездействии с целью навредить кому-то, причинении вреда себе и самоубийстве.

Распространенный фактор школьной агрессии — *семейная ситуация*. Агрессивное поведение членов семьи проявляется в обыденных жизненных ситуациях (крики, ругань, хамство, унижение друг друга, взаимные упреки и оскорбления). Нетактичное и неделикатное поведение родителей никогда не вызовет у детей стремления стать лучше, что-то сделать хорошо. Обидные насмешки, прозвища, пощёчины, шлепки, бесконечные запреты, стремление вопреки справедливости настоять на каком-то своём требовании, необдуманном, сказанном сгоряча, необоснованные подозрения — всё это только ожесточает детей.

Следующий фактор, оказывающий влияние на школьников, — *телевидение*. Оно заслуживает особого внимания. Телевидение оказывает отрицательное влияние на духовное развитие человечества в целом.

Высказываются опасения, что кино и телевидение учат детей тому, что агрессия выгодна, а применение насилия — прекрасный способ добиться цели. Значительная часть экспериментальных

исследований со всей очевидностью доказывает, что фильмы с жестокими, кровавыми сценами способны повысить вероятность агрессивного поведения зрителей.

Также можно выделить фактор, который вызывает развитие агрессии школьников, — *компьютерные игры*. Согласно некоторым сведениям, более трети подростков в возрасте 14—17 лет играют в компьютерные игры. Из них 75,5% подростков от 14 до 17 лет пользуются Интернетом, причем их пользовательский опыт составляет примерно 2 года. Итак, 41% (3,2 млн) подростков 14—17 лет пользуются Интернетом, чтобы иметь возможность попасть в зависимость от игр. Описано немало случаев убийства и попыток убийства, связанных с увлечением компьютерными играми. Стоит заметить, что не все компьютерные игры одинаково влияют на уровень агрессивности подростков. Особую опасность для неокрепшей психики подростка представляют игры насильственного характера.

Таким образом, агрессия, присутствующая во многих современных компьютерных играх, может привести к использованию агрессии в реальной жизни. Подросток неоднократно видит, как его герой достигает своих целей с помощью агрессивных действий, и может сделать вывод, что такое поведение является приемлемым средством для достижения жизненных целей. Главным фактором является повторяемость совершаемых действий. Создается позитивная ассоциация использования агрессии в качестве разрешения ситуации, снижается нормальная негативная эмоциональная реакция на конфликт, агрессию, насилие.

И последний фактор, вызывающий агрессию у школьников, — *Интернет*. Интернет-пространство дает возможность школьникам реализовать большую часть своих потребностей, связанных с самореализацией, с возможностью заявить о себе на весь мир. И какой способ для этого выбрать, он решает сам. Все чаще в сводках новостей и телевизионных программах мелькают чудовищные кадры видеосъемки. Эти видеокдры полны сцен насилия, психологического давления, физической расправы с ровесниками, а также с пожилыми людьми. С каждым годом растет число жестоких преступлений, совершенных детьми, страдающими киберзависимостью и не контролирующими свои действия.

В проведенном исследовании вербальная агрессия как способ наказания за неправильное слово или действие имела место в 65% сочинений шестиклассников и 25% сочинениях восьмиклассников. При этом само понятие вербальной агрессии воплощалось в описательных определениях преимущественно разговорного стиля («кричать, ругаться»; «обязательно повышать голос»; «задевать, хамить» и др.). Также были выделены следующие конкретные формы проявления речевой агрессии учащихся:

– угроза — около 12% («Если..., то я не буду с тобой дружить!»; «Уйди с моего места, или я тебя побью!»; «Отстань, а не то получишь!»; «Если..., то я пожалуюсь учителю!»; «Пошел ты отсюда куда подальше, а то плохо будет» и т. п.);

– грубое требование — 23% («Иди (вали, отвали, канай, давай, пошел.) отсюда (быстро)!»; «Быстро все вытерла!»; «Пошел (иди, уйди, уходи) отсюда куда подальше (вон, быстро)!»; «Ноги в руки и пошел» и пр.);

– враждебные замечания, в том числе обидные сравнения — 12% («Ты меня достал!»; «Одеваешься, как первоклашка»; «Ты очень наглеешь, я смотрю!»; «Ты мне надоел!»; «Ты мне больше не друг!» и пр.);

– намек и ирония — около 6% («Я с кем-то не буду дружить»; «Кто-то очень некультурный»; «Намекать о том, с кем я не дружу, чтобы ему было неприятно»; «Не капай на мою парту! Давай я на твою голову накапаю!»; «Я скажу, что позвоню в ООН»; «Я первое сел! — Не первое, а раньше!» и т. п.);

– различные по содержанию (но чаще всего оскорбительные) высказывания, произнесенные повышенным тоном, — 41%. Школьники описывают общий вид таких высказываний, используя главным образом глаголы лексико-семантической группы звучания: от «чуть-чуть повысить голос», «прикрикнуть» до «накричать», «обязательно повысить голос» и «наорать» («начну орать на него»; «я обязательно повышу голос»; «я начну кричать, ругаться» и пр.).

Можно сделать вывод, что вербальная агрессия — явление широко распространенное в школьной речевой среде. Большинство испытуемых не готовы к бесконфликтному, неагрессивному урегулированию межличностных и групповых конфликтов в школьном коллективе, что демонстрирует неспособность большей части из них к осуществлению эффективных коммуникативных контактов, гармоничному речевому общению.

Заключение. Роль факторов, влияющих на развитие вербальной агрессии, велико. Необходимо ограничить проявления вербальной агрессии в школьной речевой среде, поскольку данное явление представляет реальную угрозу осуществлению полноценных коммуникативных контактов и эффективного учебно-воспитательного процесса в общеобразовательной средней школе.

Список цитируемых источников

1. Бэрон Р. Агрессия / Р. Бэрон, Д. Ричардсон. — СПб.: Питер, 1999. — 352 с.
2. Смирнова, Т. П. Психологическая коррекция агрессивного поведения детей / Т. П. Смирнова. — Ростов н/Д: Феникс, 2005. — 154 с.

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КЛЯТВЕННЫХ РЕЧЕНИЙ НА ПОЛУЧЕНИЕ ГРАЖДАНСТВА (НА ПРИМЕРЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СТРАН)

Введение. Многие жители современного общества стремятся получить второе гражданство по различным причинам: социальным (желание изменить жизнь, социальный статус посредством перемены места жительства и гражданства), образовательным (академическая мобильность, возможность перемещаться в другие образовательные или научные заведения в целях обучения или преподавания), экономическим (перспектива улучшения материального положения, уровня жизни). Получая гражданство, они сталкиваются с различного рода трудностями, преодолев которые, допускаются к процессу натурализации. Натурализация представляет собой юридический процесс изменения правового статуса иностранного гражданина или лица без гражданства в результате приёма государством в своё гражданство на основе заявления (ходатайства). Во время данного процесса приносит клятву на получение гражданства в форме речения.

Основная часть. Клятвенное речение представляет собой пример ораторской речи, относящейся к публицистическому стилю. Цель публицистического стиля речи заключается в информировании, передаче общественно значимой информации с одновременным воздействием на читателя, слушателя, убеждением его в чём-то, внушением ему определённых идей, взглядов, побуждением к определённым поступкам, действиям [9]. Сферой употребления публицистического стиля речи являются общественно-экономические, политические и культурные отношения. Жанрами публицистики выступают статья в газете, журнале, очерк, репортаж, интервью, фельетон, ораторская речь, судебная речь, выступление по радио и телевидению, доклад.

Клятвенное речение на получение гражданства является интересным в лингвистическом плане лексическим платом, с одной стороны, характеризующим нравственно-этические установки общества, с другой — его языковые поведенческие нормы. Оно представляет особый интерес, так как содержит информацию о нравственных устоях общества, обусловленных его верой, кодексом моральной чести, и в то же время является наглядным свидетельством связи истории языка с изменениями в общественной жизни [2]. Речение — это не просто слова, а сочетание слов, которые оформлены как лексически, так и грамматически [1].

Нами были проанализированы лингвистические и стилистические особенности клятвенных речений на получение гражданства в следующих англоязычных странах: Соединённые Штаты Америки, Австралия, Багамы, Индия, Ирландия, Камерун, Канада, Кения, Нигерия, Новая Зеландия, Папуа — Новая Гвинея, Сингапур, Великобритания. Рассмотрим их анализ на каждом из указанных уровней.

Лексический уровень.

Общественно-политическая и политическая лексика преобладает во всех речениях на получение гражданства: *declare, renounce, abjure, I will bear arms, I will perform, I will bear true, I take this obligation, I will support and defend, on oath, foreign prince, potentate, state, or sovereignty, citizen, the Constitution and laws, foreign and domestic enemies, national importance, civilian direction, required by the law, obligation*. Например, *I swear that I will be faithful and bear true allegiance to Her Majesty Queen Elizabeth the Second, Queen of Canada, Her Heirs and Successors, and that I will faithfully observe the laws of Canada and fulfill my duties as a Canadian citizen* (клятвенное речение на получение гражданства в Канаде) [8].

Преобладание общественно-политической лексики объясняется публичностью произнесения клятвенных речений и их официальностью.

Морфологический уровень.

Наиболее употребительной частью речи в клятвенных речениях является имя существительное (26,7%). Суффиксальные имена существительные менее употребительны в сравнении с корневыми. Самыми распространёнными корневыми именами существительными, встречающимися в клятвенных речениях, являются *law, citizen, god, right, heir, successor, faith*. Например, *I do solemnly swear that I will be faithful, and bear true allegiance to the Republic of Singapore, and that I will observe the laws and be a true, loyal and faithful citizen of Singapore* (клятвенное речение на получение гражданства в Сингапуре) [6].

Суффиксальные имена существительные, применяемые в клятвенных речениях, образованы с помощью суффиксов: *-ian, -ance, -ion, -ice, -ity, -ose, -ate, -ty, -ion*. Например, *I hereby declare, on oath, that I absolutely and entirely renounce and abjure all allegiance and fidelity to any foreign prince, potentate, state, or sovereignty of whom or which I have heretofore been a subject or citizen, that I will support and defend the Constitution and laws of the United States of America against all enemies, foreign and domestic that I will bear true faith and allegiance to the same, that I will bear arms on behalf of the United States when required by the law, that I will perform noncombatant service in the Armed Forces of the United States when required by the*

law, that I will perform work of national **importance** under civilian **direction** when required by the law and that I take this **obligation** freely without any mental **reservation** or purpose of **evasion** (клятвенное речение на получение гражданства в США) [3].

Глаголы, употребляемые в клятвенных речениях, составляют 14,8%. Наиболее частотными являются глаголы, употребленные в настоящем времени (Present Simple). В клятвенных речениях на получение гражданства в Соединенных Штатах Америки, Австралии, Багамах, Камеруне, Канаде данные глаголы составляют 60%; в Индии и Новой Зеландии — 50%. Например, *From this time forward I **pledge** my loyalty to Australia and its people, whose democratic beliefs I **share**, whose rights and liberties I **respect**, and whose laws I will uphold and obey* (клятвенное речение на получение гражданства в Австралии) [7].

Самым распространённым из всех глаголов, употребляемых в клятвенных речениях, является перформативный глагол *swear* (84,6%). Например, *I do solemnly **swear** that I will be faithful and bear true allegiance to the Federal Republic of Nigeria and that I will preserve, protect and defend the Constitution of the Federal Republic of Nigeria. So help me God* (клятвенное речение на получение гражданства в Нигерии) [6].

Личное местоимение является самым распространённым в проанализированных клятвенных речениях (55,3%). Например: *I do solemnly swear that **I** will be faithful, and bear true allegiance to the Republic of Singapore, and that **I** will observe the laws and be a true, loyal and faithful citizen of Singapore* (клятвенное речение на получение гражданства в Сингапуре) [4].

Синтаксический уровень.

Все клятвенные речения выражены сложноподчинёнными повествовательными предложениями. Самым распространённым подчинительным союзом является союз *that*. Например, *I do solemnly swear **that** I will bear true faith and allegiance to the Constitution of India as by law established, and **that** I will faithfully observe the laws of India and fulfill my duties as a citizen of India* (клятвенное речение на получение гражданства в Индии) [6].

Стилистический уровень.

Для придания экспрессивности клятвенному речению используется синтаксическая анафора, которая характеризуется повторением начальных частей двух и более относительно самостоятельных отрезков текста: *that I will be faithful, and bear true allegiance to the Republic of Singapore; that I will observe the laws and be a true; that I will faithfully observe the laws, that I will preserve, protect and defend the Constitution, that I will support and uphold*. Данное стилистическое явление используется в 81,6% анализируемых клятвенных речений. Например, *I do swear **that I will well and truly serve the People of the West Cameroon in the office of Prime Minister and Head of Government of the Federated State of West Cameroon and that I will observe the Constitution of the Federated Republic of Cameroon and of Federated State of West Cameroon*** (клятвенное речение на получение гражданства в Камеруне) [6].

Для усиления глагола *swear* используется глагол *do* в 61,5% клятвенных речений. Например, *I do swear that I will well and truly serve and bear true allegiance to Her Majesty Queen Elizabeth the Second, Her heirs and successors according to law* (клятвенное речение на получение гражданства в Папуа — Новая Гвинея) [5].

Во многих клятвенных речениях содержится отдельное простое предложение *So help me God*. Его произнесение не является обязательным и зависит от религиозных убеждений человека. Например, *I do swear that I will be faithful and bear true allegiance to Her Majesty Queen Elizabeth the Second, Her Heirs and Successors, according to law. **So help me God*** (клятвенное речение на получение гражданства на Багамах) [4].

Заключение. Анализ клятвенных речений на лексическом, грамматическом (морфологический и синтаксический) и стилистическом уровнях показал их схожесть, в некоторых случаях они отличаются только употребляемыми собственными именами. Таким образом, результаты исследования могут быть использованы для упрощения процесса натурализации, в частности, принесения присяги на получение гражданства.

Список цитируемых источников

1. Ахманова, О. А. Словарь лингвистических терминов / О. А. Ахманова. — М. : Либроком, 2012. — 576 с.
2. Брылёва, М. И. Лингвистические характеристики клятвенных речений (на материале пьес В. Шекспира) : автореф. ... дис. канд. филол. наук : 10.02.04 / М. И. Брылёва ; Мин. гос. пед. ин-т иностр. яз. — Минск : МГПИИЯ, 1990. — 24 с.
3. Исторический дискуссионный клуб [Электронный ресурс]. — 2016. — Режим доступа: <http://historicaldis.ru> . — Дата доступа: 11.09.2016.
4. Второй паспорт. Второе гражданство [Электронный ресурс]. — 2016. — Режим доступа: <http://www.zarubej.org> . — Дата доступа: 27.09.2016.
5. People and counties [Electronic resource]. — 2016. — Mode of access: <http://peopleandcountries.com> . — Date of access: 07.09.2016. — Загл. с экрана.
6. DeltaQuest [Electronic resource]. — 2016. — Mode of access: <http://www.mysecondpassport.ru> . — Date of access: 03.09.2016.
7. Иммиграция в Австралию [Электронный ресурс]. — 2016. — Режим доступа: <http://immi-to-australia.com> . — Дата доступа: 15.09.2016.
8. Viza [Electronic resource]. — 2016. — Mode of access: <http://www.viza.md> . — Date of access: 01.10.2016.
9. Публицистический стиль речи [Электронный ресурс]. — 2016. — Режим доступа: <http://videotutor-ru> . — Дата доступа: 28.03.2016.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ГЛАМУРНОГО МЕДИАДИСКУРСА

Введение. Информация, постоянное расширение информационного поля — печатного, медийного (ТВ, радио), виртуального (Интернет) — оказывает все большее воздействие на жизнь человека. Если раньше можно было говорить о том, что тот, кто владеет информацией, владеет и миром, то сегодня уже сама информация, живя самостоятельной жизнью, стала подстраивать под себя мышление общества.

С развитием СМИ и расширением виртуальной информации стали всё чаще говорить о медиадискурсе. Медиадискурс — достаточно новое явление, образующее связанное информационное поле СМИ, которое влияет на различные социальные группы аудитории [2].

Гламурный медиадискурс представляется актуальной темой исследования в рамках когнитологии, лингвокультурологии, теории дискурса в целом, а также в широкой палитре современного гуманитарного знания.

Цель работы — выявление лингвокультурологических аспектов гламурного медиадискурса.

Для решения поставленных задач были использованы общенаучные методы анализа и синтеза.

Основная часть. Следует сказать, что гламурный медиадискурс еще не подвергался комплексному анализу, но существует определенное число исследований, авторы которых касались этой актуальной проблемы. Исследования различных аспектов данного типа медиадискурса освещались в кандидатских диссертациях: Ф. Л. Косицкой «Письменно-речевые жанры рекламного медиадискурса моды в аспекте межъязыковой контрастивности» (2005), И. В. Поповой «Лексико-семантические и стилистические особенности языка индустрии моды (на материалах журналов о моде)» (2007) и др.

Гламур представляет собой социокультурный феномен, наиболее ярко проявившийся на рубеже веков, и является следствием смены эпох. Современная, так называемая посткнижная, или информационная, эпоха соответствует новому типу цивилизации, в основе которой лежит процесс глобализации, ведущей в свою очередь к еще большей информатизации, централизации и управляемости человеческим обществом, общественным сознанием, манипулируемым при помощи масс-медийных средств.

Рассматривая медиадискурс как составную часть социальной деятельности, конституирующую жанры, представляющие собой различные способы поведения, производства социальной жизни, имеющие семиотическую природу, такие как повседневный разговор, встречи в различных типах организаций, политические и другие интервью, обзоры литературы, можно сделать вывод, что медиадискурсы — это различные репрезентации социальной жизни. Дискурс как часть образа жизни конституирует стили. Дискурс выражается в семиотически сконструированных образах жизни, в утверждении политических, научных, финансовых и других идентичностей. Все вышеперечисленное в полной мере может быть отнесено и к гламурному дискурсу. Мир гламура постоянно дает новые представления об образе жизни, стиле, которым следует подражать, способах вовлечения в этот иллюзорный мир роскоши и блеска с единственной целью быть похожими на героев «глянца», представления, которые навязываются всеми возможными способами, всеми доступными средствами. Гламур, обладая культурным своеобразием, собственной идентичностью, проявляется в самых разных жанрах — от дамской прозы до журналов о моде. Тем не менее существует жанр, в котором гламурность выражена в наиболее совершенной форме, — жанр рекламы. Поэтому доминирующим носителем гламура является, прежде всего, рекламный текст.

Современная реклама, появляющаяся в гламурном дискурсе, использует гендерные стереотипы, с помощью которых не только передаются сообщения о товаре, но и формируется общественное мнение, представления, а нередко и культурные модели. Этим в значительной степени определяется ее роль, возросшая в экономическом пространстве, а также в процессе коммуникации не только с потенциальными потребителями товаров и услуг, но и всем населением, поэтому рекламодатели используют широкий спектр технологий, направленных на потребности рынка, с одной стороны, а с другой — на обновление рекламных стратегий. Гендерный рекламный текст, использующийся в гламурных изданиях, имеет некоторые характеристики, которые отличают его от других видов рекламы:

1) адресность, т. е. целевая аудитория гендерной рекламы строго регламентирована: она, как правило, либо мужская, либо женская;

2) в гламурном тексте репрезентируются имплицитно различные гендерные (мужские или женские) стереотипы, под которыми мы подразумеваем наиболее схематизированные (обобщенные) устойчивые представления о мужчине и женщине;

3) эти стереотипы влияют на сознание потребителей товара или услуг, привлекая их внимание неожиданностью рекламного образа, многократным повтором текста и т. д. [1].

Слово «гламур» естественно прижилось в рекламном контексте, основной идеей которого является следующее: то, что в культуре надделено ценностью (счастье, красота, молодость, любовь, здоровье,

успешность, принадлежность к элите), может быть достигнуто при помощи покупки соответствующего «свидетеля» или его «заместителя» из мира товаров, таким образом поощряется активное потребление.

Наряду с обязательным присутствием элитарной составляющей гламура вторым критерием в нашем исследовании мы предлагаем его рассмотрение как паттерна, который опирается на повседневную практику демонстративной роскоши, активной светской жизни и культа “an eternal spring”. Широкое использование в СМИ, рекламе, моде слов “elitims”, “luxе”, “bohemian” для описания гламурного дискурса мы расцениваем как ход, рассчитанный на привлечение внимания аудитории и ситуации, под него подпадающие.

В гламурном медиадискурсе мы обнаружили коммуникативное явление, в котором заложен определенный стандарт жизни, программа поведения, в рамках заданных ценностных ориентации которой человек выстраивает отношения с другими и формирует свое отношение к вещам. Мы полагаем, что именно в силу своей повышенной актуальности гламурный медиадискурс развивается в сверхтекст, в конгломерат текстов разных речевых жанров — от аналитической статьи до анекдота. И чем выше интерес к гламуру и эмоциональный накал вокруг него, тем богаче и разнообразнее палитра текстов разных речевых жанров, созданных по его поводу. Совокупность текстов различных речевых жанров, сконцентрированных вокруг гламура, объединяется в сверхтекст на основании единой ситуации функционирования относительно ограниченного промежутка времени и тематической общности (тексты объединены содержательно и ситуативно).

Гламурный текст объединяет в себе несколько типов речевых актов: репрезентативы несут фактическую информацию о предмете, комиссивы дают гарантии качества и безопасности, экспрессивы дают эмоционально-образную оценку предмета, но его прагматическим центром, как правило, выступает директив. Директивная направленность является сутью коммерческой рекламы, основной прагматической целью которой является побуждение к приобретению товара, услуги. Реклама активно использует перформативы, являющиеся коммуникативными указателями на реальные действия. Перформативы для усиления воздействия текста находятся в скрытом виде, поэтому рекламные перформативы актуальны и в гламурном дискурсе [3].

Гламурный дискурс отличается специфическим речеактовым представлением: инвариантный набор речевых актов, включающих, с одной стороны, речевые акты, высокочастотные для данного вида общения (обещания, призывы, выборы), а с другой стороны, речевые акты, специфические для данного вида общения, — рекламные перформативы. Это перформативы выбора, доверия, обещания, само произнесение которых уже является рекламным действием, формой воздействия на новые идеологические рыночные центры сознания.

В современную эпоху глобализма культурный универсализм приобретает огромное значение. Но, исходя из положения, что языковая картина не совпадает с культурной, так как последняя понимается как образ мира, преломленный в сознании человека, отражающего его физический опыт и духовную деятельность, можно говорить и о различных гламурных картинах мира вследствие того, что связь между внеязыковой реальностью, понятием и его словесным выражением неодинакова у разных народов, что обусловлено культурно-историческими различиями этих народов, спецификой развития их общественного сознания. Как известно, понятийный аппарат, который вербализируется различными языками, един, так как базируется на логических операциях, присущих общечеловеческому мышлению, являющемуся отражением окружающей действительности. Поэтому мы полагаем, что, несмотря на культурный универсализм, который доминирует в сфере гламура, языковые средства, конституирующие гламурную картину мира, в разных языках будут различными. Таким образом, культурные особенности, базирующиеся на ментальных свойствах различных этносов и наций, составляют этнокультурно-лингвистическую составляющую гламурного дискурса [4].

Гламурный дискурс базируется на созданном образе мира, на мифологемах специфического образа жизни, который каждый адепт гламура в идеале принимает. Гламурная языковая картина мира (ЯКМ) имеет свою иерархию ценностей, формирующую особое мировосприятие человека, его коммуникативное поведение, основанные на релевантных чертах или свойствах национального менталитета, его идеалы и жизненные установки. Естественно, гламурная ЯКМ детерминируется и корректируется в какой-то степени общекультурными ценностями, выработанными определенным сообществом. Мы имеем в виду, что наличие общей гламурной картины жизни, пропагандируемой, внедряемой в сознание людей, дополняется нюансами национально-культурной специфики. Гламурный образ жизни, его ценности — это достаточно гибкая структура, которая вырабатывает дополнительные стратегии для достижения своих целей в каждом социуме [1].

Заключение. Гламурный медиадискурс — сложное коммуникативное явление, имеющее своей целью продвижение не только товаров потребления, одежды, стиля, но и навязывание образа жизни посредством формирования актуальных для потребителя ценностей и соответствующего им стиля жизни, включающих текст как вербализованный результат речи, имеющий контекст — ситуативный, социокультурный и прагматический, а также специальные языковые средства, отвечающие целям и задачам медиадискурса. Также гламурный медиадискурс стал одним из ведущих элементов современной культуры, поскольку он успешно манипулирует общественным сознанием своими образами и концептами, влияя на стиль потребления, тем самым оказывая существенное влияние на ментальный компонент культуры.

Список цитируемых источников

1. Окунева, И. О. «Красивый» и «Модный» в русском и английском языках / И. О. Окунева // Вестн. Моск. ун-та. — 2008. — № 4. — (Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация).
2. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. — М.: Совет. энцикл., 1990. — 530 с.
3. Ayto, J. The Oxford Dictionary of Rhymic Slang / J. Ayto. — Oxford: Oxford University Press, 2002. — 278 p.
4. Flucs, F. How to read fashion [Electronic resource] / F. Flucs // Fiberfluxblog. — Mode of access: <http://www.fiberfluxblog.com/2011/09/how-did-you-learn.html>. — Data of access: 02.10.2016.

УДК 81.271.2

Т. С. Давидовская, З. И. Корзун

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ПОБУДИТЕЛЬНОСТИ В ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Введение. Постепенно утвердившаяся в современном языкознании антропоцентрическая парадигма создает серьезную теоретико-методологическую основу для разработки комплексного подхода к описанию речевого поведения, ориентированного на изменение мира путем вербального воздействия на членов тех или иных социальных сообществ. Исследования различных аспектов категории побудительности (типологического, функционально-семантического, прагмалингвистического, социо- и этнокультурного) представляют собой одну из самых активно развивающихся областей лингвистического знания. Как известно, до второй половины XX века категория побудительности рассматривалась через призму традиционного подхода к изучению языка, когда принцип «от формы к значению» отбирал только императивные предложения, а конструкции с побудительным значением, но выраженные неимперативными средствами языка, оставались вне фокуса научного исследования [1, с. 24].

Актуальность исследования обусловлена тем, что побудительность в коммуникативном аспекте играет важную роль и требует многоаспектного изучения, а также повышенным интересом к изучению пословиц и поговорок, которые совмещают в себе признаки единиц разных уровней языка; активным использованием пословиц и поговорок побудительной семантики. Основной целью исследования является выявление и описание языковых (морфологических, синтаксических и лексических) средств выражения побудительности в немецких пословицах и поговорках. Эмпирическую базу исследования составили пословицы и поговорки немецкого языка объемом 146 единиц, отобранные на основе сплошной выборки из словарей: А. И. Алёхина «Фразеологическая единица и слово»; Ю. Н. Афонькин «Русско-немецкий словарь крылатых слов»; В. С. Кожемяко «Русские пословицы и поговорки и их немецкие аналоги»; М. Я. Цвиллинг «Русско-немецкий словарь пословиц и поговорок»; Duden “Redewendungen und sprichwörtliche Redensarten” Band II; А. Е. Graf “Russische und deutsche idiomatische Redewendungen”.

Основная часть. Каждое современное общество старается уделять свое основное внимание правилам, которые необходимо соблюдать в процессе речевого общения. Побудительные предложения составляют значительную часть речевой продукции человека, с их помощью регулируется общественно-производственная деятельность в обществе. Как отмечает Е. Е. Кубарева, «категория побудительности обладает чрезвычайно богатым арсеналом выразительных средств. Средствами языка можно выразить все оттенки эмоционально-побудительных значений — от самых мягких, просительных, некатегоричных, вежливых до самых резких, грубых, настойчивых» [2, с. 82].

Самым ярким проявлением языка является народное творчество, уходящее своими корнями в далекое прошлое и призванное характеризовать не только колорит самобытной культуры народа, его многовековую историю, но и культуру, традиции и историю. В рамках народного творчества особую роль играют пословицы и поговорки, так как, переходя от поколения к поколению, они поддерживали уклад народной жизни, крепили духовный и нравственный облик народа. Особый интерес составляют пословицы побудительной семантики, в которых выделяется также побудительное значение, представляющее собой реализацию в языке и сознании людей директивного речевого акта, характеризуемого целью волеизъявления и программирующего действия адресата. Анализируя пословицы и поговорки немецкого языка, следует указать, что категория побудительности — не частое явление в паремииологии. Нами было проанализировано 2 000 пословиц и поговорок немецкого языка, и лишь 146 из них содержали побуждение.

Общепризнанным является положение, что в выражении побуждения участвуют все наклонения глагола, оба залога. В зависимости от того, что является ведущим средством выражения — сама структура коммуникативно-прагматической формы побуждения или включаемая в нее определенная языковая единица, — все множество средств делится на морфологические, синтаксические и лексические средства.

Что касается **морфологического уровня**, то безусловной доминантой функционально-семантического поля «побудительность» является *императив*. В результате анализа эмпирического материала нами выявлены 54 поговорки и пословицы (36,9% от общего количества выборки), в которых категория «побудительность» вербализована с использованием форм повелительного наклонения. Например: *Sage mir, mit wem du umgehst, und ich sage dir, wer du bist* [3, с. 56]. Вышеизложенное доказывает, что императивные предложения являются прямым грамматическим средством выражения побудительности, а значение побуждения составляет семантическое содержание императивных форм. Вместе с тем проведенный анализ особенностей употребления императива в немецких пословицах и поговорках свидетельствует о том, что во многих случаях кроме данных форм используются различные частицы в целях усиления побуждения, придания высказыванию/пословице эмоционально-экспрессивного характера: **aber, bloß, doch, endlich, erst, mal, ja, nur**. Например: *Kehre erst vor deiner Tür, denn du hast Schmutz genug dafür* [3, с. 45].

Несмотря на большую роль императива, немецкий язык располагает и другими средствами выражения побудительности. В ходе проведенного исследования нами установлено, что в качестве ядерных конститuentов поля побудительности в своих синтагматических значениях, синонимичных прагматическому значению императива, выступают и другие средства морфологического уровня — **презенс и футурум индикатив и инфинитив**. Что касается пословиц и поговорок немецкого языка, то нами обнаружены лишь три поговорки и пословицы (2,1%), где коммуникативная интенция «побуждение» выражена повествовательным предложением с **глаголом в настоящем времени**: *Du kriegst die Motten!* [4, с. 22]. Основная цель коммуникации в данных случаях — управлять поведением адресата или не участвующего в коммуникации, когда наименование адресата является обязательным: *Da schnallst du ab!*

Форма инфинитива, отрицающая связь с лицом, употребляясь в побудительном значении, подчеркивает безразличие к личности адресата. Эта особенность инфинитива делает его особенным средством для выражения оттенков наиболее категоричного, по сравнению с другими ядерными конститuentами, побуждения: *Nicht ärgern, nur wundern!* [4, с. 89]. Исследуя предложения, содержащие пословицы и поговорки с категорией побудительного инфинитива, можно констатировать, что в большинстве случаев данные предложения не имеют много второстепенных членов, а значит, более категоричны, чем инфинитивные предложения с второстепенными членами. Сравним: *Besser zweimal messen, als einmal vergessen* [3, с. 9].

Следует отметить, что в проанализированных нами пословицах и поговорках категория «побудительность» выражается при помощи **причастия II** (1 единица, или 0,7%). Причастие второе, как и инфинитив, может употребляться самостоятельно с модальным значением требования, приказа: *“Gesagt — getan!”*.

Синтаксический уровень также обладает своими средствами для оформления побудительной ситуации. Синтаксические средства выражения побудительности — это, прежде всего, употребление конструкций *haben / sein + zu + инфинитив*. Наблюдение за функционированием синтаксических средств позволило нам констатировать следующее: конструкции *haben + zu + Infinitiv/ sein + zu + Infinitiv* представлены не часто в немецких пословицах и поговорках (3 единицы, что составляет 2,1%): *Die Ahle ist im Sack nicht zu verbergen* [3, с. 12]. *Verstand ist zubeachten, Schönheit zu betrachten* [4, с. 104].

Осуществленный анализ пословиц и поговорок немецкого языка позволяет отнести к конститuentам императива **безглагольные конструкции**. Например: *Früh mit den Hühnern zu Bette und auf mit dem Hahn um die Wette* [3, с. 33]. *Augenauf!* [6, с. 29]. В данных конструкциях глагол отсутствует, но смысл предложения понятен, исходя из контекста. Количество таких предложений из всей выборки составило 11, или 7,5%. Следует указать, что типичной структурой безглагольных побудительных поговорок в отобранном материале выступает предложное (реже беспредложное) сочетание существительного с наречием или другим существительным: *Kopfhoch! Schwammdarüber!* [5, с. 42]. Особую группу побудительных поговорок образуют также сочетания некоторых существительных с *kein (e), immer, nur*, например: *Kein Aber!* [7, с. 146].

В результате анализа практического материала нами установлено, что для выражения поля побудительности в немецких пословицах и поговорках используются также и средства **лексического уровня**. Лексические способы представления побудительности выражаются, в первую очередь, с помощью модальных глаголов, которые по своей семантике способны придать различные оттенки модальности. Согласно точке зрения А. А. Босак, модальные глаголы — это «глаголы, объединённые в особую группу и не выражающие действие или состояния (как полнозначные глаголы), а отношение говорящего к действию (т. е. может ли, хочет ли, обязан ли говорящий совершать то или иное действие)» [8, с. 101—103], например: *Die Suppe, die man sich einbrockt, muss man auch auslöffeln*. На данном уровне нами было обнаружено употребление модальных глаголов **sollen, müssen, dürfen** и **können** (52 единицы, 35,6%). Наиболее часто встречается модальный глагол **müssen**, который, как и глагол *dürfen*, выражает наиболее категоричное долженствование/побуждение по сравнению с глаголом *sollen*. В результате анализа практического материала нами были выявлены 33 (22,6%) пословицы и поговорки, в которых категория «побудительность» выражена глаголом **müssen**: *Man muß das Eisenschmieden, solange es heiß ist* [3, с. 48]. *Wer A sagt, muß auch B sagen* [3, с. 66] и глаголом **sollen** (16 единиц, 10,9%): *Man soll nicht zwei Hasen auf einmal jagen* [3, с. 53]. *Man soll den Tag nicht vor dem Abend loben* [40, с. 47].

В качестве одного из языковых средств лексического уровня для выражения побудительности в проанализированных нами пословицах и поговорках выступает и модальный глагол *können* (2 единицы, 3,8%): *Das kannst du in die Esseschreiben* [5, с. 12]. *Man kann nicht über seinen eigenen Schatten springen* [7, с. 153]. Следует отметить, что среди проанализированных пословиц и поговорок нами не выявлены конструкции с модальными глаголами *mögen* и *wollen*.

Одним из средств выражения побудительности в немецком языке являются инфинитивные конструкции с глаголом *lassen*, однако данная конструкция встречается довольно редко (9 единиц, 6,2%). В инфинитивных императивных конструкциях с глаголом *lassen* побуждение ориентировано в большинстве случаев на второе лицо единственного числа, и лишь в одной пословице носит опосредованный характер. Например: *Laß dem Narren seine Kappe* [3, с. 46]. *Laß es dich nicht nach fremdem Gut gelüsten* [3, с. 59]. Анализ немецких пословиц и поговорок с глаголом «*lassen*» показывает, что, будучи употребленным с инфинитивом, глагол *lassen* имеет значение «не препятствовать / способствовать осуществлению какого-либо действия, разрешать / допускать его» [8].

Заключение. Результаты анализа практического материала показывают, что побудительность объективируется в немецких пословицах и поговорках средствами, которые принадлежат к разным уровням языковой системы: морфологическому, синтаксическому и лексическому. Факт множественности способов и средств выражения императивности в немецком языке свидетельствует об универсальности категории «побудительность».

Список цитируемых источников

1. Лобанова, Е. В. Базовые параметры категории побудительности в английском языке: когнитивно-онтологический подход / Е. В. Лобанова // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — Вып. 2. — 2011. — С. 17—25.
2. Кубарева, Е. Е. Эксплицитные и имплицитные побудительные конструкции в английском языке (в сопоставлении с русским) / Е. Е. Кубарева // Сопоставительный лингвистический анализ: науч. тр. — Куйбышев, 1977. — С. 82.
3. Кожемяко, В. С. Русские пословицы и поговорки и их немецкие аналоги / В. С. Кожемяко, Л. И. Подгорная. — СПб.: КАРО, 2003. — 192 с.
4. Цвиллинг, М. Я. Русско-немецкий словарь пословиц и поговорок / М. Я. Цвиллинг. — 3-е изд., стереотип. — М.: Рус. яз., 2002. — 216 с.
5. Алёхина, А. И. Фразеологическая единица и слово / А. И. Алёхина. — М.: Высш. шк., 1991. — 76 с.
6. Duden. Redewendungen und sprichwörtliche Redensarten. Band II. — Mannheim-Leipzig-Zürich, 1997. — 693 S.
7. Афонькин, Ю. Н. Русско-немецкий словарь крылатых слов: ок. 1 200 единиц / Ю. Н. Афонькин. — М.: Рус. яз., 1990. — 288 с.
8. Босак, А. А. Грамматика немецкого языка. Морфология: учеб. пособие / А. А. Босак. — Минск: БГЭУ, 2003. — 210 с.

УДК 800

А. В. Драбень

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ГРУППА КОММУНИКАТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Введение. Проблемы коммуникации находятся в центре многих наук, таких как психология, психолингвистика, психофизиология, семиотика, социология др. Коммуникация в человеческом обществе в своем большинстве осуществляется при помощи языка. Язык — важнейшее средство передачи информации, ее хранения, так как основная информация, циркулирующая в обществе, есть информация, реализуемая в языковой форме. Так как коммуникация охватывает все сферы жизни человека, изучение лексики, выражающей речепроизводство, является актуальной проблемой. Исследования в данной области позволили возникнуть такому направлению лингвистики, как коммуникативная лингвистика, которая активно развивается и в наше время. В рамках коммуникативной лингвистики проводится изучение глаголов коммуникации в языке. Несмотря на существование значительного количества работ, посвященных исследованию лексических единиц, выражающих коммуникативную направленность, проблема коммуникативного аспекта только находит свое решение. Актуальным представляется семантическое описание поля коммуникации в английском языке и изучение функционирования его единиц.

Цель исследования состоит в описании лексико-семантической группы глаголов коммуникации, выявив собственно коммуникативные глаголы.

Объектом исследования являются английские глаголы, имеющие в своем значении компонент «коммуникативность».

В качестве основных методов были использованы количественный метод для определения корпуса глаголов и их систематизации и компонентный анализ с привлечением авторитетных толковых словарей, синонимических словарей.

Основная часть. Анализ частотности употребления разных глаголов говорения позволил выделить наиболее частотные глаголы. Чаще всего употребляются глаголы, передающие общие категориальные понятия речевой деятельности («говорить», «сказать», «спросить»): *say, tell, talk, speak, ask*. Это свидетельствует о том, что собеседникам важнее само содержание информации, а не манера ее презентации и сопутствующие ей эмоции.

Классическим глаголам говорения, которые просто свидетельствуют о сообщении и вводят его, никак не характеризуя, противопоставлены остальные глаголы говорения, сочетающие в своем значении семы простой констатации речевой ситуации и того или иного аспекта этой ситуации. К средне-частотным относятся глаголы: *to answer, to reply, to murmur, to call, to announce, to comment, to shout, to declare, to whisper, to discuss, to utter*. Все остальные отобранные глаголы говорения относятся к малочастотным и единичным: *to chat, to chatter, to claim, to command, to confess, to converse, to cry, to curse, to exclaim, to growl, to grumble, to inform, to moan, to mumble, to mutter, to pray, to pronounce, to question, to request, to respond, to scream, to spout, to state, to swear, to wail, to whimper, to whine, to yell* и т. д. Таким образом, в современном английском языке в качестве глаголов, имеющих значение говорения, функционируют различные по семантическому составу лексические единицы [1, с. 9—16]. С точки зрения характера семантики глаголов говорения выделяются собственно речевые и потенциально речевые глаголы. К глаголам собственно говорения относятся те глаголы, значения которых в любом контексте выражают процесс говорения или характеризуют его протекание. Значение говорения у этих глаголов является основным. Семантическая структура глаголов собственно говорения сравнительно однородна.

К потенциально речевым глаголам относятся глаголы с неоднородной семантической структурой, в которой значение говорения является неосновным, ситуативно обусловленным (*to rumble, to hiss, to notice*).

Чтобы конкретизировать цели исследования, в описываемую лексико-семантическую группу включаются лексические единицы, имеющие в дефиниции маркеры *say, tell, speak, talk* и связанные, таким образом, с говорением. Анализу были подвергнуты глаголы речевого действия, передающие только устное говорение, с маркером 'речевое действие'. Исследуемые глаголы речевого действия мы определяем как глаголы, которые обозначают речевое действие, имеющее целью передачу сообщения и/или когнитивное воздействие на адресата.

Для отбора материала было выбрано 2 англоязычных авторитетных словаря, 2 англо-русских словаря синонимов и один онлайн-словарь. Отбор материала производился на основе словаря «Oxford Dictionary of English» (Oxford University Press, 2003) [2], тезауруса «Collins Paperback Thesaurus» [3], электронного ресурса онлайн-словаря «ABBYY Lingvo» [4], «Словаря наиболее употребительных синонимов английского языка» П. П. Литвинова [5] и «Словаря синонимов и антонимов английского языка» Дж. Девлина [6]. Общее количество отобранных глаголов составило 136 лексических единиц. В ходе исследования была разработана следующая классификация коммуникативных глаголов: 1) глаголы общей коммуникативной семантики (глаголы артикуляции, акустические глаголы, глаголы темпа речи); 2) глаголы информирования (сообщения); 3) глаголы речевого воздействия; 4) глаголы вопросительности; 5) глаголы ответной реакции.

Глаголы артикуляции включают компонент, указывающий на способ звукообразования, частично на способ произнесения (указанная черта присуща глаголам акустическим). Примерами данных глаголов могут служить глаголы *to aspirate* 'произносить с придыханием', *to labialize* 'лабиализовать, произносить, округляя губы', *to pronounce* 'произносить', *to round* 'произносить, округляя губы', *to nasalize* 'произносить через нос' и т. д. По мнению некоторых исследователей, к классу коммуникативных глаголов акустических стоит отнести компонент 'внутреннее состояние и отношение к адресату'. Русскими примерами подобных глаголов служат глаголы *ворчать, брюзжать, шипеть*. В английском языке это глаголы *to bawl* 'орать во всю глотку', *to cry* 'кричать', *to click* 'издавать клацающий звук', *to yell* 'кричать', *to murmur* 'бормотать', *to mumble* 'ворчать', *to mutter* 'шептать' и т. д. Следующими в группе глаголов общей коммуникативной семантики идут глаголы темпа речи. Характеристикой данных глаголов являются 'специфика способа говорения, продолжительность произнесения'. Примеры: *to devoice* 'зачитывать текст, как диктор', *to drawl* 'произносить, растягивая слова', *to lisp* 'лепетать'. Глаголы, представляющие первую группу (глаголы общей коммуникативной семантики), представлены в количестве 39 единиц, что составляет 28,7% от общего количества коммуникативных глаголов.

Следующая группа глаголов для анализа — группа глаголов сообщения. Согласно данным, полученным при анализе теоретической литературы и лингвистических словарей, данная группа является наиболее многочисленной. Компонент 'передача информации адресату' является основным в значении слов данной группы. Единицы, относящиеся к группе, встречаются во всех лингвистических словарях любых объемов, изучаются студентами и учениками на всех ступенях обучения английскому языку. Примерами таких глаголов служат *to say* 'сказать', *to speak* 'говорить', *to chat* 'общаться',

to inform 'ставить в известность', *to explain* 'объяснять', *to narrate* 'докладывать', *to tell* 'рассказывать', *to supply* 'снабжать фактами', *to talk* 'разговаривать'. Представители второй группы составляют 38% (51 лексическая единица).

Глаголы речевого воздействия — третья по количеству глагольных единиц — имеют компонент значения 'воздействие на собеседника с помощью речи для достижения определенной цели'. Глаголы данной группы обладают богатым денотативным содержанием. В семантике данных глаголов есть указание на комплексное действие как состоящее из ряда отдельных событий. В семантику глаголов речевого воздействия также включен ярко выраженный прагматический компонент. Например, *to beg* 'просить', *to pray* 'молить', *to direct* 'обращаться прямо', *to enjoin* 'упрашивать', *to beseech* 'заклинать', *to aver* 'утверждать', *to boast* 'хвастать', *to plead* 'просить' и т. д. Представители группы глаголов речевого воздействия составляют 22% и представлены в количестве 30 единиц.

Глаголы вопросительности и глаголы ответной реакции взаимосвязаны между собой. Первая группа указывает на действия *адресанта*, вторая — на действия *адресата*. Компонентом значения данных глаголов являются 'запрос информации' и 'ответная реакция на запрос собеседника' соответственно. Например, *to question* 'удивиться, спросить', *to request* 'запросить информацию', *to quiz* 'поинтересоваться, спросить', *to inquire* 'потребовать, запросить'. Среди глаголов ответной реакции доминируют *to respond* 'ответить' и *to answer*. Четвертая и пятая группы являются немногочисленными по сравнению с уже представленными выше тремя. Четвертая группа представлена только четырьмя глаголами (3%), пятая группа — 3,8% (12 глагольных единиц) соответственно.

Закключение. Самой употребительной группой коммуникативных глаголов является группа глаголов сообщения (информирования). Примеры глаголов данной группы встречаются в каждом лингвистическом словаре, что обуславливает их частое употребление. Более того, данный результат указывает на то, что компонент 'передача информации' является наиболее важным в коммуникации. Количество единиц, включающихся в данную группу, превышает количество единиц, относящихся к другим группам. При дальнейшей работе с лингвистическими словарями общее количество глагольных единиц будет увеличиваться, что предполагает возможное изменение процентного состава всей группы коммуникативных глаголов.

Список цитируемых источников

1. Багдасарова, А. А. Лексико-семантический анализ глаголов коммуникации / А. А. Багдасарова // Проблемы синхронного и диахронного описания германских языков : межвуз. сб. — Пятигорск : Изд-во ПГПИИЯ, 1981. — С. 9—16.
2. Oxford Dictionary of English / ed. C. Soanes, A. Stevenson. — Oxford : Oxford University Press, 2003. — 2088 p.
3. Collins Paperback Thesaurus. — Revised edition. — Oxford : Oxford University Press, 2001. — 832 p.
4. Англо-русский онлайн словарь АБВУЯ Lingvo [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.lingvo-online.ru/ru>. — Дата доступа: 11.05.2016.
5. Литвинов, П. П. Словарь наиболее употребительных синонимов английского языка: более 3 000 ключевых слов / П. П. Литвинов. — М., 2001. — 524 с.
6. Девлин, Дж. Словарь синонимов и антонимов английского языка / Дж. Девлин. — Б. м. : б. и., 2002. — 559 с.

УДК 81-25

У. С. Ершова

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

ЯЗЫКОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ДИСКУРСА РЕАГИРОВАНИЯ НА КИНОТЕКСТ В АНГЛО- И РУССКОЯЗЫЧНОМ ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ

Введение. В последние десятилетия дискурсивный подход к исследованию языковых явлений получил широкое распространение в лингвистике. Термин «дискурс» нередко используется для обозначения различных феноменов, поэтому трудно говорить о существовании общепринятого определения дискурса, а также о единой теории дискурса. Дискурс — это явление промежуточного порядка между речью, общением, языковым поведением, с одной стороны, и фиксируемым текстом — с другой, это речемыслительный процесс, объективированный в некотором множестве текстов, которые связаны друг с другом общими когнитивными стратегиями порождения и понимания, имеют согласующуюся с этими стратегиями внутреннюю организацию и служат для передачи и генерирования смысла, а также для декодирования других текстов [1; 2].

В современном мире одним из самых влиятельных, а также молодых и современных видов искусства является кино. Учитывая это, можно полагать, что киноискусство отражает основные взгляды

общества на данный момент, а лингвокультурологический анализ лексики дискурса реагирования на кино может помочь понять тенденции в развитии той или иной культуры, что и обеспечивает актуальность нашей работы.

Произведение киноискусства, как отмечают многие исследователи, представляет собой особую знаковую систему и может рассматриваться как определенный тип текста. Так, Ю. Г. Цивьян пишет: «В определенном приближении любой фильм можно определить как дискретную последовательность непрерывных участков текста. Назовем эту последовательность кинотекстом. ...единицей кинотекста всегда является пара ядерных кадров» [3, с. 109—111].

В рамках современного лингвистического исследования понятие кинотекста целесообразно рассматривать в ракурсе, предложенном волгоградской научной школой (Г. Г. Слышкин, М. А. Ефремова и др.), представители которой определяют кинотекст как разновидность креолизованного текста — «связное, цельное и завершённое сообщение, выраженное при помощи вербальных (лингвистических) и невербальных (иконических и/или индексальных) знаков, организованное в соответствии с замыслом коллективного функционально дифференцированного автора при помощи кинематографических кодов, зафиксированное на материальном носителе и предназначенное для воспроизведения на экране и аудиовизуального восприятия зрителями» [4, с. 32].

Научная новизна исследования состоит в том, что понятие кинодискурса и дискурса реагирования были введены в научный оборот сравнительно недавно и требуют дальнейшей научной разработки, что и осуществляется в данной исследовательской работе.

Объектом данного исследования является дискурс рефлексивного реагирования на киноискусство. Предмет исследования составляют лингвокультурологические особенности дискурса реагирования на кинотекст.

Цель нашей работы — выявление и анализ лингвокультурологических особенностей дискурса о киноискусстве на основе анализа вербальных оценочных реакций представителей американской и русской лингвокультур на кинотексты. В соответствии с целью нашего исследования были поставлены следующие задачи: 1) рассмотреть основные подходы к определению понятия дискурса; 2) выявить отличительные черты дискурса в контексте лингвокультурологии; 3) определить специфику дискурса реагирования на киноискусство; 4) провести сопоставление дискурса реагирования на кинотекст в русской и американской лингвокультурах.

Материалом исследования послужили англо- и русскоязычные интернет-отзывы и критические статьи об американском кинотексте «Общество мертвых поэтов» (*The Dead Poets' Society* — США, киностудия Touchstone, 1989 год, режиссер Питер Уир, жанр — драма). Для каждой лингвокультуры было проанализировано по две объемные критические статьи и по десять отзывов в сети Интернет.

В ходе исследования использовались метод лингвокультурологической интерпретации, семантического анализа и сопоставительный метод.

Основная часть. Собранный языковой материал был распределен по нескольким тематическим блокам: общеоценочное отношение; актуализация интертекстуальных связей; отношение к авторам фильма; идейно-тематическое содержание; интерпретация эпизодов и места действия; восприятие и оценка персонажей. Затем был проведен качественно-количественный анализ, а также сравнение дискурса реагирования представителей русской и американской лингвокультуры по каждому тематическому блоку.

В результате проведенного анализа было выявлено, что в условиях родной культуры общая оценка кинотекста является более сложной по форме и содержанию, чем в условиях чужой культуры. Это проявляется:

- 1) в наборе оснований для оценки: представители чужой для кинотекста культуры высказывают, главным образом, свои впечатления от кинотекста, в то время как представители родной культуры склонны оценивать также степень новизны сюжета;
- 2) в способе выражения оценки: представители родной для кинотекста культуры активно используют в речи ссылки на прецедентные имена, тексты, феномены. Культурная специфика общеоценочного отношения проявляется в степени эмоциональности оценочных высказываний и отношении к общей атмосфере фильма.

Все упомянутые информантами интертекстуальные связи можно разделить на три группы: 1) музыкальные и поэтические цитаты, выделенные в исследуемом кинотексте; 2) идейное, сюжетное или жанровое сходство исследуемого кинотекста с предшествующими текстами; 3) связи с последующими текстами, в том или ином виде цитирующими кинотекст «Общество мертвых поэтов».

Судя по разнообразию вербально отмеченных информантами интертекстуальных ссылок, можно заключить, что актуализация интертекстуальных связей кинотекста наиболее интенсивно происходит в условиях родной культуры. Так, в дискурсе представителей американской культуры отражены разные типы интертекстуальных связей кинотекста «Общество мертвых поэтов»: 1) содержательные, жанрово-стилистические; 2) по источнику заимствования — кинематографические, музыкальные, литературные; 3) по доступности: национальные.

Кроме того, представители родной для кинотекста культуры склонны активно использовать его интертекстуальные связи в качестве опоры для интерпретации. В дискурсе представителей чужой культуры актуализируется минимальное количество интертекстуальных связей. Они носят, главным образом, содержательный характер и не служат опорой для интерпретации. Кинотекст может расширять свои интердискурсивные связи, становясь источником заимствований для текстов массовой культуры, функционирующих в разных дискурсах: музыкальном, телевизионном (сериалы, мультипликация), спортивном и т. д. Например, цитата из кинотекста «Общество мертвых поэтов» используется как пародия на него в одном из эпизодов американского комедийного мультсериала *Family Guy* («Гриффины») где слушатели коррективного курса английского языка встают на парты и произносят фразу *O Captain! My Captain!* ‘О, капитан! Мой капитан!’.

В англоязычных примерах кинодискурса мы редко можем обнаружить идею души и сострадания в таком смысле, в каком мы обнаружили ее в русскоязычном дискурсе об искусстве: *Не буду рассказывать содержание фильма, в общем, достаточно скромная история. Но глубина картины, чувств, «волиебная игра на струнах души» зрителя, удалась.*

К основным чертам американского национального характера можно отнести трудолюбие. Любая работа связана с большим усердием, к чему американцы относятся крайне позитивно, в отличие от русской культуры: *Have any one of you felt that “something” is escaping out of your control? This is exactly what has happened to the scenepayer of this tremendous and fascinating film. Just the inspiration came to them when they were working on the script. If you have ever teach anything to someone you probably know what am i talking about, you’re learning just when you teaching, never before you learnt with someone. And so on.*

Заключение. Анализ материала исследования показал, что для дискурса реагирования на кинотекст у представителей американской лингвокультуры характерно акцентирование внимания на иных ключевых идеях по сравнению с русскоязычным дискурсом данного типа. Кроме того, одни и те же идеи могут возникать в разных контекстах в двух культурах, и это обусловлено тем, что для одной культуры эти явления считаются неприемлемыми, в отличие от другой, в которой их нахождение абсолютно естественно.

Помимо этого, стоит обратить внимание на использованную лексику и стиль в комментариях. Для кинодискурса характерно присутствие эмоционально окрашенной лексики наравне с профессиональными терминами. В русскоязычном дискурсе о кино большинство терминов являются заимствованными, в отличие от английского языка. В русскоязычном дискурсе реагирования на кинотекст также достаточно много образных выражений, что не настолько выражено в англоязычном дискурсе. Наличие заимствованной лексики обусловлено тем, что обсуждаемые явления впервые появились именно в американской культуре.

Список цитируемых источников

1. Арутюнова, Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Яреца. — М.: Совет. энцикл., 1990. — С. 136—137.
2. Макаров, М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. — М.: Гнозис, 2003. — 280 с.
3. Цивьян, Ю. Г. К метасемиотическому описанию повествования в кинематографе / Ю. Г. Цивьян // Труды по знаковым системам / отв. ред. Ю. Лотман. — Тарту: Тартуский гос. ун-т, 1984. — Вып. 17. Структура диалога как принцип работы семиотического механизма. — С. 109—121.
4. Слышкин, Г. Г. Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа) / Г. Г. Слышкин, М. А. Ефремова. — М.: Водолей Publishers, 2004. — 153 с.

УДК 800

М. А. Ефремова

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ИНТЕРНЕТ-ОБЩЕНИЯ

Введение. Общение является одной из важных частей человеческого существования. Это обусловлено тем, что человек является социальным существом, а следовательно, не может нормально существовать вне общества. Для того чтобы это сосуществование являлось успешным, необходимо налаживать общение с другими людьми.

С каждым днём появляется всё больше способов связи с другими людьми, которые находятся на большом расстоянии друг от друга. Параллельно с этим возникают возможности обучения на расстоянии при помощи тех же программ, которые используются для общения. Это может быть электронная почта,

система блогов и др. Такие способы могут сделать обучение не только более распространенным, но и весьма увлекательным.

Общение, или дискурс, приобретает новые формы. Так, наряду с такими видами дискурса, как профессиональный дискурс, персональный дискурс, институционный дискурс, научный дискурс, стали выделять и интернет-дискурс. Особенности профессионального интернет-общения и являются темой данного исследования. Объектом исследования выступает текст диалогов преподавателей английского языка из различных стран мира, обучавшихся на заочных курсах повышения квалификации Орегонского университета. В данной работе происходит выявление дискурсивных особенностей профессионального интернет-дискурса, а также определение их роли в англоязычных высказываниях.

Сам термин «дискурс» по своей сути является многозначным и имеет некоторое количество определений, подразделяется на несколько видов. Особое внимание уделено профессиональному общению и интернет-общению.

Профессиональный дискурс представляет собой профессиональное, правовое, языковое и социальное поле, в котором специалист осуществляет свою профессиональную деятельность, обмениваясь информацией с другими коммуникантами [1, с. 59—63].

Понятие «интернет-дискурс», или «компьютерный дискурс», можно трактовать двояко. С одной позиции, это любое общение в компьютерных сетях, общение с использованием особого рода сигналов — электронных сигналов коммуникации. С другой стороны, компьютерный дискурс можно определить как общение на тематику, связанную с компьютерами [2, с. 29—35].

С точки зрения разновидностей дискурса компьютерной коммуникации в настоящее время выделяют веб-дискурс, дискурс электронной почты, дискурс асинхронного (форумы (Bulletin Board System), гостевые комнаты, конференции) и синхронного (чаты, ICQ, игры) общения в интернет-среде. Необходимо отметить, что веб-дискурс и дискурс электронной почты очень близки к письменной речи, а в асинхронном и синхронном общении в виртуальном мире ярко проявляются особенности нового вида дискурса, соединяющего в себе признаки устной и письменной речи. Этот тип дискурса есть новая полиаспектная разновидность речи [3, с. 34—52].

Основная часть. Объектом исследования выступают тексты диалогов преподавателей английского языка из различных стран мира, обучавшихся на заочных курсах повышения квалификации Орегонского университета. Госдепартаментом США спонсируется много онлайн-курсов для преподавателей английского языка из стран всего мира. Поскольку отбор на данные курсы проходит на конкурсной основе, преподаватели — участники курсов, как правило, достаточно профессиональны. Поэтому их интернет-общение является хорошим примером. Участниками курсов были люди из разных стран — от Беларуси до Аргентины, от Турции до Южной Африки и до Бангладеша (по одному человеку от каждой страны), — которые преподают в разных учебных заведениях, в разных условиях, работают с разной аудиторией. По правилам курса, каждую неделю предоставлялся вопрос, на который требовалось ответить, выразив своё мнение. Помимо этого требовались комментарии, по меньшей мере, ещё двоих человек. Все вопросы тем или иным образом были связаны с преподаванием.

В ходе анализа высказываний удалось выявить, что внутри каждого профессионального дискурса возможно разграничение дискурсивных форматов, определяемых стилем мышления. Выделяются следующие базовые форматы (в рамках «специалист—специалист»): теоретический, который основан на рационально-логическом мышлении, и практический, который связан с особенностями интуитивно-образного мышления. Высказывание имеет целенаправленный характер, отличается результативностью, а также имеет общественную значимость.

С позиции отнесения одного из примеров к интернет-дискурсу выделяются следующие пункты: 1) виртуальность (данный пример взят из электронной переписки, а значит, общение шло не напрямую, а через виртуальное пространство); 2) дистантность (идёт разделенность в пространстве и во времени, так как часовой пояс участника беседы соответствует его географическому положению); 3) опосредованность (непосредственно общение и высказывание своих идей происходит с помощью технического средства); 4) наличие гипертекста (в самом начале высказывания находится гиперссылка на главную страницу с темой обсуждения: RE: Wk 9 Disc: Constraints on Implementing CT (PART-1)); 5) статусное равноправие участников (ко всем участникам общения используется вежливое обращение посредством следующих фраз: Dear Respected Colleagues, Regards и т. д.).

Также проводился анализ на стилистическом и синтаксическом уровне, результатом которого является следующее: были выявлены слова, принадлежащие к специальной разговорной лексике, т. е. профессионализмы и сленг. Например, *attitudes of teachers and administrators, syllabus and curriculum, number of classes a day all pose a threat in my exercising critical thinking to the students and teachers. Here we have good environments, resources, considerable number of participants (30 to 40), sufficient teaching aids and materials including two sophisticated Language labs.*

Также были найдены выражения, принадлежащие к особым литературным словам: термины. Например, *This seems a natural result of the assessment practices which can best be described as 'assessment of learning' rather than 'assessment for learning'. Consequently, I believe that any reform to infuse CT in education should start with Assessment in order to yield a 'positive washback' on the learning process.*

Одной из особенностей профессиональной речи является отсутствие таких лексико-стилистических приёмов, как метафора, эпитет, метонимия, эвфемизм и др. Однако наличие стилистико-синтаксических приёмов является неотъемлемой частью любого дискурса. Во время анализа были выделены следующие синтаксические приёмы: бессоюзие, перечисление, несобственно-прямая речь, описательные вопросы. Приведем примеры некоторых из них.

Перечисление: *while doing the project, the students apply various skills: observing, understanding, interpreting, inferring, analyzing, evaluating, and creating including they can practice to work collaboratively with others.*

Бессоюзие: *here we have good environments, resources, considerable number of participants (30 to 40), sufficient teaching aids and materials including two sophisticated Language labs.*

Описательные вопросы: *here we have good environments, resources, considerable number of participants (30 to 40), sufficient teaching aids and materials including two sophisticated Language labs. What I do to overcome this constraint? I am looking for the new motives, i. e. taking this course and then implementing what I learned in my work.*

Несобственно-прямая речь: *the purpose of the lesson is extremely unclear because you state it as 'help students understand text summary basing on the given text' and this is confusing.*

В результате анализа синтаксического уровня использования в высказываниях профессионального интернет-дискурса были выявлены самые часто используемые языковые средства. К сожалению, синтаксический уровень оказался не таким разнообразным, как лексический. Языковые средства на синтаксическом уровне основаны на изменении структуры предложения для подчеркивания каких-либо ключевых слов, мыслей.

Заключение. В результате стилистического анализа примеров профессионального интернет-общения были выделены главные особенности, которые отличают профессиональный интернет-дискурс от других видов дискурса. Было выявлено, что высказывания не содержат в себе лексико-стилистических приёмов, которые используются для создания визуальной картины происходящего. Однако данные высказывания содержат в себе стилистико-синтаксические приёмы, которые служат для выделения каких-либо мыслей и ключевых слов. В ходе стилистического анализа отрывков были выявлены слова, принадлежащие к специальной разговорной лексике английского языка, которые являются одними из важнейших показателей принадлежности данных высказываний к одному из видов профессионального интернет-дискурса на лексическом уровне.

Необходимо подчеркнуть, что каждый из видов дискурса имеет ряд своих особенностей, не зная которых невозможно причислить то или иное высказывание к какому-либо виду дискурса. Требуется детальный анализ, чтобы доказать, что текст или устное высказывание может называться тем или иным дискурсом.

Интересно, что как профессиональному дискурсу, так и интернет-общению присваиваются свои отличительные черты, однако, несмотря на это, данные два вида дискурса могут быть с лёгкостью совмещены, не нарушая особенностей каждого из этих видов дискурса.

Список цитируемых источников

1. Глазырина, Е. С. Лингводидактическая стратегия форсированного введения студентов-регионоведов в профессионально-ориентированный дискурс / Е. С. Глазырина // Иностранные языки и литература в международном образовательном пространстве: материалы V Междунар. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 3 марта 2015 г. / Ур. федер. ун-т им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. — Екатеринбург : Изд-во УМЦ УПИ, 2015. — С. 59—63.
2. Галичкина, Е. Н. Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках (на материале жанра компьютерных конференций) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Е. Н. Галичкина. — Астрахань, 2001. — 212 л.
3. Михайлов, В. А. Особенности развития информационно-коммуникативной среды современного общества / В. А. Михайлов, С. В. Михайлов // Актуальные проблемы теории коммуникации : сб. тр. / С.-Петерб. политехн. ун-т Петра Великого. — СПб. : Изд-во СПбГПУ, 2004. — С. 34—52.

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «ЖЕНЩИНА» В НЕМЕЦКОЙ И РУССКОЙ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА

Введение. Характерной чертой языкознания на рубеже XX—XXI веков является возникновение и развитие когнитивной лингвистики, изучающей особенности усвоения и обработки информации, способы ментальной репрезентации знаний с помощью языка, который является средством доступа к мыслительным единицам и достоверным инструментом исследования содержания и структуры концептов. Объектом исследования является языковая вербализация концепта «женщина» в русском и немецком языках. Предметом исследования является структура и содержание концепта «женщина» в русской и немецкой языковых картинах мира. Теоретическая значимость исследования состоит в том, что описание структуры концепта «женщина» позволило выявить схожесть и различие в понимании данного концепта в русской и немецкой языковых картинах мира. Выполненное описание концепта позволило более полно рассмотреть его в сознании носителя языка.

Основная часть. Проблема концепта в современной лингвистике относится к одной из наиболее перспективных областей исследования. Несмотря на отсутствие единой точки зрения по вопросам теории концепта, общепризнанными являются следующие положения: принадлежность концепта сознанию; его объективация (хотя бы частичная) в языке; включенность в его состав, в отличие от понятия, не только описательно-классификационных, но и чувственно-волевых и образно-эмпирических характеристик.

В настоящее время сформировались два основных подхода к трактовке категории «концепт»: когнитивный и лингвокультурологический, которые, однако, не являются взаимоисключающими. Сопоставив различные точки зрения по данной проблеме с учетом специфики нашего материала, мы сочли целесообразным реализовать в работе когнитивный подход к исследованию концепта.

Когнитивная лингвистика — это направление в языкознании, исследующее проблемы соотношения языка и сознания, роль языка в концептуализации и категоризации мира, в познавательных процессах и обобщении человеческого опыта, связь отдельных когнитивных способностей человека с языком и формы их взаимодействия, а концепт, в свою очередь, является важной и неотъемлемой частью когнитивной лингвистики. В последнее время понятие концепта активно вошло в научный обиход. Концепт является единицей описания картины мира — ментальной единицей, содержащей языковые и культурные знания, представления, оценки.

К вышесказанному можно добавить, что лингвокогнитивные исследования исходят из положений, что структуры сознания и структуры языка пребывают в активном взаимодействии, структура значения языкового знака есть структура представления знаний, каждым языковым знаком можно эксплицировать целые пласты знаний.

«Концепт, — отмечает Ю. С. Степанов, — это сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт — это то, посредством чего человек — рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» — сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [1, с. 44].

Исследователь Н. Ф. Алефиренко называет концепт когнитивной (мыслительной) категорией, квантом знания, сложным, жестко не структурированным смысловым образованием описательнообразного и ценностно-ориентированного характера [4, с. 184].

По мнению В. А. Масловой, структура концепта включает помимо понятийной основы социо-психокультурную часть, которая не столько мыслится носителем языка, сколько переживается им; она включает ассоциации, эмоции, оценки, национальные образы и коннотации, присущие данной культуре [2, с. 6].

В свою очередь А. П. Бабушкин подчеркивает, что концепт является «ментальной репрезентацией, которая определяет, как вещи связаны между собой и как они категоризируются» [3, с. 21].

Говоря об экспликации концепта, необходимо подчеркнуть, что концепт может быть выражен, а может и не быть выражен вербально.

Фразеологические единицы по типу номинации являются образными средствами языка. Идеальные образы, лежащие в основе фразеологической номинации, возникают в процессе речевого общения людей, оперирующих языковыми значениями как результатами когнитивной деятельности, и впоследствии эти образные языковые значения актуализируются в той или иной дискурсивной ситуации.

Одним из ключевых концептов любой культуры является концепт «женщина». Он представляет собой проекцию стереотипных представлений о женщине как носителе социально предписанных качеств и свойств, сформировавшихся на основе ролей, выполняемых женщиной в обществе.

Особенности социального статуса прекрасного пола, а также мнения, господствующие о нём в обществе, можно проследить во фразеологии.

Немецкая языковая картина мира представляет богатый языковой материал, касающийся концепта «женщина». Проанализированные пословицы, поговорки и фразеологизмы позволяют конкретизировать концепт «женщина» в таких его компонентах, как внешность, характер, поведение, материнство и трудолюбие: „*Es hat noch kein Spiegel einer Frau gesagt, dass sie hässlich ist*“ [5, с. 343]. „*Die Frauen sagen wohl die Wahrheit aber nie ganz*“ [5, с. 343]. „*Eine launische Frau ist das Fegefeuer im Hause*“ [8, с. 51]. „*Nichts als gute Mädchen und überall böse Frauen*“ [8, с. 160]. „*Viel Frauen, viel Worte*“ [5, с. 344]. „*Auf ein gutes Mahl und eine gute Frau wartet man nicht zu lange*“ [5, с. 343]. „*Die Frauen haben immer anderthalbmal recht*“ [5, с. 345]. „*Alle Frauen sind Evas Töchter*“ [5, с. 345]. „*Junge Frau und alter Mann sind ein trauriges Gespann*“ [5, с. 346]. „*Was die Mutter ans Herz geht, geht dem Vater nur ans Knie*“ [8, с. 169].

В русской языковой картине мира концепт «женщина» был проанализирован по четырем критериям: характер, поведение, материнство и трудолюбие. Такой аспект, как внешность, в отобранном материале не присутствует: «*Бабы-то промыслы, что неправые помыслы*» [7, с. 34]. «*Жена при муже хороша*» [8, с. 58]. «*Жена льстит — лхое норовит*» [8, с. 58]. «*Бабий ум лучше всяких дум*» [6, с. 24]. «*Бабе хоть кол на голове теши*» [7, с. 35]. «*Жена мужу пластырь, а он ей пастырь*» [6, с. 76]. «*Жена красавица — безочному (слепому) радость*» [6, с. 77]. «*Материно сердце в детях — а детское в камне*» [8, с. 110].

Заключение. Фразеологические единицы и русского, и немецкого языков могут объективировать сразу несколько элементов концептуальной структуры, поскольку в их значениях или речевых употреблениях реализуются различные концептуальные признаки, относящиеся к этим структурным элементам. Структурные компоненты концепта «женщина» характеризуются взаимосвязанностью друг с другом.

Список цитируемых источников

1. Степанов, Ю. С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации / Ю. С. Степанов. — М.: Яз. славян. культур, 2007. — 248 с.
2. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие для филол. спец. вузов / В. А. Маслова. — Минск: ТетраСистемс, 2004. — 246 с.
3. Бабушкин, А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А. П. Бабушкин. — Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 1996. — 103 с.
4. Алефиренко, Н. Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры / Н. Ф. Алефиренко. — М.: Academia, 2002. — 394 с.
5. Бинович, А. Э. Немецко-русский фразеологический словарь / А. Э. Бинович. — М.: Аквариум, 1995. — 768 с.
6. Киселёв, И. А. Фразеологический словарь русского языка / И. А. Киселёв. — Минск: Нар. асвета, 1985. — 128 с.
7. Кожемяко, В. С. Русские пословицы и поговорки и их немецкие аналоги / В. С. Кожемяко, Л. И. Подгорная. — СПб.: КАРО, 2003. — 192 с.
8. Цвиллинг, М. Я. Русско-немецкий словарь пословиц и поговорок / М. Я. Цвиллинг. — 3-е изд., стер. — М.: Рус. яз., 2002. — 216 с.

УДК 81.271.2

М. А. Зайцева, З. И. Корзун

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ СТРАТЕГИИ ИЗВИНЕНИЯ ГЕРОЯМИ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Введение. На современном этапе развития становится всё более очевидным, что человечество развивается по пути расширения взаимосвязи и взаимозависимости различных стран, народов и их культур, что выражается в бурном росте культурных обменов и прямых контактов между государственными институтами, социальными группами, общественными движениями и индивидами разных стран и культур. Становясь участниками любого вида межкультурных контактов, люди взаимодействуют с представителями других культур, включаясь в процесс межкультурной коммуникации.

Так как любое общение людей всегда сопровождается их эмоциональными модальностями, знание либо незнание культурных правил речевого поведения не может не влиять на эффективность общения. В межкультурной коммуникации важно уметь правильно интерпретировать те или иные проявления в поведении человека, которые могут различаться значением, интенсивностью, экспрессивностью, направленностью. Между эмоциями и коммуникацией существует тесная взаимосвязь, эмоции сопровождают любой коммуникативный акт. Следовательно, для создания процесса общения партнёры должны владеть хотя бы базовыми знаниями об эмоциональном интеллекте, уровне эмоциональной компетенции, о культурных стереотипах.

Данное исследование направлено на выявление языковых средств вербализации стратегии извинения в немецкоязычном художественном дискурсе с использованием методов сплошной выборки,

дефиниционного, контекстуального и сопоставительного анализа. Его актуальность определяется потребностью в раскрытии аксиологической значимости форм извинения в немецкоязычном художественном дискурсе, уточнении коммуникативно-дискурсивных условий обращения к сценарию извинения как форме фактического общения.

Основная часть. Извинение является частью речевого этикета и позволяет обеспечивать корректировку и упорядочивание отношений общающихся. Основная функция извинения состоит в восстановлении социального баланса, гармонии между общающимися людьми, а также поддержании бесконфликтных отношений, проявляя уважение, внимание, доброжелательность. Оно позволяет реализовать стратегию сближения: человек, принося извинения за свой проступок, сохраняет и «лицо» партнёра, и свой имидж. Наличие извинения позволяет минимизировать раздражение, недовольство, предотвратить возникновение обиды, оказать успокаивающее воздействие на эмоциональное состояние человека.

Рассмотрение особенностей вербализации стратегии извинения невозможно без анализа существующих подходов к определению сущности данной категории. В концепции С. Брауна и П. Левинсона речевые акты извинения рассматриваются как «акты, “подрывающие” лицо говорящего (извиняющегося) и “укрепляющие” лицо адресата: извинение наносит ущерб авторитету говорящего, тогда как авторитет адресата от извинения выигрывает» [1, с. 151]. Так, Дж. Серль рассматривает извинение как «стандартный пример экспрессивных речевых актов, иллокутивная цель которых заключается в том, чтобы выразить названное в условиях искренности состояние, связанное с обозначенным в пропозициональном содержании положением вещей». Экспрессивы, по Дж. Серлю, «не имеют никакой установки на внешний мир, так как говорящий не пытается ни привести мир в соответствие со словами, ни привести слова в соответствие с миром» [2, с. 34]. Стратегия «извинение» является объектом экспериментального изучения, когда анализу подлежат фонетические, грамматические, лексико-смысловые феномены, а также язык художественных рассуждений.

Эмпирическим материалом данного исследования выступают 28 контекстов, отобранные на основе сплошной выборки из произведений Э. М. Ремарка «Три товарища» и «Ночь в Лиссабоне» общим объёмом 613 страниц.

На основе анализа отобранного материала нами было установлено, что представители сильного пола извиняются чаще (71,5%), чем женщины (28,5%), при этом преобладает косвенное извинение. Выражение косвенного извинения в форме сожаления (*tut mir leid, ich bedauere, leider, bedauerlicherweise, dummerweise* и т. д.) — продуктивный речевой акт в немецком языке. Отличие косвенного извинения от прямых высказываний сожаления по поводу неблагоприятного стечения обстоятельств заключается в том, что такие высказывания, следующие за неудачным результатом действий, выражают отказ говорящего взять на себя вину за произошедшее. Например: *...Entschuldigen Sie, sagte ich, wir müssen eiligst los! Es ist höchste Zeit! Tut mir leid, hab ich vergessen* [3, с. 57]. В отличие от мужчин, женщины чаще используют прямые извинения, в основе которых находится полная матричная формула: *Ich bitte Sie/dich um Entschuldigung für x* с императивным вариантом *Entschuldigen Sie mich für x*. Например: *...Ach so — entschuldigen Sie. Köster ist mein Freund. Er sucht Professor Jaffé. Ich konnte ihn nicht erreichen* [3, с. 81].

Анализ художественных произведений показал, что представители немецкой лингвокультуры используют устоявшиеся выражения-извинения, составной частью которых выступают перформативные глаголы *entschuldigen, verzeihen*. Например: *„Ach so Entschuldigen Sie, Patrice“, sagte ich verzweifelt in das Telefon, „ich kann Sie nicht verstehen, hier tobt ein Säugling; aber es ist nicht meiner“* [3, S. 36]. Междометие *„Ach so“* указывает на обеспокоенность героя и вежливый тон извинения. При таком варианте перевод «Ах да... простите, пожалуйста» является преимущественно оптимальным и абсолютно равноценным немецкой версии. Немецкое словосочетание *„Entschuldigen Sie“* в данном случае переведено стабильной фразой «Простите меня», которая акцентирует неформальный и даже в определенной степени конфиденциальный уклон речи. Вышеизложенное свидетельствует о том, что в немецком языке чаще используются формулы извинений с непринуждёнными высказываниями, когда человек чувствует свою вину.

Говоря о способах выражения извинения, следует проанализировать и речевые интенции коммуникантов. В ходе исследования нами выявлены ситуации, когда извинение связано с ситуациями-просьбами: *...Bitte, entschuldigen Sie. — sagte ich. Ein unvorhergesehener Zufall — können Sie mir etwas heißen Tee geben?* [3, с. 78]. Вместе с тем в художественной литературе нами обнаружена речевая ситуация, свидетельствующая о разноплановости речевого поведения немцев-мужчин, которые придерживаются точки зрения, что немецкие мужчины не должны извиняться, например: *...Der Alte startete mich an. Dann stieß er hervor: „Ein deutscher Mann entschuldigt sich nicht! Schon gar nicht bei einem Asiaten!“ und warf die Tür krachend hinter sich zu* [3, с. 174]. Это единичный случай, который не дает нам право делать обобщения о речевом поведении в ситуации «извинение» представителей мужского пола немецкоязычного языкового общества.

Заключение. Извинение рассматривается как факт речевого этикета, который позволяет обеспечить корректировку и упорядочивание отношений общающихся людей, является неотъемлемой частью в речевых действиях и поступках человека. Когда человек извиняется, он восстанавливает социальный баланс, гармонию между собой и человеком, перед которым извинился. Представители немецкоязычного лингвокультурного общества используют как прямые, так и косвенные извинения, в основу которых положены перформативные глаголы.

Список цитируемых источников

1. *Brown, P.* Politeness : Some universals in language usage / P. Brown, St. Levinson. — Cambridge : Cambridge University press, 1987. — P. 151.
2. *Серль, Дж.* Классификация иллокутивных актов / Дж. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. — М., 1986. — Вып. 17. — С. 17—194.
3. *Remarque, E. R.* Drei Kameraden / E. R. Remarque. — Berlin : BK, 2010. — 334 S.

УДК 81'255.2

А. А. Ильенкова

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРИСТИКАХ СОВРЕМЕННЫХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ПЕСЕН

Введение. Массовая культура, или поп-культура, — культура быта, развлечений и информации, преобладающая в современном обществе. Она включает в себя такие явления, как средства массовой информации (телевидение, радио и т. д.), спорт, кинематограф, музыку (в частности, поп-музыку), массовую литературу, изобразительное искусство и т. д. Массовая культура, по мнению В. В. Химика, занимает промежуточное положение между традиционной и элитарной культурой, и ей соответствует определенная форма существования языка — просторечие [1]. Однако вопрос о содержательных особенностях произведений массового искусства остается малоизученным, несмотря на то, что этот элемент культуры является на данный момент одним из наиболее востребованных в обществе.

Актуальность данной работы обусловлена тем, что песенные тексты каждой эпохи содержат страноведческую, историко-культурную, повседневно-бытовую, духовно-ценностную, политическую информацию. В них находят отражение лексико-семантические, морфологические, словообразовательные и синтаксические особенности развития языка. Социокультурные изменения, происходящие в рамках определенной эпохи, оказывают существенное влияние на речевые и языковые процессы и не могут не затрагивать песенное творчество авторов, поскольку песня является одним из наиболее динамичных жанров массовой культуры. Своеобразие лингвистических характеристик англоязычного песенного текста требует освещения, поскольку это позволит глубже понять причины воздействия текстов данного типа на адресата и позиционировать их по отношению к языку поэзии и разговорному языку.

Цель исследования — выявить формально-содержательные характеристики англоязычных песен участников, номинированных на премию Национальной академии искусства и звукозаписи «Грэмми».

Объект исследования — тексты англоязычных песен участников, номинированных на премию «Грэмми».

В качестве предмета изучения рассматриваются лингвокультурные и собственно текстовые (лингвостилистические) характеристики англоязычного песенного текста.

Для решения обозначенной цели использовались следующие методы исследования: наблюдение, дескриптивный (оба — при рассмотрении текстов песен в связи с необходимостью классификации исследуемого материала), статистический (при определении степени распространенности лингвистических средств), интерпретативный (при анализе семантической специфики песенных текстов).

Материалом для исследования послужили 40 англоязычных текстов, номинированных на премию «Грэмми» в 2012—2014 годах. Сегодня «Грэмми» является одним из престижных конкурсов в музыкальной индустрии. «Грэмми» присуждается ежегодно в 108 категориях по 30 музыкальным жанрам в результате голосования уполномоченными членами Национальной академии искусства и звукозаписи. Заявленная цель конкурса — «чествовать музыкальные записи, имеющие качественное или историческое значение» [2]. «Награда присуждается записям (синглам и альбомам) всех жанров, включая классическую музыку, рок, кантри, хип-хоп, R&B, оперу, театр и кино с начала XX века» [3].

Основная часть. Современная песня представляет собой сложное единство музыкального и вербального компонентов; поэтому, проводя лингвистическое исследование, мы абстрагируемся от мелодического компонента, поскольку последний не поддается однозначной интерпретации.

Сегодня коммерчески успешные песни строятся из сочетания следующих элементов: куплеты, предприпевы, припевы, бриджи. Песни «Грэмми» имеют тенденцию начинаться с бриджа, тем самым привлекая внимание слушателя. В 27 песнях просматривается следующая структура: бридж — куплет — бридж — куплет — припев — припев — куплет — куплет. Помимо сложной, встречается более простая структура в 13 песнях: куплет — припев — куплет — припев — бридж — припев — куплет.

Несмотря на простоту, современная песня также обладает чрезвычайно мощным потенциалом воздействия на аудиторию. Подобно лирической поэзии песня фокусируется на отражении и передаче реци-

пиенту чувств и эмоций, в чём обычно повторяется не только мелодический, но и вербальный компонент. Роль текста состоит в том, чтобы, конкретизируя эмоционально-чувственный компонент, рассказать историю или детали истории, обычно любовной, типовые коллизии которой знакомы практически каждому человеку.

Проведённый нами анализ содержательной стороны 40 англоязычных текстов показывает, что песням «Грэмми» присуща следующая тематика: 40% — любовная, 28% — онтологические мотивы, 32% — мотивы пацифизма.

Структура, тематика и выбор лексических единиц зависит от автора песни. Полнота использования лексико-семантических средств зависит от того, является ли автор носителем языка. Зачастую исполнитель сам является автором песни. Проведенный анализ песенных текстов показывает, что автор является носителем языка (11 случаев), исполнитель является автором и носителем языка (28), автор не является носителем языка (1), исполнитель является автором, но не является носителем языка (случаев не выявлено).

Для того чтобы сделать песню более выразительной, её создатели часто используют разнообразные лингвостилистические средства. Проведенный анализ песенных текстов показывает преобладание следующих стилистических средств:

– 3 градации (a fire starting — reaching a fever pitch; Jagged — vacance — thick with ice; you cannibal — you meat — eater), демонстрирующих нарастание интонации и усиление эмоциональности;

– 10 антитез (Well your mama kept you — but your daddy left you; to keep me waiting — I want to flee), основная роль которых — сопоставление резко контрастных или противоположных понятий и образов для усиления впечатления;

– 38 сравнений (feel like a plastic bag; like a house of cards; like a waste of space; like resignation to the end), выявляющих в объекте сравнения новые, важные, преимущественные для субъекта высказывания свойства;

– 28 лексических повторов (Want you to see everything — Want you to see all of the lights; And I don't mind bleeding — Any old time to keep me waiting; What doesn't kill you makes you stronger, stronger), с помощью которых подчеркиваются и выделяются в речи важные в смысловом отношении группы слов;

– 20 эпитетов (colors burst; shooting stars; lonely boy), которые выделяют характерную черту или качество предмета, явления, оценивают предмет или явление, вызывают определённое эмоциональное отношение к ним, помогают увидеть авторское понимание окружающего мира.

Следует всё же отметить и противоположную тенденцию — стремление ряда авторов выйти за рамки жанрового канона посредством усложнения формы песни за счет употребления фразеологизмов, введение которых, как правило, обусловлено стремлением усилить экспрессивную окраску текста и представить новый «прогрессивный» взгляд на реалии жизни при сохранении традиционного круга проблем, находящихся в сфере внимания: имён собственных (Nebraska, Jesus Christ, New York, Milwaukee, Halloween и т. д.), которые способствуют приближению текста к реальности.

В современных англоязычных песнях нередки случаи, когда намеренно употребляются просторечные формы для снижения стиля высказывания, чем подчеркивается их демократичность и «принадлежность к народу». Анализ лексических единиц указывает на употребление: 1) специфических разговорных междометий (hey!, oh!, why! и т. д.) — 73 случая; 2) усеченных форм слов ('cos = because, 't = it) — 25 случаев; 3) стяженных (кратких) глагольных форм (gotta = have got to, gonna = am/is/are going to, wanna = want to) — 47 случаев; 4) вводных элементов (indeed, sure, no about и т. д.) — 1 случай.

Заключение. Современные англоязычные тексты песен содержат достаточное для достижения высокой степени экспрессивности количество лингвостилистических средств. Авторы произведений придерживаются фамильярно-разговорного стиля, либо песенный текст представляет достаточно неоднородный стилистический феномен, поскольку инкорпорирует черты как разговорно-бытового, так и художественного стиля. В песенных текстах очевидна связь между языком и предполагаемой аудиторией, её возрастом и социальными условиями быта, т. е. на данном этапе песня как культурный феномен фактически выполняет функцию лирической поэзии, сохраняя ряд её существенных черт.

Список цитируемых источников

1. Химик, В. В. Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен / В. В. Химик. — СПб. : Филол. фак. СПбГУ, 2000. — 272 с.
2. Зал славы «Грэмми» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Зал_славы_премии_Грэмми. — Дата доступа: 30.09.2016.
3. Сочинение музыки [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.lexamusic.com/music/music1.htm>. — Дата доступа: 30.09.2016.

ФИТОНИМЫ В АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ

Введение. Фразеология является особым разделом лингвистики, ведь в ней находят отражение представления об особенностях языка народа, а также о его культурной стороне, включающей убеждения и верования, ценности и традиции, многолетнюю историю.

Фразеологические единицы с компонентом фитонимом занимают значительное место в любом языке, поскольку они отражают культуру и историю жизни страны и народа-носителя того или иного языка. Фразеологизмы, в состав которых входят названия различных растений, также тесно связаны с особенностями культуры общности людей, в языке которой они образовались, и с отличительными чертами реальности, окружающей представителей данной общности. Изучение английских фразеологизмов этого класса является для английского языка актуальным, так как оно вносит определенный вклад в разработку проблем антропоцентрической фразеологии, в изучение вопросов специфики отражения человека в языке, а также позволяет глубже проникнуть в природу фразеологизмов с фитонимами и определить их место во фразеологическом корпусе языка.

Основная часть. Фразеологизмы представляют собой компоненты, служащие для своеобразного обрамления языка, делающие его звучание более интересным и красивым, разнообразным и полным, иными словами, компоненты, обогащающие язык и ослабляющие противоречия между мышлением человека и ограниченным набором лексических ресурсов языка. Нами были изучены труды ряда ученых, в частности Ш. Балли, Е. Д. Поливанова, В. В. Виноградова, Н. М. Шанского, А. В. Кунина, А. И. Смирницкого, посвященные методам и подходам к изучению фразеологических единиц.

Из множества классификаций фразеологизмов, предложенных различными учеными, самой распространенной является система, разработанная В. В. Виноградовым, так как она учитывает наиболее существенные различия между устойчивыми выражениями, может быть применена для анализа фразеологических единиц английского языка и отличается относительной простотой.

Согласно данной классификации, существует три типа устойчивых выражений: фразеологические сращения, единства и сочетания.

Фразеологические сращения, или идиомы, есть устойчивые сочетания слов, выступающие в качестве эквивалентов слов, не мотивированные внутренней формой; например, *“to come a cropper”* [1, с. 144]; фразеологические единства являются устойчивыми сочетаниями слов, возникающими из слияния значений лексических компонентов, внутренняя форма их мотивированна; например, *“to lose one’s heart to smb”*. [1, с. 150]; фразеологические сочетания есть выражения, в которых одно из слов употреблено в прямом значении, а второе — во фразеологически связанном; например, *“to be a good hand at something”* [1, с. 157].

Фитонимы — семантическая общность наименований деревьев, трав, кустарников, цветов, ягод, овощных и иных культур [2, с. 23]. Методом сплошной выборки из словаря В. К. Мюллера нами был произведен отбор фитонимов в английском языке. Всего было отобрано 170 единиц. Для удобства их рассмотрения мы осуществили классификацию фитонимов по их отнесенности к определенному классу: отдельные виды растений, родовые растения, плоды и ягоды, части растений, сборная растительность.

Следующим этапом данного исследования стал отбор английских фразеологизмов, содержащих компонент, выраженный одним из фитонимов, вошедших в вышеуказанную классификацию. Методом сплошной выборки из таких словарей, как *“Oxford Dictionary of Idioms”* и *“Cambridge International Dictionary of Idioms”* нами было отобрано 400 фразеологизмов.

На основании анализа частотности употребления фитонимов во фразеологизмах мы сделали следующие выводы:

1) наиболее высокой активностью в английском языке характеризуются такие компоненты-фитонимы, как *apple, bean, berry, bush, corn, flower, garden, grass, nut, root, rose, straw, tree, wood, hay, oak, root* (247 фразеологизмов);

2) средней активностью в английском языке отличаются компоненты: *fruit, seed, banana, bloom, grain, leaf, lily, nettle, plum, potato, thorn, daisy, leaf* (84 фразеологизма);

3) низкой активностью в английском языке характеризуются такие фитонимы, как *plum, palm, barley, grist, laurel, wheat* (69 фразеологизмов).

Наиболее частыми в составе фразеологизмов с компонентом фитонимом является компонент *“tree”*, при помощи которого образовано 35 фразеологических единиц. Высокая частота использования образа дерева во фразеологии обусловлена его значимостью для мировой культуры. В мифологии многих культур, в том числе культуре английского языка, дерево выступает в качестве звена, соединяющего землю и небо, является символом жизни и познания: *the tree of life, the tree of knowledge, family*

(genealogical) tree. Характерным символом для английских фразеологических единиц с компонентом фитонимом является дерево как олицетворение высокого общественного положения, материального благополучия: *the top of the tree; the whole tree or not a cherry on it*. Также проводится соотношение «дерево—человек»: *you cannot judge a tree by its bark; as the tree is bent, so the tree is inclined; as the tree, so the fruit; bark up the wrong tree*. В составе фразеологических единиц английского языка дерево может выступать символом силы, могущества, например: *to pull up trees; the tree doesn't fall at one stroke; flourish like the green bay tree*.

Наиболее частым «растительным» компонентом, обозначающим цветок, в составе английских фразеологических единиц является фитоним “rose”, который участвует в образовании 29 единиц. Роза занимает особое место в культурной традиции английского языкового сообщества. В толковом словаре английского языка “Longman Dictionary of Language and Culture” указывается, что роза воспринимается британцами как типично английский цветок. Многие традиции и обычаи находят отражение во фразеологических единицах английского языка, так как Англия долгое время находилась под влиянием Римской империи. В Древнем Риме роза считалась символом роскоши и беззаботной жизни. Жители города Сибарис спали на постелях, усыпанных розами. Этот факт находит отражение в следующих фразеологических единицах: *path strewn with roses; life is not a bed of roses; gather life's roses; not all roses*. Характерным для фразеологии английского языка является представление о розе как о символе женской красоты: *a rose between two thorns; milk and roses; with roses in one's cheeks; as fair as a rose; rose-bud lips*.

Другим частым названием цветка в английском языке является “lily”. Вместе с традиционной символикой чистоты и невинности (*as pure as a lily*) лилия может приобретать отрицательный смысл: в составе фразеологической единицы “lily-liver” лилия символизирует трусость. В данном случае белый цвет является символом подавленности и отсутствия смелости. В английском языке лилия может также символизировать женскую красоту: *as fair as a lily*.

Наиболее высокой частотой среди «растительных» компонентов, обозначающих сборные названия, характеризуется фитоним “wood” (17 единиц). Лес всегда представлял определенную опасность для человека, что находит отражение в следующих фразеологических единицах: *don't halloo till you are out of the wood; out of the wood; to get out of the wood*.

Заключение. Символика фитонимов приобретает национально-специфические черты, возникновение которых обусловлено, с одной стороны, особенностями образно-ассоциативного мышления представителей английского языкового сообщества, а с другой — своеобразием его духовной и материальной культуры. Также можно заключить, что чаще всего в идиомах в качестве компонента встречаются фитонимы *apple, bean, berry, bush, corn, flower, garden, grass, nut, root, rose, straw, tree, wood, hay, oak, root*, что может быть обусловлено популярностью данных растений в растительном мире стран — носителей английского языка.

Список цитируемых источников

1. Виноградов, В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке / В. В. Виноградов. — М.: Наука, 1977. — С. 140–161.
2. Крепкогорская, Е. В. Национальные особенности фразеологических единиц с компонентом фитонимом в английском и русском языках [Электронный ресурс] / Е. В. Крепкогорская // Гуманитарные научные исследования. — 2013. — № 3. — Режим доступа: <http://human.snauka.ru/2013/03/2573>. — Дата доступа: 19.11.2016.

УДК 800

Ю. В. Карпекина, А. А. Савко

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

О ЯЗЫКОВОМ ВЫРАЖЕНИИ РЕЧЕВОЙ ТАКТИКИ «УГРОЗА» В АМЕРИКАНСКОМ ОБЩЕНИИ: СИНТАКСИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ

Введение. Одним из главных социообразующих средств коммуникации является человеческая речь. Процесс общения — интеракция, осуществляемая посредством единичных коммуникативных действий, совершаемых участниками коммуникации в определенных обстоятельствах и по определенному поводу.

Актуальность данной работы обусловлена необходимостью изучения языковой коммуникации в целом и способов воздействия на человека с помощью слова в частности, а также потребностью в изучении такой тактики речевого взаимодействия, как «угроза» на синтаксическом уровне.

Цель работы — изучить речевую тактику «угроза» и выявить языковые особенности ее выражения на синтаксическом уровне в американском общении.

Основная часть. Угроза — запугивание, обещание причинить кому-нибудь вред, зло; возможная опасность [1]. Речевая тактика «угроза» является по своему характеру сложным действием, между частями которого существуют отношения прагматической связанности. Основной характеристикой, отличающей речевую тактику угрозы от других тактик, является конфликтность адресата и адресанта в оценке исходной ситуации. Выбор способа выражения угрозы прагматически мотивирован, поскольку соответствующее высказывание строится в зависимости от сложившихся на момент общения условий и ситуативного окружения коммуникантов. Прагмакоммуникативные свойства речевой тактики «угроза» определяются следующим образом:

- 1) заинтересованность адресанта в совершении действия адресатом;
- 2) бенефактивность для обоих коммуникантов, которая для адресата заключается в возможности избежать опасности, т. е. ответного действия — наказания со стороны адресанта, а для адресанта состоит в том, что выполняется именно каузируемое действие;
- 3) облигаторность выполнения действия либо адресатом, либо адресантом.

Значение угрозы передается сложной двухкомпонентной структурой: ядерным директивным и вспомогательным комиссивным компонентами. Из этого следует, что речевая тактика «угроза» — особый вид директива, основанный на пресуппозиции нежелания адресата выполнить каузируемое действие [1].

Таким образом, тактика угрозы используется в интересах автора и обычно предполагает предупреждение о наказании за невыполнение предписываемого действия. Как правило, ожидается, что угроза вызовет у слушающего чувство страха и убедит его в необходимости произвести то или иное действие [2].

Методом сплошной выборки, как нельзя лучше отражающей частность, мы проанализировали 20 фильмов, вышедших в интервале с 2004 по 2015 год.

Изучив характер использованной в американском общении речевой тактики «угроза» на основе фильмов, мы пришли к выводу, что на синтаксическом уровне речевая тактика «угроза» выражается:

1) **восклицательными предложениями** — главная героиня недовольна работой своей охраны и требует найти других телохранителей. Например: *Get me more security when I come back out here or you're both dead!* [Spy, Paul Feig];

2) **предложениями с союзом *if*** — воспитатель колонии для трудных подростков угрожает одному из заключенных после того, как последний спровоцировал драку. Например: *If you don't do that, if you don't find an alternative, you're gonna die* [Gridiron Gang, Phil Joanou];

3) **специальными вопросами** — преступник угрожает главному герою, что убьет его мать, если тот не бросит оружие. Например: *I got an idea. How about I bring her out here, shoot her right in her fucking face in front of you?* [Walking Tall: The Payback, Tripp Reed];

4) **повторами** — главный герой угрожает преступнику, который похитил его дочь. Например: *I'll kill you. If you hurt her, I'll kill you* [The November Man, Roger Donaldson];

5) **императивами с отрицанием** — парень из одной уличной банды угрожает участнику другой банды. Например: *Don't let me catch you in the street* [Gridiron Gang, Phil Joanou];

6) **предложением с соединительным союзом *or*** — агент ФБР угрожает владельцу атомной бомбы, направляя на него оружие. Например: *Tell me where the bomb is? 10 seconds or you're dead* [Spy, Paul Feig];

7) **модальной конструкцией *had better*** (в разговорном английском часто произносится как *better*) — преступник угрожает двум полицейским, что убьет заложницу, если те не привезут ему флеш-карту. Например: *You know, you two putos want her to keep this pretty face you better bring my fucking flash drive* [Cop Out, Kevin Smith];

8) **бессоюзными условными предложениями** — тренер баскетбольной команды недоволен игрой одного из баскетболистов. Например: *You do that again and you're going to be glued to the bench* [Coach Carter, Thomas Carter];

9) **повелительным наклонением** — главный герой врывается в комнату и угрожает девушке пистолетом. Например: *Get in the corner* [The November Man, Roger Donaldson].

Заключение. Синтаксический уровень выражения речевой тактики «угроза» позволяет констатировать факт, что для выражения данной речевой тактики синтаксических средств используется значительно больше, чем лексических. Речевая тактика «угроза» на синтаксическом уровне выражается посредством повторов, модальной конструкции *had better*, повелительного наклонения, бессоюзных условных предложений, императивов с отрицанием, специальных вопросов, предложений с союзами *if* и *or* и восклицательных предложений. Таким образом, в американском общении существуют различные способы выражения речевой тактики «угроза». Мы выяснили, что речевая тактика «угроза» может выражаться не только вербально, но и невербально. Активно используются жесты и мимика.

Список цитируемых источников

1. Карчевски, Р. И. Прагмакоммуникативные характеристики языковых средств выражения угрозы в английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Р. И. Карчевски ; Мин. гос. лингв. ун-т. — Минск, 2005. — 13 с.
2. Коркина, И. В. Угроза как тактика стратегии убеждения в англоязычном диалогическом дискурсе / И. В. Коркина. — Тамбов : Грамота, 2011. — 100 с.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА С КОМПОНЕНТОМ, ВЫРАЖЕННЫМ ЧИСЛИТЕЛЬНЫМ

Введение. Фразеология является обширной областью лингвистики, поскольку фразеологизмы составляют важный пласт любого языка. Данная работа посвящена исследованию роли, особенностей и функций фразеологических единиц английского языка с компонентом числительным.

Актуальность данной работы обусловлена особенностями функционирования и употребления имен числительных в английских устойчивых словосочетаниях. Важную проблему представляет и тот факт, что числительные могут являться носителями определённого символического или культурологического смысла, что объясняет частотность их употребления во фразеологических единицах, а также роль тех или иных фразеологических единиц в национальной языковой картине.

Материалом для нашего исследования послужили английские фразеологические единицы с числовыми компонентами, извлеченные из различных фразеологических словарей. Анализу были подвергнуты 312 английских фразеологических единиц с компонентами, выраженными числительными, что обеспечило возможность в достаточно полном объеме проанализировать значения и символический смысл числовых компонентов в их составе.

Целью данного исследования является выявление особенностей, определение роли и места фразеологических единиц с компонентом числительным в системе фразеологических единиц английского языка.

Для решения обозначенной цели использовались следующие методы исследования: анализ литературы по теме исследования, метод сплошной выборки, метод классификации и элементы метода статистического анализа.

Основная часть. Одним из способов проявления категории количества в языке является число — понятие, служащее выражением количества; то, при помощи чего производится счет предметов и явлений. Категория количества, выражающая внешнее, формальное взаимоотношение предметов или их частей, а также свойств, связей (их величину, число и т. п.), получает наиболее конкретное выражение в числительных, которые наблюдаются в составе фразеологизмов в разных языках. Имя числительное как особый словесный знак является важнейшей единицей коммуникации, играющей чрезвычайно важную роль в жизни общества.

Отношение к цифрам в разных культурах находит отражение в языках данных культур. Английская культура — не исключение. Мы проследили этот процесс на примерах фразеологических единиц.

Методом сплошной выборки нами было отобрано 312 фразеологических единиц с компонентом числительным из следующих словарей: «Русско-английский фразеологический словарь» (Д. И. Квеселевич), «Большой англо-русский фразеологический словарь» (А. В. Кунин), «Англо-русский фразеологический словарь» (А. В. Кунин), «Англо-русский, русско-английский словарь фразеологизмов» (Т. В. Пархамович), «Русско-английский словарь пословиц и поговорок» (А. Маргулис, А. Холодная), «Англо-русский словарь идиом и фразовых глаголов» (Л. Ф. Шитова, Т. Л. Брускина), «Словарь цифровых идиом» (Л. Ф. Шитова). При этом рассматривались фразеологизмы с количественными, порядковыми и собирательными числительными.

Учитывая отношение англичан к числам, отобранный материал позволил нам распределить все примеры фразеологических единиц на следующие группы: фразеологические единицы, отражающие положительное значение; фразеологические единицы, отражающие отрицательное значение; фразеологические единицы, отражающие нейтральное значение.

В результате изучения фразеологических единиц с числовыми компонентами и их основных значений (положительное, отрицательное либо нейтральное), нами был сделан вывод о том, что фразеологические единицы с компонентами *seven/seventh* — «семь/седьмой», *nine/ninth* — «девять/девятый», *twelve/twelfth* — «двенадцать/двенадцатый» чаще всего имеют положительное значение (*in the seventh heaven* — «на седьмом небе от счастья»; *neat/nice as ninepence* — «чистенький, аккуратный; все блесит; с иголочки»; *strike twelve all at the first time* — «сразу обнаружить свои способности; раскрыть тайну немедленно»); фразеологические единицы с компонентами *two/second* — «два/второй», *three/third* — «три/третий», *five/fifth* — «пять/пятый», *six/sixth* — «шесть/шестой», *eight/eighth* — «восемь/восьмой», *thirteen/thirteenth* — «тринадцать/тринадцатый», *zero* — «нуль» отражают чаще всего отрицательное значение (*come off second-best* — «потерпеть поражение, неудачу»; *as fake/phony/queer as a three-dollar bill* — «фальшивый, ненастоящий, неискренний»; *be not worth sixpence* — «гроша ломаного не стоит»; *thirteen at table* — «тринадцать человек за столом — плохая примета»); фразеологические единицы с компонентами *one/first* — «один/первый», *four/fourth* — «четыре/четвёртый», *ten/tenth* — «десять/десятый», *eleven/eleventh* — «одиннадцать/одиннадцатый»,

hundred/hundredth — «сто/сотый», thousand/thousandth — «тысяча/тысячный» несут чаще всего нейтральное значение (*rolled into one* — «совмещённый, комбинированный; единый в двух лицах»; *on all fours* — «на четвереньках; точно совпадающий, аналогичный»; *take ten* — «передохнуть, сделать передышку в работе, устроить перекур»; *at the eleventh hour* — «в последнюю минуту; в самый последний момент»).

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод о том, что символика и значение числа не всегда влияют на значение фразеологизма. Например, в случае с числами 7 и 13 значение чисел влияет на значение фразеологизмов, так как число 7 в Англии считается счастливым и фразеологических единиц с числовым компонентом 7, имеющих положительное значение, больше, чем имеющих отрицательное и нейтральное значение. Число 13 в Англии считается несчастливым, и его стараются избегать, поэтому фразеологических единиц с данным числовым компонентом очень мало, все они имеют отрицательное значение. Но в случае с числами 3 и 5, которые в английской культуре также считаются удачными и счастливыми, мы можем сделать вывод о том, что значение чисел не влияет на значение фразеологизмов, так как фразеологизмов, отражающих отрицательное значение с данными числовыми компонентами, больше, чем фразеологизмов, отражающих положительное значение.

Также по результатам проведённой работы можно сделать вывод, что фразеологических единиц, имеющих отрицательное и нейтральное значение, больше, чем фразеологических единиц с положительным значением.

По результатам исследования была проведена параллель между фразеологизмами и их контекстом, после чего можно сделать вывод о том, что фразеологические единицы обретают своё положительное, отрицательное либо нейтральное значение в контексте.

На основании анализа частотности употребления фразеологизмов с числовым компонентом мы сделали вывод, что устойчивые словосочетания с компонентами числительными *one/first* — «один/первый» и *two/second* — «два/второй» употребляются чаще всего, по объёму их больше, чем фразеологизмов с другими компонентами числительными (37 и 24% соответственно).

Заключение. Осуществив отбор фразеологических единиц с компонентом-числительным из печатных и электронных словарей, мы предложили их классификацию с учётом отношения англичан к числам.

УДК 811.111

И. М. Климович

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

ОСОБЕННОСТИ СОЗДАНИЯ ОБСТАНОВКИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ В КОРОТКИХ РАССКАЗАХ РЭЯ БРЭДБЕРИ

Введение. Обстановка в художественном произведении играет важную роль для развития событий произведения. События сюжета, как правило, локализованы, т. е. они происходят в определенном месте и в определенное время. Место и время действия рассказа формируют обстановку произведения. Для обстановки писатель выбирает соответствующие детали, которые позволили бы предположить всю сцену. В некоторых историях обстановка едва заметна, а в других она играет очень важную роль.

Актуальность данной работы обусловлена необходимостью выявления особенностей обстановки в художественных произведениях. Поэтому особый научный интерес представляет изучение таких концептов, как художественное время и пространство. Эти понятия являются важнейшими характеристиками литературного произведения, так как организуют его композицию и обеспечивают восприятие произведения как целостной и самобытной художественной действительности.

Основная часть. Изучением концепта обстановки художественного произведения занимались многие ученые: М. М. Бахтин, Л. В. Борисова, Т. Г. Васильева и др. Так, Т. Г. Васильева дает следующее определение художественной обстановке: обстановка художественного произведения — это место и время действия произведения, благодаря которым читатель может извлечь для себя больше интересной информации [1, с. 21]. Следует учитывать, что информация об обстановке может изменяться по ходу движения персонажа по сюжету.

Создание художественной обстановки в вымышленном мире художественного произведения имеет большое значение, так как влияет на сюжет и персонажей произведения. Она может выполнять одну либо несколько функций одновременно. Следует также отметить, что герои произведения, действия, конфликты и сама обстановка работают вместе для достижения определенной цели, которую ставит перед собой автор.

Цель данной работы — выявление особенностей создания обстановки художественного произведения в коротких рассказах Рэя Брэдбери. В процессе исследования использовались такие методы, как анализ научной, учебной и художественной литературы по проблеме исследования, дистрибутивный анализ, контекстуальный анализ, структурно-смысловой анализ материала. Материалом исследования послужил сборник коротких рассказов Рэя Брэдбери «В мгновение ока», проанализирован 21 короткий рассказ [2].

Анализ научной литературы позволил рассмотреть несколько точек зрения на проблему концепта обстановки в художественном произведении. Каждый писатель осмысляет время и пространство по-своему, наделяя их собственными характеристиками, отражающими мировоззрение автора. Связь содержания высказывания с пространством и временем задана уже самой языковой категорией предикативности, которая является основной характеристикой предложения как коммуникативной языковой единицы. Так как сами явления окружающего мира существуют во времени и пространстве, языковая форма их выражения не может не отражать этого их фундаментального свойства.

Для детального рассмотрения особенностей и функций обстановки в коротких рассказах Рэя Брэдбери нами был выбран сборник рассказов «В мгновение ока», который был издан в 1996 году. Несмотря на разнообразие рассказов и самостоятельность каждой из частей, сам сборник представляет собой особый художественный мир, который иллюстрирует нам под разным углом основные точки зрения писателя-гуманиста.

Начав книгу с рассказа о сумасшедшем докторе («Доктор с подводной лодки»), писатель помещает в конец сборника описание простой, невзрачной природы родной страны, уюта маленьких поселений, о которых забыли в погоне за внешне благополучной городской жизнью («Другая дорога»). В этом финальном рассказе автор снова и снова возвращается к своей ключевой идее, которая пронизывает все остальные части этой книги: человеку ни в коем случае нельзя забывать свое прошлое, разрывать тесную связь с природой, иначе он сойдет с ума.

При анализе произведений удалось выяснить, что обстановка в рассказах может выполнять различные функции: она может перенести читателя из повседневной жизни в кошмар или мечту, из настоящего в прошлое. Часто обстановка может выполнять сразу несколько функций: она может одновременно служить и средством создания атмосферы в рассказе (приятной, напряженной, таинственной), и средством создания реалистичной среды для читателя, а также обладать определенной символичностью. В рассказах «Доктор с подводной лодки», «Помнишь Сашу?», «Прыг-скок» обстановка выполняет сразу три функции: создает определенную атмосферу, реалистичную среду для читателя, а также отражает внутреннее состояние героев данных рассказов. В рассказах «Другая дорога» и «Убить полюбовно» обстановка служит только средством создания атмосферы произведения и отражает внутреннее состояние героев.

Однако некоторые функции художественной обстановки в рассказах могут отсутствовать либо быть слабо выраженными. В двух рассказах из 21 отсутствует такая функция, как создание реалистичной среды («Опять влипли!» и «Убить полюбовно»). В 17 рассказах обстановка выполняет функцию отражения внутреннего состояния персонажа («В мгновение ока», «Ведьмин закут»). Если говорить о символичности, то только семь рассказов данного сборника обладают определенной символичностью («Последние почести», «Земля на вывоз»).

Заключение. Понятия «художественное время», «художественное пространство», «обстановка художественного произведения» образуют единство и являются неотъемлемыми сюжетобразующими частями художественного произведения.

Было установлено, что художественная обстановка сборника рассказов Рэя Брэдбери «В мгновение ока» является весьма сложноструктурированным объектом. Она может переносить читателя в различные регистры повествования — из настоящего в прошлое, в будущее; из обыденной повседневной жизни в мир волшебства. Данное свойство обстановки является отражением философских и художественных взглядов автора на различные вопросы и проблемы философского характера. Автор использует различные пространственные образы, что помогает отразить эстетику писателя.

Список цитируемых источников

1. Васильева, Т. Г. Интерпретация художественных произведений малой формы : учеб. пособие / Т. Г. Васильева — Минск : Лексис, 2003. — 228 с.
2. Брэдбери, Р. В мгновение ока : Рассказы / Р. Брэдбери. — СПб. : Домино, 2004. — 304 с.

КОГНИТИВНАЯ МЕТАФОРА «ВРЕМЯ—ОБЪЕКТ» В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Введение. Во всех известных культурах земной цивилизации время признается **фундаментальной** составляющей бытия и потому проходит сквозь призму человеческого осмысления, т. е. выступает объектом когниции.

Особый интерес для различных областей знания представляют особенности организации темпорального сознания человека в рамках определенной культуры и механизмы создания соответствующих ментальных пространств. Многие ученые признают метафорический характер времени и рассматривают данный феномен в форме концептуальных метафор: «время—объект», «время—ресурс», «время—деньги», «время—хранилище» и т. п. [1].

В свете рассматриваемой теории феномен времени в англоязычном пространстве некоторые ученые описывают в виде ряда метафорических блоков, одним из которых является блок «время—объект», изучаемый нами в рамках более глобальной исследовательской темы, посвященной метафорическому характеру домена «время».

Основная часть. В ходе проведения исследования методом сплошной выборки из лексикографических источников и научных статей были выделены устойчивые словосочетания и выражения, которые могут быть отнесены к метафорическому блоку «время—объект» (time is an object / substance). Объединяет все единицы данного блока внутренняя структура: время — «нечто, самостоятельно существующее во внешнем мире и поддающееся наблюдению»: *time warp; time rift; to observe time; a period of time lies; in the mists of time; Time is the soul of business; to be halted in time; The time is ripe (for smth); Night had fallen; Dawn broke.*

В рамках выделенной метафоры время приобретает типичные характеристики объекта/субстанции:

– размеры и количество. Например: *the length of time; to measure time; time limit; plenty / a great deal of; a lot of time; ample time; enough time; sufficient time; considerable time; scant time; time hangs heavily (on smb's hands);*

– способность менять размеры. Например: *declining years; time shrinks; time distorted; Time is growing short; Time is a file that wears and makes no noise.* Интересно, что количество времени может выражаться в языке через горизонтальные размеры, но не через вертикальные ассоциации: *Time is growing short for a long time.* — Времени всё меньше. (Но не “Time is growing low”);

– подверженность воздействию извне. Например: *to do smth with one's time; to turn time back; to absorb time; since time immemorial; recorded time; to make good time.* Иногда это внешнее влияние имеет целью подчинить силу времени человеку: *to master time; to make / let me do smth.* Е. г.: If only I could **make time pass more quickly**, the way the wind moves clouds at its whim, so Aaron could be here already;

– познаваемость и выделяемость на фоне подобного. Например: *a scheme of time; to assign time; at a set / appointed / specified time.*

В англоязычной лингвокультуре, как и в других, время также наделяется способностью к движению: *Time comes / approaches / arrives / passes / marches on / goes on / starts; The day is drawing on / in; upcoming events; ahead of / behind time; abreast of / behind the times; stop the time.*

В этом случае рассматриваемая когнитивная метафора приобретает более сложный характер. Ее можно трактовать в рамках темпоральной модели «движущийся объект (время)». К концептам-участникам, по мнению М. Н. Конновой, к данной модели можно отнести пространство, в котором происходит движение, и наблюдателя, отмечающего это движение. Причем субъект-наблюдатель может быть активным или пассивным [2, с. 19].

Большинство вышеприведённых примеров подразумевает присутствие со стороны наблюдателя только восприятия. Эмоциональные переживания способны влиять на перцепцию времени: в центре внимания оказывается не просто сам факт движения, а его скорость. Так, ощущение ускоренности времени вербализуется чаще всего с помощью **глаголов быстрого перемещения**: *Time whizzes / zooms / speeds (by) / runs out / slips by; Time do essail!; Time flies (when you are having fun) / Howtimeflies!;* а также через **глаголы изменения состояния**: *Time disappears / vanishes.* Затяжная длительность имеет такие языковые проявления: *Time drags / stands still / freezes / creeps along / slows.*

В свою очередь активность субъекта-наблюдателя по отношению к движущемуся времени выражается в одновременном соревновательном перемещении самого наблюдателя в пространстве: *to (not) move / go / keep up / change with the times; with time; to be out of step with the times; a race against time.* Как показывает анализ материала, скорость при этом не имеет значения; важно положение времени и субъекта относительно друг друга.

В ходе изучения когнитивной метафоры «время—объект» нами были отмечены некоторые её особенности в англоязычном сознании: обладая контурами и мобильностью, время, однако, не имеет таких характерных атрибутов объекта, как чёткая форма или функция.

Заключение. Несмотря на тот факт, что времени, собственно, не присущи четкая форма и функции, оно способно выступать в качестве предмета практической или теоретической деятельности человека. Это свойство можно трактовать как одно из крайних проявлений антропоцентричности представлений о времени в концептосфере многих культур: время можно не только брать, давать, иметь, использовать, терять, находить, делить и убивать.

В результате проведённого анализа можно согласиться с существующим мнением о том, что когнитивная метафора «время—объект» не является культурно-специфичной, а выступает скорее как универсальная закономерность темпоральной концептуализации.

Список цитируемых источников

1. Ахмерова, Л. Р. О некоторых особенностях восприятия времени / Л. Р. Ахмерова // Традиции и современность : тр. и материалы II Междунар. Бодуэн. Чтения : Казан. лингв. шк. (Казань, 11—13 дек. 2003 г.). — Казань : Изд-во КГУ, 2003. — Т. 1. — С. 116—118.
2. Коннова, М. Н. Концептуальные метафоры времени в современном английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / М. Н. Коннова. — М., 2007. — 25 с.

УДК 81-26

М. Ю. Колечёнок

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОЦИЙ В АМЕРИКАНСКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

Введение. На современном этапе развития общества, вероятно, нет необходимости в поиске доказательств и аргументов, подтверждающих мысль, что без общения с себе подобными человек не может стать нормальным существом. Длительная изоляция человека от других людей ведет к его психической и культурной деградации. Становясь участниками любого вида межкультурных контактов, люди взаимодействуют с представителями других культур, включаясь в процесс межкультурной коммуникации. Данное исследование имеет ярко выраженную антропоцентричность, так как акцентирует внимание на роли человека, его сознания и мировидения в организации и использовании языка как средства сохранения и передачи знаний. Также исследование направлено на изучение человека в его многообразии взаимоотношений с окружающим миром, уделяя значительное внимание его эмоциональной сфере. Поскольку любое взаимоотношение людей всегда сопровождается их эмоциональными модальностями, знание особых культурных речевых норм не может не влиять на эффективность общения. В межкультурной коммуникации чрезвычайно важно иметь четкое представление о проявлениях эмоций как в своей культуре, так и в иноязычной, дабы не столкнуться с непониманием. Между эмоциями и общением существует тесная взаимосвязь, без которой невозможен коммуникативный акт. Поэтому актуальность данного исследования заключается в психологическом, лингвистическом и культурно-специфическом изучении способов выражения «эмоционального» и «рационального».

Мы занимались выявлением языковых средств, используемых для описания эмоций, на материале художественных произведений американских писателей. Объектом нашего исследования выступают способы выражения эмоций в американском художественном дискурсе. Предметом исследования являются языковые средства выражения эмоций в американском художественном дискурсе. В основу исследования положена следующая гипотеза: эмоции являются категорией, имеющей характерные признаки употребления в дискурсе, с преобладающими языковыми средствами выражения, закрепленными в лексике эмоций. Основная цель — исследования различных языковых средств выражения и описания эмоций. Материалом исследования послужили языковые средства выражения эмоций из прямой речи персонажей, выделенные в художественных произведениях современной англоязычной литературы методом сплошной выборки.

Основная часть. Об эмоциональном состоянии человека можно судить по его речи, которая является мощным индикатором его состояния. Несомненно, что возможности фиксации эмоционально-чувственных переживаний средствами языка чрезвычайно велики, а умение понять эмоции собеседника — идеальный путь к установлению контакта [5].

Эмоции неразрывно связаны с процессом общения. Среди теоретиков, посвятивших свои труды изучению эмоций с точки зрения психолингвистики, важно отметить У. Джеймса, Ф. Крюгера,

С. Л. Рубинштейна, Н. Я. Грота, также эмоции с точки зрения прагматики изучались Э. С. Азнауровой, Н. Д. Арутюновой, В. Г. Гак, Е. В. Падучевой, Т. Ван Дэйк, Г. П. Грайс, Ч. Моррис. Прагматический подход в описании лингвистических средств передачи эмоций демонстрирует, как повествователь отбирает и организует языковые средства таким образом, чтобы они не только передавали смысл, но и, что более важно, вызвали у собеседника или читателя реакцию [5].

В ходе исследования были выделены 72 примера наиболее часто встречающихся способов выражения эмоциональных настроений.

Говоря о роли просодических средств в эмоциональной речи, следует отметить, что интонационное оформление какого-либо высказывания является наилучшим способом выразить любые душевные состояния. Иногда просодия может быть только единственным средством, достаточным для того, чтобы нейтральное высказывание стало эмоциональным.

“Everybody thinks so — the most advanced people. And I *know*” [1, с. 18]. В приведенном примере глагол “know” выделен курсивом с определенной целью. На письме курсив и прочие способы изменения шрифта — один из типичных способов передачи эмоциональных состояний. Интонация, выделение слова “know” говорит об уверенности говорящего в своей правоте, указывает на его завышенную самооценку и желание продемонстрировать свою осведомленность и превосходство над другими, читатель с легкостью может почувствовать презрение говорящего по отношению к другому лицу.

Кроме того, в письменной речи выделяют только два вида просодических средств — осклицательную интонацию и парцелляцию, так как письменной форме только эти средства представлены специальными знаками препинания (тире, восклицательный знак).

“Please! I’ll do anything. Anything you like!” [3, с. 306]. “Speak for yourself!” [1, с. 108]. В приведенных примерах восклицательный знак информирует читателя о том, что автор переживает сильные эмоции, в первом случае — переживание, доведенное до отчаяния, а во втором примере автор как бы предупреждает, что его, возможно, обидели; звучит предостережение.

Парцелляция как средство демонстрации эмоций встречается значительно реже, чем восклицательная интонация.

“Knock, knock. Louder” [4, с. 132]. Герой напряжен, чувствуется его волнение, и пауза между предложениями усиливает напряжение среди участников процесса коммуникации.

Говоря о морфологических средствах выражения эмоциональности в речи, в первую очередь следует назвать суффиксы, придающие положительную или отрицательную окраску слову.

Так, аффиксы *-ie*, *-let* (*girlie*, *birdie*, *kingle*) передают положительную эмоциональную окраску, а суффиксы *-y*, *-ish* + именная основа образует прилагательные с отрицательной, а иногда и презрительной коннотацией: *bookish*, *doggish*.

“The whole thing sounds a little fishy, doesn’t it?” [3, с. 181]. В представленном примере *fishy* означает сомнительный, подозрительный, не внушающий доверия. Суффикс *-y* придает слову отрицательную коннотацию.

Лексический уровень по праву является наиболее богатым в средствах выражения эмоциональности. Практически каждый день образуются новые слова, неологизмы, имеющие яркую экспрессивную окраску, поэтому исследования в сфере лексических способов выражения не могут не быть актуальными. К лексическим способам передачи эмоций некоторые авторы относят тропы, междометия и слова, имеющие оценочный компонент в своей структуре.

Большая часть работы отведена грамматическим средствам выражения эмоции. К ним относятся: использование несоответствующего времени, использование времен группы Continuous, степеней сравнения, эмфатическое *do* и *oneself*, инверсия.

“Tom’s getting very profound”, said Daisy, with an expression of unthoughtful sadness” [1, с. 13]. Использование длительного вида выражает раздражение и недовольство говорящего.

Кроме того, к наиболее распространённым способам передачи сожаления относится конструкция “I wish ... smb would...”, которая используется для выражения неудовлетворения ситуацией, говорящий как бы критикует происходящее, высказывает своё недовольство.

“I do wish”, she cried, “Uncle Timothy wouldn’t talk about what doesn’t concern him!” [2, с. 109]. Конструкция “I wish somebody would” выражает в данном случае отчаяние, острое желание говорящего по поводу случившегося события. Эмоциональное состояние усилено эмфатическим употреблением *do*.

Вопросительные конструкции могут быть представлены примером: “You make me feel uncivilized, Daisy. Can’t you talk about crops or something?” [1, с. 13]. В прагматическом плане вопросы с отрицанием демонстрируют выражение удивления или раздраженности, которые в русском языке передаются дополнительными лексическими средствами (разве, неужели, как).

Заключение. Методом сплошной выборки из произведений английской и американской литературы было выделено 72 примера способов выражения как положительных, так и отрицательных эмоций. Методом статистического анализа выделены наиболее частые в употреблении средства передачи эмоций на всех уровнях языка. Частотность способов выражения эмоций на разных уровнях языка различна: грамматические средства (49%), просодические средства (28%), лексические средства (19%).

Список цитируемых источников

1. *Fitzgerald, F. S. The Great Gatsby* / F. S. Fitzgerald. — Harmondsworth : Penguin Books Ltd., 2012. — 184 p.
2. *Galsworthy, J. The Forsyte Saga. The man of property* / J. Galsworthy. — Moscow : Progress Publishers, 1974. — 383 p.
3. *Sheldon, S. Rage of angels* / S. Sheldon. — New York : Grand Central Publishing, 2005. — 504 p.
4. *Sparks, N. The Notebook* / N. Sparks. — New York : Vision Hachette Book Group, 2004. — 239 p.
5. Публикация научных статей [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://sci-article.ru/>. — Дата доступа: 05.10.2016.

УДК 81.371

А. С. Коренчук

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КАТЕГОРИИ ЭМОТИВНОСТИ В ПРОЩАЛЬНОМ ОБРАЩЕНИИ ПРЕЗИДЕНТА США РОНАЛЬДА РЕЙГАНА

Введение. Предметом постоянного интереса лингвистов является «человек чувствующий» [1]. Это приводит к созданию работ, в которых изучается взаимодействие эмоций и языка. В связи с этим растет интерес к изучению категории эмотивности в разных типах текста, в том числе и политического. Комплексное исследование категории эмотивности на уровне текста необходимо для решения актуальных проблем, связанных с репрезентацией эмоций в инаугурационных и прощальных обращениях американских президентов [2].

Основная часть. Достаточно интересно с точки зрения категории эмотивности прощальное обращение президента Р. Рейгана. Отличительными особенностями речи является то, что, во-первых, каждый последующий микротекст (далее — МТ) продолжает эмотивную тему предыдущего, во-вторых, в структуре речи отчетливо прослеживается чередование положительно- и отрицательно-кластерных МТ, контрастирующих друг с другом.

В приветствии интродуктивного блока содержится эмоцентрический МТ с установкой «проинформировать о своих чувствах»: *“It’s been the honor of my life to be your President. So many of you have written the past few weeks to say thanks, but I could say as much to you. Nancy and I are grateful for the opportunity you gave us to serve”*.

Этот небольшой по объему МТ поражает силой эмоций, выраженных просто: адресант использует эпитет *honor of my life* и эмотивное прилагательное *grateful*; обращает внимание то, что президент в прощальном обращении, адресованном всей нации, не просто выражает свою личную признательность, но упоминает имя своей супруги, при этом его собственное имя, заменяемое в речи личным местоимением первого лица, стоит на втором месте. Тем самым президент и его семья не отделяют себя от всего американского народа, стремясь подчеркнуть близость к нему; кроме того, подобное упоминание первым лицом государства имени супруги можно рассматривать как одну из специфических черт англоязычных, в частности, американских обращений.

Эмоцентрический МТ интродуктивного блока плавно перетекает в новый эмоцентрический МТ с установкой «излить свои чувства», эксплицируя новую эмотивную тему — тему грусти, тоски. Этот МТ демонстрирует, насколько открыто говорит президент, он буквально распахнут, изливая эмоции и эксплицитно номинируя их: *sweet sorrow* (сладкая тоска) — эмотивная тема этой части. Президент вновь обращает внимание на то, что он чувствует некоторую изолированность от окружающих его *“one of the things about the presidency is that you’re always somewhat apart”*, а это, безусловно, огорчает его. Об этом свидетельствуют описание поездки в машине и использование метафоры *“tinted glass”* — тонированное стекло, которое является лишь одним из способов обеспечения безопасности президента, однако в контексте речи тонированное стекло можно рассматривать как символ барьера между президентом и людьми. Несмотря на то, что наличие этого барьера вынужденно необходимо, президент глубоко переживает его наличие, стремясь максимально использовать свою последнюю возможность лично обратиться ко всей нации в прощальной речи.

Следующая часть речи президента — акциоцентрический эмотивный МТ с установкой «вызвать чувство» — значительно больше по объему, чем другие типы эмотивных МТ, так как в основе его лежит нарратив, некая история, для развития сюжета которой необходимо пространство. Данный МТ позволяет дальнейшее членение на составляющие его структурные части: введение, основную часть и заключение. Во введении президент подробно описывает вид из окон его апартаментов в Белом доме. Он перечисляет не только памятники архитектуры, национально значимые для каждого американца (*the Washington Monument, the Mall, the Jefferson Memorial*), но и описывает более прозаичные предметы: траву на берегах реки, людей, спешащих на работу.

Одновременно с описанием окружающих объектов президент Рейган упоминает имя одного из самых выдающихся политических лидеров Америки — президента Авраама Линкольна, тем самым подчеркивая свою преемственность, несмотря на оговорку о своем более прозаичном видении мира. Упоминание Белого дома — символа политической мощи Америки, значимых архитектурных памятников, реки Потомак, имени яркого президента XIX века, ставшего национальным героем, названия битвы гражданской войны — все это создает приподнятую торжественную атмосферу, подготавливая аудиторию к кульминационному моменту этого отрывка — описанию американской свободы.

Вторая часть данного акциоцентрического МТ тесно связана с образами лодки и бурного моря. Это скромное суденышко, переполненное беженцами (*crammed inside were refugees*) и фактически обреченное на гибель, спасается кораблем американского флота, олицетворяемого молодым, сильным, умным и бдительным американским военнослужащим (*young, smart and fiercely observant American sailor*). Первая же фраза: “*Hello, American sailor. Hello, freedom man*”, произнесенная спасенным индокитайским беженцем, потрясает молодого матроса, врзается в его память настолько, что он описывает все происшествие в своем письме самому президенту США. Здесь необходимо отметить, что эта история потрясает и президента Рейгана, так как понятие «свобода» — одно из ключевых в американской культуре.

На основании вышесказанного можно сделать вывод, что концепт «свобода» в данном случае культурно специфичен и эмотивно значим. Президент Р. Рейган использует личное местоимение *we*, говоря о том, что он стоял за свободу вместе со всеми американцами, что позволило по-новому открыть Америку не только всему остальному миру, но и дало возможность самой Америке заново постичь себя. Несмотря на то, что в данном МТ эмоции не называются, их легко реконструировать из сюжета нарратива. Этому способствует сам эмотивный фон МТ: в первой части он возвышенный, во второй — героический, в третьей — гордый.

Одной из обязательных тем прощальных обращений президентов является экономическое положение страны, стабильное или неудовлетворительное. Неудивительно, что эту тему затрагивает и президент Рейган. Эта часть речи также представляет собой большой по объему акциоцентрический эмотивный МТ с установкой «вызвать чувство».

Вначале президент подготавливает аудиторию к дальнейшему описанию событий, подробно описав свой первый большой экономический саммит. При этом президент Рейган не воспользовался специальной экономической и политической лексикой, понятной в основном лишь специалистам в этих областях. Вместо этого адресант излагает события, опираясь исключительно на нейтральную или даже разговорную лексику (*kid*). Эффект неформального общения усиливает то, как президент называет глав других государств: *all Francois this and Helmut that*. За этими неофициальными обращениями президента можно увидеть не просто стремление создать атмосферу непринужденности во время произнесения своего прощального обращения, но и увидеть его собственное позиционирование себя на мировой политической арене.

Чтобы подчеркнуть чувство уверенности в правильности выбранного курса в речи, использовано противопоставление *radical vs. right* и *dangerous vs. desperately needed*. Как известно, любое противопоставление создает чувство напряженности.

Завершая данный эмотивный МТ, президент подводит итог всему сказанному выше. Уже первое предложение этого абзаца свидетельствует о победе президента и его политического курса. На международной арене президент Р. Рейган получает имя “*The Great Communicator*”, которое сам он воспринимает как прозвище и фактически отказывается от него, замечая, что успех общения — не его личная заслуга. Секрет успеха заключен в содержании того, с чем он обращался к своей нации, а содержание возникло из сердца великой нации (*came from the heart of a great nation*), опыта, мудрости и принципов, руководивших американцами на протяжении двух столетий. Перед лексемами *experience* и *wisdom* в обоих случаях употреблено притяжательное местоимение *our*, вновь подчеркивающее, что президент воспринимает себя как неотъемлемую часть своего народа.

Завершая свое прощальное обращение, Р. Рейган прибегает к нарративу, в котором последовательно развивает тему великолетия Америки и достижений американцев. Он подводит итог проделанной работе по улучшению жизни в стране, непосредственно обращаясь к американцам: “*We’ve done our part*”, “*My friends: We did it. We weren’t just marking time. We made a difference. We made the city stronger, we made the city freer, and we left her in good hands*”. Непосредственность обращения к гражданам страны и использование обращения *my friends* сокращает дистанцию между президентом Рейганом как главой государства и американцами. В заключительном предложении этого МТ Р. Рейган в словах краткой молитвы благословляет страну и ее граждан. Таким образом, выразительно и образно раскрывая историю Америки, президенту удается вызвать у аудитории чувства национальной гордости и патриотизма.

Заключение. В прощальном обращении президента США Р. Рейгана мы сталкиваемся с большой концентрацией эмоций, которые реализуют прагматические установки: «поделиться своими чувствами» и «вызвать чувство» в рамках эмоцентрических и эмо-идеоцентрических микротекстов. Изменение же эмотивной прагматической установки с «поделиться своими чувствами» на «вызвать чувство» свидетельствует о стремлении президента более активно воздействовать на адресата.

Метафоры и эпитеты усиливают экспрессивность прощального обращения, увеличивают эмотивный потенциал текста.

Список цитируемых источников

1. Филимонова, О. Е. Язык эмоций в английском тексте / О. Е. Филимонова. — СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2016. — 259 с.
2. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие / А. П. Чудинов. — М. : Флинта : Наука, 2006. — 256 с.

УДК 81.373

Н. Н. Крот

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА АНГЛИЙСКОЙ НАРОДНОЙ СКАЗКИ КАК СРЕДА И ПРОДУКТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Введение. Актуальность комплексного изучения английской народной сказки определяется необходимостью выявления основных черт и особенностей картины мира, заключенной в концептах, актуализированных в текстах такого специфического жанра, как народная сказка [2]. Рассмотрение языковой картины мира английской народной сказки как среды самореализации и продукта речемыслительной деятельности языковой личности того времени, когда жанр народной сказки был продуктивным, а сказочные тексты находились в поре становления, представляет интерес не только для лингвистической науки.

Основная часть. В ходе проведения исследования анализу были подвергнуты 15 народных английских сказок трех жанровых модификаций: о животных, волшебные и бытовые. Используемые методы исследования определены неоднородностью материала, и также многоаспектностью проблемы, где преобладает дескриптивно-аналитический метод. Общий методологический принцип анализа текстов заключается в следовании естественной логике общей картины мира, естественной последовательности развития объектов и явлений, а также в четком структурировании языковой картины мира английской народной сказки.

Разные жанры сказки соответствуют разным этапам состояния коллективной психологии, разным типам мышления и сознания, а также разным историко-социальным формациям. Широкий жанрово-исторический диапазон сказочных текстов всех трех модификаций и текстов, носящих переходный характер от одной исторической модификации к другой, позволяет отразить историю человека разумного и человека говорящего, а также проследить в динамике историю языковой картины мира, своеобразно отраженной в сказке.

Совокупный субъект текста сказки (повествователь и персонажи) осмысливается как субъект языковой картины мира. Его активное творческое начало определяется языковым и общекультурным тезаурусом, с одной стороны, и оказывает влияние на состояние языковой картины мира — с другой [2].

Базовые концепты английской народной сказки стабильны и запечатлены в ее лексиконе. Больше всего в сказочных текстах имен существительных. Прилагательное как носитель отношения атрибуции субъекта (как правило, выраженного существительным) оказывается в сказочном тексте словесным семантическим компонентом при системе значений самого существительного, так как в сказочной языковой картине мира имя существительное семантически является самодостаточным.

Ведущие тематические группы существительных — «природа» и «субъект». Их лексический состав, независимо от модификации, демонстрирует единое лексическое «ядро», которое обрастает новыми тематическими группами по мере исторического развития жанра. Они присутствуют также и в текстах волшебных и бытовых сказок в качестве семантического ядра системы существительного. В текстах волшебных сказок появляются новые по сравнению с текстами сказок о животных тематические ряды.

Объективность отражения общей картины мира в сказочном лексиконе весьма очевидна и ценна для составления целостного впечатления о языковой и «общей» картине мира сказки в ее историко-жанровой динамике. Наибольшую константность, устойчивость, почти равную устойчивости базовой лексики, проявляют термины названий частей тела животных и человека, что дает основание утверждать, что они немаловажны в языковой картине мира английской народной сказки.

По мере исторического становления модификаций сказочного жанра все более важную роль начинают играть абстрактные имена существительные, что свидетельствует о тенденции развития абстрактного типа мышления языковой личности.

Языковая картина мира английской народной сказки в системе имени и в системе глагола проявляет общую тенденцию к полноточности отдельных слов.

Динамика формирования и развития сказочного жанра прослеживается также в подсистеме собственного имени. Его ограниченность — принципиальная черта языковой картины мира английской народной сказки. Малое количество собственных имен придает сказочному тексту значение универсаль-

ности и уникальности описываемых объектов [1]. Сказка о животных не содержит собственных имен в их современном виде. Их функцию с точки зрения современной языковой картины мира берут на себя имена классов, которые одновременно являются обозначениями конкретных представителей этих классов.

В волшебной сказке появляются прозвищные говорящие имена. Они мотивируются и объясняются контекстом. В бытовой сказке прозвищные говорящие имена уступают место узуальным собственным именам, которые маркированы как простонародные.

В сказках о животных встречается много прямой персонажной речи, а косвенная речь распространена гораздо меньше. В волшебных сказках резко возрастает доля речи повествователя. Прямая речь персонажей сводится к задаванию традиционных формульных вопросов и к производству таких же ритуально-формульных ответов. Речевая партитура волшебной сказки с регламентом голосов повествователя и персонажей свидетельствует о неоднородности ее образа. Повествователь волшебной сказки по своей языковой компетенции отличается от персонажа. Языковая компетенция повествователя волшебной сказки, его умелое владение косвенной речью делают его как языковую личность более близким языковой личности реального слушателя, принадлежащего современной языковой картине мира.

Тексты бытовых сказок демонстрируют высокую вариативность и гибкость речевой партитуры. Многие тексты бытовых сказок представляют собой образцы творчества повествователя: в форме косвенной речи он передает высказывания персонажей, иногда делает паузу в своей речи и в это время дает возможность прозвучать голосу персонажа.

Заключение. На уровне сказочного текста в единстве и в противоположности проявляются тенденции к динамичности и статичности текста, т. е. тенденции к открытости сказочного текста новым темам языковой картины мира и его тенденция к высокой консервативности формульных высказываний и принципов сочетания композиционных дискурсов. Такие же тенденции демонстрируют и типы субъектов сказочного текста.

Наблюдения над корпусом текстов английских народных сказок позволяют говорить об особой, уникальной языковой картине мира английской народной сказки, в которой просматриваются этиологический, культурологический, художественно-функциональный, лексико-семантический, исторический, коммуникативно-прагматический, психолингвистический и дидактический аспекты.

Список цитируемых источников

1. Комаров, В. Н. Картина мира / В. Н. Комаров // Наука и миф. — М. : Просвещение, 1988. — С. 16—19.
2. Пропп, В. Я. Кумулятивная сказка // Фольклор и действительность : избр. ст. / сост. Б. П. Путилов. — М. : Наука, 2011. — 258 с.

Репозиторий Баргу

УДК 800

Н. О. Лаврова, А. А. Савко

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

О ЯЗЫКОВОМ ВЫРАЖЕНИИ РЕЧЕВОЙ ТАКТИКИ «СОЧУВСТВИЕ» В КАНАДСКОМ ОБЩЕНИИ

Введение. *Речевая стратегия* — это общий план речевых действий для достижения поставленных коммуникативных целей при помощи вербальных и невербальных средств, осознание ситуации в целом, определение направления развития и организация воздействия в интересах достижения цели общения или стратегического результата, на который направлен коммуникативный акт. Успешность коммуникации во многом зависит от того, насколько правильно была выбрана та или иная стратегия адресантом общения и как она соотносится с его коммуникативными намерениями. Стратегия речевого поведения охватывает все сферы построения коммуникации, когда ставится целью достижение определенных долговременных результатов. Выбор стратегии предопределен социальным опытом коммуникантов, их стилем взаимодействия с собеседником, целью и ситуацией общения [2, с. 159].

Актуальность данной работы обусловлена присутствием речевой стратегии «сочувствие» в различных сферах жизнедеятельности, а также наличием устойчивого интереса, направленного на более детальное изучение языковых средств данной речевой стратегии.

Цели работы: изучить речевую стратегию «сочувствие» и выявить языковые средства ее выражения в канадском общении.

Основная часть. Речевая стратегия «сочувствие» лежит в сфере кооперативного общения, а ее главная цель — выразить понимание и доброжелательное отношение к адресату в необходимой для него ситуации. Исследователь А. А. Зализняк отмечает, что «глагол *сочувствовать* обозначает реакцию лишь на отрицательное состояние чужих дел» [1, с. 178].

В свою очередь И. Б. Левонтина описывает сочувствие как «чувство, которое человек испытывает, когда, считая, что кому-либо плохо, ощущает от этого душевную боль» [1, с. 212]. Важными компонентами сочувствия многие исследователи называют согласие, солидарность, одобрение, поддержку. «Сочувствие, соболезнование — яркое проявление солидаризации с собеседником, эмпатии, демонстрации отношения «я с вами» [4, с. 165].

Так, В. А. Богданова и Т. В. Кочеткова считают поиск согласия, которое проявляется, в том числе, в сочувственном внимании к собеседнику, признаком хорошей речи [3, с. 94].

Нужно отметить, что сочувствие появляется в речи как реакция на различные негативные для человека ситуации. Среди них личные и бытовые проблемы, социальные, этические и морально-нравственные вопросы. Это могут быть происшествия, трагедии, катастрофы, болезнь и смерть, спортивные события и новости политики и бизнеса.

Методом сплошной выборки мы проанализировали несколько фильмов, вышедших в интервале с 1993 по 2015 год.

Изучив характер использованной в канадском общении речевой стратегии «сочувствие» на основе фильмов, мы выявили определенные языковые средства на лексическом и синтаксическом уровнях. К лексическим средствам выражения речевой тактики «сочувствие» относятся:

1) лексические единицы: *sorry, condolences, all right, okay*. Пример: *I'm so sorry about Rose!* (John Crowley. Brooklyn);

2) превосходная степень прилагательных: *the saddest, sincerest*. Пример: *My sincerest condolences* (Philippe Godeau. Mr. Nobody);

3) интенсификаторы: *so, really*. Пример: *He fell, and he... and he broke his neck. I'm sorry. I'm really sorry* (Steven Spielberg. Catch Me If You Can);

4) глаголы: *to hear, to deserve, to think*. Пример: *What are you talking about? What you deserve is a better father and brother* (Chris Bender, A. J. DixThe, Anthony Rhulen. The Butterfly Effect);

5) междометия: *oh, hey*. Пример: *Hey... I'm so sorry* (Hunt Stromberg. The Painted Veil);

6) вводные слова: *look, you know*. Пример: *Look, everything's gonna be okay. Lenny'll be fine. You'll see. Sorry* (Chris Bender, A. J. DixThe, Anthony Rhulen. The Butterfly Effect).

Более того, нами был выявлен ряд синтаксических средств, выражающих данную стратегию в речи. Мы пришли к выводу, что сочувствие выражено:

1) повествовательным предложением. Пример: *Must have taken a lot of courage* (Chris Bender, A. J. DixThe, Anthony Rhulen. The Butterfly Effect);

2) восклицательным предложением. Пример: *So sorry to hear about it!* (John Crowley. Brooklyn);

3) императивом. Пример: *Don't cry* (Chris Bender, A. J. DixThe, Anthony Rhulen. The Butterfly Effect).

Заключение. Выражение сочувствия в канадском языковом коллективе, прежде всего, находит свое воплощение на лексическом уровне. Среди лексических средств мы выявили следующие: лексические единицы, превосходная степень прилагательных, интенсификаторы, глаголы, словосочетания эмоционального реагирования, междометия, вводные слова.

На синтаксическом уровне речевая стратегия «сочувствие» выражена повествовательным, восклицательным предложениями и императивом.

Таким образом, вышеуказанные характеристики языкового выражения речевой стратегии «сочувствие» на двух уровнях позволяют нам говорить, что выявленные конструкции отражают современные тенденции в построении вербального сочувственного высказывания в канадской языковой культуре. Канадцы выражают сочувствие только в негативных ситуациях: когда адресату плохо, когда у него несчастье или неприятность. Речевая тактика «сочувствие» в большей степени направлена на выражение своего отношения к негативной ситуации и адресату. Сочувствие, которое выражают канадцы, имеет менее негативное и более позитивное содержание. Канадцы стремятся избегать негативного душевного состояния. Культурные аспекты того, насколько сильно люди хотят избежать негативных эмоций, играют основную роль в том, как канадцы, выражая сочувствие, делают акцент на отрицательный или положительный момент.

Список цитируемых источников

1. Зализняк, А. А. Любовь и сочувствие: к проблеме универсальности чувств и переводимости их имён / А. А. Зализняк. — М.: Яз. слав. культуры, 2005. — 225 с.
2. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. — М.: УРСС, 2002. — 284 с.
3. Кочеткова, Т. В. Взаимодействие этических и коммуникативных норм / Т. В. Кочеткова, В. А. Богданова. — Саратов, 2001. — 211 с.
4. Формановская, Н. И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения / Н. И. Формановская. — М., 1998. — 326 с.

СЕМАНТИКА И ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ ПРИЗНАКОВОЙ ЛЕКСИКИ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ)

Введение. Глагол, как отмечал В. В. Виноградов, есть самая сложная и емкая грамматическая категория русского языка. Эта категория является языковой универсалией, т. е. она свойственна всем языкам. Лексико-семантическая группа глаголов движения — самая древняя и яркая глагольная группа. Интерес к изучению этой группы глаголов обусловлен тем, что в окружающем нас мире и природе нет процесса более распространенного, чем движение. Различные формы и способы передвижения находят наиболее специализированное выражение в соответствующей лексико-семантической группе слов — глаголах движения. Занимая центральное место в грамматике языка, глаголы движения представляют собой одну из важнейших характеристик протекания действия [1]. В настоящее время ни одно серьезное грамматическое исследование не обходится без изучения глаголов движения. Им посвящено достаточно большое количество работ, но при этом они изучены недостаточно в сопоставительном плане.

Глаголы движения представляют собой объект многих лингвистических и методических исследований. Вклад в исследование данной группы глаголов заключается в том, что ставятся и подвергаются попытке решения вопросы сходства и различия в функционировании глаголов движения, их производных в русском и английском языках. Исследование расширяет представления о специфике семантической структуры английских глаголов движения и ее изменениях в процессе функционирования. Соответственно, целью данной работы является характеристика глаголов движения в русском и английском языках, описание глаголов движения как самостоятельной лексико-грамматической единицы, обладающей комплексом дифференцирующих семантических признаков.

Материалом для анализа стали лексические группы из пар глаголов движения русского языка, дефиниции которых выверены в различных типах толковых словарей сравниваемых языков.

Основная часть. Критерием выявления принадлежности глагола к семантическому полю «движение» являлось наличие в его семантической структуре параметра «движение в пространстве», входящего в лексическое значение всех компонентов семантической зоны глаголов движения и объединяющей их в лексико-семантическую группу. Данная категория предопределяет возможность глагола обозначать процесс, связанный с движением в пространстве. В ходе исследования непосредственный анализ был направлен на основное значение глагола. Все глаголы были отобраны из «Longman Dictionary of Contemporary English» [2], выборка составила 121 лексическую единицу (далее — ЛЕ). Выборка глаголов движения в русском языке была произведена из толкового словаря С. И. Ожегова [3]. Общее количество глаголов составило 91 ЛЕ. В результате в состав исследуемых глаголов движения вошли те ЛЕ, которые имели маркеры движения непосредственно в основном значении. В ходе детального анализа значения исследуемых глаголов было обнаружено, что в значении глаголов наблюдаются указания на то, кто или что движется, кого или что перемещают, каким способом движется субъект, в какой среде происходит движение и т. п. В целом были выявлены основные параметры движения, репрезентированные в структуре значения исследуемых ЛЕ.

В английском языке среди эксплицитно выраженных параметров наиболее репрезентативным является способ движения: он присутствует в 63 ЛЕ, что составляет 52% от общего числа глаголов движения в английском языке. Например: *to shake* 'to make quick, short movements from side to side or up and down'. *He was shaking with nerves.* Глаголы с семой «способ движения» подразделяются на подгруппы: глаголы с указанием на характер движения и глаголы с указанием на средства передвижения. Например: глагол с указанием характера движения *to roll* 'if something rolls, especially something round, or if you roll it, it moves along a surface by turning over and over'. *The ball rolled through the goalkeeper's legs;* глагол с указанием на средство передвижения *to ride* 'to travel by sitting on a horse, bicycle, or motorcycle and controlling it'. *I ride my bike to work.*

Одной из важнейших уточняющих характеристик движения является его направление. Данный параметр находит свое отражение в структуре значений 15 глаголов (12%). Среди них: *to elevate*, *to drop*, *to climb* и т. д. Примечательно, что в семантике исследуемых английских глаголов может быть конкретизировано направление движения вверх и вниз. Например: *to rise* 'to go upwards'. *The balloon rose slowly into the air;* *to descend* 'to move from a higher level to a lower one'. *We descended four flights of stairs.*

В семантике английских глаголов зафиксирована такая характеристика движения, как скорость. В данном случае преобладают компоненты, указывающие на быстроту движения, — 19 ЛЕ (16%). Например: *to leap* 'to move very quickly and with a lot of energy'. *He leapt on to the parapet.* Возможно, это объясняется тем, что для человека быстрое перемещение является более релевантным в условиях постоянно изменяющихся социальных условий и самой жизни в целом.

В значении определенных глаголов (21 ЛЕ, или 14%) присутствуют семы, сообщающие о среде, в которой происходит движение: на воде (*to bob* 'to move up and down when floating on the surface of water'. *Boats bobbing in the harbor*); в воздухе (*to fly* 'to move through the air'. *The robin flew up into a tree.*) В данном случае человек не дает определенного предпочтения какой-то одной из указанных сред. Для него важен сам факт того, что движение имеет место в какой-то среде.

Еще одной важной характеристикой глагола движения является сема 'цикл движения', которая присутствует в 14 ЛЕ, что составляет 12% от общего числа глаголов. Цикл движения в пространстве включает, прежде всего, указание на его начальную и конечную точки: начальная точка (исходный пункт) определяет местоположение объекта в пространстве до начала движения в другую точку пространства. Например: *to leave* 'to go away from a place or a situation, either permanently or for a temporary period'. *What time does the bus leave?*; конечный пункт движения: *to arrive* 'to get to a place'. *When he first arrived in New York, he didn't speak a word of English.*

В русском языке из 91 глагольной единицы, входящей в материал исследования, 9 ЛЕ (10%) включают в структуру значения параметра направления/местоположения. Примечательно, что параметр направления разграничивает движение вверх и вниз: вверх (*подниматься* 'переместиться вверх или принять более высокое положение'. *Мальчик поднимается в его спальную комнату*); вниз (*падать* 'непроизвольным движением резко двигаться сверху вниз'. *Самолет падал со скоростью звука*). Помимо направленности и местоположения для процесса движения значима такая характеристика, как способ движения. Соответственно, параметр способа движения присутствует в 60 ЛЕ, что составляет 66% от общего числа глаголов движения в современном русском языке: *скользить* 'плавно двигаться по гладкой, скользкой поверхности'. *Ступает бережно на лед, скользит и падает*. Таким образом, данная лексико-семантическая группа глаголов в своей структуре имеет признаки, указывающие на какой-либо способ движения, что отличает ее от других групп. Параметр скорости также является не менее значимым в структуре значения глаголов движения. Указанный параметр присутствует в 14 ЛЕ, что составляет 15% от общего количества глаголов движения в современном русском языке. Данный факт объясняется тем, что любое движение задает определенный темп (быстрый или медленный, плавный) и характеризуется с точки зрения скорости. Например, *бежать* 'двигаться быстро, резко отталкивающимися от земли движениями ног'. *Лошадь бежала рысью*. Параметр цикл движения (8 ЛЕ) инкорпорирован в структуру лексического значения глаголов движения в незначительном количестве — 9% от общего числа русских глаголов движения: *прибыть* 'прийти в определенное место назначения'. *То и дело радиослужба оповещала о прибытии и отбытии пассажирских поездов*.

Английский язык отличается от русского большей широкоточностью лексических единиц. Очень трудно приходится эмоционально, стилистически окрасить свое высказывание в отличие от русского языка, в котором существуют многочисленные синонимические ряды с адекватным, точным и ярким лексическим обозначением, значительное влияние оказывают и приставки русского языка для более богатого разговорного запаса.

В ходе исследования нами были выделены наиболее важные группы глаголов движения с точки зрения параметров, отображенных в семантике глаголов. Параметр, характеризующий характер движения, играет немаловажную роль. Как в английском, так и в русском языках было выявлено, что он наиболее значим. Абсолютными эквивалентами группы глаголов движения по способу передвижения являются: *go* — идти (*I go to the cinema with my friend.* — *Я иду в кино с моим другом*); *move* — двигать(ся) (*We moved the chairs to another room.* — *Мы передвигали стулья в другую комнату*); *come* — приходиться (*Can you come to my party?* — *Можешь ли ты прийти на мою вечеринку?*). Частичный эквивалент этой группы — глагол *tremble* — *трясти* (*My hands were trembling so much I could hardly hold the pen.* — *Мои руки дрожали так сильно, что я едва ли мог почувствовать боль*). На однонаправленность движения/перемещения указывают такие наречные и предложные элементы: *along*, *towards*, *across*, *by*; *мимо*, *через*, *к*, *вдоль* и др. Например: *to swim across*, *to rush forward*, *to pass by*; *бежать вдоль (дороги)*, *лететь над (озером)*, *идти через (лес)*. Кроме того, в русском языке допустимо использование префиксальных модификаторов наряду с наречными/предложными постпозитивными элементами для усиления и конкретизации пространственно-направительной семантики: *отбежать от дома* (префикс + глагол + предлог), *пройти через поле* (префикс + глагол + предлог), *войти внутрь* (префикс + глагол + наречие), *пройти мимо* (префикс + глагол + наречие) и т. д. [4]. Глагол *rise* является полным эквивалентом глаголу *подниматься* (*The balloon rose slowly into the air.* — *Воздушный шар медленно поднимался в воздух*). Частичным эквивалентом этой группы является *heave*. Он также обозначает 'подниматься с трудом' (*He heaved the bag on to his shoulder.* — *Он поднял сумку на плечи с трудом*). Таким образом, данный признак является релевантным при передаче движения в обоих языках.

Для языков характерно наличие маркеров, указывающих на скорость, таких как *quickly*, *faster*, *slow*, *quietly* в английском языке и *быстро* в русском. Полным эквивалентом этой группы глаголов является глагол *to run* — *бежать* (*I run about three miles every morning.* — *Я бегаю около 3 км каждое утро*). Частичным эквивалентом является *to rush* — *торопиться* (*We had to rush to catch the bus.* — *Мы снелили словить автобус*).

Закключение. Проведя сравнительное исследование глаголов движения английского и русского языков, мы можем сделать вывод о том, что наиболее значимой для обеих культур является лексико-семантическая группа, выражающая параметр направления или местоположения, а также параметр характера движения, что связано с большей релевантностью для человека.

Список цитируемых источников

1. Сильницкий, Г. Г. Семантические классы глаголов в английском языке : учеб. пособие / Г. Г. Сильницкий ; Смолен. гос. пед. ин-т им. К. Маркса. — Смоленск : СГПИ им. К. Маркса, 1986. — 112 с.
2. Longman Dictionary of Contemporary English. — New York : Pearson Education, 2014. — 4087 с.
3. Толковый словарь русского языка / под ред. С. И. Ожегова. — М., 1992. — 760 с.
4. Ярема, Е. В. Функционально-семантические особенности глаголов движения: на материале русского, английского и французского языков : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Е. В. Ярема. — Армавир, 2008. — 181 л.

УДК 811.111'276

А. А. Лобай

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЖАРГОНА НАРКОМАНОВ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Введение. Актуальность избранной темы исследования обусловлена тем, что проблема возникновения и употребления новых слов всегда интересовала лингвистов, особенно в наше время, когда отличительной чертой современного этапа развития языка является появление большого количества всевозможных новообразований. Объектом данного исследования является жаргон наркоманов; предмет исследования — структурно-семантические особенности жаргона наркоманов; цель исследования — осуществить структурно-семантический анализ жаргона наркоманов в английском языке.

Исследование проводилось в несколько этапов: на первом была осуществлена тематическая классификация отобранных единиц, на втором — классификация по принадлежности к частям речи, на третьем этапе были выявлены ведущие способы номинации отобранных лексических единиц.

Материал для анализа был отобран из интернет-словарей: “Glossary of Drug-Related Slang (Street Language)” [1] и “Street Drug Names” [2].

Основная часть. На первом этапе исследования была проведена тематическая классификация отбора единиц. Общий объем выборки составил 245 слов. Все слова были разделены на семь основных групп (таблица 1).

Т а б л и ц а 1 — Тематическая классификация отобранных единиц

Тематическая группа	Количество слов (%)
Наименование наркотических веществ	144 (58,8)
Общая лексика	32 (13,1)
Наименование наркоманов	20 (8,2)
Процесс принятия наркотиков	20 (8,2)
Воздействие наркотических веществ	14 (5,7)
Единицы измерения наркотических веществ	9 (3,6)
Поставщик	6 (2,4)
Итого	245 (100,0)

Анализ полученных данных показал, что самой распространённой группой, кроме группы «Наименование наркотических веществ», является группа «Общая лексика», которая содержит специальные слова для обозначения определенных мест принятия наркотиков: *back door* ‘residue left in a pipe’, *turf* ‘a location where drugs are sold’; или зашифрованные от полиции слова: *fuzz* ‘the police’, *goods* ‘drugs’ и т. д.

На одинаковом уровне оказались группа «Наименование наркоманов», которая содержит имена людей, которые принимают наркотики: *broker* ‘between for a drug deal’, *coke-broke* ‘financially incapacitated from supporting’, а также группа «Процесс принятия наркотиков»: *pin* ‘a needle used for injecting’, *spike* ‘needle used to inject drugs’ и т. д.

Группа «Воздействие наркотических веществ»: *crash* ‘to sleep off the effects of drugs’, *get on* ‘use drugs for the first time’, *flashback* ‘recurrence of previous hallucinations’ и т. д.

Наименьшее количество слов оказалось у группы «Единицы измерения наркотических веществ»: *boulders* ‘\$20 worth of crack’, *eighth* ‘one-eighth of a pound’; группы «Поставщик»: *connection* ‘supplier of drugs’, *quack* ‘doctor’ и т. д.

Так как группа «Наименование наркотических веществ» оказалась самой частотной из числа всех слов, было принято решение разделить её на десять подгрупп (таблица 2).

Т а б л и ц а 2 — Тематическая классификация отобранных единиц группы «Наименование наркотических веществ»

Наименование наркотических веществ	Количество слов (%)
Marijuana	24 (9,8)
Cocaine	20 (8,2)
LSD	19 (7,8)
Heroin	17 (6,9)
Amphetamine	15 (6,1)
PCP	15 (6,1)
Other drugs	14 (5,7)
Ecstasy	8 (2,9)
Steroid	6 (2,4)
Tranquillisers	6 (2,4)
Итого	144 (58,8)

Исследование показало, что самой распространённой подгруппой оказалась “Marijuana”: *angola* ‘marijuana’, *bo-bo* ‘marijuana’, *black mote* ‘marijuana mixed with honey’ и т. д.

Наименьшее количество слов оказалось у подгруппы “Steroid”: *anatrofin* ‘injectable steroid’, у подгруппы “Tranquillisers”: *downers* ‘tranquilliser’, *eggs* ‘tranquilliser’ и т. д.

На втором этапе исследования была осуществлена частеречная классификация отобранных сленгизмов, в рамках которой они были разделены на три группы: существительное, прилагательное и глагол (таблица 3).

Т а б л и ц а 3 — Классификация сленгизмов по принадлежности к частям речи

Часть речи	Количество слов (%)
Существительное	227 (93)
Глагол	13 (5)
Прилагательное	5 (2)
Итого	245 (100)

Анализ полученных результатов свидетельствует о том, что почти все отобранные сленгизмы представлены именами существительным: *antifreeze* ‘heroin’, *white* ‘cocaine’, *smear* ‘LSD’ и т. д.

Глаголы в основном вошли в группу «Общая лексика»: *drop* ‘to take a drugs orally’, *toot* ‘to sniff cocaine’; несколько слов из группы «Воздействие наркотика»: *crash* ‘to sleep off the effects of drugs’, *kick back* ‘relapse back into drug usage’ и т. д.

Прилагательных оказалось наименьшее количество, они вошли в группу «Общая лексика»: *busted* ‘arrested on a drug-related charge’, *nailed* ‘arrested’, *hot* ‘wanted by authorities’.

Третий этап исследования показал, что данные слова образованы с помощью различных способов номинации (таблица 4).

В ходе исследования было выяснено, что самым распространённым способом номинации сленгизмов является словосложение. При этом сложные сленгизмы могут писаться: 1) слитно: *antifreeze* ‘heroin’, *microdot* ‘a tablet containing LSD’; 2) через дефис: *bo-bo* ‘marijuana’, *coke-broke* ‘financially incapacitated from supporting Cocaine habit’; 3) раздельно: *happy dust* ‘cocaine’, *rugby balls* ‘tranquillisers’ и т. д.

Следующим распространённым способом номинации сленгизмов является семантическая деривация: *rolexes* ‘ecstasy’, *tea* ‘marijuana’, *mitsubishi’s* ‘ecstasy’ и суффиксация (11,8%): *leapers* ‘amphetamines’, *upper* ‘amphetamines’, *blotter* ‘LSD’ и т. д.

Способ номинации	Количество слов (%)
Словосложение	77 (31,4)
Семантическая деривация	39 (15,9)
Суффиксация	29 (11,8)
Конверсия	17 (6,9)
Субстантивация	12 (4,9)
Паронимическая аттракция	11 (4,5)
Усечение	7 (2,9)
Аббревиация	6 (2,5)
Словосочетание	4 (1,6)
Итого	204 (82,4)

Исследование показало, что жаргон наркоманов реже образуется при помощи таких способов номинации, как конверсия (*smack* ‘someone who is addicted to heroin’, *clean* ‘person who not having drugs in one’s possession’); субстантивация (*brown* ‘heroin’, *darks* ‘heroin’, *crystal* ‘heroin’); паронимическая аттракция (*Elaine* ‘ecstasy’, *Lucy* ‘LSD’); усечение (*amp* ‘amphetamine’, *coke* ‘cocaine’, *hash* ‘hashish’); аббревиация (*XTC* ‘ecstasy’, *LSD* ‘Lysersaure Diethylamid’, *OD* ‘overdosed on drugs’).

Заключение. В результате исследования жаргона наркоманов было выявлено, что самым распространённым способом номинации является словосложение. Значительная часть анализируемых слов относится к именам существительным. Самой обширной группой в тематической классификации является группа «Наименование наркотических веществ».

Список цитируемых источников

1. Glossary of Drug-Related Slang. Street Language [Electronic resource] / Department of Translation Studies, University of Tampere. — Finland, 2012. — Mode of access: <https://www15.uta.fi/FAST/GC/drugslan.html>. — Date of access: 11.03.2016.
2. Street Drug Names [Electronic resource] / United Kingdom, 2016. — Mode of access: <http://www.drugrehab.co.uk/street-drug-names.htm>. — Date of access: 14.03.2016.

УДК 81

К. Ю. Маркевич

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МОДЕЛИ НАИМЕНОВАНИЯ ПРОФЕССИЙ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Введение. Развитие языка теснейшим образом связано с эволюционными процессами в обществе. В современном языке профессиональная деятельность является одним из наиболее значимых параметров, характеризующим человека в его отношениях к реальному миру. Ввиду многообразия и изменчивости отношений, в которые вступает человек в процессе своей социальной и производственной деятельности, антропонимический инвентарь языка пополняется особенно интенсивно.

Основная часть. Происходящие под воздействием научно-технической революции коренные изменения в сфере труда (изменение профессиональных приоритетов, возросшая потребность в высококвалифицированных специалистах, появление новых сфер деятельности) послужили мощным социальным импульсом к возникновению большого количества новых наименований лиц по профессии, ставших индикаторами научно-технического и экономического прогресса. Отразились в номинативной системе немецкого языка и существенные перемены, происходящие в общественном и профессиональном положении женщин в немецкоязычных странах во второй половине XXI века.

Наименования профессий занимают особое место в номинативной системе языка, поскольку называют людей по их месту и роли в профессиональной сфере — наиболее значимой социальной характеристике.

Номинация (или *ономасиология*) — образование языковых единиц, характеризующихся номинативной функцией, т. е. служащих для названия и вычленения фрагментов действительности и формирования соответствующих понятий о них в форме слов, сочетаний слов, фразеологизмов и предложений. Этим термином обозначают и результат процесса номинации — значимую языковую единицу [1].

По мнению В. Н. Телии, номинация — это процесс создания, закрепления и распределения наименования за разными фрагментами действительности, так и значимая языковая единица, образованная в процессе названия [2, с. 88].

Так, Т. В. Матвеева считает, что понятие «номинация (или ономасиология)» — образование языковых единиц, характеризующихся номинативной функцией, т. е. служащих для названия и вычленения фрагментов действительности и формирования соответствующих понятий о них в форме значения языковых единиц — слов, сочетаний слов, фразеологизмов и предложений [3, с. 266].

Можно сделать вывод, что номинация и словообразование тесно связаны.

Анализ научной литературы позволил выявить в грамматике современного немецкого языка различные словообразовательные модели.

И. Г. Ольшанский выделяет следующие словообразовательные модели: 1) модель корневых слов: *Tisch, klug, hier, Abend, oben, nieder, wieder, aber*; 2) модель безаффиксного (имплицитного) словопроизводства: *antworten* → *Antwort*; 3) префиксальная модель: *verkaufen, bekleiden, entlaufen; Unruhe, Urgrossvater, Misston*; 4) суффиксальная модель: *seid-en, gold-en, Freund-heit; Lehrer* → *lehren*; 5) модель словосложения: *Freiheitsliebe, Vergissmeinnicht, Ohnebart*; 6) особые способы словообразования [4, с. 100].

В нашем исследовании для систематизации отобранных названий профессий с точки зрения *словообразовательных моделей* мы опирались на классификацию, предложенную И. Г. Ольшанским. Автором была разработана рабочая классификация словообразовательных моделей названий профессий в немецком языке. Данная классификация включает шесть видов моделей словообразования: *модель корневых слов, префиксально-суффиксальная модель, префиксальная модель, суффиксальная модель, модель словосложения и субстантивация*.

Суффиксальная модель представлена во всех частях речи. Она характеризуется наличием словообразовательной морфемы после производящей основы. Также они могут быть как продуктивными, так и непродуктивными. Немецкие суффиксы многозначны и обладают способностью переводить одну часть речи в другую. Для номинации профессий характерны суффиксы: **-er** (наиболее распространенный), **-or, -ant, -ent, -eur, -ist, -loge, -ner, -ler, -ier, -nom, -it, -är, -us**. С помощью суффиксальной модели было выявлено 285 единиц (57%). Например: **-er**: *der Akademiker, der Akustiker, der Gymnastiker, der Lyriker, der Magister, -ist: der Akkompagnist, der Gitarrist, der Journalist, der Jurist, der Okulist; -eur: der Akteur, der Asphalteur, der Dekorateur, der Friseur, der Graveur; -or: der Administrator, der Agitator, der Institor, der Inspektor, der Lektor; -graf / -graph: der Bibliograph, der Biograph, der Choreograph, der Geograph, der Fotograf; -loge: der Archäologe, der Biologe, der Dermatologe, der Ideologe, der Laryngologe; -ier: der Brigadier, der Finanzier, der Juwelier, der Offizier; -aut: der Aeronaut, der Astronaut, der Kosmonaut; -ner: der Gärtner, der Glöckner, der Pförtner; -nom: der Agronom, der Astronom; -ant: der Intendant, der Laborant; -är: der Milizionär, der Sekretär; -eut: der Therapeut; -ent: der Assistent; -us: der Präpositus; -it: der Metropolit; -ler: der Sportler*.

Модель словосложения для немецкого языка является очень распространенной. Можно отметить, что продуктивность словосложения непрерывно растет. Данная модель образуется с помощью сложения основ слов. Это отражается в номинации профессий, так как путем сложения основ образуются новые слова (профессии). Количество примеров модели словосложения составило 67 единиц (13,5%). Например: **der Absatzleiter** — *der Absatz + der Leiter*; **die Abwaschfrau** — *der Abwasch + die Frau*; **der Ackerbauer** — *der Acker + der Bauer*; **der Bertiebsschutzangehörige** — *der Betrieb + s + der Schutz + der Angehörige*; **der Eisenbahnangestellte** — *das Eisen + die Bahn + der Angestellte*; **der Fachlehrer** — *das Fach + der Lehrer*; **der Gesundheitshelfer** — *die Gesundheit + s + der Helfer*; **der Kraftfahrer** — *die Kraft + der Fahrer*; **der Landwirt** — *das Land + der Wirt*; **der Lichtbildner** — *das Licht + der Bildner*; **der Magazinarbeiter** — *das Magazin + der Arbeiter*; **der Milizmann** — *die Miliz + der Mann*.

Префиксально-суффиксальная модель характеризуется тем, что слова образуются с помощью префиксов и суффиксов одновременно, и составляет 36 единиц (7,2%). Например: *der Abbildner, der Anlerner, der Aufklärer, der Ausfahrer, der Beschließer, der Einhelper, der Erbauer, der Vorturner*.

Модель корневых слов заключается в образовании немецких слов, которые состоят из одного или двух слогов. Количество таких примеров составляет 8 единиц (1,6%): *die Amme, der Anwalt, der Arzt, die Hebamme, der Koch, der Meier, der Notar, der Oberst*. В данной модели образуются также однослоговые и многослоговые слова, которые являются заимствованными. Основы таких слов являются неделимыми на немецкой почве. В нашем анализе встретилось небольшое количество таких примеров, что составило 10 единиц (2%): *der Advokat, der Akrobat, der Besemer, der Chef, der Clown, der Gaukler, der General, der Lakai, der Major, der Pfarrer*.

В равных количествах были выявлены примеры таких моделей, как префиксальная модель и субстантивация, что составило 0,6% (3 единицы) каждой.

Префиксальная модель характеризуется тем, что связанная словообразовательная морфема предшествует производящей основе. Можно отметить, что немецкие префиксы продуктивны, но их число

невелико, однако большинство из них многозначны и могут выражать различные категориальные признаки: *der Anleiter* — *an* + *Leiter*, *der Gehilfe* — *ge* + *Hilfe*, *der Nachhelfer* — *nach* + *Helfer*.

Субстантивация заключается в переходе различных частей речи в разряд существительных. Чаще всего в немецком языке субстантивируются глаголы, а также прилагательные. Они пишутся с большой буквы и употребляются с артиклем. Например: *der Angestellte* — *нпсл. angestellt*, *die Angestellte* — *нпсл. angestellt*, *der Geistliche* — *нпсл. geistlich*.

Заключение. Предметом теории номинации является описание общих закономерностей образования языковых номинативных единиц. Поскольку именование различных объектов действительности теснейшим образом связано с формами деятельности человека, то предметом теории номинации является и изучение результатов взаимодействия человеческого мышления, языка и действительности в процессах номинации. Анализ показал, что наиболее продуктивными моделями в наименовании профессий немецкого языка являются суффиксальная модель и модель словосложения. Менее продуктивными моделями в данной классификации являются префиксально-суффиксальная модель, модель корневых слов, префиксальная модель, а также субстантивация.

Список цитируемых источников

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. — Изд. 5-е. — М.: ЛИБРОКОМ, 2010. — 396 с.
2. Телия, В. Н. Номинация // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. — Изд. 2-е. — М.: Большая Рос. энцикл., 2002. — 529 с.
3. Матвеева, Т. В. Полный словарь лингвистических терминов / Т. В. Матвеева. — Ростов н/Д: Феникс, 2010. — 562 с.
4. Ольшанский, И. Г. Лексикология: Современный немецкий язык = Lexikologie: Die deutsche Gegenwartssprache: учеб. для студентов лингв. фак. высш. учебн. заведений / И. Г. Ольшанский, А. Е. Гусева. — М.: Академия, 2005. — 416 с.

УДК 81'38:82-3Даль

Е. А. Мейлах

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЮМОРА В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Р. ДАЛЯ)

Введение. Исследование языка детской литературы всегда находилось в центре внимания лингвистов, литературоведов и психологов. Это связано, прежде всего, с интересом к изучению текста в широком смысле этого термина, стремлением дать лингвистическое обоснование и толкование различным стилистическим приемам, которые создают экспрессивность текста.

Целью данной работы является комплексное и системное выявление и описание особенностей комического и эксцентрического в современной английской детской литературе, анализ стилистических приемов для достижения комического и эксцентрического эффекта.

Основная часть. Юмор в художественном произведении труднопереводим, так как является неотъемлемым элементом культуры и социума, в котором создавалось произведение, а принципиально непереводаемые моменты должны иметь послетекстовый страноведческий и/или культурологический комментарий переводчика.

Слово «юмор» имеет древнегреческие корни. Понятие «юмор» было известно еще в античную эпоху и имело совершенно другое значение: влага, влажность, жидкость. Слово «юмор» употреблялось для передачи представлений о «жидкостях тела», будто бы обуславливающих характер и поведение человека. Эти «жидкости» стали связывать с видами темперамента человека.

Оценки чувства юмора производятся с точки зрения различных научных дисциплин, таких как лингвистика, социология, психология, антропология, из-за чего нет единой точки зрения трактовки данного понятия. Сложившиеся в рамках научных дисциплин или научных направлений определения, как правило, отражают лишь отдельные аспекты этого явления [1, с. 35].

Готовность понимать юмор базируется не только на личностных особенностях человека, но и на определенных стереотипах поведения, принятых в той или иной культуре.

Юмористическая ситуация может быть создана не только благодаря ситуации и герою, но также благодаря стилистическим приемам. Основными из них являются гипербола, перифраз, неожиданное сравнение, жаргонизм, диалектные слова, слова, которые звучат забавно в конкретной ситуации, потому что они не принадлежат к ней. Неожиданное сочетание слов способствует юмористическому эффекту, но юмор может быть достигнут, даже если тон не юмористический. В таких случаях юмор развивается через ситуацию и характер. Юмор может быть достигнут благодаря забавному случаю, когда персонаж оказы-

вается в забавном или смешном положении, либо это комический персонаж, который говорит или делает абсурдные вещи. Юмор может быть достигнут за счет неожиданных поворотов событий, которые застают читателя врасплох, удивляя и забавляя его [2, с. 34].

Существуют различные формы юмора: ирония, пародия, сатира, анекдот, шутка, каламбур. Особый вид юмора представляет собой чёрный юмор. Эти литературоведческие понятия плотно обосновались в современной жизни, правда, не всегда в первоначальном своем значении. Тем не менее сатира, юмор, ирония и сарказм — важные понятия при анализе произведений.

Единого мнения относительно черного юмора не существует. Большинство людей придерживаются мнения, что черный юмор — явление весьма негативное, однако некоторые находят черный юмор полезным и даже весьма поучительным.

Одним из самых распространенных юмористических текстов являются анекдоты. Самые ранние анекдоты представляли собой веселые, поучительные рассказы. Анекдоты, которые появились позже, стали более занимательными, в них значительно расширился контингент персонажей.

Что касается английской прозы для детей с элементами комического и эксцентрического, то она также заслуживает должного внимания. Язык и стиль современной английской литературы для детей значительно отличается от классической английской детской литературы. Заметная часть детской литературы на современном этапе превращается в массовую и служит исключительно для развлекательных целей.

Для своего исследования нами были выбраны произведения Роальда Даля. Так, 13 сентября 2016 года отмечалось 100 лет со дня его рождения. Роальд Даль — один из лучших писателей Великобритании, внесший вклад в развитие британской культуры, в частности в литературу. Его рассказы знамениты своими неожиданными концовками, а детские книги — отсутствием сентиментальности и наличием чёрного юмора. Обладатель многочисленных наград и премий по литературе, автор неоднократно получал премию Эдгара По за проделанную работу в литературе и внесение своего вклада в развитие литературы Великобритании. Роальд Даль писал как для детей, так и для взрослых. Его книги также были переведены на несколько языков и до сих пор являются востребованными по всему миру. Наиболее интересные и яркие из них были экранизированы и получили ряд наград.

В своих произведениях «Чарли и шоколадная фабрика» и «Джеймс и гигантский персик» Роальд Даль использовал 17 стилистических приёмов, наиболее употребляемыми из которых стали сравнения, ирония и гипербола. Прием сравнения находится на первом месте употребляемости (46%). Благодаря этому приему автор создает эффект неожиданности, что позволяет рассказу быть более интересным и интригующим (*Her giant chin stuck out just like a violin, Their expressions frozen like fish fingers*). Ещё один приём, в котором истинный смысл скрыт или противоречит явному смыслу, — ирония. В процентном соотношении данный прием составляет 17% и является вторым по количеству употребления в произведениях Даля (*“This is the President of the United States”, said the voice. — “And this is the Wizard of Oz”, said Shanks. “Who are you kidding?”*). Для того чтобы создать комический эффект, писатель также использовал авторские слова (*My dear old muddleheaded mugwump!*). Игра слов является также наиболее употребляемым приемом, который использует автор в своих книгах (*Violet, you’re turning violet, Violet*).

Заключение. Комическое имеет большее проявление в речи, реже — в действиях. Эксцентрическое связано, главным образом, с действием и проявляется в манере поведения и поступках персонажей или сказочных предметов. Об этом свидетельствуют многочисленные примеры, представленные в работе. Комическое подразумевает несоответствие действительности и служит для создания положительных эмоций.

Дети достаточно рано начинают понимать несоответствие и алогичность поведения. Анализируя и разоблачая несоответствие и ненормативное поведение при чтении или слушании забавных сказок или веселых стихов, ребенок получает удовольствие, учится отличать сказочное от реального.

Список цитируемых источников

1. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. — М. : Искусство, 1986. — 445 с.
2. Борисова, Л. В. Интерпретация текста / Л. В. Борисова. — 2-е изд., перераб. и доп. — Минск : Выш. шк., 1999. — 174 с.

ДЛИТЕЛЬНОСТЬ БЕСКОНЕЧНАЯ ПОЛОЖИТЕЛЬНАЯ И ОТРИЦАТЕЛЬНАЯ В РАМКАХ БЕЗОТНОСИТЕЛЬНОГО ВРЕМЕНИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Введение. Предметом нашего научного интереса является структурно-содержательный компонент безотносительного времени в английском языке. Несмотря на кажущуюся простоту данного лингвистического феномена, в рамках безотносительного времени ученые выделяют ряд интересных и спорных вопросов, что, собственно, и приводит к появлению различных концепций домена “*time*” [1; 2]. В силу довольно сложного характера видовременной системы английского глагола видится актуальным продолжение исследований в данной области в целом и безотносительного времени в частности.

Основная часть. Безотносительное время — это концептуальный тип онтологического времени, подразумевающий существование и описание времени как самостоятельного феномена, связанного с другими явлениями реального мира, отношениями неординарного характера [4]. Эта суперордината категории темпоральности предполагает изучение таких ординат, как длительность и повторяемость.

Само по себе понятие длительности в рамках темпоральности несколько сложно и в некоторых случаях противоречиво. С точки зрения точности в определении размера длительности тем или иным словом можно выделить три группы лексем: 1) единицы фиксированной длительности (лексем, выказывающие *жесткую точность* в определении границ темпоральной протяженности: *second, quarter, half-hour*); 2) единицы конвенциональной длительности (характеризуются *связанной точностью*: *a day, a year*); 3) единицы зависимой длительности (конституентам этой подгруппы свойственна *плавающая точность*: необходимый для их трактовки широкий внешний контекст может предельно точно определить количество времени (*in the space of four years*), указать на границы временного промежутка (*the days of sailing ships*) или оставить длительность «неизмеренной», подчеркнув лишь её конечность (*after an interval*).

Ученые ведут дискуссии по вопросу сущности такого конституента грамматического времени, как «длительность конечная неопределённая» [2; 3], отличительной особенностью которого является указание на принципиальную предельность времени без уточнения его точного количества.

Понятие конечной длительности более привычно человеческому пониманию, поскольку все имеет свое начало и свой конец. Несколько необычно выделение в рамках темпоральности длительности бесконечной как таковой и двух её подвидов — положительной и отрицательной. В целом, однако, можно отметить, что утверждение о возможности понимания бесконечной длительности на фоне конечной вполне когнитивно обосновано: сема бесконечности передаётся в семантике темпоральных лексем через отрицание предела времени в индикаторах (*time*) *without any end, having no end, without limits, having no limits, limitless (time)*.

К группе лексических единиц, обозначающих положительную бесконечную длительность, можно отнести следующие единицы: *endless, infinite, forever, eternal, always*. Отметим также, что лексем *endless, infinite, forever* в настоящее время стали типичными представителями изучаемой подгруппы и сами нередко являются индикаторами семы бесконечности в дефинициях других слов: *eternity — endless or infinite time*. В целом для рассматриваемого вида длительности в англоязычном домене времени характерна самая высокая степень *саморефлексивности*, когда имеет место объяснение одних понятий домена через другие его понятия без помощи внешних определителей.

В лексикографических источниках имеется специальная ссылка, обуславливающая замкнутость дефиниционного круга. Например: *sempiternal* → *literary of never-ending duration: eternal* → *eternal* → *having infinite duration: everlasting* → *everlasting(l)* → *lasting or enduring through all time: eternal*. Эффект эмфатического усиления значения бесконечной длительности достигается через повтор. Например: *forever and ever, ever and always, for always and always*.

Если бесконечная длительность (вечность) привязывается к жизни человека, то в этом случае мы имеем дело с ярко выраженным принципом антропоцентричности в трактовке времени. С одной стороны, бесконечность времени представляется как то, что продолжается всегда до и/или после некой грани, в том числе смерти человека: *everlasting — continuing forever, even after someone has died; immortal, undying, deathless, to the end of time, evermore*. С другой стороны, вечность граничит с неопределённо большими конечными промежутками времени, т. е. стремится к некоторой обозримости. Такой вывод можно сделать при анализе лексем: *imperishable — formal existing or continuing for a long time or forever; eternal, everlasting, forever, endless, always, permanent*.

В сравнении с положительной бесконечной длительностью (вечностью) подгруппа отрицательной длительности (никогда) проигрывает в количестве конstituентов и обладает меньшим разнообразием оттенков значения в сфере собственно темпоральной лексики.

Если рассматривать иные внутрикатегориальные корреляции бесконечной положительной длительности, то необходимо отметить связь с повторяемостью (второй ординатой безотносительного времени): *perpetual — suggests unfailling repetition or lasting duration*. В плане взаимодействия с другими доменами картины мира можно отметить рядоположенность бесконечного времени пространству и количеству. Например: *infinity — unlimited extent of time, space, or quantity: boundlessness*.

Заключение. Высокая саморефлексивность и малая количественная широта свидетельствуют о замкнутости группы бесконечной длительности и её более низкой актуальности в социуме по сравнению с конечной длительностью. Вечность обладает в английском языке антропоцентричностью и демонстрирует тенденцию к поиску обозримости бесконечности. Такое стремление, на наш взгляд, можно считать специфичной чертой вербализации времени в англоязычном пространстве.

Список цитируемых источников

1. Ахмерова, Л. Р. О некоторых особенностях восприятия времени / Л. Р. Ахмерова // Казанская лингвистическая школа : Традиции и современность : II Междунар. Бодуэн. чтения (Казань, 11—13 дек. 2003 г.) : тр. и материалы. — Казань : Изд-во КГУ, 2003. — Т. 1. — С. 116—118.
2. Кудрявцева, И. П. Фразеологические единицы современного английского языка с компонентами, обозначающими время: time, hour, minute, moment, second : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / И. П. Кудрявцева. — М., 2007. — 20 с.
3. Нуреева, А. Р. Взаимодействие категорий темпуса и хроноса при формировании конвергентных временных значений (на материале современного английского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / А. Р. Нуреева. — Волгоград, 2005. — 21 с.
4. Потаенко, Н. А. К языковому освоению временной структуры действительности / Н. А. Потаенко // Вопр. языкознания. — 1984. — № 6. — С. 43—53.

УДК 800

Ю. А. Немшон

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГЛАГОЛОВ ВЛАСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Введение. Власть относится к сфере социальных явлений и отношений и представляет собой один из важнейших концептов культуры. Человек, как существо социальное, ежедневно вступает в отношения власти и пытается осмыслить их не только на государственном уровне.

Лексико-семантическое поле глаголов власти представляет собой лексическую репрезентацию концепта власти. Власть как один из основных социальных феноменов представляет собой сложное и многогранное явление, осмысление которого ведется уже в течение длительного времени в различных гуманитарных дисциплинах.

Власть в своем прямом значении понимается как тип социального отношения, которое проявляется во взаимодействии как минимум двух субъектов. При этом один из них обладает правом и возможностью распоряжаться другим, т. е. принимать решения, обязательные для исполнения объектом.

Актуальность исследования вызвана потребностью изучения лексической семантики, семантической теории валентности, когнитивной лингвистики, прагматики. В области изучения лексической семантики рассматриваются вопросы семантической и категориальной типологии лексики, лексико-семантические объединения и принципы их структурирования.

Цель данной работы состоит в изучении семантических и функциональных свойств английских глаголов со значением власти. Объектом исследования являются английские глаголы власти. Предмет исследования составляет семантика и валентность рассматриваемых глаголов власти.

Основная часть. Концепт власти характеризуется наличием различных подходов к пониманию основания феномена власти, а также стремлением выделить в его составе различные составные компоненты, такие как управление, руководство, влияние, насилие, воздействие, контроль на политическом уровне, но и на философском, психологическом и бытовом [1]. В «Энциклопедии власти» В. Ф. Халипова властная деятельность определяется как «управленческая деятельность человека (правящих лиц, властных органов и учреждений)», а управление — как «деятельность органов государственной власти» и как «вообще любая руководящая деятельность» [2].

Таким образом, управление представляет собой тип деятельности, который стереотипно связывается с деятельностью представителей власти. Управление может быть представлено как совокупность различных «управляющих» действий, конституирующих эту деятельность и направленных на достижение цели. Управление осуществляется различными способами, такими как распоряжения, назначения, увольнения, формирование системы норм и ограничений, применение санкций за нарушение соответствующих правил, принуждение и т. д. Цель управления состоит в том, чтобы заставить объект управления действовать согласно воле субъекта. В связи с этим управление может быть представлено как преобразовательная деятельность субъекта власти, направленная на изменение общества в соответствии с волей и целями властвующего субъекта.

В современном английском языке основными синонимами слову *power* являются *influence, authority, rule, control, domination, dominion, governance, grip, power, rule, whip-hand*.

В ходе исследования была разработана классификация глаголов власти: глаголы управления, распоряжения, запрета, наказания, помилования, принуждения.

Каждая группа имеет глагол, который используется чаще всего в речи и письме и является ядром группы.

Частотность лексических единиц, обозначающих властные действия, показывает, что группа глаголов управления включает в себя 23 глагола, что составляет 20,7% от общего количества выборки. Ядром данной группы является глагол *to rule*.

Группа глаголов распоряжения включает 21 глагол (18,9%). Ядро группы — глагол *to command*.

В состав группы глаголов запрета входит 16 глаголов (14,4% от общего количества глаголов поля власти). Ядром группы является глагол *to forbid*.

Группа глаголов наказания включает 11 глаголов, что составляет 9,9% от общего количества глаголов данной группы. Ядром данной группы является глагол *to punish*.

Группа глаголов помилования включает 14 глаголов (12,6%). Ядро группы — глагол *to forgive*.

В группу глаголов принуждения входит 26 глаголов, что составляет 23,4% от общего количества единиц глаголов власти. Ядром группы является глагол *to force*.

Проанализировав употребление данных глаголов в контексте британской прессы, следует сказать, что глаголы используются в статьях различной тематики, но более часто они используются в политических и технических блогах. Необходимо отметить, что глаголы власти чаще всего используются в заголовках статьи, так как они имеют общее значение. Можно предположить, что данные глаголы в заглавии используются для привлечения внимания читателей.

Субъектом глаголов власти является лицо или группа лиц, обладающих правом и/или возможностью управлять другими людьми, т. е. лица, обладающие властью. Также группа людей может быть представлена как государство или какая-либо организация, имеющая власть над обществом или его определенной частью.

Объектом глаголов власти, как правило, также является лицо или группа лиц, которые подвергаются воздействию субъекта власти. Более конкретно семантика объекта и субъекта определяется семантикой каждого глагола в отдельности.

На основе исследования был проведен анализ частотности глаголов *to rule, to command, to forbid, to punish, to forgive, to force* в контексте британской прессы. Наиболее частотным глаголом является *to forgive*. Причина этого — более общее и непринужденное значение данного глагола. Из 59 статей было выявлено 22 глагола, что составляет 37,2% от общего количества глаголов. Глагол *to punish* был употреблен в 13 контекстах (22% от общего количества). Глагол *to rule* встретился 9 раз, что составляет 15,25%. Также было обнаружено повторение глагола *to force* 7 раз — 11,8% от общего количества установленных глаголов. Наименее представительными являются глаголы *to forbid* (8%) и *to command* (3%). Возможно, это объясняется тем, что значения этих глаголов специфические и нежелательны в рассмотренных контекстах в связи с политкорректностью.

Заключение. Глаголы власти на лексическом уровне (в силу специфики своей семантики) сочетаются с определенным кругом субъектов и объектов, которые отражают структуру проявлений власти в социуме.

Список цитируемых источников

1. Красильникова, Е. Л. Глаголы власти в современном немецком языке: семантика и валентностные свойства : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Е. Л. Красильникова. — Вологда, 2007. — 226 л.
2. Халипов, В. Ф. Энциклопедия власти / В. Ф. Халипов. — М. : Акад. проект, 2005. — 1054 с.

СПОСОБЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА «ЛЮБОВЬ» В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Введение. Актуальность данной темы обусловлена тем, что лингвокультурология является одним из наиболее активно развивающихся направлений современной лингвистики. Именно поэтому нами был выбран концепт «любовь», который является одним из базовых концептов культуры; также это вызвано необходимостью изучения лингвокультурной специфики поведения участников поликультурного коммуникативного процесса, направленной на успешную реализацию языковой коммуникации. Таким образом, работа с концептом «любовь» может дать новый материал для изучения другим наукам, например антропологии, психологии, нейронауке и т. д.

Цель исследования — выявить средства репрезентации концепта «любовь» в английском языке.

Объектом исследования является концепт «любовь» как универсальный.

Предметом исследования выступили средства репрезентации концепта «любовь» в английском языке.

Материалом для анализа послужили: “Longman Dictionary of English Language and Culture”, “Oxford Collocations Dictionary for Students of English”, а также повесть У. Шекспира «Ромео и Джульетта» и его сонеты.

Основная часть. Сегодня концепт является многомерным смысловым центром, включающим в себя и определяющим собой феномен культуры, который непосредственно связан с языком. Концепт существует для каждого основного значения слова, он не непосредственно возникает из значения слова, а является «результатом столкновения значения слова с личным и народным опытом человека».

В последнее время активно развивается понятие концепта. Термин «концепт» стал активно употребляться в лингвистической литературе с начала 90-х годов XX века и закрепился в культурологии. Слова «концепт» и «понятие» одинаковы только по своей внутренней форме. В переводе с латинского *conceptus* означает «понятие» (от глагола *concipere*, что буквально означает «понятие») [3, с. 137].

Понятие «любовь» (love) трактуется в «Словаре английского языка и культуры» (“Longman Dictionary of English Language and Culture”) следующим образом: a strong feeling of fondness for another person; fondness combined with sexual attraction; warm interest and enjoyment and attraction; to have a strong liking for; take pleasure in [1].

Словарь сочетаемости “Oxford Collocations Dictionary for Students of English” приводит следующие наиболее часто употребляемые слова и выражения со словом «любовь» (love): **adjective:** deep, great, overwhelming, passionate, genuine, pure, real, true; **verb:** feel, have, search for, seek, express, show, share, give, send; **adverb:** dearly, deeply, passionately, really, tenderly; **phrases:** head over heels in love, love at first sight, the love of smb’s life [2].

Как мы видим, оба словаря определяют любовь как положительное эмоционально-психическое состояние, которое проявляется через светлое, искреннее чувство привязанности и сердечного влечения, испытываемого человеком к другому живому существу.

Тематика любви вечна, и, независимо от этого, она остается новой. Любовная лирика поэтов включает в себя и сохраняет то, что переживалось и переживается людьми разных национальностей, стран, возрастов и эпох. Свои особенности переживания этого прекрасного чувства есть и в английской поэтике, литературе.

Ничто так хорошо не может передать уникальность литературы и языка, особенностей английской культуры и традиций, как своеобразие устного народного творчества. К нему мы и посчитали нужным обратиться для анализа темы любви в английской литературе. Можно найти очень много общих черт для передачи чувства влюбленности. А в разных странах, в том числе и Англии, выбор лексики, образов, сравнений очень похож.

Приведем несколько примеров:

Love and cough can not be hid. — Любовь и кашель не спрячешь (неизбежность любви).

Men are best loved farthest off. — На расстоянии любишь сильнее (стремление любить вопреки всему).

Love not at the first look. — Не влюбляйся с первого взгляда (предосторожность в любви).

The course of true love never did run smooth. — Настоящая любовь всегда на своем пути встречает препятствия (способность любви побороть любые сложности и то, что в любви непросто).

Above all is love all. — Выше всего — любовь (превосходство любви над всем).

Love is blind. — Любовь слепа (слабость человека перед силой любви).

Love is not found in the market. — Нельзя купить любовь на рынке (большая сила любви и её превосходство над материальными ценностями).

Love is a ageless. — Любовь не имеет возраста (любовь превышает даже физического возраста).

Love me little, love me long. — Люби меня не сильно, но долго (любовь превышает времени).

The cat loves the mouse. — Любит и кошка мышку (сила любви сильна одинаково ко всем).

Таким образом, уже вначале формирования английской литературы, т. е. в её основах — устном народном творчестве — мы видим огромную силу литературной темы любви в Англии.

Если искать основополагающие истины любви и светлые зачатки этого прекрасного чувства в английской литературе, то можно найти их в шедевре мировой классики — повести У. Шекспира «Ромео и Джульетта». Эту романтическую историю создал английский классик, в дальнейшем она вошла в сердца миллионов читателей.

Ромео и Джульетта должны были погибнуть во имя любви, но, препятствуя сопротивлению родителей, все-таки остаются вместе, хоть и не в этом мире. Это яркий пример для начала эпохи романтизма, где любовь — это духовная единица.

Ромео проявляет готовность ради любви отказаться от своего имени, а Джульетта готова пожертвовать своей жизнью для того, чтобы быть верной Ромео и их любви:

Р о м е о

«Меня перенесла сюда любовь, Ее не останавливают стены.
В нужде она решается на все, И потому — что мне твои родные!» —
Для героев нет преград на пути их любви, —

Д ж у л ь е т т а

...Мое лицо спасает темнота,
А то б я, знаешь, со стыда сгорела,
Что ты узнал так много обо мне.
Хотела б я восстановить приличие,
Да поздно, притворяться ни к чему.
Ты любишь ли меня?
Я знаю, верю,
Что скажешь «да».
Но ты не торопись.
Ведь ты обманешь.

Говорят, Юпитер пренебрегает клятвами любви.

Терзания влюбленных сродни чувствам настоящих романтических героев. Бледность, волнение, связь с мифологическими сюжетами. Любовь Ромео и Джульетты превыше всего.

В сонетах Шекспира тоже подробно раскрывается тема любви романтической. Для нее свойственны такие черты:

1) чувство любви похоже на болезнь, одержимость (сонет 147): *Моя любовь с горячкой злою сходна.... (a fever, the disease) или Мои слова и мысли — бред туманный...*;

2) слепость и потеря самообладания в любви (сонет 141): *Но сердце ни уму, ни чувствам не подвластно...* Здесь Шекспир описывает чувство любви словосочетанием *one foolish heart* и ведет речь о незрячей любви (*blind fool Love*):

Безумная любовь! Слепец! Не ты ль затмила
Мои глаза! Они не видят, хоть глядят...
(*Thou blind fool Love, what dost thou to mine eyes,
That they behold and see not what they see?*) (Сонет 137);

3) всесильность любви над любыми препятствиями — это умение преодолеть препятствия, все сложности (сонет 116): *Ее не сломят бури никогда. (O no, it is an ever-fixed mark. That looks on tempests and is never shaken.);*

4) чувство любви сравнивают с пожаром, огненной стихией, пламенем (сонеты 119 и 154). В сонете 119 Шекспир изображает вселенское чувство: *потухшая любовь, пылавшая огнем...*

Тот факел бросили они в родник холодный,
И от огня любви он тотчас теплым стал...
(*This brand she quenched in a cool well by,
Which from Love's fire took heat perpetual...*) (Сонет 154).

Заключение. В языке повести У. Шекспира «Ромео и Джульетта» и его сонетах концепт «любовь» как сложный комплекс признаков имеет разноуровневую представленность. Наиболее информативным

с этой точки зрения выступает лексический уровень. В процессе идентификации, отождествления внутреннего мира человека миру внешнему, физическому важную (если не основополагающую) роль играет метафора, исследованию которой посвящено большое количество работ. Под метафорой в широком смысле понимается любое переносное значение слова. Следовательно, абстрактная, ментальная сущность концепта «любовь» познаётся посредством метафор.

Список цитируемых источников

1. Longman Dictionary of English Language and Culture. — Harlow : Pearson Education Ltd, 2006. — 1620 p.
2. Oxford Collocations: Dictionary for students of English. — Oxford : Oxford University Press, 2002. — 1570 p.
3. Александрова, З. Е. Словарь синонимов русского языка / З. Е. Александрова. — М., 1989. — 495 с.

УДК 81'373.233

В. В. Новик

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

ФРАЗЕОЛОГИЯ СУБКУЛЬТУРЫ БАЙКЕРОВ

Введение. Субкультура — это часть культуры общества, отличающаяся своим поведением от преобладающего большинства. Данные представители общества стремятся к явному обособлению, что проявляется не только в манере одеваться и в поведенческих реакциях, но и в речевой коммуникации, в способности оформлять и выражать свои мысли. Актуальность проблемы заключается в том, что у представителей субкультур со временем вырабатывается свой язык, элементы которого зачастую не ясны остальным. В данной работе представлено исследование особенностей речевого поведения молодежной субкультуры байкеров.

Цель заключалась в том, чтобы выявить структурно-семантические особенности фразеологии субкультуры байкеров. Задачи исследования: определить понятия «субкультура», «жаргон», «сленг»; произвести отбор материала исследования; осуществить структурную, частеречную и тематическую классификацию отобранных лексических единиц. Объектом исследования является субкультура байкеров. Предмет исследования — структурно-семантические особенности фразеологии байкеров.

Основная часть. Материал для анализа был отобран из электронного словаря “The Motorcycle Bikers Dictionary” [1]. Исследование проводилось в несколько этапов: на первом этапе была выполнена структурная классификация (таблица 1), на втором этапе была осуществлена частеречная классификация (таблица 2), на третьем — тематическая классификация отобранных фразеологизмов (таблица 3).

Общий объем выборки составил 95 фразеологизмов.

Т а б л и ц а 1 — Структурная классификация фразеологизмов

Фразеологизм	Количество фразеологизмов (%)
Двухсоставный	84 (88,4)
Трёхсоставный	8 (9,5)
Четырёхсоставный	3 (3,2)
Итого	95 (100,0)

Т а б л и ц а 2 — Частеречная классификация фразеологизмов

Тип фразеологизма	Количество фразеологизмов (%)
Устойчивые сочетания с существительными	84 (88,4)
Глагольные устойчивые сочетания	11 (11,6)
Итого	95 (100,0)

Тематика	Количество слов (%)
Названия частей мотоцикла	29 (30,5)
Названия мотоциклов	17 (17,9)
Манера вождения	16 (16,8)
Байкеры	15 (15,8)
Пассажиры	5 (5,3)
Дорожное покрытие и дорога	5 (5,3)
Названия аварий	4 (4,2)
Оборудование для байкеров	3 (3,2)
Территория для катания	1 (1,1)
Итого	95 (100,0)

Лидирующей группой являются двухсоставные фразеологизмы: *ape hangers* ‘handlebars that are at operator’s shoulder height or higher’, *beer cans* ‘the can shaped covers on Harley FL front forks’, *bungee cord* ‘a stretch cord for attaching things to a motorcycle cheaply and quickly’ и т. д.

Трёхсоставные: *popular with cruiser* ‘style motorcycles’, *double cradle frame* ‘a bike frame with two steel tubes circling the engine from the front and “cradling” it’, *upside-down forks* ‘telescopic forks in which the lower section telescopes into the fixed upper tube. They are sometimes referred to as inverted telescopic forks on older’ и т. д.

Четырёхсоставные: *expansion stroke or power stroke* ‘the movement of the piston after the fuel-air mixture has been ignited’, *keep the dirty side down* ‘ride safe don’t lay the bike down’, *showed him my wheel* ‘riding behind someone so close that he saw your wheel beside him’ и т. д.

Самым распространённым типом являются устойчивые сочетания с существительными в качестве центрального компонента: *double cradle frame* ‘a bike frame with two steel tubes circling the engine from the front and “cradling” it’, *expansion stroke or power stroke* ‘the movement of the piston after the fuel-air mixture has been ignited’, *false neutral* ‘when you fail to engage gears and the transmission behaves as though it was in neutral even though it is not. Example. I hit a false neutral once when shifting from 4th to 5th gear’ и т. д.

Группа «Глагольные устойчивые сочетания»: *chopping the throttle* ‘this refers to rapidly closing or backing off the throttle to reduce speed’, *grabbing a handful* ‘applying brakes or twisting the throttle in excess’, *keep the dirty side down* ‘ride safe don’t lay the bike down’ и т. д.

В ходе исследования было выявлено, что самой обширной тематической группой является «Названия частей мотоцикла». В данную группу вошли названия рамы, цилиндров, руля, двигателя и т. д.: *ape hangers* ‘handlebars that are at operator’s shoulder height or higher’, *beer cans* ‘the can shaped covers on Harley FL front forks’, *bungee cord* ‘a stretch cord for attaching things to a motorcycle cheaply and quickly’, *crash bar* ‘engine guard’, *case guards* ‘see highway bars: thick, often chrome, tubes that connect to a motorcycle’s frame. Designed to protect the engine in case of a collision, but popular for their appearance. Popular with cruiser-style motorcycles’ и т. д.

В группу «Названия мотоциклов» входят названия мотоциклов с различной мощностью, новых мотоциклов, спортивных, уличных и т. д.: *bar hopper bike* ‘the cool customs and pristine bikes that only come out of the garage Friday and Saturday nights during the summer (and only if it’s real nice out — never in rain) to prowl from bar to bar’, *crotch rocket* ‘a sport bike with high horsepower’, *chicken wing* ‘Honda Gold Wing’, *donor cycle* ‘nickname used by the medical professional or emergency workers (police and firefighters) to describe a motorcycle’ и т. д.

Группу «Манера вождения» составили названия гонок, путешествий на большие расстояния и т. д.: *bun burner* ‘a long and grueling ride which makes the bum sore’, *burning up miles* ‘riding long distances on the highway in order to accumulate mileage’, *California stop* ‘phrase often used by motorcyclists meaning to stop, typically at an intersection, without putting a foot down’, *dry race* ‘a race in which climatic conditions affecting the track surface are considered to be dry, opposed to wet’ и т. д.

Группу «Байкеры» составили названия байкеров опытных, неопытных, отличающихся манерой вождения и т. д.: *big dog rider* ‘an experienced and aggressive motorcyclist known for feats of daring and skill, such as riding at high speeds on public roads, without apparent fear of accident or arrest’, *fresh meat* ‘new young girlfriend’, *front door* ‘first rider in a group’, *lone wolf biker* ‘someone who lives the Bike Lifestyle but chooses not to ride with a club’ и т. д.

В группу «Пассажиры» вошли названия пассажиров на заднем сиденье и т. д.: *back door* ‘the last rider in a group. АКА sweep or tail gunner’, *hack warmer* ‘a girl on the back of your motorcycle’, *old lady* ‘wife or steady girlfriend of a club member’, *passenger pad* ‘pillion pad’, *purple hooters* ‘topless female rider in cold weather’.

В группу «Дорожное покрытие и дорога» вошли названия дорожных покрытий, дорог: *asphalt snake* ‘the material used to patch cracks in the asphalt. They can be slippery and potentially dangerous’, *black ice* ‘ice that cannot be seen on the road surface as it takes upon the color of the road’, *canyon carving* ‘riding the twisties (road curves/corners) to an extreme. Usually found in cold spots on the road like under a bridge. Very dangerous hazard to a motorcyclists’, *fog line* ‘the edge of the pavement’ и т. д.

Группа «Названия аварий»: *canyon bites* ‘serious accidents that occur while riding fast on twisty roads that are often found in canyons of mountainous areas’, *eat asphalt* ‘slang for crash’, *high side* ‘a particularly nasty type of crash where the rider is bucked up and over the handlebars. Usually caused when the rear brake is released after a rear wheel lock up’, *bone yard* ‘salvage yard for bike parts’.

Группу «Оборудование для байкеров» составили названия шлема, обертки для охлаждения и т. д.: *cool collar* ‘a wrap for use around the neck used to provide significant cooling to a rider in very hot weather. The wrap is a cloth tube that either contains a bead-like material that swells when moistened and dries slowly, or contains an inner plastic tube which, in turn, contains ice and/or ice water’, *flower pot* ‘a cheap helmet non snell-approved head protection device’, *brain bucket* ‘a small, non DOT approved helmet’.

В группу «Территория для катания» вошло название территории: *broken wing* ‘a patch that shows that a rider has been in crash’.

Заключение. Фразеологизмы субкультуры байкеров были классифицированы с точки зрения структуры, частеречной принадлежности центрального элемента, а также тематически. Самыми распространёнными фразеологизмами являются двухсоставные; в рамках частеречной классификации — устойчивые сочетания с существительными в качестве центрального компонента; самой обширной тематической группой является группа «Названия частей мотоцикла».

Список цитируемых источников

1. Dictionary [Electronic resource] / The Motorcycle Bikers Dictionary. — 2009. — Режим доступа: <http://www.totalmotorcycle.com/dictionary/M.htm>. — Дата доступа: 09.04.2016.

УДК 811.112

О. А. Павлюкович

Учреждение образования «Полесский государственный университет», Пинск

АГЕНТИВНЫЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ В СОВРЕМЕННЫХ РУССКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

Введение. Среди многочисленных исследований зарубежных и отечественных лингвистов работы по словообразованию занимают относительно скромное место. Изучение агентивных существительных в современных русском и немецком языках, несомненно, актуально, так как в нынешних условиях типологическое исследование разноструктурных языков относится к числу важнейших задач языкознания. Оно имеет как теоретическое, так и прикладное значение. Сопоставительно-типологическое исследование разных языков (в данном случае русского и немецкого) помогает раскрыть не только их общие черты, но и выявить наиболее полно индивидуальные особенности сопоставляемых языков.

Основная часть. В процессе работы над темой использовался комплекс методов: метод словарных дефиниций, словообразовательный анализ отобранных лексических единиц, метод компонентного анализа, метод количественных подсчетов полученных данных, сравнительно-сопоставительный метод.

Материалом исследования послужили лексикографические источники [1; 2], так как именно словари поставляют аутентичный материал, который, без сомнения, может быть подвергнут анализу. Общий объем выборки составил более 1 300 словарных единиц в русском языке и около 1 600 словарных единиц в немецком, описывающих и иллюстрирующих значение имен деятеля. Нами было представлено комплексное описание структурно-семантических особенностей агентивных существительных в современных русском и немецком языках, установлены и описаны продуктивные словообразовательные модели и средства категории агентивности в системе словообразования. В результате сопоставительного анализа выявлены общие черты и специфические особенности в образовании агентивных существительных в исследуемых языках.

Для обозначения действующего лица в русском и немецком языках могут быть использованы лексические единицы разных категорий: немотивированные простые слова (*слесарь, актер, Lord, Jäger*), производные слова (*нусатель, учитель, Lehrer, Texter, Bildner*), сложные слова (*водовоз, золотомускатель, Schuhmacher, Ordensbruder*), словосочетания (*Fachmann für Weinherstellung (винодел), brünetter Mann (брюнет)*).

Деятель может обозначаться либо как активный производитель действия (учитель — тот, кто учит), либо как некто, испытывающий действие (ученик — тот, кого учат).

Характерной особенностью русского словообразования агентивных существительных является активность отыменного словообразования, т. е. образование слов со значением деятеля от корневых имен существительных и прилагательных (а не от других частей речи, например, от глаголов или наречий). В немецком языке часть этих значений закрепляется за суффиксом *-er* (реже *-ling*) и его вариантами. Чаще всего немецким существительным с суффиксом *-er* соответствуют русские, преимущественно отглагольные, существительные с суффиксом *-ец* и *-тель*. В отличие от русских суффиксов суффикс *-er* значительно менее активен в системе отыменного словообразования, следовательно, он не может передать значения всех морфологических типов русских существительных. Многим из них в немецком языке соответствуют сложные слова. В первую очередь это относится к отыменным образованиям: *фронтвик* — *Frontkämpfer*; суффиксальные соответствия немецкого языка существительным русского языка довольно редки.

В иных случаях трудно подыскать какое-либо производное или сложное слово, тогда возможным оказывается соответствие в виде определительного словосочетания, имеющего описательный характер: *здоровяк* — *kerngesunder Mensch*; следует упомянуть и о субстантивированных прилагательных как о возможных соответствиях русским суффиксальным образованиям: *толстяк* — *der Dicke*.

Наиболее продуктивными при образовании *Nomina agentis* в русском языке являются суффиксы *-ик* (*-ник/-еник*); *-ец* (*-нец/-лец*); *-тель* (*итель*); *-щик* (*-льщик*)/*-чик*, которым в немецком языке соответствует прежде всего суффикс *-er* (реже *-ling*).

Не случайное совпадение то, что посредством суффикса *-er* в немецком языке образуются имена существительные, соответствующие в первую очередь русским отглагольным существительным с суффиксами *-ец*, *-тель*. Это объясняется тем, что немецкий язык, по сравнению с русским, допускает в более широких пределах образование существительных от того или иного глагола. Отсюда явление как бы обратного свойства: невозможность подыскать прямые соответствия значительному числу существительных немецкого языка с суффиксом *-er*: *Benutzer* (*пользователь*), *Entdecker* (*первооткрыватель*) и др.

В системе русских агентивных существительных есть сложные слова, образованные путем соединения именной и глагольной основы типа *людоед*, *птицелов*, *злодей*, *рудокон*. Беря за основу морфологическую структуру сложных существительных, исследователи различают в современном русском языке до восьми различных типов с довольно многочисленными семантическими разновидностями внутри них. Но следует подчеркнуть, что немецкое сложное существительное отличается от русского большим разнообразием своего морфологического состава. Слово-определитель может выражаться основами, соотносящимися с различными частями речи: существительным, прилагательным, наречием, числительным, глаголом. Русский язык не имеет сложных слов, в которых бы первый компонент представлял собой глагольную основу. Качественное своеобразие немецких сложных слов заключается в сочетании в них двух функций: обозначения отдельных понятий и выражения отношений между предметами/явлениями действительности. Сложные существительные со значением деятеля служат, с одной стороны, для называния лица, например, *Bergarbeiter* (*рудокон*); с другой стороны, они способны выражать отношения между понятиями: *Gastwirtssohn* (*сын хозяина ресторана*). В русских существительных синтаксическая функция не проявляется так ярко. Сложные существительные с глагольной, бессуффиксальной (реже с производной) основой типа *головорез*, *блюдолиз*, *кровосос* представляют собой меткие характеристики лиц и имеют экспрессивно-разговорный характер.

В русском и немецком языках наблюдается четкая дифференциация лиц по роду деятельности, социальному положению, отношению к различным художественным течениям и другим критериям. В связи с этим и выделяются лексико-семантические разряды: имена деятеля по национальности; по месту жительства; в сфере кустарного, ремесленного производства; в неквалифицированной сфере труда; по месту работы; в сфере промышленного производства; в сфере строительства, сельскохозяйственного производства; в военной и военизированной сфере; в области общественного порядка и правопорядка; в политической, административной, юридической сфере; в области речемыслительной деятельности (различных областей, связанных с наукой, образованием и т. д.); в сфере компьютерных технологий; в области религии, медицины, спорта, искусства, музыки, живописи, театра, балета, цирка, телевидения, литературы; существительные, обозначающие лиц, занимающихся деструктивной деятельностью; имена деятеля по родственным отношениям, по брачным отношениям, по возрасту; по различного рода внутренним качествам, темпераменту, особенностям поведения; по различного рода внешним особенностям; по социальному, имущественному положению; имена деятеля, связанные с оккультными действиями; имена деятеля с оценочным значением.

В немецком языке интернациональные словообразовательные модели агентивной семантики часто находятся в дополнительной дистрибуции с исконными моделями, что ведет к синонимии словообразовательных типов (*Montierer* 'тот, кто что-то монтирует или уже смонтировал'; *Monteur* 'тот, кто профессионально монтирует предметы').

Как в русском, так и в немецком языке наблюдается совпадение средств выражения агенса и инструмента в словообразовании. Некоторые факты языка, такие как данные о приобретении языка, направление переноса значения, свидетельствуют в пользу первичности агентивного значения перед ин-

струментальным. Обычно употребляемое в агентивном значении производное *Pfleger* начинает активно использоваться в инструментальном значении: в слове *Maschinenpfleger* речь идет не о человеке, который ухаживает за машиной, например, чистит ее, а о химическом веществе, которым чистят машину. В русском языке имеется, например, суффикс *-ок*, который употребляется для обозначения лица, производящего действие, или предмета, предназначенного для его выполнения, а также места действия: *едок, стрелок, мастерок, коток*.

То обстоятельство, что словообразовательные средства одного поля функционируют и в других полях, можно было бы назвать своего рода словообразовательной универсалией, по крайней мере, для индоевропейских языков.

Заключение. Аффиксация как способ образования агентивных существительных в немецком языке менее продуктивна. Если исходить из всей системы словообразования, то в немецком языке основную роль в словообразовании выполняет словосложение. С одной стороны, оно часто переплетается с аффиксацией, с другими средствами словообразования. С другой стороны, оно граничит с синтаксисом, так как в немецком языке между компонентами сложного слова часто возникают такие отношения, которые повторяют синтаксические связи между словами.

Анализ лексико-семантической группы имен деятеля в русском и немецком языках наглядно демонстрирует тот факт, что категория агентивности, выделяемая в словообразовательной системе исследуемых языков, является важной социолингвистической категорией, которая характеризует человека как деятеля, производителя, создателя и социально активного человека общества, преобразующего мир. Лексико-семантическая группа охватывает почти все сферы жизнедеятельности человека. Сильно выраженный антропоцентрический характер категории *Nomina agentis* свойствен как русскому, так и немецкому языку.

Список цитируемых источников

1. Большой немецко-русский словарь : в 3 т. / под общ. рук. О. И. Москальской. — М. : Рус. яз., 1998. — Т. 1—3.
2. *Daum, E. Langenscheidt Handwörterbuch* / E. Daum, W. Schenk. — Berlin : CPI, 2009. — 1393 S.

УДК 800

Е. А. Пархомчик

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

СЕМАНТИЧЕСКОЕ РАЗВЕРТЫВАНИЕ ИМЁН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ХАРАКТЕР (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Введение. В современных лингвистических исследованиях большое место отводится изучению частеречного состава языка и, в частности, вопросам номинации посредством единиц разных частей речи. Интерес лингвистов вполне закономерен, поскольку название объектов и явлений реального мира является одной из элементарных функций, «лежащих в основе всех многообразных использований языка как средства общения, познания и воздействия» [1, с. 281].

Понятия, идеи, концепты, возникающие в мозгу, не могут в неизменной мыслительной форме передаваться собеседнику, и «язык... перебрасывает мост через эту пропасть, превращая идеи в материал, обладающий способностью переходить от одной нервной системы к другой» [2, с. 28]. И адъективные имена выполняют свою немаловажную функцию вербализации идей определенного характера.

Несмотря на то, что исследователи неоднократно обращались к рассмотрению английских прилагательных, основное внимание в плане изучения категориальных характеристик уделялось имени существительному и глаголу. Однако имеется целый ряд работ, посвященных изучению прилагательных английского языка в разных ракурсах. В частности, рассматривались словообразовательные особенности данной части речи [3], проводились исследования отдельных семантических групп и полей прилагательных (например, прилагательные цветообозначения; прилагательные, описывающие различные качества человека или физические свойства объектов).

Цель исследования заключается в выявлении в английском языке инвентаря прилагательных, определяющих черты характера человека и описание их семантики. При этом под чертами характера человека понимаем постоянные, социально значимые внутренние качества человека.

Основная часть. В именах прилагательных, обозначающих характер человека, воплотилось накопленное поколениями знание о психофизической сущности человека. Исследование семантической структуры прилагательных данной группы подтверждает когнитивный характер их семантики, т. е.

в кусочках значений (семах) закреплено то, что формирует характер человека: отношение к себе и к людям, к материальному миру, духовным ценностям и т. д. [4].

Чтобы более четко определить границы лексико-семантической группы (ЛСГ) имен прилагательных, обозначающих характер человека, описать их семантическую структуру, применим компонентный (семный) анализ. Сема является ключевым понятием, результатом компонентного анализа. Лексическое значение слова понимается как комбинация сем, которые наиболее полно раскрывают семантику слова.

В ходе исследования был проведен анализ семантической структуры слов-прилагательных, определяющих черты характера человека. В данной работе главным стало именно семантическое развертывание прилагательных, обозначающих характер.

В ЛСГ английских прилагательных, определяющих черты характера человека, нами выделено шесть лексико-семантических подгрупп (ЛСПГ). Эти подгруппы включают самые важные и наиболее употребляемые прилагательные, при помощи которых можно охарактеризовать человека. Это прилагательные, выражающие: 1) свойства личности; 2) умственные способности; 3) волевые качества; 4) отношение человека к другим людям; 5) отношение к работе; 6) отношение к вещам, собственности.

Между членами этой ЛСГ наблюдаются родовидовые отношения, а также отношения антонимии и синонимии. Далее мы рассмотрим каждую группу. Все те прилагательные, которые не вошли в вышеупомянутые и нижеизложенные группы, подходят, так как по маркеру они сходны.

В результате исследования шести ЛСПГ прилагательных, обозначающих характер человека, путем компонентного анализа в значении имен прилагательных были выделены превалирующие (и в этом смысле их можно назвать ядерные) семы и те, которые встречаются крайне редко.

В первой подгруппе, описывающей свойства личности, превалирующими семами являются *active* и *quick*; семы, которые встречаются редко: *bad-tempered*, *observant*. Активность — это небезразличное отношение к окружающему миру, что проявляется в поступках и мыслях самой личности.

Во второй подгруппе, характеризующей умственные способности, мы определили также две важные семы: *clever* и *ingenious*; редко встречающиеся семы: *sharp*, *critical*. Умные люди в большинстве случаев обладают достаточно глубокими познаниями во многих сферах и могут разобраться даже в самых тяжелых жизненных ситуациях, что имеет ценность для каждого человека.

Наиважнейшими семами третьей подгруппы, обозначающей волевые качества, являются *stubborn* и *wilful*. Это очень важные и очень сильные личностные качества, которые помогают человеку добиваться успеха и побеждать. Семы, которые встречаются крайне редко в подгруппе: *unruly* и *self-restrained*.

В четвертой подгруппе, описывающей отношение человека к другим людям, мы выделили три доминирующие семы: *kind*, *pleasant* и *warmhearted*. Это расположенные к людям и готовы прийти на помощь в любой ситуации, что является очень важным качеством. Семы, которые встречаются реже всего: *fair*, *reliable*.

В пятой же подгруппе, обозначающей прилагательные по отношению к работе, нами были определены три превалирующие семы: *respectful*, *polite*, *careless*; редко встречающиеся семы: *passionate*, *distracted*, *motionless*, *concentrated*. Для англичанина, как и для любого другого человека, важны качества самого человека, оценка человека другим человеком. Человека уважают за то, что он делает.

В шестой подгруппе, описывающей отношение к вещам и собственности, мы выделили три наиболее частотные семы: *prudent*, *careful*, *sparing*; семы, которые встречаются редко: *moderate*, *irresponsible*. Экономный человек бережливо и разумно распоряжается деньгами, выделяя главные приоритеты и отсекая ненужные траты, избегая соблазнов.

Заключение. Анализ позволил полнее, глубже проникнуть в семантическую структуру прилагательного со значением «характер человека». В ЛСГ имен прилагательных, обозначающих характер человека, содержатся наименования внутренних, психических свойств, признаков человека, поэтому в значениях таких прилагательных обязательно содержится ядерная сема «характер». Наиболее важные и частотные — это семы, которые встречаются в значениях именно положительных прилагательных, положительных чертах характера человека. Каждый человек должен приобретать и развивать качества, которые являются положительно важными, и стараться искоренить/избежать приобретения в себе тех качеств, которые не вызывают одобрения и уважения.

Список цитируемых источников

1. Степанов, Ю. С. Методы и принципы современной лингвистики / Ю. С. Степанов. — М. : Наука, 1975. — 311 с.
2. Чейф, У. Л. Значение и структура языка / У. Л. Чейф. — М. : Прогресс, 1975. — 432 с.
3. Афанасьева, О. В. Адъективный класс лексики в современном английском языке и формы его языковой репрезентации : дис. ... д-ра филол. наук / О. В. Афанасьева. — М., 1994. — 395 л.
4. Анализ имён прилагательных [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://cheloveknauka.com>. — Дата доступа: 25.04.2016.

МЕТАФОРА КАК СРЕДСТВО НОМИНАЦИИ ЮМОРИСТИЧЕСКОГО (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Введение. Каждый язык уникален и имеет свои особенности. Человек, владеющий каким-либо иностранным языком, использует разнообразные лексические единицы, употребляет различные грамматические и фонетические законы языка. Изучением юмористической метафоры занимаются не многие ученые. Метафора как языковое явление встречается не только в устной речи, но также и в письменной. Огромное значение метафоры состоит в использовании ее в художественных произведениях. Нет ни одного автора, который не воспользовался бы метафорическим переносом для того, чтобы в ярких красках описать героев, различные явления и действия.

Цель нашего исследования заключалась в выявлении особенностей метафоры, используемой для номинации юмористического в английском языке. Объект исследования — метафорические переносы в английском языке.

Основная часть. Изучение метафор традиционно связывают с изучением литературы, но использование метафор не ограничивается только литературным языком. В отличие от сравнения, метафора — это скрытое сравнение, в котором слова «как», «как будто», «словно» опущены, но подразумеваются. Из всех тропов метафора отличается особой экспрессивностью. Обладая неограниченными возможностями в сближении, нередко в неожиданном уподоблении самых разных предметов и явлений, по существу по-новому осмысливая предмет, метафора способна вскрыть его внутреннюю природу. Нередко метафора является выражением индивидуально-авторского видения мира. В отличие от распространенной «бытовой» метафоры («наступает вечер», «сошел с ума»), индивидуальная метафора содержит высокую степень художественной информативности, так как выводит предмет (и слово) из автоматизма восприятия. В тех случаях, когда метафорический образ охватывает несколько фраз или периодов или даже распространяется на все произведение, метафора называется развернутой. Поскольку это довольно сложные построения, то в них развитые метафоры по существу превращаются в аллегории (иносказания). Когда метафорическое выражение берется в прямом смысле и происходит его дальнейшее буквальное развертывание, возникает явление реализации метафоры — прием, нередко вызывающий комический эффект.

Наша работа посвящена юмористическим метафорам в художественных произведениях Jerome K. Jerome “Three Men In a Boat” [1] и Helen Fielding “Bridget Jones’s Diary” [2]. Нами было проведено исследование, в результате которого было выявлено некоторое количество юмористических метафор, которые демонстрируют всю красоту и многогранность произведений. Методами нашего исследования являлись чтение произведений и контекстуальный анализ найденных юмористических метафор. Все обнаруженные нами юмористические метафоры были распределены на четыре группы по типу сходства. В ходе исследования данных произведений и при распределении метафор по классам мы пользовались классификацией Германа Пауля: 1) сходство по поведению (80% метафорических конструкций); 2) сходство по форме (5% метафорических конструкций); 3) сходство по цвету (15% метафорических конструкций); 4) сходство по положению (0% метафорических конструкций).

Юмористическая метафора *to explain in a sheep’s voice* ‘объяснять голосом овцы’ основана на типе сходства по поведению. Данная метафора представляет метафорический перенос, осуществляемый с помощью прилагательного *sheep’s*. Метафора носит эмоционально-экспрессивный характер, где при описании человека или его действий используется понятие, привычно даваемое при описании животных. *In a sheep’s voice* — употребляется в метафорическом значении и несет смысл «виноватым, боязливым».

Еще одним явным примером того, что метафора основывается на сходстве по поведению, является метафора *the barometer jumped up* ‘барометр подпрыгнул’. Здесь мы также можем наблюдать метафорический перенос, осуществляемый при помощи глагола в функции предиката. *To jump up* употребляется в метафорическом значении и несет в себе смысл «подняться, повыситься». Мы можем наблюдать юмористический компонент в данной метафоре, так как «барометр» является неодушевленным лицом и в сочетании с глаголом «подпрыгнуть» он демонстрирует метафорический перенос с номинацией юмористического.

Метафора *to make an ass of yourself* ‘делать из себя осла’ основана на типе сходства по поведению. Метафора представляет метафорический перенос, осуществляемый с помощью глагола в функции предиката и существительного в функции субъекта. *To make* употребляется в метафорическом значении и несет смысл «превращать, выставять». В данном примере присутствует метафорический перенос, который вызывает комический эффект. В связи с этим можно утверждать, что метафора в данном примере является средством номинации юмористического.

Метафора *to be a nut on public-houses* 'быть орешком на публике' образуется путем наименования предмета. Существительное *nut* приобретает новое значение и характеризует человека, имеет скрытый смысл «сильный», «стойкий». Так как человек не может быть похож на орех, то здесь мы наблюдаем использование юмористической метафоры.

Метафора *to feel like an enormous pudding in the bridesman dress* 'чувствовать себя как огромный/чудовищный пудинг на костюме шафера', основанная на типе сходства по форме, осуществляется при помощи сравнения. В данном примере с помощью метафоры-сравнения описывается состояние человека, который по форме и состоянию сравнивается с пудингом. Но так как данное действие невозможно, то здесь можно говорить о номинации юмористического посредством метафоры.

To go red in face as tomato 'покраснеть как помидор'. В данном примере можно определить метафору, основанную на типе сходства по цвету и уподоблению. Метафорический перенос осуществляется при употреблении глагола *to go red in* и сравнительной конструкции *as*. Метафора усиливает эффект при описании внешности человека. Так как с помощью данного метафорического переноса автор пытается высмеять человека, здесь можно наблюдать номинацию юмористического посредством метафоры.

Метафора *to be a bright orange* 'быть ярким апельсином' основана на типе сходства по цвету. Метафорический перенос осуществляется с помощью глагола *to be* и существительного *orange*. Метафора описывает внешность героя романа: «быть апельсином», иметь цвет кожи, схожий с цветом апельсина. Таким образом, употребленная в новом окружении метафора реализуется как юмористическая.

В результате контекстуального анализа всех юмористических метафор и распределения их по группам мы выяснили, что метафоры, основанные на типе сходства по поведению, значительно преобладают в данных произведениях, их количество составило 46. Менее репрезентативными в данных произведениях являются метафоры, основанные на типе сходства по цвету, их количество составило 4. Метафоры, основанные на типе сходства по форме, представлены 3 единицами.

Однако следует заметить, что метафоры, основанные на типе сходства по положению, вообще не были найдены. Данное явление можно объяснить тем, что эти метафорические конструкции весьма трудны в употреблении.

Заключение. Юмористические метафоры широко используются в художественных произведениях. Они сложны по своей структуре и имеют в себе скрытый смысл, который при наиболее обдуманном чтении раскрывается в несколько раз ярче. Юмористическая метафора в исследованных романах вторично вербализует уже существующие понятия и дает языковым единицам, употребленным в метафорическом значении, новый смысл и оттенок. Так, очутившись в новом окружении, метафорические единицы приобретают новое значение (юмористическое), тем самым принося произведению определенную атмосферу и окрас, что влияет на восприятие текста читателем. Все обнаруженные юмористические метафоры позволяют автору создать атмосферу психологического комфорта и расслабленности, отразив все грани человеческой природы.

Список цитируемых источников

1. Jerome, K. Jerome. Three Men in a Boat / Jerome K. Jerome. — М.: Менеджер, 2003. — 288 с.
2. Fielding, H. Bridget Jones's Diary / H. Fielding. — М.: Менеджер, 2003. — 126 с.

УДК 81.271.2

Е. Г. Полосухина

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА А. МЕРКЕЛЬ В НЕМЕЦКИХ СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Введение. В наши дни всё больше внимания общественность уделяет успехам или неудачам какой-либо известной личности. Совершенно разные люди со своими неповторимыми чертами характера или даже внешности, особым мировоззрением, шармом становятся героями полотен художников, персонажами литературных произведений и журналистских материалов. Невозможно обойти стороной и политические лидеры, так как они в современном мире играют не последнюю роль. Сегодня и политики, и народ понимают, что у большинства появилась возможность не только оценивать политических лидеров по конечному результату их деятельности, но и непосредственно влиять на предоставление им самой возможности вершить политику, на вероятность достижения ими власти. Немаловажную роль в этом процессе играют средства массовой информации.

Данное исследование направлено на выявление и описание лексических средств репрезентации политического портрета А. Меркель в немецкоязычных средствах массовой информации. Его актуальность заключается в том, что в политической жизни каждого общества влияние психологических составляющих на деятельность политических элит и лидеров, а также на содержание значимых политических процессов выступает как один из первоочередных факторов, что и диктует необходимость выявления специфики репрезентации портрета политического лидера в материалах масс-медиа. Эмпирическую базу исследования составили 118 единиц-контекстов, которые были отобраны в результате сплошной выборки из текстов немецкоязычных периодических изданий: „Die Welt“, „Der Spiegel“, „Die Zeit“, „Stem“, „Focus“, „Süddeutsche Zeitung“.

Основная часть. В качестве стержневого понятия исследования выступает «политический портрет», которое в научной литературе трактуется как «жанр, в котором в основном отображается психологический портрет, действия и имидж реальных личностей. Политический портрет отличается от других жанров тем, что в нем в равных количествах должны быть представлены публицистичность и художественность. Задача журналиста в написании этого жанра — угадать за имиджем реальную личность и дать ее истинную психологическую характеристику, прогнозировать возможные действия этой личности в будущем, предсказать общественную значимость и роль этой личности в общественном развитии» [1, с. 36].

Исходя из анализа личностных и коммуникативных качеств А. Меркель, исследователи относят ее к психотипу «Аналитик», для которого характерны интроверсия, логика и рациональность поведения [2, с. 59]. Как переговорщик она стремится к непредвзятости, максимально абстрагируется от эмоциональных переживаний в деловых вопросах, старается найти объективные основания для своих решений, вникнуть в суть вопроса, изложить своё видение проблемы в системе. Она вежлива с партнерами, не стремится навязать своё мнение, не использует служебное положение. Обычно канцлер опирается на метод убеждения, основанный на четких, логически обоснованных высказываниях, при этом даёт понять, что ее оценка объективна. Бескомпромиссность А. Меркель в общении, в том числе на переговорах, может проявляться только в том случае, если речь идет о принципиальном политическом вопросе, научной и социальной истине. Несомненно, А. Меркель можно назвать успешным переговорщиком, умеющим эффективно добиваться поставленных целей в любых, даже самых сложных обстоятельствах.

В ходе анализа эмпирического материала нами установлено, что в текстах немецкоязычных СМИ в отношении политических лидеров чаще всего обсуждается их политическое правление или политический курс, которого придерживается тот или иной политик. И в нашем исследовании эта категория — политическое правление — является наиболее часто представленной (82 контекста, 69% от всего объёма выборки). В ходе исследования нами выявлены лексические средства репрезентации политического правления А. Меркель, которые используют авторы статей. Мы придерживаемся точки зрения, что ядром языковых средств являются слова. Этот способ универсален для всех языков. Стилистическое богатство лексико-семантического уровня обусловлено не только большим числом входящих в него единиц, но и разнообразием их качества, а также сложной, многоярусной системой их стилистической организации. Проведенное исследование показало, что вербальные средства коммуникации лексического уровня формируются следующими единицами:

1) *перифраза* (36 единиц, 44%) — стилистический термин, обозначающий описательное выражение предмета по какому-либо его свойству или признаку, даёт возможность избегания однотипных лексических средств, делает речь разнообразной. Например: *Frau Merkel ist angezählt; Vor allem aber ist es unerlässlich für das politische Überleben von Angela Merkel;*

2) *антитеза* (3 единицы, 4%) используется в экспрессивно-образительных целях. Например: *Zehn Jahre lang hat sie sich den türkischen Wünschen Richtung Europa erfolgreich verweigert — jetzt ist sie umgefallen; Angela Merkel scheint immer noch keine Konkurrenz zu haben, aber das ist falsch;*

3) *сравнение* (6 единиц, 7%) придает тексту особую выразительность, помогают ярче создавать художественный образ. Например: *Stefan Aust, der langjährige „Spiegel“-Chef, stellte in der „Welt“ soeben fest: Merkel verkauft Untätigkeit als Politik;*

4) *повторение* (4 единицы, 5%) придает экспрессивности и усиливает значение. Например: *Sie müsste vor ihre Bevölkerung treten und drei Sätze sagen: „Ich habe einen Fehler gemacht. Ich habe einen Milliarden Schaden angerichtet. Ich bitte um Verzeihung.“ Das wäre ihr politisches Ende, aber auch so rückt es näher; Gauck möchte gar nicht mit ihnen tauschen. Er ist gerade nicht unzufrieden mit seiner Kanzlerin und ihrem Außenminister, er ist ganz nah bei seiner Regierung;*

5) *эпитет* (8 единиц, 10%) — определение при слове, влияющее на его выразительность. Например: *Auf der anderen Seite ist da dieses tief sitzende Gefühl der Alternativlosigkeit in Bezug auf die Kanzlerin; Angela Merkel weiß, dass sie allein diese ordnende Hand nicht sein kann;*

6) *метонимия* (2 единицы, 2%) — замена двух понятий из разных смысловых областей на основании их логической связи. Например: *Die Opposition kritisierte aber auch das Auftreten von Kanzlerin Merkel gegenüber der Regierung in Ankara; Die CSU werde alles tun, um die Schwesterpartei zu einer Kurskorrektur zu bewegen, „notfalls auch gegen die Meinung von Frau Merkel“, so Stoiber wortwörtlich. Das Ziel sei jedoch nicht, Merkel „anzugreifen oder abzulösen“, sondern eine Änderung ihrer Haltung;*

7) *метафора* (3 единицы, 4%) служит для абстрактного уточнения в тексте, делает речь наглядной, эмоционально её окрашивает, придаёт тексту образность, красочность. Например: *Eine Entfremdung zwischen Merkel und ihrer eigenen Partei stellte laut „Spiegel Online“ der Leipziger CDU-Stadtrat Michael Weickert fest: «Viele bei uns sagen, die Merkel-CDU ist nicht mehr unsere CDU»*; Der Rücktritt des türkischen Premiers ist für Kanzlerin Angela Merkel eine Katastrophe. Ahmet Davutoglu war der Architekt des EU-Türkei-Abkommens. Nun braucht die Kanzlerin *einen Schutzengel*.

Использование метафор в политике является признаком кризисного мышления, т. е. мышления в сложной проблемной ситуации, разрешение которой требует от человека включения всех его когнитивных способностей. Анализируя политические тексты, можно выявить наиболее проблемные области для каждого политика.

Когда политик находится не первый срок у власти, к нему начинают «приклеиваться» прозвища или клички. Прозвище — вид антропонима, обозначающий дополнительное имя, данное человеку окружающими людьми в соответствии с его характерной чертой, сопутствующим его жизни обстоятельствам или по какой-либо аналогии. Политический портрет А. Меркель не является исключением. Категория «Прозвища» насчитывает 8 единиц и составляет 7%. В немецкоязычных СМИ журналисты используют такие вербальные средства коммуникации лексического уровня, как *перифраза* (6 единиц, 75%), которая выполняет описательную функцию, например: Aus der „mächtigsten Frau der Welt“ wurde über Nacht *eine internationale Bittstellerin*; Die eben noch die „Eiskönigin“ war, *Hüterin deutscher Interessen, potenzielle Weltenretterin, mächtigste Frau Europas*, Kandidatin für den Friedensnobelpreis; Merkel-Deuten ist in Deutschland ja ein Volkssport. Die dämlichen Spitznamen, die man sich über die Jahre für die Kanzlerin ausgedacht hat — „Teflonkanzlerin“, „Eiskönigin“, „Mutti“ — zeigen, wie groß die Sehnsucht ist, die Regierungschefin als verstehbar zu kennzeichnen — und wie unerfüllbar.

Нами было выявлено такое вербальное средство лексического уровня при описании речи А. Меркель, как *сравнение* (1 единица, 12,5%), которое подчёркивает кличку, обращает на её особое внимание: Einige meinen, Merkel strebe mittelfristig nach New York, auf den Posten des Uno-Generalsekretärs Ban Ki Moon, und empfehle sich der Weltöffentlichkeit *als „Mutter Angela“*. Авторы немецких периодических и интернет-изданий для описания А. Меркель употребили *антитезу* (1 единица, 12,5%), которая используется в иронических целях, например: Deshalb ist Merkel nicht *die Auto-Kanzlerin*. Sie ist *die Anti-Auto-Kanzlerin*.

На первый взгляд, внешность не играет особой роли для политического деятеля, однако это не так. По выражению лица и по отсутствию макияжа можно делать определённые выводы. Но тем не менее категория «Внешность» оказалась самой немногочисленной и составила 3 единицы (3%). Немецкие СМИ для описания внешности А. Меркель используют в равной степени следующие лексические средства:

1) *повторение* (1 единица, 33,3%), которое придаёт остроту и выразительность. Например: Es gibt jetzt öfter diese Bilder von ihr. *Mal* sieht man sie gebeugt, mit gesenktem Kopf, *mal* ungeschminkt, die Falten tiefer als sonst. Angela Merkel *sieht nicht gut* auf diesen Bildern *aus*, die suggerieren sollen: Es *sieht nicht gut* für sie *aus*;

2) *метафору* (1 единица, 33,3%), которая является одним из средств языка, позволяющим в сжатой, предельно краткой форме создать конкретный ёмкий образ, основанный на ассоциативных представлениях, и ёмкий образ, основанный на ярких, зачастую неожиданных, смелых ассоциациях. Например: Angela Merkel wird von Demonstranten in Griechenland oder Karikaturisten in Polen gern *ein Hitlerbärtchen* angemalt, die ehemalige Justizministerin Herta Däubler-Gmelin verglich George W. Bush mit Hitler, und ich komme jeden Tag an einem Werbeplakat vorbei, das Heidi Klum zeigt; auch ihr hat jemand mit schwarzem Stift ein Hitlerbärtchen verpasst;

3) *сравнение* (1 единица, 33,3%), которое помогает рисовать внешний облик А. Меркель и характеризовать её состояние. Например: Falls ich die Regeln der Mathematik richtig erinnere, ergibt sich folgendes Bild: Wenn „Merkel = Hitler“ gilt und „Klum = Hitler“, gilt auch „Merkel = Klum“. Logisch.

Заключение. Результаты анализа эмпирического материала показывают, что немецкие периодические издания делают основной упор при составлении политического портрета А. Меркель на политическое правление, а также на её поведение и прозвища. Политический портрет государственного деятеля представлен разнообразными лексическими средствами: перифразой, эпитетами, метафорами, сравнениями, антитезой, метонимией и повторением.

Список цитируемых источников

1. Журбина, Е. И. Теория и практика художественно-публицистических жанров / Е. И. Журбина. — М., 1969. — 409 с.
2. Карнаух, И. А. Радуга характеров. Психотипы в бизнесе и любви / И. А. Карнаух. — М., 2013. — 266 с.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕРМИНОВ РОДСТВА (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Введение. Актуальность избранной темы исследования обусловлена тем, что проблема возникновения и употребления новых слов всегда интересовала лингвистов, особенно в наше время, когда отличительной чертой стало обилие всевозможных новообразований в силу постоянного развития языка.

Объектом данного исследования являются термины родства в английском языке. Предметом исследования является словообразовательный потенциал терминов родства. Цель исследования — выявление словообразовательного потенциала терминов родства в английском языке.

Исследование проводилось в несколько этапов. На первом были отобраны наименования родства и выявлены их производные. Материал для исследования был отобран из словаря “Oxford student’s dictionary of current English” под редакцией A. S. Hornby [1]. На втором этапе были выявлены ведущие способы номинации отобранных лексических единиц. На третьем были выделены структурные модели в рамках каждого способа номинации. Далее была осуществлена частеречная классификация отобранных сленгизмов. И на пятом этапе была осуществлена тематическая классификация отобранных единиц.

Основная часть. Общий объем выборки составил 123 слова, которые вошли в 20 словообразовательных гнезд: *aunt* ‘1. the sister of one’s father or mother; 2. the wife of one’s uncle’; *brother* ‘son of the same parents as another person’; *child* ‘1. young human being. 2. son or daughter’; *cousin* ‘1. child of one’s uncle or aunt. 2. child of one’s parent’s first cousin’; *dad* ‘father’, *daughter* ‘one’s female child’; *father* ‘male parent’; *husband* ‘man to whom a woman is married’; *mother* ‘female parent; woman who has adopted a child’; *nephew* ‘son of one’s brother or sister’; *niece* ‘daughter of one’s brother or sister’; *parent* ‘father or mother’; *sister* ‘daughter of the same parents as oneself or another person’; *son* ‘male child of a parent’; *spouse* ‘husband or wife’; *triplet* ‘three children born at one birth’; *twin* ‘1. either of two children or animals born together of the same mother. 2. completely like, closely associated with’; *uncle* ‘1. brother of one’s father or mother. 2. husband of one’s aunt’; *widow* ‘woman who has not married again after her husband’s death’; *wife* ‘married woman’. Количество производных составляет 103 слова: *brother* ‘son of the same parents as another person’; *half-brother* ‘brother by one parent only’; *brethren* ‘fellow member of a religious society’; *brotherhood* ‘(1.) feeling (as) of brother for brother. (2.) (member of an) association of men with the same interests and aims, esp. a religious organization’; *brother-in-law* ‘brother of one’s husband or wife; husband of one’s sister’; *brotherly* ‘affection’; *foster-brother* ‘a male who is not a son of your parents but who is raised by your parents’; *step-brother* ‘child of an earliest marriage of one’s stepfather or stepmother’.

Второй этап исследования, в рамках которого были определены основные способы словообразования, показал, что отобранные производные образованы при помощи различных способов номинации: словосложения (*grandaunt* ‘aunt of either of one’s parents’, *childbirth* ‘the process of giving birth to a child’), суффиксации (*auntie* ‘aunt’, *grannie* ‘grandmother’; конверсии: *to father* ‘be the father of’, *to husband* ‘get married’), усечения (*granddad* ‘grandfather’, *grandpa* ‘grandfather’), префиксации (*ex-husband* ‘a man to whom someone was formerly married, from whom they are now divorced’, *ex-wife* ‘a woman to whom someone was formerly married, from whom they are now divorced’) (таблица 1).

На третьем этапе исследования в рамках каждого способа словообразования были выявлены структурные модели (таблица 2).

Т а б л и ц а 1 — Способы номинации терминов

Способ номинации	Количество слов (%)
Словосложение	65 (63,1)
Суффиксация	27 (26,2)
Конверсия	5 (4,9)
Усечение	4 (3,9)
Префиксация	2 (1,9)
Итого	103 (100,0)

Самой распространённой структурной моделью в рамках словосложения является Adj + N: *grandaunt* ‘aunt of either of one’s parents’, *great-grandchildren* ‘the child of a grandchild’. В рамках суффиксации ведущей в количественном отношении структурной моделью является N + hood: *childhood* ‘state, time, of being a child’, *fatherhood* ‘state of being a father’.

Если в рамках словосложения и суффиксации было выделено несколько структурных моделей, то в рамках конверсии и префиксации представлено только по одной структурной модели:

Т а б л и ц а 2 — Структурные модели терминов

Способ номинации	Структурные модели	Количество слов (%)
Словосложение	Adj + N	37 (56,9)
	N + N	15 (23,0)
	N + preposition + N	9 (13,9)
	Numeral + N	2 (3,2)
	N + preposition	1 (1,5)
	Pronoun + N	1 (1,5)
Суффиксация	N + hood	7 (25,9)
	N + ly	5 (18,6)
	N + less	3 (11,1)
	N + ie	2 (7,4)
	N + ship	2 (7,4)
	N + ish	1 (3,7)
	N + y	1 (3,7)
	N + ate	1 (3,7)
	N + age	1 (3,7)
	N + er	1 (3,7)
	N + en	1 (3,7)
	N + ry	1 (3,7)
	N + al	1 (3,7)
Конверсия	N → V	5 (100,0)
Префиксация	Ex + N	2 (100,0)

1) конверсия: N → V. Например: *To father* ‘be the father of’, *to mother* ‘bring up (a child) with care and affection or give birth to’, *to husband* ‘get married’;

2) префиксация Ex + N. Например: *Ex-husband* ‘a man to whom someone was formerly married, from whom they are now divorced’, *ex-wife* ‘a woman to whom someone was formerly married, from whom they are now divorced’.

На четвёртом этапе исследования была разработана классификация по принадлежности к частям речи, в рамках которой слова были разделены на три группы: существительное (*step-child* ‘child of an earliest marriage of one’s wife or husband’, *first cousin* ‘the child of one’s aunt or uncle’), прилагательное (*brotherly* ‘affection’, *childlike* ‘simple, innocent’), глагол (*to father* ‘be the father of’, *to husband* ‘get married’) (таблица 3).

На пятом этапе исследования была разработана тематическая классификация, в которой все производные были разделены на следующие пять групп: наименования людей (*granddaughter* ‘daughter of one’s son or daughter’, *goddaughter* ‘person for whom a godparents acts as sponsor at baptism’), свойства (*brotherly* ‘affection’, *sisterly* ‘of, like, a sister’, *triplicate* ‘of which three copies are made’), абстрактные понятия (*brethren* ‘fellow member of a religious society’, *childhood* ‘state, time, of being a child’), действия (*to father* ‘be the father of’, *to husband* ‘get married’), артефакты (*mothership* ‘one from which other ships get supplies’, *twin set* ‘woman’s jumper and cardigan of the same color and style’) (таблица 4).

Т а б л и ц а 3 — Классификация терминов по принадлежности к частям речи

Часть речи	Количество слов (%)
Существительное	85 (82,5)
Прилагательное	13 (12,6)
Глагол	5 (4,9)
Итого	103 (100,0)

Т а б л и ц а 4 — Тематическая классификация терминов

Группа	Количество слов (%)
Наименования людей	66 (64,1)
Свойства	15 (14,6)
Абстрактные понятия	14 (13,6)
Действия	5 (4,8)
Артефакты	3 (2,9)
Итого	103 (100,0)

Заключение. Самым распространённым способом номинации является словосложение (63,1%), вероятно, в силу типологических особенностей английского языка. Самыми обширными в количественном отношении структурными моделями в рамках словосложения оказались Adj + N (56,7%), а в рамках такого способа словообразования, как суффиксация, — N + hood (25,9%). Также было выявлено, что почти все слова относятся к именам существительным (82,5%), так как наименования родства в большинстве своём используются для названия лиц и предметов и в меньшей степени — для абстрактных понятий. Самой обширной группой в тематической классификации является группа «Наименования людей» (64,1%).

Список цитируемых источников

1. Хорнби, А. С. Учебный словарь современного английского языка : спец. изд. для СССР / А. С. Хорнби. — М. : Просвещение, 1983. — 769 с.

УДК 81'373.47

А. А. Рагель

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ МЕТАФОРЫ

Введение. Мы живем во время повышенного научного интереса к метафоре. Она является частью мыслительной и языковой сфер человеческого бытия, что объясняет большой познавательный интерес человека к данному явлению. На этом явлении сосредоточили свое внимание психологи, философы, логики, литературоведы, стилисты, семасиологи и психолингвисты. Повышенный интерес к данному феномену связывают с теми изменениями, которые произошли в динамике и структуре современного знания о мире. Однако метафора, прежде всего, представляет собой языковое явление, поэтому в первую очередь она находит исчерпывающую интерпретацию в лингвистике.

В последние десятилетия из отдельных исследований в данной области начала образовываться лингвистическая теория метафоры, в которую уже внесено много интересных идей, различных интерпретаций фактического материала и практических разработок. Однако большое количество литературоведческих, лингвистических и психологических концепций не рассматривает такое понятие, как коммуникативная метафора, не дает целостного представления о природе возникновения, механизмах функционирования и сфере использования данного явления [1; 2].

Метафора в качестве фигуры речи — достаточно изученное явление. Однако среди написанных работ по данной теме достаточно мало сказано о том, каким образом метафора выполняет когнитивную функцию. Кроме того, существуют значительные пробелы в научных знаниях о том, какое место занимает метафора в так называемой наивной лингвистике (представлениях о языке и речи, формирующихся в сознании носителей языка, не имеющих филологического или лингвистического образования) [3]. Также важно отметить коммуникативную направленность лингвистики на современном этапе, что в совокупности с вышесказанным определяет актуальность данного исследования.

Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые получает обособленное рассмотрение феномен коммуникативной метафоры, рассматриваются семантические и функциональные особенности данного языкового явления.

Основная часть. В рамках данного исследования мы обратились к изучению особенностей функционирования коммуникативных метафор — метафор, содержание которых связано с процессом коммуникации. Из *“Thesaurus of Traditional English Metaphor”* [4] методом сплошной выборки нам удалось извлечь 247 англоязычных метафор, в которых коммуникативные процессы и их составляющие фигурируют как тема или как образ и которые послужили материалом для нашего исследования.

Целью данного исследования является выявление особенностей функционирования англоязычных коммуникативных метафор.

Цель работы предопределяет постановку следующих частных задач: проанализировать выбранные для исследования коммуникативные метафоры с точки зрения семантики, рассмотреть функциональные особенности употребления коммуникативной метафоры.

Объектом данного исследования являются англоязычные коммуникативные метафоры, предметом — механизмы функционирования англоязычных коммуникативных метафор.

Целевая установка и конкретные задачи обусловили выбор методов научного исследования: метод сплошной выборки, семантико-описательный и компонентный анализ с опорой на словарные дефиниции, а также метод количественного анализа.

Коммуникативная метафора, как и обычная метафора, имеет свои функциональные особенности, которые могут быть раскрыты в процессе коммуникации. Функциональный потенциал такого рода метафоры в определенной степени прослеживается на этапе изучения данной метафоры как фигуры языка. В различных сферах употребления коммуникативная метафора может проявлять себя по-разному. Особенностью англоязычной коммуникативной метафоры является использование в ее составе прямой (эксплицитной) и не прямой (имплицитной) отсылки к текущему коммуникативному процессу.

Примером эксплицитной референции к компоненту коммуникативного процесса может служить метафорическое выражение *button your lip*, что значит 'say nothing'. Рассмотрим данную метафору подробнее.

В данном случае мы имеем сравнение использования элемента коммуникации (внешняя часть речевого аппарата) с процессом застегивания одежды. Процесс застегивания одежды подразумевает скрытие чего-либо, что сходно по своей семантике с молчанием. К молчанию как коммуникативному процессу в данном примере нет прямых отсылок. Функция номинации этого процесса («молчание — сознательный отказ от речевой формы общения, поведения в целях погружения в собственные мысли и чувства, а также для того, чтобы не мешать окружающим, не разрушать их душевный и деловой настрой; молчание может использоваться и как форма протеста, и как форма сознательного умолчания о чем-либо, так и вынужденная форма проявления незнания обсуждаемого вопроса») [5] переносится на орган речи. Выбранное изречение используется в неформальном англоязычном общении. Метафоры подобного рода (с эксплицитным коммуникативным компонентом) составляют 30% проанализированного языкового материала. В качестве дополнительных примеров коммуникативных метафор данного типа можно привести следующие выражения: *scissors-mouth, talk through your hat, her tongue runs on patterns, tongue-tied, inflammatory speeches, flowery talk, long-winded speeches*.

Вербальными обозначениями компонентов коммуникации в метафорах данного типа служат в основном названия внешних органов речи (язык, рот, губы) или обобщенные названия коммуникации и коммуникативных процессов (говорить, речь).

Для примера коммуникативной метафоры, в составе которой нет эксплицитно выраженных отсылок к компонентам коммуникации, но присутствует общая отсылка к коммуникативной деятельности в смысловом компоненте, возьмем *leaves enough, but few grapes*, обозначающее 'many words, little achieved'. В составе выбранной метафоры присутствуют названия частей дерева, плодов (*grapes*) и листьев (*leaves*). Образное описание коммуникативного поведения человека, который много говорит, но мало делает, в данном случае дается по аналогии с садоводством (выращиванием винограда). Выбранное языковое средство, как и в предыдущем примере, используется в неформальном стиле общения. Примерами коммуникативных метафор данного типа являются такие словосочетания и выражения, как *now you're railroadin'; wrapped around the axle, close the hangar doors!; to interface, core-dump on; get it off your chest; stem-winding/stem-winder, a gas-bag*.

Коммуникативные метафоры с имплицитным коммуникативным компонентом составили 66% материала исследования.

Главной причиной, по которой такого рода метафоры появились в языке, является необходимость скрыто или прямо выразить свое отношение к коммуникативному процессу или одному из его компонентов. Коммуникация — это неотъемлемая часть жизни человека. Метафоры обогащают язык и дают больше возможностей отразить реальность, выразить свои мысли или намерения в образной форме.

Коммуникативная метафора не только обогащает язык, но и позволяет характеризовать коммуникативный процесс посредством сравнения его с другими сферами деятельности и реальности в целом, находя скрытые связи между общением и окружающим миром.

В материале нашего исследования присутствуют метафоры, в которых один коммуникативный процесс сравнивается с другим. К примерам подобных метафор относится выражение *talk to a brick wall*, обозначающее 'fail to elicit the desired response'. В составе метафоры находится слово, связанное с коммуникацией (*talk*), а также сравнение компонента коммуникации с плоскостью (*wall*). Один из коммуникантов (адресат) наделяется характеристиками стены (неподвижность, неодушевленность, нулевая реакция на сообщение адресанта). Таким образом, говорящий показывает бесполезность данного процесса или неудовлетворенность результатом (метафора подобного рода иллюстрирует коммуникативную неудачу). Подобного рода метафоры не отличаются высокой частотностью — их количество составляет только 4% материала исследования.

Такие сравнения позволяют нам более глубоко понимать коммуникацию как таковую. Так, человек, не имеющий лингвистического образования, способен анализировать процесс общения, сравнивая его со своим предыдущим коммуникативным опытом. Кроме того, метафоры такого рода позволяют говорящему выражать свое эмоционально-оценочное отношение как к самому процессу общения, так и к его компонентам.

Заключение. Наибольшее количество коммуникативных метафор в английском языке относится к группе с имплицитным коммуникативным компонентом. Подобного рода метафоры представляют

собой имплицитные сравнения языка и мира, коммуникации и реальности. При этом следует отметить, что в метафорах данного типа коммуникация чаще всего сравнивается с некоммуникативными видами деятельности и объектами экстралингвистической действительности, которые относятся к сферам повседневной деятельности человека. Таким образом, «наивная» лингвистика осуществляет осмысление коммуникации сквозь призму восприятия тех сторон мира, которые являются наиболее понятными для носителей языка.

Дальнейшие исследования в данном направлении представляются нам весьма перспективными: в будущем возможно изучение впервые выделенного нами типа метафор (коммуникативных) на материале русского и белорусского языков, сравнения и обнаружения сходных и различных черт в семантических отличиях, путях возникновения и особенностях использования такого рода метафоры в английском, русском и белорусском языках. Кроме того, довольно интересным представляется изучение функционирования данного типа метафоры в различных жанрах речи, а также на материале художественной литературы.

Список цитируемых источников

1. Складневская, Г. Н. Метафора в системе языка / Г. Н. Складневская. — СПб. : Наука, 1993. — 152 с.
2. Пшеничникова, Н. В. Метафора как способ постижения реальности : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.01 / Н. В. Пшеничникова. — Барнаул, 2006. — 192 л.
3. Арутюнова, Н. Д. Наивные размышления о наивной картине мира / Н. Д. Арутюнова // Язык о языке. — М., 2000. — С. 7.
4. Wilkinson, P. R. Thesaurus of Traditional English Metaphors / P. R. Wilkinson. — Routledge, 2002. — 2034 p.
5. Молчание [Электронный ресурс] // Основы духовной культуры (энциклопедический словарь педагога). — Режим доступа: http://spiritual_culture.academic.ru/1293/Молчание. — Дата доступа: 15.03.2016.

УДК 800

К. С. Русан, А. А. Савко

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

О РЕЧЕВОЙ СТРАТЕГИИ «РАЗНОГЛАСИЕ/ПОЛЕМИЗИРОВАНИЕ» В БРИТАНСКОМ ОБЩЕНИИ

Введение. Конфликтная ситуация — это результат особого типа общения, особого речевого поведения коммуникантов. Под конфликтной ситуацией мы понимаем ситуацию, в которой происходит коммуникативный конфликт — столкновение двух сторон (участников конфликта) по поводу несоответствия целей, интересов, взглядов, в результате которого одна из сторон сознательно либо бессознательно действует в ущерб другой (вербально или невербально), а вторая сторона, осознавая, что указанные действия направлены против ее интересов/целей, предпринимает ответные действия [1].

Актуальность данной работы обусловлена необходимостью изучения языковой коммуникации и способов воздействия на человека с помощью такой речевой стратегии, как «разногласие/полемизирование» в британском общении.

Цель работы: изучить речевую стратегию «разногласие/полемизирование», выявить особенности ее выражения в британском повседневном общении.

Основная часть. Мы понимаем речевую коммуникацию как некий стратегический процесс, основанием для которого является выбор определенных языковых ресурсов. Стратегии и тактики речевого поведения определяются как план речевых действий, согласно которому участники общения реализовывают свои коммуникативные и практические цели и задачи.

Динамика развития конфликтной ситуации общения (разногласия) может быть представлена следующим образом: предконфликт—конфликт—постконфликт, где предконфликт определяется как процесс формирования разногласия — накопление и обострение противоречий в межличностных отношениях в силу появившегося расхождения интересов, целей и ценностей коммуникантов. Собственно конфликт — столкновение целей, интересов и мнений о приемлемости той или иной стратегической линии поведения в развитии диалога. Для этой стадии конфликтной ситуации характерны обвинения, претензии, требования, стрессы, накал эмоций. Постконфликт — это стадия разрешения противоречий, которая может иметь два пути развития: конструктивный и деструктивный [2].

Методом сплошной выборки, как нельзя лучше отражающим частность рассматриваемого явления, мы проанализировали несколько британских сериалов, вышедших в интервале с 2010 по 2015 год.

Изучив характер использованной в британском общении речевой стратегии «разногласие/полемизирование» на основе фильмов, мы пришли к выводу, что данная стратегия проявляется в использовании таких тактик:

1) угроза собеседнику. Пример 1. G e n e H u n t: *SIT DOWN, OR I'LL SIT YOU DOWN! NOW!* [*Life on Mars, 1.3*];

2) упрек. Пример 2. G e n e H u n t: *Don't make excuses; I'm right, you're wrong, admit it. Was this about football?* [*Life on Mars, 1.5*]. Пример 3. B e v e r l y: *I was like you when I was younger. I thought I knew everything. I was a right cocky little arsehole* [*Misfits, Series 1*]. Пример 4. I v y: *Why can you not say what is in your head?* L u c i u s: *Why can you not stop saying what is in yours? Why must you lead, when I want to lead?* [*The Village, 2004*];

3) ирония. Пример 5. N a t h a n: *You know... I know it's too late for me and you. I get that* [*Misfits, Series 2*]. Пример 6. N a t h a n: *Yeah? You'd screw your own sister for a slice of cheese* [*Misfits, Series 1*]. Пример 7. J o h n: [*slowly*] *That was amazing.* S h e r l o c k: [*deadpan*] *You think so?* J o h n: *Of course it was. It was extraordinary. It was quite... extraordinary.* S h e r l o c k: *That's not what people normally say.* J o h n: *What do people normally say?* S h e r l o c k: *"Pissoff!"*;

4) оскорбление. Пример 8. N a t h a n: *That makes it even worse, you sick bastard* [*Misfits, Series 1*]. Пример 9. S u e: *Oh, all right, pull yourself together you cretinous fuckwit!* [*Green Wing, 1.3*];

5) отказ. Пример 10. J o a n n a: *Not here! Shut up!* [*Green Wing, 1.9*].

Заключение. Речевая стратегия реализуется в речи посредством речевых тактик. Мы понимаем речевую тактику как совокупность речевых действий, выполняемых коммуникантами в той или иной последовательности, которые реализуют / не реализуют речевую стратегию и подчиняются / не подчиняются тем или иным правилам. Если речевые стратегии намечают общее развитие диалога, то тактики осуществляют реализацию данной стратегии на каждом этапе развития ситуации общения [3].

Мы выделили определенный набор тактик, характерный для такой стратегии, как «разногласие/полемизирование». Применительно к данной стратегии обычно используются тактики упрека, угрозы, возмущения, отказа, тактика прерывания в стратегии манипуляции, а также тактики оскорбления, возмущения, намека и иронии в стратегии агрессии.

Речевые тактики разногласия могут быть мягкими или жесткими. Мягкой можно считать тактику, последствия применения которой для партнера приемлемы или нейтральны: убеждение, просьба, согласие и др. Жесткая тактика вызывает негативные последствия для партнера. Сюда, например, относятся оскорбление, угроза, отказ, упрек и др. Применение тактик обычно идет по направлению от более мягких к жестким на стадии предконфликта, или же, наоборот, на стадии конфликта в целях улаживания разногласия коммуникант меняет жесткую тактику на более мягкую.

Речевые тактики, реализующие ту или иную стратегию коммуниканта, могут применяться прямым либо косвенным способом. Наиболее распространенными тактиками косвенного воздействия в конфликтной ситуации общения являются намек и ирония, тактиками прямого воздействия — оскорбление, упрек, угроза.

Список цитируемых источников

1. Андреева, Г. М. Социальная психология : учеб. для фак. психологии ун-тов / Г. М. Андреева. — М. : Изд-во МГУ, 1980. — 415 с.
2. Анцупов, А. Я. Конфликтология / А. Я. Анцупов, А. И. Шипилов. — М., 1999. — 250 с.
3. Аллен, Дж. Выявление коммуникативного намерения, содержащегося в высказывании : Новое в зарубежной лингвистике / Дж. Аллен, Р. Перро. — М. : Прогресс, 1986. — 400 с.

УДК 811

М. И. Святощик

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

О ЯЗЫКОВОМ ВЫРАЖЕНИИ РЕЧЕВОЙ ТАКТИКИ «ИЗВИНЕНИЕ» В БРИТАНСКОМ ОБЩЕНИИ

Введение. На современном этапе развития общества условием успешности любого специалиста в его профессиональной и общественной деятельности является умение правильно общаться и взаимодействовать с окружающими людьми. В связи с этим возрос интерес к способам достижения эффективности общения.

Тактика речевого общения — это совокупность приемов ведения беседы или линия поведения на определенном этапе коммуникации. Тактика предполагает использование определенных приемов привлечения внимания, воздействия на партнеров. Различают различные речевые тактики в зависимости от ситуации общения. Вместе с тем эти тактики могут взаимодействовать, использоваться в совокупности [2, с. 284].

Извинение — прощение, отпущение вины; основание для оправдания, смягчающее вину обстоятельств [3, с. 256]. Нами было проведено исследование для выявления языковых средств выражения речевой тактики «извинение» в британском общении.

Основная часть. В ходе исследования речевой тактики «извинение» в британском общении на основе 56 примеров, взятых из британских фильмов, вышедших в интервале с 2005 по 2015 год, нами был выявлен ряд лексических средств, выражающих данную тактику в речи. Речевую тактику «извинение» можно условно разделить на две группы.

К первой группе относятся ситуации, которые не зависят от адресата и вызваны внешними обстоятельствами, ко второй — ситуации, в возникновении которых виноват сам адресат. Итак, извинение представляет собой этикетную речевую тактику, которая является реакцией (в большинстве случаев) на негативные поступки человека, такие как проявление недовольства, необходимость прервать или завершить разговор при несогласии с каким-либо мнением, действием и предполагающая выражение извинения, сочувствия по поводу этого события. Извиняясь, адресант старается поддержать адресата, просит прощения, описывает причину, говорит добрые слова.

К лексическим средствам выражения речевой тактики «извинение» относятся глаголы, междометия, интенсификаторы, а также прилагательные в превосходной степени сравнения.

На лексическом уровне речевая тактика «извинение» представлена, прежде всего, такими лексическими единицами, как глаголы *to be sorry, excuse me, forgive me, to apologize*, что мы видим в примере, где парень, шедший мимо, зацепил стойкой камеры девушку, чтобы привлечь её внимание: J o h n: *Emily, I'm so sorry!* (“Family weekend”).

Следует отметить, что глаголы играют важную роль при выражении речевой тактики «извинение», потому что именно глагол выражает характер действия, особенности протекания процесса и способ его существования, как, например, в примере, где Габи извиняется перед Элиотом за то, что потеряла его обручальное кольцо: G a b y: *Please, forgive me* (“Yong&Hungry”).

В следующем примере мы видим, что Джош сказал Габи, что он скучает по ней, по её готовке и хочет, чтобы она снова работала на него. Он извинился перед ней за всё плохое, что сказал ей ранее: J o s h: *Excuse me, Gaby* (“Yong&Hungry”).

Данные глаголы хоть и немногочисленны, но их значимость велика. Они являются важным языковым средством при реализации извинения, доброжелательного и сочувственного отношения к людям.

В ходе исследования мы выяснили, что употребление междометий при выражении речевой тактики «извинение» служит для выражения искренних чувств. В процессе анализа мы встречаем следующие междометия: *oh, hey*. Габи извиняется перед девушкой, которую случайно толкнула в отеле на Гавайях: G a b y: *Oh, I'm sorry!* (“Yong&Hungry”).

Отец Эмили извиняется перед ней и говорит, что не сможет прийти на её соревнования, так как ему нужно дописать картину: F a t h e r: *Hey... I'm so sorry, really sorry...* (“Family weekend”).

Интенсификаторы — усилители, указывающие на возрастание признака в направлении максимума. В следующих примерах нами были зафиксированы случаи употребления данной группы единиц. К наиболее употребительным интенсификаторам относятся такие, как *so, really*, что мы видим в примере, где Эмили извиняется, что выдала секрет брата: E m i l y: *I'm sorry. I'm really sorry* (“Family weekend”) [1, с. 116].

Габи извинилась перед Рэндалом, ее начальником, за то, что пришла на работу в фартуке с принтом, где она в бикини: G a b y: *Randall, I'm sorry, so sorry* (“Yong&Hungry”).

В ходе исследования было выявлено, что подобные примеры использования лексических единиц отличались неординарностью и индивидуальностью.

Превосходная степень прилагательных *the saddest, sincerest* является неотъемлемой частью извинения. В следующем примере представлена ситуация, где Эмили извиняется перед мамой за то, что напоила снотворным и связала, при этом выражая долю сочувствия по этому поводу: E m i l y: *It was the saddest thing that I made, I'm so sorry* (“Family weekend”).

Мужчина извиняется перед Габи за то, что пролил на нее свой кофе: M r N: *My sincerest apologies, I'm really sorry* (“Yong&Hungry”). Употребление превосходной степени прилагательных придает высказыванию яркую стилистическую и эмоциональную окраску, а также оттенок большей искренности и глубины извинения.

Заключение. На лексическом уровне речевая тактика «извинение» реализуется посредством таких лексических средств, как глаголы, междометия, интенсификаторы, а также превосходной степенью прилагательных. К числу наиболее частотных частей речи и иных средств, используемых в речевой тактике «извинение», мы относим лексические единицы: глаголы (*sorry, excuse me, forgive me, to apologize*), интенсификаторы (*so, really*), глаголы (*forgive, pardon, excuse*), междометия (*hey, oh*), а также превосходную степень прилагательных (*the saddest, sincerest*).

Таким образом, вышеуказанные характеристики языкового выражения речевой тактики «извинение» на лексическом уровне позволяют нам говорить о том, что умение выразить извинение является значимым элементом общения в английском языке. Для британцев владение этикетом очень важно. Британская вежливость является частью их менталитета.

Список цитируемых источников

1. Митягина, В. А. Тип коммуникативного действия в дискурсе: верификация в рамках жанра / В. А. Митягина // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. — 2008. — № 1 (7). — С. 116—119. — (Сер. 2. «Языкознание»).
2. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. — М.: УРСС, 2002. — 284 с.
3. Новый большой англо-русский словарь : в 3 т. / Ю. Д. Апресян [и др.]; под общ. рук. Ю. Д. Апресяна. — М.: Рус. яз., 1994. — 256 с.

УДК 811.111

Т. Ю. Трусевич

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ НАЗВАНИЙ МЕРОПРИЯТИЙ СОЦИАЛЬНОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕР

Введение. Название (заглавие) социальных проектов, различного рода политических и экономических событий, бизнес-проектов — их визитная карточка, первоочередная информация о них. Если название подобрано удачно, его одного вполне достаточно, чтобы понять, в чём состоит суть данного мероприятия и заинтересует ли оно потенциального посетителя.

В большинстве случаев заголовки различного рода массовых мероприятий привлекают внимание и задают установку реципиенту на дальнейшие действия. Они призваны сориентировать в отношении содержания всего мероприятия, облегчить восприятие, т. е. названия выполняют функцию номинации: позволяют выбрать конкретную информацию среди множества других, таким образом, экономят время при поиске наиболее значимых и интересных событий.

Актуальность данной работы определяется тем, что название — первое, что изучает зритель или посетитель, и от того, насколько хорошо выстроена его структура, зависит успех всего мероприятия. Поэтому особый научный интерес представляет исследование основных структурных и функциональных особенностей англоязычных названий мероприятий, которые стали популярными как в пределах определенной страны, так и всего мира. На наш взгляд, названия интересны не только в связи с особенностями их структурных элементов, порождающих желаемое содержание, но также с точки зрения отражения этими текстами аспектов лингвокультуры.

Изучением лингвистического статуса названий или заглавий занимаются многие ученые-лингвисты (М. А. Петровский, Н. П. Харженко, Л. Стеннес и др.). На наш взгляд, Т. Ф. Каримовой удалось наиболее емко и содержательно описать понятие «заглавие», означающее особый, имеющий предложенческую сущность тип высказывания, которое предвосхищает основную идею и ключевую тему текста и в то же время порождается этим текстом» [1, с. 23]. Их характерной чертой является «визуальная краткость», которая тесно связана с глубинно-схематическими и коммуникативными аспектами речевого произведения. В то же время они обладают относительной законченностью и самостоятельностью и содержат в себе не только номинативный, но и достаточный коммуникативно-прагматический потенциал [2, с. 49]. Воздействие на адресата обеспечивается определенным набором языковых особенностей и экстралингвистических средств.

Тем не менее коммуникативное пространство англоязычных названий мероприятий является малоизученной областью и отличается относительной новизной и сложностью языковых процессов, обеспечивающих его эффективное функционирование.

Цель данной работы — описать структуру и лингвистические особенности англоязычных названий социальных проектов, различного рода политических и экономических событий, бизнес-проектов и акций. Для исследования использовались методы сплошной выборки и компонентного анализа. Материал составили названия мероприятий, тематика которых весьма разнообразна: защита окружающей среды, прав детей и незащищённых слоёв общества и т. д. Объём выборки составил 100 единиц.

Основная часть. Анализ научной литературы по вопросам номинации позволил рассмотреть несколько точек зрения на проблему лингвистического статуса названия: традиционно его относят к числу предложений, к единицам, не равным предложению, а также к именам собственным. В рамках настоящего исследования названия массовых мероприятий культуры и спорта рассматриваются как определенный тип текста, т. е. в качестве малоформатного текста, обладающего такими важными характеристиками, как отдельность, выделенность, формальная и семантическая самодостаточность, тематическая определенность и завершенность. С точки зрения лингвокультурологии малоформатные тексты, а значит, и названия мероприятий, можно рассматривать как своего рода скопления культурной информации.

При анализе названий (заглавий) мероприятий нам удалось выявить следующие структурные характеристики исследуемых текстов: 36% выборки — одноставные распространённые инфинитивные

предложения (“Stop violence against children”, “Save the Arctic” и т. д.), 15% из которых являются восклицательными (“We did it!”, “The power is in your hands!” и т. д.), а лишь 1% — вопросительными (“Who is on the path to toxic-free fashion?”). Так, 56% выборки составили определительные словосочетания (“Global Soil Week”, “World Immunization Week” и т. д.); 67% словосочетаний являются беспредложными (“Children Underground”, “White Flower” и т. д.), а 33% — с использованием предлогов (“Mass of the World”, “Health for all Children” и т. д.). В 6% названий употребляются аббревиатуры (“UN Global Road Safety Week”, “Tell the Democratic Party: Reject the TPP!” и т. д.).

Следует отметить, что 11% от всей выборки составили названия мероприятий, включающие в свой состав числительные, что обусловлено четким указанием временных рамок встреч, собраний и/или продолжительности акции (“Third International Decade for the Eradication of Colonialism”, “Second International Decade of the World’s Indigenous People” и т. д.). Также нам удалось установить, что 60% числительных являются количественными (“Help Educate 100 Poor Slum Children in India”, “Provide Life Skills for 4 000 Rural Mayan Girls” и т. д.), фиксирующими в некоторой степени основные цели мероприятия, и 40% — порядковыми (“Second United Nations Decade for the Eradication of Poverty” и т. д.), указывающими на порядок или периодичность проведения акции или собрания.

В названиях (5%) используются имена собственные, сообщающие о конкретной личности, в честь которой организовано мероприятие, либо месте события. Это, на наш взгляд, оказывает непосредственное воздействие на потенциального зрителя/участника (“Michael Jackson flash mob”, “Tell Walmart: no dead sharks for cheap tuna!” и т. д.). Стоит также отметить, что 3% названий составляют гидронимы (“Love the Amazon on Amazon Day!”, “The Threat to Baikal Rises from Mongolia” и т. д.). В 15% названий зафиксировано употребление хоронимов (“Save the Paris climate agreement”, “Help Educate 100 Poor Slum Children in India”, “The Young Pioneers of China” и т. д.).

В целях опущения избыточных элементов, сокращения объема высказывания и повышения информативности речевых единиц в 4% названий используется притяжательный падеж (“The Street Children’s Day”, “India’s agricultural eco-revolution is here!”, “The end of the China’s coal boom” и т. д.). Для реализации указанных задач также используются неличные формы глаголов. Установлено, что в 4% названий мероприятий употребляется герундий, причём 25% составили названия, где он употреблялся дважды, усиливая экспрессивность речевой единицы (“Working Together to Safeguard Children”, “Making a Living and Making a Difference” и т. д.).

Тщательный анализ выборки также показывает, что стержневые слова в названиях отражают:

1) время, место или продолжительность акции, социального/бизнес-проекта (*Decade for the Eradication of Poverty, the Street Children’s Day, World Breast feeding Week, Earth Hour*);

2) тематическую направленность мероприятия:

- проекты, мероприятия, акции политической направленности (*The 2016 Warsaw Summit of the North Atlantic Treaty Organization (NATO), the 2015 G20 Antalya Summit*);
- возраст целевой аудитории (*Give a Child the Chance to Express their Opinion Today, the Young Pioneers of China*);
- проекты, акции, мероприятия в защиту окружающей среды (*Protect the Laws of Nature, Save the Bee, Stand for Forests*);
- проекты, акции, митинги, посвященные или обращенные к конкретному человеку /организации (*Tell President Obama to Stop the Dakota Access Pipeline, Tell Walmart: no dead sharks for cheap tuna!*).

Заключение. Отличительными чертами англоязычных названий акций, митингов, проектов являются высокая информативная плотность и ориентация на адресата и его запросы, проблемы и задачи международного характера, а также выразительная краткость, лаконизм и сжатость изложения, что обеспечивает экономию не только языковых средств, но и времени, необходимого для адекватного восприятия содержания названий. Названные характеристики позволяют адресату экономить когнитивные усилия при восприятии соответствующей информации, благодаря которым осуществляются информационная, номинативная, эмотивная и воздействующая функции.

Названия англоязычных социальных и бизнес-проектов, акций, митингов в полной мере отражают специфику малоформатного текста и при этом реализуют сложную функциональную парадигму, включающую информативную, фактическую и прагматическую функции в качестве составляющих исследуемого дискурсивного пространства. Однако, будучи реализованным, как правило, в медийном пространстве, название приобретает дополнительные, свойственные номинативному комплексу данной дискурсивной направленности характеристики: прецедентность и эмотивность.

Список цитируемых источников

1. Каримова, Т. Ф. К вопросу о синтаксическом статусе заголовка / Т. Ф. Каримова // Проблемы сверхфразовых единств. Семантико-синтаксическая структура. — Уфа: Изд-во БГУ, 2005. — 228 с.
2. Таюпова, О. И. Коммуникативно-прагматическое варьирование в малоформатных текстах современного немецкого языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 / О. И. Таюпова. — М., 2005. — 54 с.

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ КАТЕГОРИИ «ЖИЗНЬ» ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Введение. Концепт является базовым способом хранения информации в когнитивной лингвистике, в качестве объекта которой выступает не только язык как система, но и как общий когнитивный механизм. Именно через концепты осуществляется связь языка с мыслительной деятельностью человека, концепты как базовые категории участвуют в формировании фонда знаний индивидов и языковых сообществ и представляют большой интерес для сравнительно-сопоставительного исследования. Субстантив «жизнь» занимает центральное место среди культурных концептов: о нем размышляли пророки и основоположники религий, философы и моралисты, деятели искусства и литературы, педагоги и медики. Если рассматривать «жизнь» в когнитивном аспекте, то явления, стоящие за ней, по-разному соотносятся с индивидуальным опытом.

Данное исследование направлено на выявление и описание понятийной, структурной и ценностной характеристик концепта «жизнь», репрезентируемых фразеологическими единицами немецкого языка. Его актуальность обусловлена необходимостью определения места семантического поля (концепта «жизнь») во фразеологическом фонде и ростом интереса к проблемам фразеосемантики.

Основная часть. Язык есть важнейший способ формирования и существования знаний человека о мире. Отражая в процессе деятельности объективный мир, человек фиксирует в слове результаты познания. Совокупность этих знаний, запечатленных в языковой форме, называется языковая картина мира [1, с. 64]. Человек способен понимать мир и самого себя благодаря языку, в котором закрепляется общественно-исторический опыт — как общечеловеческий, так и национальный. Последний и определяет специфические особенности языка. В силу специфики языка в сознании его носителей возникает определенная языковая картина мира. Согласно гипотезе лингвистической относительности Сепира—Уорфа, «каждый народ видит мир сквозь призму родного языка, отражая действительность в языковой картине мира» [2, с. 142].

Концепт «жизнь» относится к наиболее часто употребляемым категориям в разных языках. Так, исследование словарей позволило сформировать совокупную семантическую структуру концепта. Жизнь — «состояние особи, существование отдельной личности» [3, с. 541]; «1. Совокупность явлений, происходящих в организмах, особая форма существования материи, возникшая на определенной ступени ее развития. 2. Физиологическое существование человека, животного» [4, с. 158]; «1. Существование вообще, бытие в движении и развитии. 2. Состояние организма в стадии роста, развития и разрушения» [5, с. 233]; «1. Особая форма существования материи, возникшая на определенной ступени ее развития, главным признаком которой и отличием от неживых объектов является обмен веществ. 2. Состояние организма в стадии роста, развития и разрушения. 3. Время от рождения до смерти человека или животного. 4. Развитие чего-либо» [6, с. 462]. Таким образом, концепт «жизнь» относится к общечеловеческим ценностям. Его этнорелигиозные особенности, истоки которых лежат в мифологическом и религиозном мировоззрении отдельных народов, с присущей для рассматриваемых концептов полисемантической, а также обусловленной общим историческим контекстом той или иной эпохи, получили многогранное осмысление в когнитивном сознании предков. Содержание концепта включает как универсальные когнитивные признаки, так и признаки, обусловленные жизненным укладом, культурными особенностями и православным мировоззрением народа.

В рамках данного исследования методом сплошной выборки нами отобраны 47 немецких фразеологизмов из словарей [7; 8]. На первом этапе отбора фактического материала нами были выделены основные компоненты рассматриваемого поля «жизнь» в современном немецком языке. С точки зрения структуры в корпусе фактического материала представлены двух- (6,4%), трёх- (36,1%) и многочленные (57,5%) фразеологизмы, при этом многочленные представлены как словосочетаниями, так и предложениями. Одночленные фразеологизмы нами не были обнаружены. Например, двухчленные фразеологизмы: *das Tageslicht erblicken* (появиться на свет) [7, с. 650], *jmdm. das Leben schenken* (jmdn gebaren) [8, с. 441], *sich (selbst) leben* (жить в полном уединении) [7, с. 392]. Трёхчленные фразеологизмы: *zur Welt kommen* (появиться на свет, родиться) [7, с. 718], *das Licht der Welt erblicken* (появиться на свет; увидеть свет; родиться) [7, с. 403], *ins Leben rufen* (вызвать, возродить к жизни; создать что-либо, положить начало чему-либо) [7, с. 394]. Многочленные фразеологизмы: *den (lieben) Gott einen guten Mann sein lassen* (жить беспечно, ни о чём не беспокоиться) [7, с. 255], *in den Tag hinein leben* (жить беспечно, не задумываясь о завтрашнем дне), *in Saus und Braus leben* (жить в роскоши; жить в своё удовольствие) [7, с. 552]. Что касается морфологической структуры, то в корпусе фактического материала нами были зафиксированы фразеологизмы, образованные по разным моделям. Наиболее часто используются

в немецких фразеологизмах, относящихся к лексико-семантическому полю «жизнь», имя существительное, имя прилагательное и глагол.

В состав семантической классификации фразеологизмов, вербализующих концепт «жизнь», вошли рождение, образ жизни / смысл жизни, качество жизни, испытание, результат жизни. Анализ отобранных единиц показал, что тематическая группа «рождение» (7 единиц, 14,9%) интерпретируется в ряде фразеологизмов, которые по своему значению можно разделить на две основные группы: «родиться самому» (3 единицы, 6,4%), к которой мы отнесли фразеологизмы *das Tageslicht erblicken* (появиться на свет) [7, с. 650], *zur Welt kommen* (появиться на свет, родиться) [7, с. 718], *das Licht der Welt erblicken* (появиться на свет; увидеть свет; родиться) [7, с. 403] и фразеосемантическую группу «дать кому-либо жизнь / оживить, возродить кого-либо» (4 единицы, 8,5%), описывающую процесс появления человека на свет и процесс оживления, возрождения кого-либо: *mit einem Kind niederkommen* (родить ребенка) [7, с. 469], *jmdm. das Leben schenken* (jmdn gebaren) [8, с. 441], *Leben in die Bude bringen* (внести оживление в компанию, в какое-либо дело) [7, с. 395], *ins Leben rufen* (вызвать, возродить к жизни; создать что-либо, положить начало чему-либо) [7, с. 394].

В тематическую группу «образ жизни / смысл жизни» (5 единиц, 10,6%) мы включили фразеологизмы, на основании которых можно получить представления об образе жизни, которые складываются в процессе деятельности людей и зависят от их социального положения, содержания решаемых проблем, миропонимания и конкретной жизненной ситуации. Отражение данного смысла фразеологизмов мы находим в таких фразеологизмах, как *in Eintracht leben* (жить в ладу) [7, с. 166], *in bester Eintracht leben* (жить душа в душу) [7, с. 166], *sich (selbst) leben* (жить в полном уединении).

Понятие «жизнь» является одним из базовых явлений бытия, поэтому в особую группу нами были выделены фразеологизмы, отражающие качество, дающие оценку жизни человека как с негативной, так и с позитивной стороны. Тематическая группа была определена нами как «качество жизни» (21 единица, 44,7%) и разделена на следующие фразеосемантические группы:

– «жить в достатке» (8 единиц, 17%): *in Saus und Braus leben* (жить в роскоши; жить в своё удовольствие) [35, с. 552], *aus dem vollen schöpfen* (жить в достатке; иметь всего в изобилии) [7, с. 577], *großen Mohr machen* (жить расточительно; жить на широкую ногу) [7, с. 441];

– «нуждаться в чём-либо» (8 единиц, 17%): *sein Leben fristen* (влачить (жалкое) существование; перебиваться кое-как) [35, с. 393], *zur Not leben* (жить в нужде) [7, с. 471], *leben wie ein Hund* (in erbärmlichen Umständen leben) [8, с. 440];

– «лёгкая/беззаботная жизнь» (5 единиц, 10,6%): *den (lieben) Gott einen guten Mann sein lassen* (жить беспечно, ни о чём не беспокоиться) [7, с. 255], *herrlich und in Freuden leben* (sehr angenehm, sorgenfrei leben) [8, с. 440], *leben und weben* (жить и творить; жить, дышать чем-либо) [7, с. 393].

В процессе жизни каждый человек сталкивается с различными трудностями, поэтому следующую группу мы определили как «испытания». Данная тематическая группа характеризуется высокой наполняемостью (5 единиц, 10,6%). Представления о такой жизни переданы фразеологизмами: *sein Leben für j-n (или etw.) einsetzen* (рисковать своей жизнью ради кого-либо, чего-либо; отдать свою жизнь за кого-либо, что-либо) [7, с. 393], *auf Leben und Tod gehen* (идти на всё, рисковать своей жизнью) [7, с. 395], *auf Leben und Tod kämpfen* (биться, бороться не на жизнь, а на смерть).

В немецкой языковой картине мира жизнь должна обязательно обладать определённой целью и результатом, что нашло подтверждение в тематической группе «результат жизни», в которую вошло 6 фразеологизмов, что составило 12,8%: *jenseits des Berges sein* (прожить большую половину жизни; быть на склоне лет) [7, с. 85], *im Leben und Sterben* (всегда, навеки) [7, с. 395], *das Leben und Treiben* (жить-бытьё, жизнь) [7, с. 395], *am Leben bleiben* (остаться в живых, уцелеть) [7, с. 105].

Заключение. В языковой картине мира немецкого языка ЖИЗНЬ представлена как необходимость человека иметь определённую цель, жизнь должна быть полной, т. е. включать определённый набор социальных, духовных, физиологических действий, а также материальных благ. Для того чтобы достичь данных целей, необходимо порой преодолеть трудности и испытания в борьбе, рискуя иногда жизнью, что и нашло свое отражение во фразеологии немецкого языка.

Список цитируемых источников

1. Маслова, В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие / В. А. Маслова. — М., 2001. — 208 с.
2. Кузнецов, А. М. Национально-культурное своеобразие слова / А. М. Кузнецов // Язык и культура : сб. науч.-аналит. обзоров. — М., 1987. — С. 135—145.
3. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. — М., 1955. — 541 с.
4. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова // Рос. акад. наук ; Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. — 4-е изд., доп. — М. : Азбуковник, 1999. — 944 с.
5. Ушаков, Д. Н. Толковый словарь русского языка / Д. Н. Ушаков. — М., 2007. — 233 с.
6. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный : в 2 т. / Т. Ф. Ефремова. — М. : Рус. яз., 2000. — 1209 с.
7. Бинович, Л. Э. Немецко-русский фразеологический словарь / Л. Э. Бинович. — М. : Аквариум, 1995. — 768 с.
8. Duden Redewendungen und sprichwörtliche Redensarten. Wörterbuch der deutschen Idiomatik. — hrsg. und bearb. von Günther Drosdowski und Werner Scholze-Stubenrecht. — Mannheim ; Leipzig ; Wien ; Zürich : Dudenverl., 1992. — Bd. 11. — 864 с.

СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭВФЕМИЗМОВ

Введение. Темой большинства статей в газетах или выступлениях по телевидению являются политические отношения. Газетно-публицистические тексты, ораторские выступления, посвященные политике, официальные тексты на политическую тему (постановления, указы, законы), политические статьи входят в политический дискурс.

Политический дискурс обладает рядом предпосылок для манипулирования общественным сознанием. Его манипулятивный потенциал обусловлен, в первую очередь, интенциональной установкой этого вида дискурса. Его цель — власть, ее завоевание, реализация, сохранение.

Для сокрытия истинных целей политики прибегают к различным способам вуалирования правды, заменяя неприятно звучащие слова более нейтральными, т. е. используют эвфемизмы.

Основная часть. В лингвистическом энциклопедическом словаре под редакцией О. С. Ахмановой дается следующее определение: «эвфемизмы — эмоционально нейтральные слова или выражения, употребляемые вместо синонимичных им слов и выражений, представляющихся говорящему неприличными, грубыми или нетактичными» [1, с. 592].

По мнению Н. Ф. Пуковской, эвфемизмы как языковые единицы занимают в языке особое место. Всеобщая сфера употребления эвфемизмов, их распространенность, образность, образование и угасание привлекают внимание лингвистов в различных областях лингвистики: лексикологии, этимологии, фразеологии, фольклористике. Иногда эвфемизм может состоять из одного слова, двух и более; он может представлять собой пословицу или поговорку, устойчивый словесный комплекс и открытое сочетание слов, способное к валентности [2, с. 182].

В цивилизованном обществе одной из главных причин возникновения эвфемизмов служит этикет, боязнь грубых или неприличных выражений. В последнее время в связи с необычайным расцветом толерантности и политкорректности эвфемизмы стали употребляться повсеместно для обозначения неприятных вещей, но в то же время насаживаемых в качестве идеалов современной жизни.

К проблеме классификации эвфемизмов существуют различные подходы, однако все они открывают общую причину эвфемизации речи — стремление избегать конфликтности общения.

Исследователь А. Н. Прудывус классифицирует эвфемизмы в немецком языке по способам образования.

1) Лексико-семантические способы:

- а) метонимический перенос. Например: *zur Flasche greifen* (букв. схватиться за бутылку) — запить, пристраститься к алкоголю, *du lieber Himmel* — силы небесные, *das letzte Vater unser beten* — умереть;
- б) метафорический перенос. Например: *anderer Bahnsteig* (букв. другая станционная платформа) — гомосексуалист, *einen kleinen Dachschaden haben* (букв. иметь маленькое повреждение крыши) — быть не в своем уме, *der Hirsch* (букв. олень) — рогоносец;
- в) перифраза. Например: *die vier Buchstaben* (букв. четыре буквы) — ягодицы, *Mein und Dein verwechseln* — тащить все, что плохо лежит;
- г) дейктик. Например: *drang lauben müssen* — умереть, *Er* — Бог;
- д) замена словом широкой семантики. Например: *etwas machen* — воровать, обманывать;
- е) гипероним. Например: *der Bau* — тюрьма, *die englische Krankheit* — рахит;
- ж) антоним: литота/мейозис. Например: *unwahr, nicht wenig / genug getrunken haben* — быть пьяным, антифразис. Например: *Das ist aber eine schöne Geschichte!* — Вот так история!;
- з) заимствование. Например: *die Lokalität* — уборная, *der Deibel/Deixel* — дьявол.

2) Морфологические способы:

- а) эллипс: обрыв. Например: *am A ... (Arsch) sein, einen kalten A ... (Arsch) haben* — умереть; опущение. Например: *eine (Ohrfeige) knallen / löffeln / wischen* — дать пощечину, *einen (Rausch davongetragen haben) weghaben* — быть пьяным;
- б) сокращение. Например: *der BH (Büstenhalter)* — бюстгальтер, *bi sein (bisexuell)* — быть бисексуальным, *das Klo* — уборная, *das Z (Zuchthaus)* — тюрьма;
- в) фонетическая аллюзия: замена слова близким по звучанию. Например: *bescheiden (beschissen)* — плохой, *Himmel, Arsch und Sack Zement! (Sakrament)* — проклятье!, *historisch (hysterisch)* — истеричный; фонетическое искажение. Например: *sapperment / sapperlot (Sakrament)* — Проклятье!, *verflixt (verflucht)* — Проклятье!;
- г) аффиксация: префиксация. Например: *missbrauchen* — изнасиловать, *untreu* — неверный; суффиксация. Например: *dicklich* — полный [3, с. 92].

Эвфемизмы активно используются в политической коммуникации, которая ориентирована на пропаганду тех или иных идей, эмоциональное воздействие на граждан страны и побуждение их к политическим действиям для выработки общественного согласия, принятия и обоснования социально-политических решений в условиях множественности точек зрения в обществе.

Существование особой группы эвфемизмов, которые используются в текстах политической коммуникации, отмечают многие отечественные и зарубежные лингвисты, исследовавшие проблему эвфемии. Термин «политический эвфемизм» для обозначения этой группы эвфемизмов не является вполне устоявшимся. Некоторые исследователи (С. Г. Тер-Минасова, С. Ж. Асеева, Н. Г. Заварзина) термин «политический эвфемизм» заменяют понятием «политическая корректность». Оба определения активно используются в современной лингвистике. В своей работе С. Г. Тер-Минасова отмечает, что «политическая корректность языка выражается в стремлении найти новые способы языкового выражения взамен тех, которые задевают чувства и достоинства индивидуума, ущемляют его человеческие права привычной языковой бестактностью или прямолинейностью в отношении расовой и половой принадлежности, возраста, состояния здоровья, социального статуса, ...языковая корректность — весьма положительное старание не обидеть, не задеть чувства человека, сохранить его достоинство, хорошее настроение, здоровье, жизнь» [4, с. 230].

По определению И. Р. Гальперина, политические эвфемизмы — это «преуменьшение значения слов с целью ввести в заблуждения общественное мнение и выразить неприятное более тонко» [5, с. 57].

В нашем исследовании для анализа эвфемизмов по способам образования мы опирались на классификацию эвфемизмов, предложенную А. Н. Прудывус.

Морфологические способы образования эвфемизмов автором выявлены не были. Анализ показал, что наиболее употребительным способом образования эвфемизмов является лексико-семантический способ: метонимический перенос (*an den Pranger stellen (blamieren)*), метафорический перенос (*nach Worten ringen (nicht wissen)*), использование перифраза (*die Lebensgefährtin (die Freundin)*), замена словом широкой семантики (*entsenden (deportieren, verschicken)*), использование гиперонима (*die Affäre (der Betrug)*), литота/мейозис (*gar keine aufnehmen wollen (absagen, seinen Pflichten nicht nachkommen)*), заимствование (*der Affront (die Beleidigung)*).

Анализ используемых лексико-семантических способов образования эвфемизмов в рубрике «Политика» показал, что наиболее предпочтительным способом образования является использование перифраза (14 единиц, 12%), например: *getarnt einreisen (migrieren)*, *die Schwesterpartei (CDU)*, *demoskopischen Sinkflug (die Demütigung)*; 8% (9 единиц) составляют эвфемизмы, образованные метафорическим переносом, например: *über die Hürde nehmen (eine Schwierigkeit überwinden)*, *die falsche Richtung laufen (sich irren, einen Irrtum begehen)*, *die Flüchtende ertrinken (die Migration stoppen)*. В равных количествах были выявлены такие способы образования эвфемизмов, как метонимический перенос и замена словом широкой семантики (5 единиц, 4% каждый), например: *die Hand reichen (helfen)*, *sich auf das Wagnis einlassen (ein Risiko eingehen, riskieren)*, *angeberisches Reden (klatschen)*, *kollektive Ausweisungen (die Deportation)*, *entsenden (deportieren, verschicken)*, *untergehen (misslingen)*. Менее продуктивными способами образования в данной рубрике являются использование гиперонима и заимствование, которые составляют 5% (2 единицы) каждый, например: *Okzident und Orient (Westen und Osten)*, *die Affäre (der Betrug)*, *die Migration (die Wanderung)*, *der Affront (die Beleidigung)*. Использование литоты/мейозиса (1 единица, 1%) в данной рубрике было выявлено в единственном случае, например: *gar keine aufnehmen wollen (absagen, seinen Pflichten nicht nachkommen)*.

Заключение. Важнейшим уровнем реализации эвфемии в речи носителей языка, как показал анализ, является лексико-семантический уровень, на котором происходят основные процессы, способствующие эвфемизации речи. Манипулятивное воздействие, направленное на сознательные и бессознательные сферы личности, осуществляется с помощью специально подобранных лексических единиц, наполненных особой семантикой и вызывающих определенные (нужные манипулятору) ассоциации.

Список цитируемых источников

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. — М. : Сов. энцикл., 1966. — 608 с.
2. Пуковская, Н. Ф. Эвфемизмы немецкого языка история и сферы применения / Н. Ф. Пуковская // Вестн. КГУ им. Н. А. Некрасова. — 2010. — № 3. — С. 182—187. — Т. 16.
3. Прудывус, А. Н. Эвфемизмы в современном немецком языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / А. Н. Прудывус ; С.-Петерб. гос. ун-т. — СПб., 2006. — 17 с.
4. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация : учеб. пособие / С. Г. Тер-Минасова. — М. : Слово, 2000. — 453 с.
5. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. — Изд. 4-е. — М. : КомКнига, 2006. — 144 с.

ОБРАЗ ШКОЛЬНОГО УЧИТЕЛЯ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Введение. В последние годы наблюдается усиление интереса к лингвистическим дисциплинам, изучающим национальный язык в тесной связи с сознанием и познанием, с мышлением и менталитетом. В рамках антропоцентрического подхода изучение языкового выражения и смыслового объема культурологически значимых концептов является важным для понимания специфических особенностей каждой национальной культуры и для успешного кросс-культурного взаимодействия в современном многополярном мире.

Данное исследование направлено на выявление структурных компонентов лингвокультурного типажа «школьный учитель» в художественной литературе (на примере немецкого языка).

Основная часть. Носитель языка — языковая личность — представляет собой сложное образование, в котором сосуществуют различные социально-ситуативные роли, модусы поведения, уровни коммуникативной компетенции, а также сугубо индивидуальные особенности. Культурологические классификации личностей предполагают выделение тех личностных типов, которые оказали существенное влияние на поведение представителей соответствующей культуры. Эти социокультурные типы рассматриваются как модельные личности, которым подражают либо которым противопоставлены представители той же самой культуры. В более широком плане можно выделить лингвокультурные типажи, узнаваемые образы представителей определенной культуры, совокупность которых и составляет культуру того или иного общества. «Лингвокультурный типаж представляет собой обобщение и в этом плане включает стереотипные представления о типизируемой личности, с которой говорящий себя осознанно или неосознанно ассоциирует. В число стереотипных характеристик типажа входят и ценности, в соответствии с которыми типаж строит свое поведение, а ценности, как известно, представляют собой самые глубинные характеристики культуры. В отличие от стереотипа лингвокультурный типаж привязан к реально существующей или существовавшей личности либо к фикциональной личности как концепту» [1, с. 13—14].

Понятие «лингвокультурный типаж» соотносится с другими понятиями, характеризующими человека сквозь призму его коммуникативного поведения. В качестве важнейших смежных понятий следует отметить «роль», «стереотип», «амплуа», «персонаж», «имидж» и «речевой портрет» [1, с. 11]. Лингвокультурный типаж «строит свое поведение в соответствии с ролевыми предписаниями, проявляется через коммуникативное поведение, важнейшим компонентом которого является вербальный ряд» [1, с. 12]. Используя термин «лингвокультурный типаж», мы акцентируем внимание на культурно-диагностической значимости типизируемой личности для понимания соответствующей культуры, а также на изучении этой личности с позиций лингвистики.

Эмпирическим материалом исследования послужили 63 контекста, отобранных на основе сплошной выборки из романа Günter Görlich „Eine Anzeige in der Zeitung“ общим объемом 199 страниц. Согласно алгоритму составления паспорта лингвокультурного типажа, анализу подлежит *внешний облик* учителя. В анализируемом романе широко представлено описание внешнего облика учителя, обязательным при этом являются указания на возраст учителя, описание его лица и мимики: „Manfred Just, fünf und dreißig Jahre alt, der heitere aktive Mensch...“ [2, с. 5], „Ein ausdrucksstarkes Gesicht, leichte Fältchen um die Augen und dem Mund“ [2, с. 22]. Следует отметить, что не всегда внешний облик учителя можно охарактеризовать как опрятный или неопрятный: главный герой романа Гюнтера Гёрлиха предстает в достаточно ярком, непривычном для школы, но, тем не менее, изысканном, утонченном образе: „Weiße Flanellhosen, zitronen gelbes Hemd, offener Kragen und ein buntes Seidentüchlein um den Halsgebunden. Die Haare blond und für einen Lehrer etwas zu lang. In dieser Aufmachung stand er da oder schlenderte umher, sah sich alles an und hatte immer ein leichtes Lächeln im Gesicht“ [2, с. 17]. По количеству и качеству описаний облика учителя, его объему, точности и щепетильности можно судить о важности данного аспекта. Ведь помимо задачи научить перед учителем стоит задача быть примером: примером во всем, в том числе относительно внешнего вида. Именно поэтому в материалах художественной литературы представлена широкая палитра описаний внешности учителя.

Следующим в паспорте лингвокультурного типажа рассматривается *гендерный аспект*. Что касается гендерной принадлежности, то профессия учителя является феминизированной, не исключая при этом мужчин в данной профессии: „...die Frauen, die sowieso die uns *inder Mehrheit* sind“ [2, с. 25]. „An unserer Schule haben wir ja auch so *viele* Frauen“ [2, с. 41]. Таким образом, гендерная диспропорция в школе становится вновь очевидной.

Анализ материала показал следующее представление о происхождении учителя. Кроме высоких интеллектуальных способностей, которые в обязательном порядке должны быть присущи человеку профессии, призывающей быть, в первую очередь, примером всегда и во всем, учителем важно становиться

по призванию: „Ein kluger, gut aus gebildeter Mann und vor allen Dingen, das musste ich bald zugeben, eben auch *ein Lehrer mit Leib und Seele*“ [2, с. 11].

Следует также отметить, что влияние человека и профессии друг на друга взаимно. Профессия учителя требует развития личности, т. е. определенных качеств, к примеру, ответственности, точности, любознательности и т. д. Данные качества воспитываются не всегда легко, однако позже, укоренившись, сопутствуют учителю не только в профессиональной сфере: „Just war nicht der Mensch, der vor der *Verantwortung kniff*“ [2, с. 46]. „Karl nahm alles sehr genau, er duldete *keine Unklarheit. Er besaß eine ungeheure Zähigkeit im Verfolgen dunkler, undurchsichtiger Vorgänge*“ [2, с. 18]. Таким образом, высокий социальный статус учителя очевиден, ведь ему доверено самое дорогое — дети, поэтому люди в этой профессии случайными быть не должны, к такой профессии нужно иметь призвание. Высокое социальное положение данной профессии оплачивается со стороны учителей усиленной работой, в первую очередь над собой.

Социальное положение личности определяет и *характер его жилища*. Как говорилось выше, профессия способствует развитию в человеке определенного набора качеств, которые сопутствуют ему во всем. Любовь к порядку и ясности отражается и на характере жилища: „Karls Strebelows *kleines Haus am Waldrand und der Garten davor und dahinter waren Musterbeispiele von Ordnung und Sauberkeit*“ [2, с. 19]. Как показывает данный пример, место жительства учителя является отражением его личности. Жилище учителя, как и его внешний облик, аксессуары, можно охарактеризовать одними и теми же словами: скромно, но чисто и аккуратно.

Роль/сфера деятельности как схема поведения составляет основу содержания *поступков учителя*. Так как доминантным критерием выделения лингвокультурного типажа «школьный учитель» служит профессиональная сфера деятельности, то учитель строит свое поведение в соответствии с ролевыми предписаниями, где можно отметить его способность к эмпатии, сензитивность к интересам и потребностям воспитанников, креативность и умение придать личностную окраску преподаванию, умение управлять собой и детьми: „Die Unterrichtsstunde begann tatsächlich *ungewöhnlich*. Keine Fragen, keine Wiederholung, keine Zusammenfassung, Just erzählte ein *Erlebnis*. Ich weiß nicht, ob das, was er den Schülern berichtete, von ihm *wirklich erlebt* worden war oder ob er sich die Geschichte ausgedacht hatte *zum Zwecke größerer Anschaulichkeit* im Unterricht. Das blieb auch interessant, die Aufmerksamkeit war groß. Anscheinend versprach diese Art Stundeneinleitung den Schülern etwas Besonderes, einen Knüller“ [2, с. 45], „Just baute *Fragen* ein, die *die Schüler zum Diskutieren reizten*“ [2, с. 35].

Проведенный анализ романа Гюнтер Гёрlich „Eine Anzeige in der Zeitung“ показал, что учитель — это натура деятельная, ей присуща установка на постоянное самосовершенствование. Однако такая преданность профессии является помехой в организации семейной жизни. Учитывая такую увлеченность работой, следует указать, что именно коллеги являются ближайшим *окружением* учителя. Рабочий коллектив представляется достаточно стабильным образованием: он обладает определенными характеристиками, сложившимся укладом существования. По этой причине что-то новое воспринимается с любопытством, осторожностью, а иногда и нетерпением, даже агрессией: „Damals konnte ich das aber nicht, da wechselten beimir *Neugier und Bewunderung mit Misstrauen und Vorurteilen*“ [2, с. 35], „Du sollst merken, Just, dass *Extravaganzen* bei uns nicht sehr beliebt sind“ [2, с. 30]. В романе Гюнтера Гёрлиха такое противостояние объясняется и разностью взглядов, присущих разным поколениям учителей, о чем свидетельствуют следующие примеры: „Bei Karl Strebelow immer die *Generation* berücksichtigen müsse, der er angehörige. Er sei einer aus der Schar wenigen Leute, die sofort nach dem Kriege ohne Wissen und Kenntnisse an die Arbeit gingen“ [2, с. 7], „Ich gehe auf die Fünfzig zu und gehöre einer *Lehrergeneration* an, die durch die Zeitumstände gezwungen war, lange jung zu bleiben“ [2, с. 11].

Неотъемлемой частью профессии учителя является высокий уровень коммуникативной компетенции, поэтому автор произведения анализирует *коммуникативное поведение / речевые особенности учителя*: „Die Landung vollzog sich genauso, wie sie mir Manfred Just *lebhaft und anschaulich* beschrieben hatte“ [2, с. 5], „Just hatte sich gut vorbereitet, sprach ohne Schnörkel und ironische Einschübe. Mich beeindruckte wieder einmal, welche *Ausdrucksmöglichkeiten* ihm zur Verfügung standen und dass er sie auch anzuwenden verstand, wenn es seiner Meinung nach darauf ankam“ [2, с. 69]. Итак, особенностью речевых характеристик рассматриваемого типажа является умение самопрезентации, в том числе умение модулировать тональность голоса. В речевом портрете типажа проявляются учительские манеры говорить (декларативность, оценочность, штампованность реплик учителя), доброжелательность учителя, отчего и зависит успешность коммуникации.

Заключение. Лингвокультурный типаж «школьный учитель» имеет следующие характеристики: доброжелателен, помогает другим, умеет слушать и слышать других и иные мнения, старается всё объяснять, чувствует себя достаточно сильным и уверенным, старается решать возникающие проблемы, самокритичен, испытывает ответственность за всю работу в целом, а не только за свой участок, знает, где и когда нужно бороться, а когда отступить, сам себе задаёт темп работы, использует время рационально, не боится ошибиться в поисках лучшего, занимается самообразованием.

Список цитируемых источников

1. Карасик, В. И. Лингвокультурный типаж: к определению понятия // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типаж: сб. науч. тр. / В. И. Карасик, О. А. Дмитриева; под ред. В. И. Карасика. — Волгоград: Парадигма, 2005. — С. 5—25.
2. Görlich, G. Eine Anzeige in der Zeitung / G. Görlich. — Berlin: Verlag Neues Leben, 1985. — 199 S.

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «ДВИЖЕНИЕ» В ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

Введение. Одним из центральных направлений современных лингвистических исследований является изучение взаимосвязи языка и мышления, роли человека в языке и роли языка для человека. Данное направление языковых исследований уделяет достаточное внимание репрезентации знаний и представлений об окружающем мире в виде когнитивных структур в сознании человека. В роли данных когнитивных структур выступают концепты, отражающие тесную взаимосвязь языка с миропониманием человека, его духовной и практической деятельностью. Актуальность исследования обусловлена тем, что изучение когнитивных структур — концептов — является одним из важнейших направлений развития современной лингвистики. Интерес современной лингвистики к способам формирования смысла и формам репрезентации знания, которые отражают основные когнитивные процессы сознания, обуславливает изучение типов концептов, проблем их классификации, выделения основных когнитивных компонентов и характеристик разных типов концептов, установления специфики реализации концепта в контексте и решения других задач. Несмотря на то, что движение имеет высокую социальную значимость и характеризуется способностью влиять на деятельность человека, определение особенностей реализации данного параметра в языке и, соответственно, исследование концепта «движение» до настоящего времени не получило достаточного освещения в исследованиях английской фразеологической системы. Материалом для исследования послужило 100 фразеологических единиц, отобранных с англо-русского фразеологического словаря А. В. Кунина.

Основная часть. Движение в современном мире по праву считается «основным свойством» и «основным признаком жизни». Сегодня под понятием «движение» понимают не просто перемещение одних тел относительно других, но и изменение температуры тела, электромагнитное излучение, с ним связывают любые изменения и течения в обществе и природе.

Исходя из этого, понятие «движение» обладает такой широтой толкования, которая позволяет считать данное понятие одной из фундаментальных категорий в разных науках. Под глаголами движения в лингвистике понимаются любые лексемы, обозначающие изменение положения предмета или его частей относительно какой-либо точки отсчета. Рассмотрение категории движения в русле функционально-семантического направления позволило по-иному представить структуру данной категории, принципы её организации. Глаголы движения образуют в русском языке особый пласт лексики. Это обусловлено их грамматической и лексической вариативностью. Как и глаголы всех остальных семантических групп, русские глаголы движения могут быть представлены в парном виде, т. е. в виде форм совершенного и несовершенного вида (*ходить/прийти, ползти/приползти*). Особенность заключается в семантическом разнообразии форм глаголов совершенного вида, что достигается благодаря разнообразию префиксов, участвующих в образовании глагольных форм (*ехать — приехать, уехать, отъехать, проехать, заехать, поехать, въехать, выехать, доехать, переехать, объехать* и т. д.). Разнообразие глаголов движения английского языка представлено, прежде всего, их лексической вариативностью.

Русские глаголы движения часто используются в переносных значениях, при этом глагольная пара «идти/ходить» является наиболее частотной употребляемой. Функционально-семантические особенности русских глаголов движения наблюдаются и у соответствующих им английских, однако для них не характерна столь четкая, как в русском языке, оппозиция:

1) *однонаправленность/неоднонаправленность движения* (*идти* — глагол однонаправленный, *ходить* — неоднонаправленный);

2) *независимость/зависимость движения* (глагол «идти — ходить» обозначает самостоятельное движение предмета, глагол «вести — водить» обозначает не самостоятельное движение, а движение как результат воздействия другого предмета. Оппозиция независимости/зависимости в семантике глаголов движения также не совпадает в русском и английском языках, поскольку в английском языке очень велика роль каузативных конструкций);

3) *кратность/некратность движения* (некратный глагол «идти» обозначает действие, совершающееся в один приём; кратный глагол «ходить» обозначает действие, совершающееся не в один приём). Противопоставление кратных и некратных глаголов движения в английском языке не реализуется вовсе — различие в частотности и периодичности действий заложено во видовременную форму английского глагола.

Важной составляющей в анализе структуры фразеологизмов является необходимость учитывать в их составе переменные элементы, или компоненты. Основным методом проведенного исследования стал осуществляемый на основе анализа словарных дефиниций компонентный анализ, позволяющий

выделить компоненты значения. Ключевым словам в словарных дефинициях при этом отводилась особая роль, так как они являлись идентификаторами класса глаголов движения. В ходе исследования избранного фразеологического участка английского языка было выявлено 100 глагольных фразеологических единиц с ведущим компонентом «движение». Анализ собранного материала показал, что наиболее продуктивными в образовании фразеологических единиц глаголы, в которых присутствует компонент движения: *go — идти, come — приходить*.

Наиболее продуктивными в образовании фразеологических единиц в двух сопоставляемых языках явились глаголы *go — move from one place or point to another, travel* и *come — move or travel toward or into a place thought of as near or familiar to the speaker*. Так как эти два глагола являются ядерными, они доминируют больше всего.

Основным методом проведенного исследования стал осуществляемый на основе анализа словарных дефиниций компонентный анализ, позволяющий выделить компоненты значения. Ключевым словам в словарных дефинициях при этом отводилось особая роль, так как они являлись идентификаторами класса глаголов движения. Некоторые фразеологические единицы имеют несколько значений. В качестве примера фразеологическая единица *go against the stream* имеет значение 'идти, плыть против течения', это свидетельствует о значении *скорости и направления движения*. В случае фразеологической единицы *go with a run* со значением 'пройти гладко, без задержки' можно говорить о *медленности и однонаправленности движения*. В результате проведенного исследования было выявлено, что количество фразеологических единиц с маркером *go* превалирует над количеством лексических единиц с идентификатором *come* (48 и 25 единиц соответственно). Также встречаются и другие глаголы движения, такие как *run (run like a deer), pass (pass through the eye of a needle), move (move heaven and earth), jump (jump the queue)*. Это зависит от того, что движение является неотъемлемой частью жизни человека. Фразеологические эквиваленты могут быть двух типов:

1) постоянное равнозначное соответствие, которое является единственно возможным переводом и не зависит от контекста. Этот вид перевода назван Я. И. Рецкером «эквивалентным» в статье, в которой впервые был поставлен вопрос о закономерных соответствиях при переводе на родной язык. Поскольку всякое равнозначное соответствие является эквивалентом, то указанный вид перевода целесообразно назвать моноэквивалентом. Соответствия эти могут возникать как результат дословного перевода английских фразеологических единиц, например: *to dance to somebody's tune* 'танцевать под чью-либо дудку', *go far* 'далеко пойти', *go slow* 'не торопиться', *come in to one's mind* 'прийти на ум';

2) возможно наличие в русском языке двух и более эквивалентов английской фразеологической единицы, из которых для перевода данного текста выбирают лучший или любой в том случае, если они оба или все равноценны. Такие эквиваленты называются выборочными. Рассмотрим фразеологизм *go eyes out* со значением 'мчаться, нестись, показывая быстроту движения'. Фразеологизм *go dot and carry one* 'идти прихрамывая, ковылять' переводится на русский язык как «идти, волоча ноги». Фразеологическая единица *go far* 'далеко пойти' на русский язык переводится как «многого добиться». *Go slow* 'не торопиться' можно перевести как «быть осмотрительным». Такой фразеологизм, как *come (get) back to earth* на английском языке означает 'спуститься', а на русском языке — «упасть с небес на землю». *Come to light* означает 'выплыть', а по-русски мы говорим «выйти на свет Божий».

Заключение. Анализ собранного материала показал, что наиболее продуктивны в образовании фразеологических единиц глаголы, в которых присутствует компонент движения: *go — идти, come — приходить*. Наиболее продуктивными в образовании фразеологических единиц в двух сопоставляемых языках явились глаголы *go — move from one place or point to another, travel* и *come — move or travel toward or into a place thought of as near or familiar to the speaker*. Так как эти два глагола являются ядерными, они доминируют. Научная новизна работы заключается в том, что использовался метод дефиниционно-компонентного анализа, выявлялись сходства и различия во фразеологических единицах разноструктурных языков.

ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИЕ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИИ У. С. МОЭМА “THE MOON AND THE SIXPENCE”

Введение. Понятие индивидуального стиля автора признается многими лингвистами как одно из важнейших понятий не только стилистики, но и теории и практики перевода, литературоведения и истории литературы. Этим и определяется актуальность данной статьи.

Цель данной статьи заключается в том, чтобы установить, каким образом Уильям Сомерсет Моэм передает содержание, главную идею произведения, характеризует героев, т. е. проявляет черты авторского стиля.

Объектом исследования являются индивидуально-авторские цветообозначения.

Предметом исследования является структурно-семантическая характеристика индивидуально-авторских цветообозначений в произведении У. С. Моэма “The Moon and Sixpence”.

Материал для анализа был отобран из произведения У. С. Моэма “The Moon and Sixpence”. Исследование проводилось в несколько этапов.

Основная часть. Индивидуально-авторские цветообозначения в произведении У. С. Моэма “The Moon and Sixpence” представлены 81 лексической единицей. Общий объем проанализированных страниц составил 228 [2].

Отобранные единицы были разделены на четыре группы в зависимости от выражения цветового признака (таблица 1).

Группа «Цвета радуги» достаточно неоднородна по составу, и было принято решение о её дальнейшей классификации (таблица 2).

Т а б л и ц а 1 — Классификация лексических единиц, выражающих цвет

Название цветов	Количество (%)
Цвета радуги	50 (61,8)
Эталонные цвета	13 (16,0)
Оттенки цветов	12 (14,9)
Сложные цвета	6 (7,4)
Итого	81 (100,0)

Т а б л и ц а 2 — Классификация группы «Цвета радуги»

Цвет	Количество (%)
Blue	10 (20,0)
Red	10 (20,0)
Grey	7 (14,0)
Black	7 (14,0)
Green	6 (12,0)
White	6 (12,0)
Brown	3 (6,0)
Blond	1 (2,0)
Итого	50 (100,0)

Лидирующими цветами в анализированном произведении являются *blue* и *red his hair was reddish, cut very short, and his eyes were small, blue or grey; there was a large wardrobe, a round table, a very small washstand, and two stuffed chairs covered with red rep.* Менее частотным цветом является *blond* (1 словосочетание): *A motley crowd saunters along the streets — Lascars off a P. and O., blond Northmen from a Swedish barque, Japanese from a man-of-war.*

В группе «Эталонные цвета» имеются сравнения с разными предметами, такими как *rose, snow, earth, gold: the snowy tablecloth with a rosy hue.*

Преобладающим оттенком в группе «Оттенки цветов» является *pale: pale colours.*

Сложные цвета состоят из двух компонентов. Первый компонент носит уточняющий характер: *he had pale blue eyes and a weak mouth.*

На следующем этапе анализу подверглись денотаты, получающие описание с помощью того или иного цветообозначения. Тематическая классификация отобранных денотатов осуществлялась при помощи русского семантического словаря под редакцией Н. Ю. Шведовой [1]. Анализ отобранного материала свидетельствует о том, что описанию при помощи цветообозначений подвергаются слова разных тематических групп (таблица 3).

Группа «Слова, называющие артефакты»: *the green curtains, the green carpet.* Группа «Слова, называющие части тела человека/животного»: *and his face, with the red stubble of the unshaved chin.* «Слова, называющие естественные природные образования, природные реалии»: *Gray clouds chased one*

Т а б л и ц а 3 — Тематическая классификация лексических единиц, употребляемых с цветообозначениями

Группа денотатов	Количество (%)
Слова, называющие артефакты	22 (45,8)
Слова, называющие части тела человека/животного	11 (22,9)
Слова, называющие естественные природные образования, природные реалии	8 (16,6)
Слова, называющие людей	3 (6,3)
Слова, называющие продукты питания	2 (4,2)
Слова, называющие животных	2 (4,2)
Итого	48 (100,0)

another across the sky. «Слова, называющие продукты питания»: *It was a dinner for a King when he brought in a huge dish of it, succulent with tomatoes, and we ate it together with the good household bread and a bottle of red wine. Up the mountain were wild-orange trees, and now and then Ata would go with two or three women from the village and return laden with the green, sweet, luscious fruit.* Группа «Слова, называющие животных»: *You could wander along the canal till you came to broad green fields, with windmills here and there, in which cattle, black and white, grazed lazily. The green curtains with their peacock design, hung in straight lines, and the green carpet, in the pattern of which pale rabbits frolicked among leafy trees, suggested the influence of William Morris.*

На третьем этапе исследования определялась возможная зависимость используемого цветообозначения от тематической принадлежности денотатов. Все лексические единицы были разделены на семь групп.

Группа «Слова, называющие артефакты» чаще всего используется с группой «Цвета радуги» (80%). Преобладающим цветом, который используется для описания денотатов, является *black*: *black bombazine, black band, black border.* Также используются такие цвета, как *green, red, blue, white*: *town is white, white drill, gray dress, red rep.* С этой группой используются и цвета таких групп, как «Оттенки цветов» (8%), «Сложные цвета» (8%) и «Эталонные цвета» (4%): *darkened room, chintzes were bright, flesh-coloured stockings, the snowy tablecloth.*

Группа «Слова, называющие части тела человека/животного» чаще всего используется с «Цветами радуги» (100%). В этой группе преобладает цвет *red*: *red cheeks, red lips.* Также используются такие цвета, как *grey, blue*: *grey eyes, grey moustache, blue eyes.* Обращает внимание на себя тот факт, что с другими группами цветов эта группа не используется.

Для описания денотатов в группе «Слова, называющие естественные природные образования, природные реалии» чаще всего используется группа «Цвета радуги» (100%). Преобладающим цветом является *green*: *green fields, green island, green folds.* Менее частотными цветами являются *grey, blue, white*: *grey clouds, blue sky, white flowers.*

Для описания денотатов в группе «Слова, называющие людей» чаще всего используется группа «Цвета радуги»: *blond Northmen, white man.*

Группа «Слова, называющие продукты питания» используется с группой «Цвета радуги». Широко используемыми цветами являются *red* и *green*: *red wine, green fruit.*

Последняя группа «Слова, называющие животных» используется с «Цветами радуги». Для описания денотатов используются такие цвета, как *black, white*: *cattle black, cattle white.* Менее частотной группой является «Оттенки цветов» (33,3%).

Заключение. В произведении “The Moon and The Sixpence” автор чаще всего использовал для описания предметов такую тематическую группу, как «Цвета радуги». Самые используемые цвета — *blue, red.* Наиболее частотной группой денотатов, получающей цветовую характеристику, является группа «Слова, называющие артефакты».

Список цитируемых источников

1. Шведова, Н. Ю. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Н. Ю. Шведова. — М.: Азбуковник, 1998. — 675 с.
2. Maugham, W. S. The Moon and The Sixpence [Electronic resource] / W. S. Maugham. — Mode of access: <http://www.gutenberg.org/files/222/222-h/222-h.htm/>. — Date of access: 01.03.2016.

МЕТАКОММУНИКАТИВНЫЕ СРЕДСТВА УПРАВЛЕНИЯ ВНИМАНИЕМ НА ЗАНЯТИЯХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ВИДЕО

Введение. Актуальность избранной темы исследования обусловлена общей коммуникативной направленностью, характеризующей лингвистику последних десятилетий, а также заметным увеличением интереса исследователей к различным аспектам коммуникации, в том числе к метакоммуникации как одному из самых существенных факторов диалога.

Объект данного исследования — метакоммуникация в англоязычных и русскоязычных видеоуроках.

Предметом исследования являются метакоммуникативные обороты речи, используемые в англо- и русскоязычных видеоуроках в целях управления вниманием слушателей.

Цель исследования: выявление сходства и отличий в осуществлении управления вниманием слушателей видеоуроков метакоммуникативными средствами английского и русского языков.

К основным методам, использованным в ходе исследования, относятся метод сплошной выборки, анализа лексических значений (классический лексикографический), тематической и синтаксической классификации лексики, а также сопоставительный и статистический методы.

Основная часть. Данное исследование проводилось в несколько этапов: на первом из видеоуроков методом сплошной выборки были отобраны метаоператоры управления вниманием, на втором этапе была выявлена классификация метаоператоров по принадлежности к частям речи, на третьем выделены тематические классификации метаоператоров.

Материал для анализа англоязычных видеоуроков, предназначенных для самостоятельного дистанционного изучения английского языка иностранцами, был отобран из архивов интернет-сайта “Free English Video Lessons” [1].

Для того чтобы провести анализ англоязычных видеоуроков, было просмотрено 20 видеоуроков средней длительностью по 15 минут. Общий объем выборки лексики из англоязычных видеоуроков составил 130 слов. В ходе исследования была разработана классификация по принадлежности к частям речи, в рамках которой слова были разделены на три группы: наречия образа действия; глаголы, выражающие призыв к восприятию информации; указательные местоимения (таблица 1).

В ходе исследования было выявлено, что группа «Наречия образа действия» оказалась самой частотной, таким образом, группа была разделена на пять подгрупп (таблица 2).

Группа «Глаголы, выражающие призыв к восприятию информации» была разделена на четыре подгруппы (таблица 3).

Т а б л и ц а 1 — Классификация англоязычных слов по принадлежности к частям речи

Часть речи	Количество слов (%)
Наречия образа действия	86 (66)
Глаголы, выражающие призыв к восприятию информации	39 (30)
Указательные местоимения	5 (4)
Итого	130 (100)

Т а б л и ц а 2 — Тематическая классификация наречий образа действия

Значение наречий образа действия	Количество слов (%)
Точность	33 (25)
Легкость	26 (20)
Сознательность	5 (4)
Очевидность	10 (8)
Скорость	12 (9)
Итого	86 (66)

Т а б л и ц а 3 — Тематическая классификация глаголов, выражающих призыв к восприятию информации

Значение глаголов	Количество слов (%)
Восприятие	18 (14)
Умственную деятельность	9 (7)
Процесс речи	4 (3)
Действие, которое может быть реализовано в процессе речи	8 (6)
Итого	39 (30)

Материал для анализа русскоязычных видеоуроков, предназначенных для самостоятельного изучения английского языка, был отобран в сети Интернет на YouTube-канале [2]. Для того чтобы провести анализ метакоммуникативных средств управления вниманием в русскоязычных видеоуроках, было просмотрено пять видеоуроков средней длительностью по 40 минут. Следует отметить, что целью русскоязычных видеоуроков, как и англоязычных, являлось обучение различным аспектам английского языка, с той лишь разницей, что педагогический дискурс о языке в англоязычных видеоуроках осуществлялся носителями языка в едином языковом режиме, в то время как в русскоязычных видеоуроках преподаватель, не являющийся носителем преподаваемого языка, говорил об иностранном языке на родном языке.

Общий объем выборки метаоператоров из русскоязычных видеоуроков составил 107 слов. В ходе исследования была разработана классификация метаоператоров по принадлежности к частям речи, в рамках которой слова были разделены на три группы: наречия образа действия; глаголы, выражающие призыв к восприятию информации; указательные местоимения (таблица 4).

В ходе исследования было выявлено, что группа «Глаголы, выражающие призыв к восприятию информации» оказалась самой частотной, таким образом, была разделена на шесть подгрупп (таблица 5). Группа «Наречия образа действия» была разделена на две подгруппы (таблица 6).

Т а б л и ц а 4 — Классификация русскоязычных слов по принадлежности к частям речи

Часть речи	Количество слов (%)
Наречия образа действия	20 (19)
Глаголы, выражающие призыв к восприятию информации	73 (68)
Указательные местоимения	14 (13)
Итого	107 (100)

Т а б л и ц а 5 — Тематическая классификация глаголов, выражающих призыв к восприятию информации»

Значение глаголов	Количество слов (%)
Восприятие	13 (12)
Умственную деятельность	20 (21)
Процесс речи	6 (3)
Действие, которое может быть реализовано в процессе речи	13 (12)
Фазу действия	13 (12)
Отношение говорящего к содержанию	8 (8)
Итого	73 (68)

Т а б л и ц а 6 — Тематическая классификация наречий образа действия

Значение наречий образа действия	Количество слов (%)
Точность	11 (10)
Легкость	9 (9)
Итого	20 (19)

Заключение. Если в англоязычных видеоуроках наибольший удельный вес занимают наречия образа действия (66%), то в русскоязычных их удельный вес составляет 19%.

Таким образом, глагол является одной из наиболее частотных частей речи, используемых в качестве метаоператора управления вниманием в русскоязычных видеоуроках, составляя 68% выборки. В целях побуждения к действию глагол употребляется чаще в императивной форме, т. е. в повелительном наклонении.

Самой немногочисленной в количественном отношении является группа «Указательные местоимения».

Список цитируемых источников

1. Free English Video Lessons [Electronic resource]. — Mode of access: <http://www.engvid.com/>. — Date of access: 02.03.2016.
2. Полиглот 16 с Петровым. Английский, немецкий с нуля за 16 часов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.youtube.com/channel/UCne0WgJv2lXgfsAZgFPiKJA>. — Дата доступа: 21.04.2016.

WAS IST COMPUTERLINGUISTIK?

Einleitung. Wenige Dinge haben einen so starken Einfluss auf unseren Alltag wie Sprache und Kommunikation. Sprache ist das wichtigste Mittel zur Kommunikation und Interaktion zwischen Menschen. Obwohl Sprache äußerst komplex ist und einige sprachliche Phänomene äußerst schwer zu erklären sind, wird sie in einem äußerst kurzen Zeitraum erworben und ist eng verknüpft mit dem Denken. Auf diese Weise ist die menschliche Sprache zu einer der erstaunlichsten Erfindungen innerhalb der kulturellen Entwicklung geworden. Dafür steht auch der außerordentliche Reichtum an Sprachen, Dialekten, und Sondersprachen (bspw. Zeichensprachen), die in den vergangenen Jahrtausenden entstanden sind.

Im Rückblick auf die kulturelle Entwicklung des 20. Jahrhunderts kann der Computer als eine der entscheidenden Erfindungen angesehen werden, die einen nachhaltigen und in letzter Konsequenz noch nicht absehbaren Einfluss auf unser Berufs- und Freizeitleben ausgeübt hat. Wurden Computer anfänglich noch als Rechenmaschinen angesehen, richtete sich schon nach kurzer Zeit das Interesse auf Daten, die über den reinen Zahlenbereich hinausgingen: die menschliche Sprache in geschriebener und gesprochener Form. Und da Sprache ein äußerst effizientes Mittel zur Kommunikation ist, wird sie auch als entscheidend für die Weiterentwicklung von Computern und modernen Kommunikationsmitteln angesehen: einerseits für die Übertragung einer Sprache in eine andere Sprache, Form oder ein anderes Medium, andererseits als Interaktionsmittel zwischen Menschen und Maschinen.

Hauptteil. Was ist Computerlinguistik? In der Computerlinguistik (CL) oder linguistischen Datenverarbeitung wird untersucht, wie natürliche Sprache in Form von Text — oder Sprachdaten mit Hilfe des Computers algorithmisch verarbeitet werden kann. Computerlinguistik ist eines der Hauptanwendungsgebiete an der Schnittstelle zwischen Mensch und Computer. Das Fach Computerlinguistik ist eine eher junge Disziplin, die sehr stark mit den Entwicklungen in der Informationstechnologie verbunden ist: flexible Suchmaschinen, automatisierte Dialogsysteme, durch Sprache bedienbare Büromaschinen und Werkzeuge, e-learning Unterrichtsmaterial... Die Entwicklung und Verbesserung dieser Anwendung hängt in hohem Grad ab von der gelungenen Integration sprachlicher bzw. linguistischer Datenstrukturen. Und genau darin liegt das Hauptinteresse der Computerlinguistik, nämlich linguistische Datenstrukturen so zu modellieren, dass menschliche Sprache(n) von Computern verarbeitet und verstanden werden [1].

Computerlinguistik lässt sich als Terminus (oder dessen Umschreibung) in die sechziger Jahre des 20. Jahrhunderts zurückverfolgen. Als Aufgabenstellung war sie mit den Anfängen der künstlichen Intelligenz eigentlich schon nahegelegt und Chomskys Syntactic Structures von 1957 präsentierte die Sprache in einem entsprechend passenden neuen formalen Gerüst. Die teilweise aus dem US-Verteidigungsbudget sehr hoch geförderten Forschungen brachten jedoch nicht die erhofften Durchbrüche. Besonders die Koryphäen Chomsky und Weizenbaum beschwichtigten die Erwartungen an Automatisierungen von Sprachübersetzung. Der Wende von behavioristischen Wissenschaftskonzeptionen zu mentalistischen (Chomsky) folgte umfassende Konzipierungen in den Kognitionswissenschaften.

In den siebziger Jahren erschienen zunehmend häufiger Publikationen mit dem Begriff Computerlinguistik im Titel. Es gab bereits finanziell aufwändige Versuche exegetischer Anwendungen (Konkordanzen, Wort- und Formstatistik), aber auch schon größere Projekte zur maschinellen Sprachanalyse und zu Übersetzungen. Die ersten Computerlinguistik-Studiengänge in Deutschland wurden an der Universität des Saarlandes und in Stuttgart eingerichtet. Die Computerlinguistik bekam mit der Verbreitung von persönlich gebrauchten Computern (PC) und mit dem Aufkommen des Internets neue Anwendungsgebiete. Im Gegensatz zu einer Internetlinguistik, die insbesondere menschliches Sprachverhalten und die darüber induzierten Sprachbildungen im und mittels Internet untersucht, entstand in der Computerlinguistik eine stärkere informatisch-praktische Ausrichtung. Doch gab das Fach die klassischen philosophisch-linguistischen Fragen nicht ganz auf und wird heute in theoretische und praktische Computerlinguistik unterschieden.

Die Computerlinguistik beschäftigt sich mit der Verarbeitung natürlicher Sprache in Computersystemen. Zu ihren Schwerpunkten gehören sowohl anwendungsbezogene wie grundlagenforschungsorientierte Fragestellungen, darunter:

- die Schaffung von (Software-)Werkzeugen, die die Mensch-Maschine-Kommunikation (MMK) durch die Verarbeitung sprachlicher Daten erleichtern (z. B. natürlich sprachliche Dialogsysteme zur Kommunikation mit Datenbanken und anderen Informationssystemen, automatische Beantwortung von Emails, sprachgesteuerte Computer und andere Systeme, Sprachausgabe);
- maschinelle, vor allem sprach- und texttechnologische Hilfsmittel zur Verarbeitung von Texten in natürlicher Sprache zu verschiedensten Zwecken (z. B. Diktierprogramme, Rechtschreibungs-

Korrekturprogramme, Vorlesemaschinen, Übersetzungssysteme, Übersetzungshilfen, Inhaltsanalyse, Dokumenten-Management, Textgenerierung usw.), ein Bereich der seit Jahren in der „Informations- und Kommunikations-Gesellschaft“ immer größere Bedeutung erlangt;

- die Untersuchung sehr großer Mengen von Sprachdaten (z. B. Textkorpora) vor allem mit Hilfe statistischer und anderer quantitativer Methoden, um möglichst fehlerfrei und komfortabel komplexe Beschreibungen von Sprachen anfertigen zu können (Wörterbücher, Grammatiken), bzw. das Anlegen und Pflegen großer Sammlungen textueller Daten;

- die Ausnutzung von Eigenschaften der natürlichen Sprache mittels Computer für andere Zwecke, z. B.: Erkennung der Sprache, in der ein Text geschrieben wird/wurde, Autorenbestimmung für philologische, forensische und andere Zwecke;

- die Erforschung der Zusammenhänge von Eigenschaften sprachlicher Strukturen und Prozesse bis hin zur Entdeckung universeller Sprach- und Textgesetze. Die computerlinguistischen Verfahren dienen hier vor allem der Überprüfung entsprechender Hypothesen anhand von großen Mengen authentischen Sprachmaterials.

Worin besteht die größte Herausforderung der Computerlinguistik? Menschen benutzen zur Kommunikation sog. „natürliche Sprachen“, ein äußerst komplexes System aus Lauten und Zeichen, das einem ständigen Wandel unterliegt und ausreichend robust ist, um in äußerst vielen, störanfälligen Situationen gebraucht zu werden. Computer hingegen sind auf sog. „formale Sprachen“ beschränkt, die anfällig sind gegenüber Mehrdeutigkeit, Veränderungen und Spontanität. Die wichtigste Aufgabe der Computerlinguistik besteht demnach darin, adäquate formale Modelle bereitzustellen, die diese besonderen und gegensätzlichen Eigenschaften natürlicher Sprachen innerhalb der formalen Einschränkungen von Rechnersprachen erfassen [2].

Auf den ersten Blick erscheint Computerlinguistik häufig als Verbindung der Disziplinen Linguistik und Informatik; jedoch ist das Spektrum der Wissenschaften, die für die Computerlinguistik von Belang sind, weitaus vielfältiger. Es bestehen enge Verbindungen zur Kognitiven Psychologie, zur Mathematik, zu den Einzelphilologien und letztlich zur Philosophie. Der Stoff mit dem sich Studierende der Computerlinguistik auseinandersetzen können, reicht durchaus von den frühesten Überlegungen zur menschlichen Sprache (bspw. den ersten Sanskrit-Grammatiken) bis hin zu den neuesten Entwicklungen der Informationstechnologie.

Computerlinguistik stellt eine Verbindung zwischen Sprachwissenschaften und Informatik her und wird seit den 80ern an Hochschulen gelehrt. Es geht darum natürliche Sprache (also Sprache, die von uns Menschen geäußert wird) in Algorithmen zu verarbeiten, die ein Computer verstehen kann. Im Studium analysiert man Sprache, lernt Programmiersprachen und statistische Grundlagen.

Zu den Aufgabenbereichen eines/ r Computerlinguisten/in gehören: gesprochenen Sprache in Text zu verarbeiten wie bei der Spracheingabe eines Smartphones oder andersrum Text in gesprochener Sprache zu verarbeiten wie bei der Vorlesefunktion eines Smartphones.

Die Computerlinguistik ist ein Forschungsgebiet, das Kenntnisse und Methoden aus sehr unterschiedenen Forschungsdisziplinen benötigt:

- aus der Allgemeinen und der Theoretischen Sprachwissenschaft die Begriffe zur Beschreibung von Sprachen auf den Ebenen der Wortbildung (Morphologie), des Satz- und Textaufbaus (Syntax), der Bedeutung (Semantik) und der Verwendungsweise (Pragmatik);

- aus der Informatik verschiedene Programmiersprachen und Methoden ihrer Übersetzung in maschinennahe Sprachen, Datenstrukturen, effiziente Speicher- und Suchverfahren;

- aus der Mathematischen Logik — zur Modellierung von Bedeutungen- verschiedene logische Formelsprachen und deren Interpretationen sowie Beweisverfahren;

- aus der Mathematik und Phonetik statistische Verfahren, nicht nur für die akustische Sprachverarbeitung;

- aus der Kommunikationswissenschaft und Kognitionspsychologie Erkenntnisse über Dialogstrategien und Aufmerksamkeitssteuerung.

Bisher liegt der Schwerpunkt der Forschung auf der Verarbeitung geschriebener Sprache, aber erste akustische Spracherkennung werden schon industriell entwickelt und erprobt. Wegen der zunehmenden Bedeutung der elektronischen Informationsverarbeitung werden in einigen Softwarefirmen große Anstrengungen unternommen, auf den genannten Gebieten anwendungsreife Produkte, in denen sprachliches Wissen verfügbar gemacht wird, anzubieten.

Fazit. Vereinfacht gesagt, ist Computerlinguistik das wissenschaftliche Studium der Sprache aus der Perspektive des Computers. Die Computerlinguistik ist von daher darin interessiert, unterschiedlichste sprachliche Phänomene so zu modellieren, dass sie durch Computer verarbeitet werden können. Diese Modelle können wissensbasiert und von Hand eingegeben oder datenorientiert, d. h. statistischer bzw. empirischer Natur sein. Arbeiten in der Computerlinguistik sind in einigen Fällen aus einer wissenschaftlichen Perspektive motiviert, derart, dass versucht wird, eine formal-rechnerische Erklärung für ein besonderes linguistisches oder psycholinguistisches Phänomen zu geben. In anderen Fällen ist die Motivation rein technologischer Natur, in dem Komponente für ein sprachbasiertes System erstellt wird. In der Tat ist die Arbeit von Computerlinguisten in vielen erprobten Systemen zu finden, Modulen zur Sprachsynthese, automatisierten Dialogsystemen, Suchmaschinen, Text-Editoren, Sprachlehrmaterialien usw.

1. Computerlinguistik und Sprachtechnologie / Kai-Uwe Carstensen [et Al.]. — Heidelberg : Spektrum Akademischer Verlag, 3. Auflage, 2010. — S. 18.
2. Henning Lobin. Computerlinguistik und Texttechnologie. Paderborn / Lobin Henning. — München : Fink, 2010. — S. 3.

UDK: 811.112

G. A. Ignatowitsch

Ausbildungsinstitution «Grodnoer Staatliche Inka-Kupala-Universität», Grodno

DIE ÜBERSETZUNGSÄQUIVALENZ DER EUPHEMISMEN IN DEN WERKEN DER RUSSISCHEN KLASSISCHEN LITERATUR

Einleitung. Die Erscheinung der Euphemisation stellt ein wissenschaftliches Interesse dar, weil die Euphemismen in verschiedenen Sphären der Sprachkommunikation, besonders in der schönen Literatur, gebraucht werden. In den Werken vieler Schriftsteller der Vergangenheit und der Gegenwart wird das Verfahren der Euphemisation als eine der stilistischen Quellen des Russischen gebraucht. Man kann die schöne Literatur als sichere Quelle für die Charakteristik der Euphemisation in der Sprache betrachten. Als Erforschungsstoff wurden die Werke der russischen Klassiker des 19. Jahrhunderts verwendet (N. Gogol, F. Dostojewski, I. Gontscharow, L. Tolstoi, A. Puschkin, I. Turgenew, A. Tschechow).

Hauptteil. Infolge der praktischen Forschung von der Erscheinung der Euphemisation in den Werken der russischen klassischen Literatur wurden die Euphemismen aus solchen Funktionssphären wie übernatürliche Mächte, Krankheiten und Tod, körperliche und geistige Defekte, die Euphemismen der Kategorie der Unbestimmtheit gesammelt. Aus dem nationalen Korpus des Russischen wurden die Beispielabschnitte aus den Werken der russischen klassischen Literatur in den Deutschübersetzungen eingeführt.

So, zum Beispiel, sieht man in den Werken von N. Gogol „Die toten Seelen“ («Мёртвые души») und „Abende auf dem Weiler bei Dikanka“ («Вечера на хуторе близ Диканьки») bei der Übersetzung, dass die Euphemismen wie «лукавый», «чёрт», «нечистый», «бес» durch das Wort „der Böse“ ersetzt werden. Das weist auf die Tatsache hin, dass in der russischen und der deutschen Kultur der Teufel als ein Geist bezeichnet wird, der die Menschen zum Begehen der Sünde, böser und schlechter Taten aufwiegelt:

‘Лукавый, что ли, миром ворочает, ей Богу!’ *Als ob der Böse die Welt regiert, bei Gott!* [1].

‘Может быть, это и правда, что ты ничего не скажешь худого, — подумала про себя красавица, — только мне чудно... верно, это лукавый!’ *Vielleicht ist es auch wahr, dass du mir nichts Schlechtes sagen wirst, — dachte sich die Schöne, — aber es ist mir so wunderbar zumute... das macht gewiss der Böse!* [1].

Die gleiche Erscheinung kann man in den Werken von A. Tschechow „Der Zweikampf“ («Дуэль») I. Turgenew „Väter und Söhne“ («Отцы и дети») beobachten: ‘— Нечистый попутал: иди да иди... Вот и пошел, и чуть в кукурузе не помер от страха’. *Der Böse hat mich verführt, und ich bin ihm gefolgt und wäre vor Schrecken gestorben dort im Maisfeld* [1].

Das Tabu für die Namen der übernatürlichen Mächte gilt als das altertümlichste Tabu. Im Werk von F. Dostojewski „Die Brüder Karamasow“ («Братья Карамазовы») erfüllt die Wortgruppe «ewiger Richter» die Funktion des Euphemismus, die die Benennung *der Gott* «Бог» ersetzt, und wird als substantiviertes Adjektiv „der Ewige“ ins Deutsche übersetzt: ‘Прости ему вечный судья за сорокалетние прелести, как и я прощаю, но ведь это... ведь это знаете кто?’ *Möge ihm der Ewige Richter die vierzigjährigen Reize verzeihen, so wie ich sie ihm verzeihe! Aber wissen Sie, wer es war, wer das geschrieben hat?* [1]. In vielen Quellen wird das Wort *der Gott* als das ewige Wesen bezeichnet, als das Wesen, das außerhalb der Zeit existiert. Das Wort „der Ewige“ bedeutet derjenige, der ständig existiert, derjenige, der weder einen Anfang noch ein Ende hat.

Als Beispiel der Verwendung der Euphemismen im Bereich von Krankheiten und Tod kann man den Abschnitt aus dem bekannten Roman von L. Tolstoi „Krieg und Frieden“ («Война и мир») anführen: ‘Ах, мой друг, религия, и только одна религия, может нас, уже не говорю утешить, но избавить от отчаяния; одна религия может объяснить нам то, чего без ее помощи не может понять человек: для чего, зачем существа добрые, возвышенные, умеющие находить счастье в жизни, никому не только не вредящие, но необходимые для счастья других, — призываются к Богу, а остаются жить злые, бесполезные, вредные, или такие, которые в тягость себе и другим.’ *Dennoch, meine liebe Freundin, die Religion und nur die Religion allein kann uns, wenn ich auch nichtsagen möchte trösten, so doch vor der Verzweiflung retten; nur die Religion allein kann uns das erklären, was der Mensch allein und ohne ihre Hilfe niemals begreifen würde: warum gute, hoch herzige Menschen, die ihr Glück auf Erden finden würden und nicht nur niemandem schaden, sondern auch für das Glück anderer unentbehrlich sind, warum solche Menschen von Gott abberufen werden und solche, die böse, unnütz und schädlich sind und anderen und sich selber nur zur Last fallen, am Leben*

bleiben [1]. Aus diesem Beispiel sieht man deutlich, dass der Autor den Ausdruck «призываются к Богу» statt des Wortes «умирают» gebraucht hat. In der Zielsprache wird dieser Ausdruck als „von Gott abberufen werden“ heißen. Bei der buchstäblichen Übersetzung des Ausdrucks ins Russische bedeutet er «быть отстранённым от Бога. In diesem Fall wird diese Aussage im übertragenen Sinn gebraucht. Die Euphemisation im Bereich des Todes kann man auch im Werk von N. Gogol „Der Mantel“ («Шинель») betrachten: ‘...можно было только видеть, что беспорядочные слова и мысли ворочались около одной и той же шинели. Наконец, бедный Акакий Акакиевич испустил дух.’ ...*man konnte nur unterscheiden, dass sie alle sich um ein und denselben Mantel drehten. Endlich gab der arme Akaki Akakiewitsch seinen Geist auf* [1].

Für die Bezeichnung der körperlichen und geistigen Defekte greifen die Schriftsteller zu den euphemistischen Benennungen auch oft: ‘Уважения он и заслуживал, во-первых, как человек богатый и «не последний», и, во-вторых, как человек вполне порядочный, хотя и недалекий.’ *Diese Achtung verdiente er erstens wegen seines Reichtums und seiner hohen Stellung und zweitens als ein durchaus ordentlicher, wenn auch nicht geistreicher Mann* [1]. Bei der Übersetzung wird der Euphemismus «недалекий» (глупый) durch die Konstruktion Substantiv + Adjektiv mit Verneinung ersetzt.

Den Gebrauch der Euphemismen, die mit der Kategorie der Unbestimmtheit verbunden sind, kann man in folgenden Beispielen verfolgen:

‘Никогда не говорили они: «я высморкалась», «я вспотела», «я плюнула», а говорили: «я облегла себе нос», «я обошла посредством платка».’ *Niemals sagten sie: Ich habe mir die Nase geputzt, ich schwitze, ich habe ausgespuckt, sondern sie sagten: „Ich habe mir die Nase erleichtert, ich bediente mich eines Taschentuchs“* [1]. Das Wort «высморгаться» wird durch den Euphemismus «облегчить себе нос» oder «обойтись посредством платка» ersetzt. In der Zielsprache bedeutet das Verb *erleichtern* «облегчиться, отправлять естественную потребность» und wird als Euphemismus gebraucht.

‘Видя, что «Алешка Карамазов», когда заговорят «про это», быстро затыкает уши пальцами, они становились иногда подле него нарочно толпой и, насильно отнимая руки от ушей его, кричали ему в оба уха скверности, а тот рвался, спускался на пол, ложился, закрывался и всё это не говоря им ни слова, не бранясь, молча перенося обиду.’ *Als die Kameraden sahen, dass sich Aljoschka Karamasow die Ohren zuhielt, sobald sie von «solchen Dingen» zu reden begannen, stellten sie sich manchmal absichtlich dicht um ihn herum, rissen ihm die Hände von den Ohren und schrien die Unanständigkeiten. Aljoscha machte sich frei, ließ sich zu Boden fallen, verbarg sich, ohne ein Wort zu sagen, ohne zu schimpfen: Er ertrug die Beleidigung schweigend* [1].

Aus den folgenden Beispielen sieht man deutlich, dass der Euphemismus «не в себе» verschiedene Varianten der Übersetzung ins Deutsche hat: „geistesabwesend“ „nicht bei Sinnen sein“, „kaum seiner selbst mächtig sein“, „nicht ganz wohl sein“. Man kann feststellen, dass diese Ausdrücke bei der Übersetzung in gewissem Maße mit irgendwelcher geistigen Störung verbunden sind:

‘Мучаю я тебя, Алешка, ты как будто бы не в себе’. *Ich quäle dich, Aljoscha, du kommst mir vor wie geistesabwesend* [1].

‘Мгновение он удерживался от нестерпимого припадка смеха; но, приглядевшись ближе, он заметил, что князь был как бы не в себе, по крайней мере в каком-то особенном состоянии.’ *Einen Augenblick lang hatte er die größte Mühe, einen starken Lachreiz zu unterdrücken; aber bei näherem Hinsehen bemerkte er, dass der Fürst kaum seiner selbst mächtig war und sich jedenfalls in einem ganz eigenartigen Zustand befand* [1].

‘Живи он с одним Захаром, он мог бы телеграфировать рукой до утра и наконец умереть, о чем узнали бы на другой день, но глаз хозяйки светил над ним, как око провидения: ей не нужно было ума, а только догадка сердца, что Илья Ильич что-то не в себе.’ *Wenn er allein mit Sachar gewohnt hätte, hätte er bis zum Morgen mit der Hand telegraphieren und endlich sterben können, was man dann am nächsten Tage erfahren hätte; doch das Auge der Hausfrau wachte gleich der Vorsehung über ihm; sie brauchte keinen Verstand, ihr genügte die bloße Ahnung des Herzens, dass Ilja Iljitsch nicht ganz wohl sei* [1].

Fazit. Die Euphemismen dienen in der schönen Literatur als ein effektives stilistisches Mittel für die Schriftsteller, die mit dem Ziel des Belebens der Sprache dazu greifen. Es wurde festgestellt, dass der Autor für die Erreichung der Übersetzungsäquivalenz verschiedene Übersetzungstransformationen verwendet. In einigen Fällen kann man die Anwendung der Emotionalfärbung von einzelnen Ausdrücken und Wörtern beobachten. Für die Erreichung der sinnvollen Übersetzung soll der Übersetzer die Methode der Übersetzungsumgestaltung beachten und, wo es nötig ist, Übersetzungstransformationen mit der Erfassung der Besonderheiten des Systems der russischen Sprache und ihres Usus gebrauchen.

Literatur

1. Параллельный корпус (подкорпус русской классики в немецких переводах) [Электронный ресурс] // Нац. корпус рус. яз. — Режим доступа: http://ruscorp.org.ru/search-para_rus_ger.html . — Дата доступа: 25.03.2016.

CELTIC INFLUENCE IN MODERN ENGLISH

Introduction. The problem of Celtic influences on the English language was investigated by such well-known linguists, as Calvert Watkins, Robert Stockwell, Martin J. Ball, James Fife, Steven Laker and Peter Schrijver. Latter have shown that there are signs of Celtic influence on English sounds. This influence on English phonology (the sounds used by a language) is seen in the formation of dialects, particularly in the northern regions.

The aim of the article is to analyze the development of the English language, particularly through Celtic borrowings.

The main part. The Celtic borrowings are interesting by their origin. The origins of the word “*Celtic*” begins with ancient Greek in which “*kelto*” was used as a derogatory catch-all name for strangers and foreigners. For the Romans, the terms “*Celt*” and “*Gaul*” were pretty much interchangeable and were used to describe the inhabitants of Roman territories in France and Northern Italy. It is interesting to note that in Roman — occupied Britain, the term “*Celt*” was not used in describing the native inhabitants. Yet, if we consider someone who speaks a Celtic language to be a Celt, then the occupants of Britain would have been Celts when the Romans invaded [1, p. 101].

By 400 BCE, the Celtic languages were widely spoken in Europe, and particularly on the British Isles. During the Roman occupation of Britain, the Romans and the Celts often intermarried, and the two cultures often merged. After the Romans withdrew from Britain in 410 CE, the Celtic-speaking tribes predominated in Scotland, Wales, and Cornwall [2, p. 76].

The Celtic linguistic influence. Despite their long association with Britain, the Celts had little impact on the development of the English language. Celtic influence is seen primarily in geographic place names, such as Avon, Dover, Kent, York, and Thames, rather than in everyday vocabulary. Even in vocabulary, the Celtic borrowings by English are often geographic. Celtic, the language of the inhabitants of Britain and the first about which there exists a definite knowledge, belongs to the Western Branch of the Indo-European languages and existed in three forms: Gaulish, Brythonic and Goidelic.

In his 1707 book, *Archaeologies Britannica*, Edward Lhuyd noted the similarities between Welsh, Cornish, Breton, Irish Gaelic, and Scots Gaelic. He was the first to group them together under the generic term Celtic. He also pointed out that these languages belonged to two distinct sets which are distinguished by their pronunciation. He grouped Breton, Cornish, and Welsh as P-Celtic languages and Irish Gaelic and Scots Gaelic as Q-Celtic [3, p. 125].

1. Gaulish: was spoken in northern Italy and France during the time of Roman Republic but died out around the 6th century AD.

2. Brythonic: was the language of the Celtic inhabitants of Britain and is the ancestor of Welsh, Cornish and Breton. Even with the spread of English following the Anglo-Saxon invasion, it continued to be spoken for quite a length of time in southwest Scotland, Cumbria, Cornwall and Devon, as well as in Wales. However, by the close of the Middle Ages it had died out in the two northern areas. Cornish on the other hand continued to be used as a first language until the beginning of the 19th century.

3. Goidelic: was the Celtic language originally spoken in Ireland but spread to the Isle of Man in the 4th century AD and to Scotland in the century following. It is the language from whence came Erse (Irish Gaelic), Manx and Scottish Gaelic.

The main feature which distinguishes Brythonic from Goidelic is the development of the Indo-European /kw/. This becomes /p/ in former and /c/ in latter.

4. Irish Gaelic: Modern English has about 40 words which were borrowed from Irish Gaelic, including: *shamrock*, *leprechaun*, *galore*, *banshee*, *shillelagh*, *blarney*, *bother*, *keen*, *colleen*. In Ireland, the majority of place names are from anglicized Gaelic. Thus the Gaelic “*baile*” (“homestead or settlement”) becomes the anglicized “*bally*” in Ballymena and “*bealach*” (pass or passage) becomes the anglicized “*bally*” in Ballyclare; “*doire*” («grove or oak grove») becomes “*derry*” in Derry (Londonderry); “*cill*” (“church”) become “*kil*” in Kildare; and so on.

5. Scots Gaelic: Modern English has about 30 words which were borrowed from Scots Gaelic, including: *clan*, *plaid*, *cairn*, *bog*, *inch*, *whisky* (from *uisce beatha* meaning “*water of life*”.) The majority of place names in the Highlands of Scotland are from Scots Gaelic or from an anglicized Scots Gaelic.

6. Welsh: Modern English has about 10 words which were borrowed from Welsh, including: *crag*, *penguin*, *gull*. The majority of place names in Wales are from Welsh or from an anglicized Welsh [4, p. 117].

With regard to the phonology of Irish English, P. W. Joyce, writing in 1910, points out: “The Irish language has influenced our Irish-English speech in several ways. To begin with: it has determined the popular pronunciation, in certain combinations, of three English consonants, *t*, *d*, and *th*, but in a way (so far as *t* and *d* are concerned) that would not now be followed by anyone even moderately well educated”.

P. W. Joyce also notes: “As for the English *th*, it may be said that the general run of the Irish people never sound it at all; for it is a very difficult sound to anyone excepting a born Englishman, and also excepting a small proportion of those born and reared on the east coast of Ireland”.

Based on the book “Celtic and Latin borrowings in the English language” by S. Kiktenko and A. Kozlovskaya, it can be argued that the English vocabulary is of tripartite nature: native words; borrowed words; hybrids. Native words are the oldest part of vocabulary going back to the West Germanic dialects brought to Britain in the 5—6 centuries. They are very old, essential and polyfunctional; they make new words and expressions. Loan-words, or borrowings, make the majority of the vocabulary. The source is a language which gives a word to a taker. Origin is a place where a word was born. E.g. Paper: Egypt (the origin) → Latin → Greek → French (the source) → English. Among the sources of borrowings we come across Celtic elements which belong to dead Romantic group. The Celtic element in live English word-stock is very small (170 words). Among the words which may be regarded as Celtic loan words are the following: English: down “*hill*” — Old Irish: *dun*; English: *bin* — Gael: *benn*; Welsh: *ben*, etc. The word “*cumb*” is found in some place-names: e.g. *Duncombe*, *Batcombe*, *Eastcomb* etc. Some Celtic words have survived in the names of rivers, mountains, towns: e.g. English: *Avon*, the name of a river; also *Stratford-on-Avon*, the birthplace of Shakespeare (Gael: *amhuim* «*river*»). Celtic words may be found among the proper names: e.g. *Donald* (вождь) *Arthur* (шляхетний), etc. [5, p. 136].

Pre-Celtic and Celtic languages. Pre-Celtic Britain is difficult to recognize as the Romans in their four centuries of rule obliterated any remains of former peoples. For Ireland, however, the picture is somewhat better as this island was not Romanised and so the historical tradition is less broken. Thus one knows that there were four invasions of Ireland, associated with the following peoples: 1) the *Cruthin*, 2) the *Érainn* (known also as the *Fir Bolg*, maybe identical with the *Belgae* in Britain), 3) a group of tribes among which are the *Lagin* and 4) finally the *Goidels*, whose name eventually gives us the term *Gael* both for Celtic inhabitants and the variety of their language spoken in Ireland and Scotland (*Goidelic*, later termed *Gaelic*). The term *Cruithin* is probably a Gaelic form of *Priteni*, i. e. Britons found in Ptolemy’s geography, the material for which can be dated to roughly the first century A. D. The term *Goidel* appears to be a borrowing from Welsh *Gwyddel* the modern term for «Irishman», known from the seventh century [6, p. 54].

In Britain the Celtic (pronounce: /keltik/, not /seltik/) influence is only felt indirectly. There are very few Celtic loan words in Old English; the word *dry* [dry:] “magician” (cf. *druid*) is one of them. The largest body of evidence for Celtic culture is onomastic, for instance the names of Kent and London are probably Celtic. Parts of word names may also stem from this source, e.g. *Avon* “river” or *Bray* “hill” [7, p. 93].

In recent years much research has been done on the possible influence of British Celtic on early forms of English. The influence was a low-level one, not in the area of vocabulary, but of phonology and syntax with the transfer forms appearing only towards the end of the Old English period and the beginning of the Middle English period [8, p. 107].

According to the research it was found that in general the demise of inflections is linked to the phonetic reduction of unstressed syllables in Old English. This tendency to reduce such syllables may go back to contact with British Celtic which also showed the same feature [9, p. 170]. Some grammatical features of later English are shared with Celtic, but not with other Germanic languages, e.g. the widespread use of continuous tenses, e.g. *I am thinking about linguistics*, compare German *Ich denke uber Linguistik nach*, lit. “I think over linguistics after”. Another feature is the compulsory use of personal pronouns with items of so-called “inalienable possession”, e.g. *My tooth is sore*, again compare German *Mir tut der Zahn weh*, lit. “To-me does the tooth soreness”. This is also true of general expressions of relevance in English, e.g. *All his money was stolen*, compare German *Ihm wurde das ganze Geld gestohlen*, lit. “To-him was the whole money stolen” [10, p. 122].

Conclusion. English today is, of course, one of the most frequently spoken languages in the world. There are today six “living” Celtic languages of which four have substantial numbers of native speakers: Irish Gaelic, Scots Gaelic, Welsh, and Breton. Two other Celtic languages — Cornish and Manx — have been undergoing revitalization movements. There are currently more than a million speakers of these Celtic languages.

References

1. Lhuyd, E. *Archaeologia Britannica: Texts & Translations. Celtic Studies Publications* / E. Lhuyd. — Cymru, 2009. — 262 p.
2. Lucas, P. J. On the rise of “Celtic syntax in Middle English” / P. J. Lucas, A. M. Lucas // Peter J. Lucas und Angela M. Lucas (eds), *Middle English from tongue to text: Selected papers from the Third International Conference on Middle English: Language and Text*, held at Dublin, Ireland, 1-4 July 1999 (*Studies in English Medieval Language and Literature*, 4). — Bern : Peter Lang, 2002. — P. 203—234.
3. Biggam, C. P. *Grund to Hrof: Aspects of the Old English Semantics of Building and Architecture* / C. P. Biggam. — Coleman and Kay, 2000. — P. 103—125.
4. Birnbaum, H. *Ancient Indo-European Dialects* / H. Birnbaum, J. Puhvel. — Berkeley and Los Angeles : University of California Press, 1966.

5. *Blake, N. F.* The Cambridge History of the English Language / N. F. Blake. — Cambridge : Cambridge University Press, 1992. — P. 1066—1476.
6. *Kiktenko, S.* Celtic Borrowings in the English Language / S. Kiktenko, A. B. Kozlovskaya // Tezisy dokladov nauchno-tehnicheskoy konferencii preodavatelej, sotrudnikov i studentov. — Sumy, 1998. — P. 135—136.
7. *Green, D. H.* Language and History in the Early Germanic World / D. H. Green. — Cambridge : Cambridge University Press, 1998.
8. *Mettinger, A.* Language Contact in the History of English / A. Mettinger. — Frankfurt am Main : Peter Lang, 2001.
9. *Stockwell, R.* Studies in the History of the English Language: A Millennial Perspective / R. Stockwell. — Berlin : Mouton de Gruyter, 2002.
10. *Vennemann, T.* Atlantis Semitica: Structural Contact Features in Celtic and English / T. Vennemann. — Brinton, 2001. — P. 351—369.

UDC 81.2

A. Prokopchik

Educational Institution "Polessky State University", Pinsk

ENGLISH PROVERBS AND PECULIARITIES OF THEIR TRANSLATION INTO RUSSIAN

Introduction. In every nation and every culture people always decorated their speech with wise sayings which offered people some kind of advice about how to live their lives. These sayings are called "proverbs".

I have chosen this topic for my research because it's quite interesting and actual. Proverbs and sayings reflect rich historical experience of people. The right use of proverbs makes our speech unique and peculiar and helps to understand English better because they are a good example of the English language and the English culture. The knowledge of proverbs and sayings enriches the language and promotes better understanding of people's thoughts and character.

Main part . According to the World Book Encyclopedia a "proverb" is a brief saying that presents a truth of some bit of useful wisdom. It is usually based on common sense or practical experience. The effect of a proverb is to make the wisdom it tells seem to be self-evident [5].

Another definition of a "proverb" is a short popular saying that gives advice about how people should behave or that expresses a belief that is generally thought to be true [4].

Proverbs and sayings have been passed from generation to generation primarily by word of mouth. Nevertheless there are many sources of proverbs and sayings appearing. To become a proverb the saying must be popular and well known among the society. When a saying starts to be a proverb it becomes the part of common mind. That's why the person who uses this proverb doesn't care who has invented it. So we can say that proverbs and sayings are invented by folk.

Many proverbs have got their beginning from people's life experience and the meaning of some words was transforming to the proverb during a long period of time without any announcing of this process. The phrase "*Make hay while the sun shines*" appeared from everyday field-workers' practice. Every farmer saw the truth in these words but when hundreds of people began to understand these words in their own way they realized that this sentence had several different meanings and people could use it for their own situations. After long time of practicing the method of "trial and mistakes" this phrase got its own common meaning and became a proverb. By the same way the phrase "*Don't put all your eggs in one basket*" became a proverb from the practical experience of trading dealers.

So we can see that many proverbs were created in oral form and the author is usually unknown. On the other hand many proverbs were created by definite people. There are some cases when we can learn about the origin of some proverbs. For example the proverb "*The End justifies the means*" (Каково начало, таков и конец) appeared from the theological doctrine in the seventeenth century or "golden age". Another example is a proverb created by William Shakespeare "*An honest tale speeds best being plainly told*" (Самое лучшее — прямо и просто сказанное слово) [5].

In translation of English proverbs into Russian we should pay attention to the meaning of the proverb in general and shouldn't always translate them literally. It is also important to remember that in different languages people use different images for the expression of the same or similar thoughts. I would like to cite as an example the well-known proverb "*Every man to his taste*". The literal translation of this proverb is «У всякого свой вкус» and the Russian equivalent of this proverb is «На вкус и цвет товарищей нет». One more example is "*Good clothes open all doors*" (literally «Хорошая одежда открывает все двери») which corresponds to the Russian proverb «По одежке встречают, по уму провожают».

Thus we may divide Russian and English proverbs and sayings into several categories:

1. Full equivalents (when English proverbs and sayings correspond completely to their Russian variants):
 - "Hope for the best, but prepare for the worst" — Надейся на лучшее, но готовься к худшему;

- “Appearances are deceitful” — Внешность обманчива;
- “My house is my castle” — Мой дом — моя крепость;
- “Speech is silver, but silence is gold” — Слово — серебро, молчание — золото;
- “Better late than never” — Лучше поздно, чем никогда;
- “Best defence is offence” — Лучшая защита — нападение;
- “There is no fire without smoke” — Нет дыма без огня;
- “Good health is above wealth” — Здоровье дороже денег.

2. Partial equivalents (when English proverbs and sayings are a bit different in their meaning from Russian ones):

- “Better an egg today than a hen tomorrow” — Лучше синица в руках, чем журавль в небе;
- “While there is life, there is hope” — Надежда умирает последней;
- “Do or die” — Либо в стремя ногой, либо в пень головой;
- “After dinner comes the reckoning” — Любишь кататься, люби и саночки возить;
- “When it rains it rains on all alike” — Все равны под солнцем;
- “Love can’t be forced” — Насильно мил не будешь;
- “As the call so the echo” — Как аукнется, так и откликнется;
- “If you run after two hares you will catch neither” — Погонишься за двумя зайцами, ни одного не поймаешь [2, p. 441].

3. English proverbs and sayings which do not have corresponding variants in the Russian language and need some special search and explanation:

- “Many cooks spoil the broth” — У семи нянек дитя без глаза;
- “A little rain stills a great wind” — Муравей невелик, а горы капает;
- “A cat falls on his legs” — Правда восторжествует;
- “Lying pays no tax” — Язык без костей;
- “Where there is strong riding there is strong abiding” — Лес рубят — щепки летят;
- “A thing that is said is said, and forth it goes” — Слово не воробей, вылетит — не поймаешь;
- “It sticks out a mile” — Ясно, как дважды два — четыре;
- “It is as broad as it’s long” — Что в лоб, что по лбу [2, p. 444].

It should be noted that the list of popular Russian proverbs can differ significantly from the list of popular English proverbs. I’d like to draw your attention to the list of English proverbs, which are most frequently used in the speech of foreigners. They can be divided into several categories or groups which correspond to some definite topic.

Health: “An apple a day keeps the doctor away”; “The first wealth is health”; “A sound mind in a sound body” [1, p. 188].

House: “There is no place like home”; “East or West, home is best”; “Burn not house to rid it of the mouse” [1, p. 140].

Food: “Too many cooks spoil the broth”; “Hunger is the best sauce”; “Don’t live to eat, but eat to live” [1, p. 295].

Work: “Business before pleasure”; “Live and learn”; “To work with the left hand” [1, p. 462].

Conclusion. The comparison of English and Russian proverbs has shown that people of these countries have much in common but at the same time there are some peculiarities in the perception and further translation of one and the same proverb [3]. That’s why in order to understand English proverbs it is better to study their meaning with the use of examples.

In conclusion I would like to say that the language without proverbs and sayings would be dull and unexpressive. Proverbs are the part of any culture and it is very interesting to translate them because in different languages proverbs and sayings have different semantic peculiarities.

References

1. Дроздова, Т. Ю. Everyday English : учеб. пособие / Т. Ю. Дроздова, А. И. Берестова, М. А. Дунаевская. — 7-е изд. — СПб. : Антология, 2013. — 592 с.
2. Литвинов, П. П. Англо-русский фразеологический словарь / П. П. Литвинов. — М. : Яхонт, 2000. — 448 с.
3. English Proverbs, Sayings and Their Adequate Translation [Electronic resource]. — Mode of access: <http://radgymn.by/files/Novosti/thesis.pdf>. — Date of access: 04.10.2016.
4. Learner’s Dictionary [Electronic resource]. — Mode of access: <http://www.learnersdictionary.com/qa/what-s-the-difference-between-idioms-and-proverbs>. — Date of access: 04.10.2016.
5. Translation of English proverbs and sayings about love, wearing and work from English into Russian [Electronic resource]. — Mode of access: <http://bibliofond.ru/view.aspx?id=599678>. — Date of access: 04.10.2016.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

УДК 371.388

М. В. Гульник, О. И. Кондратеня

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

ОТБОР ПОДКАСТОВ ДЛЯ РАЗВИТИЯ У УЧАЩИХСЯ АУДИТИВНЫХ УМЕНИЙ

Введение. Современное поколение учащихся с рождения окружено компьютерами, видеоиграми, мобильными телефонами, проигрывателями аудиофайлов в формате mp3 и другими изобретениями цифровой эпохи. Все эти реалии стали неотъемлемой частью жизни молодежи, которую называют «жителями цифровой эры» (digital natives). Это обусловлено тем, что данное поколение способно свободно говорить на цифровом языке компьютеров, Интернета и видеоигр.

По этой причине традиционные формы и методы обучения претерпевают существенные изменения. Сегодня классическое образование предполагает использование новых электронных образовательных технологий. Эти процессы обуславливают актуальность данной работы.

Основная часть. Термин «аудирование» широко используется в методической литературе как противопоставление термину «слушание». Если «слушание» обозначает акустическое восприятие звукооряда, то понятие «аудирование» включает процесс восприятия и понимания звучащей речи [1, с. 104]. В последнее время отмечается активное использование информационно-коммуникационных технологий в процессе обучения, в том числе на уроках иностранного языка. Одной из таких технологий являются подкасты, или подкастинг.

Подкастинг — это неологизм, восходящий к английскому существительному “podcasting” (iPod — название торговой марки, специализирующейся на производстве портативных медиапроигрывателей, предназначенных для прослушивания аудиофайлов), обозначающий способ публикации звуковых потоков (реже видеофайлов) в специальном формате. Он позволяет воспроизводить файлы на сайте, переносить их на собственные медиаустройства и сохранять их для последующего использования [2, с. 95].

Выделяют следующие виды подкастов:

- для работы с лексическим материалом (подкастер объясняет значение слова, словосочетания или идиомы и иллюстрирует их примерами);
- направленные на развитие умений восприятия иноязычной речи на слух;
- для проведения целого занятия по иностранному языку.

Наиболее эффективный способ найти необходимый подкаст — обратиться к директории подкастов, выбрать интересующую категорию и изучить перечень доступных подкастов. Для изучающих английский язык директория подкастов размещена по адресам: www.podomatic.com, www.bbc.co.uk.

Технология работы с подкастом предполагает последовательность действий учителя и учащихся, аналогичную с аудиотекстом: предварительный инструктаж и задание; восприятие и осмысление содержания подкаста; выполнение контролирующих заданий.

В ходе самостоятельной работы по иностранному языку с использованием технологии подкастов можно развивать у учащихся такие аудитивные умения, как понимание цели аудиосообщения, понимание тематики аудиотекста, понимание логики изложения информации или аргументации, взаимосвязи между фактами, событиями, определение отношения говорящего к предмету сообщения.

Отбор подкастов основывается на психофизических особенностях обучаемых. Нашей целевой аудиторией стали подростки, учащиеся 8-го класса. Так, М. В. Гамезо отмечает, что подростковый период представляет собой время завершения детства и начальный период перехода к взрослости. Спецификой данного периода являются резкие качественные изменения, затрагивающие все стороны развития; центральное личностное новообразование — становление нового уровня самосознания «Я-концепции», выражающейся в стремлении понять себя, свои возможности и особенности, свое сходство с другими людьми и свое отличие. Среди особенностей их психофизического развития ученые выделяют бурное и плодотворное развитие познавательных процессов, становление избирательности, целенаправленности восприятия, устойчивого произвольного внимания и логической памяти, развитие самостоятельного мышления и интеллектуальной активности [3, с. 172]. Все это указывает на то, что школьникам данного возраста посылно и интересно работать самостоятельно, выполнять задания к подкасту и оценивать полученные результаты, используя ключи.

Изучив предметно-тематическое содержание учебной программы по иностранным языкам, мы определили темы общения для учащихся 8-го класса. Изучение темы «Кино» включает вопросы:

1. Is cinema still important? 'Важно ли сейчас кино?'
2. Film reviews are very helpful. 'Кинообзоры очень полезны'.
3. What's good and bad about going to the cinema? 'Что есть хорошего и плохого в посещении кинотеатра?'
4. An interview with a film star. 'Интервью с кинозвездой'.
5. Cinema celebrities. 'Кинозвезды'.
6. Film making. 'Производство кино'.
7. My favourite film. 'Мой любимый фильм'.

Указанные подтемы выступили критериями отбора подкастов для развития аудитивных умений у учащихся в целях организации самостоятельной работы. Отбор подкастов осуществлялся на основе принципов доступности, посильности и прочности.

Требование учебной программы по иностранным языкам предопределяет длительность звучания аудиотекста (до 2 минут), наличие 2—3% незнакомых слов, а также монологический и диалогический характер аудиозаписи на иностранном языке в естественном темпе. Вышеуказанное позволило нам отобрать следующие подкасты:

- <http://www.elllo.org/english/0451/483-Akane-Movie.htm#view 2> ;
https://www.eslpod.com/website/show_podcast.php?issue_id=5001531# ;
<http://www.elllo.org/english/0551/574-Nitya-Movie.html#view2> ;
<http://www.esl-lounge.com/student/listening/4L1-actress.php> ;
<http://www.elllo.org/english/0451/459-Ruth-Actor.htm> ;
<http://www.elllo.org/english/0651/T674-Jeff-MovieIdea.htm> ;
<http://www.elllo.org/english/0001/017-Jamie-Movie.htm> .

Содержание данных подкастов и комплекс упражнений к ним способствует достижению поставленных нами целей: развитию аудитивных умений, совершенствованию лексических навыков, расширению кругозора и в целом формированию коммуникативной компетенции.

Заключение. В рамках данного исследования мы выявили, что подкаст как медианоситель является неотъемлемым техническим средством обучения иностранному языку, позволяющим решать комплексные задачи иноязычного образования.

Критерием отбора подкастов, направленных на развитие аудитивных умений, является учет психофизических особенностей обучаемых, предметно-тематического содержания и требований учебной программы по иностранным языкам. Принципами отбора учебного материала являются доступность, посильность и прочность.

Список цитируемых источников

1. Сахарова, Т. Е. Методика обучения иностранным языкам в средней школе / Т. Е. Сахарова, Ф. М. Рабинович, Г. В. Рогова. — М. : Просвещение, 1991. — 287 с.
2. Протазанова, Н. Г. Использование социального сервиса подкастов в обучении иностранным языкам / Н. Г. Протазанова // Ярослав. пед. вестн. — 2011. — № 3. — Т. II (Психолого-педагогические науки). — С. 95—97.
3. Гамезо, М. В. Возрастная и педагогическая психология : учеб. пособие / М. В. Гамезо, Е. А. Петрова, Л. М. Орлова. — М. : Пед. о-во России, 2003. — 512 с.

УДК 37.016:81-028.31

Е. С. Жих, О. И. Кондратеня

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИИ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ В РАЗВИТИИ У УЧАЩИХСЯ РЕЧЕВЫХ УМЕНИЙ

Введение. Преподавание филологических дисциплин играет важную роль в формировании личности. В частности, проблема развития речевых умений у школьников приобретает все большее общественное значение, ведь речь является как показателем духовной культуры, так и индикатором образованности, эрудиции и опыта человека.

Сегодня развитие цивилизации требует качественно новых ориентаций в языковом образовании. Изучение иностранного языка нацелено на развитие поликультурной личности, готовой к контактам с представителями иной культуры, межкультурной коммуникации на высоком уровне. Обществу необходимы люди, владеющие искусством декламации; умеющие отстаивать свои убеждения, взгляды

и вести дискуссию; творчески включающиеся в процесс межличностной коммуникации не только на родном, но и на иностранном языке.

Качественно новым требованием к учебному процессу является развитие критического мышления учащихся и воспитание образованной и гармоничной личности, умеющей высказать и обосновать свою точку зрения.

Основная часть. По определению Г. В. Роговой, монолог — это форма устного высказывания, изложение мыслей одним лицом [1, с. 59]. Как правило, монолог состоит из некоторого количества предложений, которые связаны логически, у них едины предмет и содержание. Более того, это *активный и продуктивный вид* речи, для чего говорящий должен иметь речевую интенцию и, ориентируясь на неё, строить своё высказывание. Это *организованный* вид речи, что предполагает наличие умений программировать как *отдельное* предложение, так и все сообщение в целом, избирательно пользоваться языковыми средствами адекватно коммуникативному намерению, а также некоторыми неязыковыми коммуникативными средствами выражения мысли (как правило, интонацией) [2].

В учреждениях общего среднего образования обучение иностранному языку имеет коммуникативную цель. Главным критерием обученности среднестатистического ученика иностранному языку выступает достаточный уровень развития умений общения на иностранном языке как в устной, так и в письменной формах. Достижению указанного уровня способствует технология развития критического мышления.

В различных научных исследованиях можно найти определение термина «критическое мышление». Так, Дж. А. Браус и Д. Вуд определяют его как разумное рефлексивное мышление, сфокусированное на решении того, во что верить и что делать. **Критическое мышление** — это один из видов интеллектуальной деятельности человека, который характеризуется высоким уровнем восприятия, понимания, объективности подхода к окружающему его информационному полю [3]. Критическое мышление есть мышление самостоятельное. Если занятие строится на принципах критического мышления, обучаемый формулирует свои идеи, оценки и убеждения самостоятельно. Кроме того, информация является отправным, а не конечным пунктом критического мышления. Оно начинается с постановки вопросов и уяснения проблем, которые нужно решить. Наконец, критическое мышление стремится к аргументации. Критически мыслящий человек находит собственное решение проблемы и подкрепляет это решение обоснованными доводами.

Реализация технологии развития критического мышления требует трехфазовой организации урока. Она включает *вызов, осмысление и рефлексию* [4]. На стадии **вызова** ставится задача активизировать, заинтересовать учащегося, мотивировать его на дальнейшую работу, а также «вызвать» уже имеющиеся знания. На стадии **осмысления** проводится работа с информацией, причем методические приемы технологии развития критического мышления позволяют сохранить активность ученика, сделать чтение или слушание осмысленным. На стадии **рефлексии** информация анализируется, интерпретируется и творчески перерабатывается.

На каждой из вышеперечисленных стадий используются определенные методические приёмы. «Корзина идей» используется на стадии вызова: учащимся предлагается высказать свои предположения о содержании текста по его названию и в течение урока выяснить, насколько эти предположения были верными. На основе воображения и знания обучаемые высказываются по изучаемым темам, что способствует развитию коммуникативной компетенции. Урок проходит в форме дискуссии, используя утверждения, которые были произнесены другими учащимися.

Прием «Концептуальная таблица» используется на стадии осмысления. Он эффективен, когда на уроке предполагается сравнение трех и более аспектов или вопросов. Таблица строится следующим образом: по горизонтали располагается то, что подлежит сравнению; по вертикали — различные черты и свойства, по которым это сопоставление происходит. При работе с ней ученик делает пометки на полях, ведет записи по мере осмысления новой информации. На вышеуказанной стадии происходит непосредственный контакт с новой информацией в тексте (фильме или аудиозаписи), работа ведется индивидуально или в парах.

Методический прием «Синквейн» используется на стадии рефлексии: ученики пишут стихотворение в соответствии со следующими правилами: 1-я строка — тема (имя существительное), 2-я строка — описание темы (два прилагательных), 3-я строка — действие (три глагола, относящихся к теме), 4-я строка — цитата, фраза из четырех слов, выражающая отношение автора к теме, 5-я строка — повторение сути, «синоним» 1-й строки (имя существительное). В ходе написания синквейна учащиеся соотносят «новую» информацию со «старой», используя знания, полученные на стадии осмысления. На стадии рефлексии происходит творческая переработка, анализ и интерпретация изученной информации; работа ведется индивидуально, в парах или группах.

«Ромашка Блума» — это специально разработанная серия вопросов, позволяющая глубоко проанализировать содержание прочитанного, разработать построение различных видов вопросов. В графическое изображение ромашки в виде шести лепестков записываются задания. Учащиеся в группах составляют вопросы и дают ответы на вопросы другой группы. Данный методический прием позволяет интерпретировать изучаемый материал: задавая вопрос, обучаемый получает ответ, сопоставляет свое мнение с полученным, задает уточняющие вопросы, анализирует объем своих знаний, тем самым развивает речевые умения.

Представленные методические приемы могут быть успешно использованы в преподавании иностранного языка в 11-м классе. Основанием для применения данной технологии в образовательном процессе выступают психолого-педагогические характеристики старшего школьного возраста. С точки зрения протекания отдельных психологических процессов старший школьный возраст принципиально не отличается от периода взрослости. Существенная разница имеется лишь в эмоциональной жизни, более импульсивной, менее подчиненной другим мотивам и слабее регулируемой сознательно. Мышление старшего школьника приобретает личностный, эмоциональный характер. Интеллектуальная деятельность здесь приобретает особую окраску, связанную с самоопределением старшего школьника и его стремлением к выработке своего мировоззрения, а впоследствии и своей жизненной позиции [5, с. 60]. Именно это стремление создает своеобразие мышления в данном возрасте и является основой для использования представленной технологии.

Приёмы технологии развития критического мышления были апробированы на материале учебного пособия «Английский язык» для 11-го класса учреждений общего среднего образования автора Н. В. Юхнель по теме «Окружающая среда». Данная тема является проблемной и предполагает создание проблемной ситуации, ее обсуждение с разных точек зрения, поиск консенсуса и рефлексии, что реализуется путем использования приемов технологии критического мышления. Использование методических приемов «Корзина идей», «Концептуальная таблица», «Синквейн», «Ромашка Блума» направляет учащихся на анализ и интерпретацию изучаемой информации, ее творческое осмысление, развивает речевые умения обучаемых, в частности, на этапах вызова, осмысления и рефлексии.

Заключение. У представленной возрастной категории учащихся есть все задатки для высказывания идей по изучаемым темам, целостного и последовательного анализа изучаемого материала с дальнейшим его осмыслением и рефлексией. Отсюда следует, что на третьей ступени обучения иностранным языкам использование приемов технологии развития критического мышления будет уместным, а главное, продуктивным.

Список цитируемых источников

1. *Рогова, Г. В.* Методика обучения английскому языку на начальном этапе в средней школе / Г. В. Рогова, И. Н. Верещагина. — М., 1988. — 224 с.
2. *Ачкасова, Н. Г.* Совершенствование устной речи учащихся старших классов средней школы : автореф. ... дис. канд. пед. наук : 13.00.02 / Н. Г. Ачкасова ; Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена. — Л., 1997. — 18 с.
3. *Бутенко, А. В.* Критическое мышление: метод, теория, практика / А. В. Бутенко, Е. А. Ходос. — Красноярск, 2001. — 102 с.
4. *Кон, И. С.* Психология старшеклассника / И. С. Кон. — М., 1980. — 192 с.
5. *Английский язык : учеб. пособие для 11-го кл. учреждений общ. сред. образования с рус. яз. обучения / Н. В. Юхнель [и др.].* — Минск : Выш. шк., 2012. — 358 с.

УДК 37.022

О. О. Лемешевский

Учреждение образования «Военная академия Республики Беларусь», Минск

К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Введение. Не только студенты, но и взрослые все больше осознают важность изучения иностранного языка. Сегодня он помогает получить, например, престижную работу или высокую должность, а также лучше понимать культуру других стран и интегрироваться в мультикультурный мир. Все это приобретает личностный смысл. Еще одной причиной повышения интереса к иностранным языкам стало развитие и распространение массовых открытых онлайн-курсов (МООК), большинство которых доступно на английском и немецком языках.

Если послушать тех, кто владеет несколькими языками, то выясняется, что все говорят примерно об одном и том же: изучение иностранного языка нужно сделать привычкой. Преподаватель должен позиционировать язык не как предмет, который изучают, а как что-то, с чем живут. Мало несколько раз в неделю в течение полутора часов заниматься на курсах: от этого значительного прогресса не будет или он будет слишком медленным. Необходимо уделять этому больше времени [1]. Например, установить на телефоне системный язык — английский, итальянский, немецкий или испанский; смотреть фильмы и читать книги на языке автора (это интереснее, чем в переводе); читать англоязычные материалы Википедии (она гораздо полнее по сравнению с русским вариантом).

Основная часть. Преподавателю необходимо пытаться изменить мировоззрение студентов в сторону изучения иностранных языков, их взгляды и отношение к нему, стараться превратить учебный процесс

в удовольствие. Если проводить занятия в игровой форме, то через какое-то время накапливается критическая масса позитивных эмоций, удается сместить фокус внимания с того, что иностранный язык — это боль. Тогда начинается прогресс. Студент начинает интересоваться языком, заниматься им дома самостоятельно.

Существенное влияние на запоминание оказывает не академическая среда, а повседневная жизнь. Если учить язык только на уроках, то формируется привычка, что все это и должно происходить на занятиях. К тому же в университете сначала изучается теория, потом — практика. В реальной жизни все наоборот. Допустим, вы разбили телефон и, чтобы его починить, начинаете искать сервисный центр где-нибудь рядом с домом. То есть сначала появляется проблема, а потом, в процессе ее решения, — понимание, как это сделать. Фильмы, книги, общение с иностранцами — это постоянный источник таких новых задач, и когда новая информация — не просто параграф из книги, а ответ на ваш вопрос, то она усваивается гораздо лучше. Чтобы эффективно учить что-либо, нужно связать с этим свой образ жизни. Такое изменение подхода к образованию, когда от изучения текстов оно переходит в реальную деятельность, значительно повышает его эффективность.

Почему можно слушать в течение 100 или 10 часов один и тот же материал, но иметь совершенно разный результат при одном и том же уровне включённости [2]? Есть данные, которые свидетельствуют о соотношении между процентом времени, процентом внимания, уделённом на одну задачу, и эффективностью роста навыка: 100% означает, что 100% времени уделите одному навыку. Если вы изучаете иностранный язык и в разговоре обращаете внимание только на произношение одного согласного или одного гласного звука, тогда уровень этого навыка и его качество будет на очень высоком уровне. Если не уделять внимания, например, произношению или грамматике, результат будет нулевой. Если 50% времени посвящать одному навыку, а 50% — другому, т. е. если вы попытаетесь одновременно следить и за грамматикой, и за произношением, то каждый из этих навыков будет формироваться, расти с соответствующей эффективностью. Если вы одному из навыков уделите 70%, а всем остальным — 30% внимания, эффективность будет соответствующей. Если вы уделите 90%, эффективность будет еще выше. Но разница между 90 и 100% будет колоссальная [3]. Рассмотрим пример.

Если решать сложные математические уравнения и каждые десять секунд заглядывать в ВКонтакте на 5 секунд и отвечать на вопросы, то распределение внимания составит примерно 70 на 30%. Можно ли сконцентрироваться на решении математических уравнений и на беседе ВКонтакте? Скорее всего, нет: ни там, ни там. Если же вы сначала решите все уравнения, а потом проведёте беседу, уровень концентрации будет намного выше.

Заключение. Если при решении каких-либо задач вы своё внимание на 100% уделяете одной задаче, эффективность её решения намного выше. В обучении, когда кроме выполнения самой задачи необходимо формировать навык, эффективность возрастает. Поэтому преподаватель для достижения результата выделяет какой-то отдельный навык и 100% времени и внимания именно одному навыку.

Список цитируемых источников

1. Инновационные тенденции в преподавании иностранного языка школьникам [Электронный ресурс]. — Минск, 2016. — Режим доступа: <http://festival.1september.ru/articles/527303/>. — Дата доступа: 12.10.2016.
2. Современные методы преподавания иностранных языков [Электронный ресурс]. — Минск, 2016. — Режим доступа: <http://sibac.info/conf/pedagog/xxxv/35726>. — Дата доступа: 13.10.2016.
3. Новые технологии изучения иностранных языков — аудио, видео, интернет [Электронный ресурс]. — Минск, 2016. — Режим доступа: <http://homelang.ru/methods/novye-tehnologii-izucheniya-inostrannyh-yazykov-audio-video-internet.html>. — Дата доступа: 14.10.2016.

УДК 811.111'1

А. Н. Подлеская

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ТЕСТОВ ПО АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ В СИСТЕМЕ ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО ТЕСТИРОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Введение. Централизованное тестирование (далее — ЦТ) — это форма измерения образовательных достижений с использованием единых педагогических тестов и стандартизированных процедур проведения, обработки и представления результатов, которая проводится в Республике Беларусь одним центром — учреждением образования «Республиканский институт контроля знаний».

Актуальность данной темы заключается в том, что ЦТ — это реальность в современном образовательном процессе, а проблемы подготовки к нему являются широким полем деятельности для педагогов. Тестовые задания с каждым годом развиваются и усложняются. Данное исследование отражает и систематизирует лингвистическое содержание тестов по английскому языку в системе централизованного тестирования Республики Беларусь.

Цель исследования заключается в определении уровня сложности лингвистического содержания тестов по английскому языку.

Основная часть. Точно определить дату появления тестов затруднительно. Известно, что тесты берут своё начало из древности. Внедрение тестов как научного инструмента при выявлении некоторых свойств человеческой личности связывают с английской научной школой. Эта связь четко прослеживается, так как и сам термин «тест» имеет в своей первооснове английское понятие, соответствующее в русском языке терминам «испытание», «проба» [1, с. 152]. Первые тесты для объективного контроля знаний, умений и навыков появились в начале XX века. Они быстро завоевали популярность среди преподавателей университетов и школ в Англии и США, а позже и в СССР. Примерно с этого времени в США их стали называть педагогическими. В Беларуси тесты получили широкое распространение в связи с начатым в 1998 году экспериментом проведения ЦТ учащихся по следующим предметам: русский язык, математика, физика [2, с. 66]. В настоящее время круг предметов, выносимых на ЦТ, значительно расширился. С 2006 года ЦТ проводится после выпускных экзаменов в школе и не влияет на итоговые оценки. Его результаты зачитываются вместо вступительного экзамена по соответствующему предмету.

Остановимся подробнее на ЦТ по английскому языку. Оно призвано обеспечить мониторинг качества языкового образования и предоставить равные возможности абитуриентам при поступлении в различные учреждения образования. Однако применяемые в Республике Беларусь тесты являются достаточно сложными для значительного количества абитуриентов. Данное явление, на наш взгляд, можно объяснить целым рядом причин, одной из которых является лингвистическое содержание тестовых заданий.

В результате их изучения нами был получен материал, анализ которого позволил выдвинуть предположение, что наряду с недостаточным знанием грамматики трудности, с которыми сталкиваются абитуриенты при выполнении теста, вызваны бедностью словарного запаса, а также сложностью лингвистического компонента тестовых заданий. Именно непонимание содержания как отдельных предложений, так и всего мини-текста приводит к многочисленным ошибкам. Традиционно низким остается процент выполнения заданий открытого типа раздела «Грамматика и лексика». Трудности вызывают текстовые задания на множественный выбор, требующие достаточно богатого словарного запаса, умения видеть разницу между словами, сходными по значению, а также ложными синонимами, выделять и понимать интернациональные слова [3, с. 7].

В нашей работе для сбора фактического материала мы использовали сборники для подготовки к ЦТ 2005, 2008 и 2015 годов издания. В ходе исследования заданий нами было проанализировано 15 вариантов тестовых заданий, в общей сложности 764 существительных, 469 глаголов, 259 прилагательных и 108 наречий.

В ходе исследования нами был использован количественный анализ ведущих элементов, основанный на выявлении вероятностно-статистических данных, подсчете наиболее частотных, ведущих элементов текста или тех компонентов текста, которые необходимы для исследования.

В каждом из сборников нами было выбрано 5 вариантов тестовых заданий. Анализ осуществлялся на материале грамматических заданий. При исследовании все имена существительные учитывались в форме единственного числа; глаголы в форме инфинитива; имена прилагательные в положительной степени сравнения. Далее, используя словарь частотности А. Васильева «Английские слова: ТОП 2 500 по частоте и алфавиту», нами были проанализированы и отобраны наиболее часто употребляемые лексические единицы.

При работе со сборником тестов 2005 года мы выяснили, что в установленный ранг частотности не входят: 38% имён существительных (например, *agency, charity, birthday, product, treatment, winter* и др.); 18% глаголов (*to complain, to improve, to work, to borrow, to cook* и др.); 42% имен прилагательных (*boring, confident, expensive, modern, famous, favorite* и др.); 48% наречий (*greatly, regularly, attentively, entirely, fairly, likely* и др.).

При работе со сборником тестов 2008 года мы выяснили, что в установленный ранг частотности не входят: 47% от общего числа существительных (*degree, jewelry, difficulties, argument, disaster, wedding*); 20% глаголов (*to collect, to estimate, to calculate, to attract, to announce, to organize*); 47% прилагательных (*remarkable, rural, former, central, awful, brave*); 29% наречий (*yesterday, recently, honestly, awfully, exceptionally, lately*).

При работе со сборником тестов 2015 года мы выяснили, что в установленный ранг частотности не входят: 50% от общего числа существительных (*birthday, example, pen, tourist, vacation, text*); 35% глаголов (*to develop, to edit, to separate, to attract, to congratulate, to earn*); 53% прилагательных (*identical, intelligent, average, comfortable, dramatic, endangered*); 40% наречий (*curiously, extraordinarily, fortunately, approximately, deeply, particularly*).

Необходимо отметить, что в заданиях ЦТ присутствуют международные слова, которые знакомы абитуриентам, однако и они могут вызывать трудности у тестируемых. Это такие слова, как *girlfriend, platform, tour, qualification, football, central, e-mail, tourist, teenagers, text* и др.

Закключение. С годами лексика в грамматических заданиях ЦТ усложняется. Об этом свидетельствует увеличение количества лексических единиц в заданиях (в 2005 году — 64 прилагательных, в 2015 году — 108; в 2008 году — 134 глагола, в 2015 — 182), а также тот факт, что с каждым годом количество слов, не попадающих в частотный ранг 1 500, увеличивается.

Список цитируемых источников

1. *Кадневский, В. М.* История тестов : монография / В. М. Кадневский. — М. : Нар. образование, 2004. — 464 с.
2. Дидактические тесты: технология проектирования : метод. пособие для разработчиков тестов / Е. В. Кравец [и др.] ; под общ. науч. ред. А. М. Радькова. — Минск : РИВШ, 2004. — 87 с.
3. Централизованное тестирование. Английский язык: анализ ошибок. Анализ ошибок ЦТ 2011 года. Комментарии к ответам. Методика расчета тестового балла. Тренировочные задания / Респ. ин-т контроля знаний М-ва образования Респ. Беларусь. — Минск : Аверсэв, 2012. — 159 с.

УДК 378.02:811.111

Ю. А. Степанова

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ЗНАНИЙ У УЧАЩИХСЯ НА ОСНОВЕ ВЕБ-КВЕСТ-ТЕХНОЛОГИИ

Введение. Учебный предмет «Иностранный язык» играет важную роль в формировании поликультурной многоязычной личности, способной выступать в качестве субъекта межкультурной коммуникации и использовать изучаемый язык в разнообразных ситуациях межкультурного повседневного и профессионального общения. Указанная учебная дисциплина обладает значительным потенциалом как для изучения общечеловеческих, национально-специфических ценностей, особенностей национального менталитета, так и для осознания самобытности своей национальной культуры. Содержание языкового образования в Республике Беларусь включает социокультурные знания и умения межкультурного общения [4, с. 21]. Овладение указанным содержанием требует применения новых подходов, предусматривающих, в частности, использование информационно-коммуникационных технологий. Одной из перспективных технологий является веб-квест-технология.

Основная часть. Актуальность темы исследования обусловлена социальным заказом на подготовку учащихся учреждений общего среднего образования к межкультурному общению, которое предполагает высокий уровень знания о культурном достоянии родной страны. Цель исследования заключается в теоретическом обосновании, разработке и проверке на практике методики формирования социокультурных знаний у учащихся на основе веб-квест-технологии. В ходе решения данной цели были использованы следующие методы исследования: 1) анализ научной литературы по когнитивной теории, педагогике и методике преподавания иностранных языков; 2) анализ программной документации, учебной и учебно-методической литературы и интернет-ресурсов; 3) метод экспертных суждений; 4) пробное обучение.

Социокультурные знания представляют собой важный компонент социокультурной компетенции. По мнению П. В. Сыроева, структуру социокультурной компетенции составляют: национальная ментальность, национальное достояние и социокоммуникация. Национальная ментальность включает традиции, обряды, ритуалы, привычки. Социокоммуникация — это способы передачи информации, используемые в рамках определенной страны, общества, народа (лингвистические особенности социальных групп, социально принятые языковые нормы, социолекты, язык невербального общения и т. д.). Национальное достояние состоит из таких элементов, как национальные парки, исторические заповедники и места туристического паломничества, а также искусство [5, с. 35—36].

Для формирования у учащихся социокультурных знаний о родной стране мы предлагаем использовать веб-квест-технологию. По определению Т. Марча, это построенная по типу опор учебная структура, использующая ссылки на существенно важные ресурсы в Интернете и аутентичную задачу с тем, чтобы мотивировать учащихся к исследованию какой-либо проблемы с неоднозначным решением, развивая тем самым их умение работать как индивидуально, так и в группе в процессе поиска информации и ее преобразовании в более сложное знание [8]. Исследователь М. А. Бовтенко выделяет ряд характеристик веб-квеста. В частности, «источником информации для ответов на вопросы или выполнения заданий

квеста служат веб-ресурсы; задания такого рода, как правило, размещаются на веб-сайтах, а списки ресурсов оформляются в виде ссылок» [1, с. 116]. Указанная технология позволяет эффективно решать ряд задач: а) формирование информационной грамотности; б) овладение приёмами самообучения и самоорганизации; в) развитие умений работать в команде и находить несколько способов решений проблемной ситуации. Веб-квест является полезным инструментом для внедрения элементов игры в обучение, вследствие чего обучение становится более интересными, следовательно, повышается мотивация к изучению предмета.

В ходе исследования нами был проведен анализ учебной программы по иностранным языкам в Республике Беларусь [2] и учебно-методического комплекса для 6-го класса учреждений общего среднего образования в целях отбора учебного материала о белорусской культуре [6]. Методом сплошной выборки нами был осуществлен отбор учебного материала, необходимый для формирования социокультурных знаний у учащихся. Следующим этапом исследования выступил анализ документов, в которых определяются памятники ЮНЕСКО, расположенные на территории Республики Беларусь. В результате мы определили четыре объекта, которые включены в список всемирного наследия ЮНЕСКО: Беловежская пуца, геодезическая дуга Струве, архитектурно-культурный комплекс резиденции Радзивиллов в Несвиже и замковый комплекс «Мир». Сравнение полученных материалов позволило сделать вывод о необходимости дополнения действующего учебно-методического комплекса материалом о культурном достоянии Республики Беларусь, представленном в интернет-источниках. Критериями отбора текстов выступили: культуроведческая ценность, общеизвестность, экзотичность, комплиментарность, достаточный минимум и тематический критерий.

Отобранный учебный материал был положен в основу разработанного нами комплекса заданий по формированию социокультурных знаний у учащихся о национальной белорусской культуре. Все задания были организованы в рамках веб-квест-технологии, которая имеет следующие структурные элементы: а) введение; б) задание; в) порядок работы и необходимые ресурсы; г) рефлексия; д) оценка работы учащихся. Мы использовали следующие виды заданий: а) аналитическая задача-поиск и систематизация информации; б) компиляция-трансформация информации, полученной из разных источников; в) пересказ-демонстрация понимания темы на основе представления материалов из разных источников в новом формате (создание презентации, плаката), оценка определенной точки зрения; г) исследование фактов из онлайн источников [3].

Для проведения пробного обучения в 6-х классах нами были определены следующие условия: а) учебный предмет «Английский язык»; б) форма проведения (самостоятельная работа); в) длительность обучения (3 часа); г) количество учащихся (13 человек). Пробное обучение носило естественный характер и включалось в общий процесс обучения английскому языку в апреле—мае 2016 года в учреждении общего среднего образования «Средняя школа г. п. Мир». Анализ полученных результатов свидетельствует о положительной динамике уровня сформированности социокультурных знаний у учащихся о национальном культурном достоянии Республики Беларусь по всем критериям. Так, средний уровень сформированности социокультурных знаний равнялся 59,5%, в том числе: точность понимания — 62%, полнота восприятия — 60,5%, глубина личного осмысления изучаемой проблемы — 55,5%. Положительная динамика составила 31,8%.

Таким образом, в ходе проведения пробного обучения нашла частичное подтверждение гипотеза, заключающаяся в том, что формирование социокультурных знаний о национальной белорусской культуре у учащихся учреждений общего среднего образования будет более успешным при условии применения веб-квест-технологии, в которой предусмотрены задания с учетом уровней познания, выделенных Б. Блумом: запоминание, понимание, применение, анализ информации, синтез и оценка полученных знаний [7].

Заключение. Для подготовки учащихся к межкультурному общению необходимо использовать учебный материал о национальном достоянии Республики Беларусь, включенном в список всемирного наследия ЮНЕСКО. Его отбор целесообразно осуществлять с использованием критериев культуроведческой ценности, общеизвестности, экзотичности, комплиментарности, достаточного минимума и тематического критерия. В целях усвоения социокультурных знаний о национальном культурном достоянии Республики Беларусь эффективной является веб-квест-технология. В перспективе разработанная методика формирования у учащихся социокультурных знаний может быть успешно использована на третьей ступени общего среднего образования, например, в 11 классе с применением веб-квеста по теме «Достопримечательности Беларуси».

Список цитируемых источников

1. Бовтенко, М. А. Компьютерная лингводидактика : учеб. пособие / М. А. Бовтенко. — М. : Флинта : Наука, 2005. — 165 с.
2. Иностранные языки: английский, немецкий, французский, испанский, китайский : учеб. программа для III—XI кл. учреждений общего средн. образования с рус. яз. обучения. — Минск : Нац. ин-т образования, 2012. — 131 с.
3. Информационные технологии в обучении языку [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.itlt.edu.nstu.ru/webquest.php>. — Дата доступа: 29.11.2015.
4. Баранова, Н. П. Концепция языкового образования (иностранный язык) в системе общего среднего образования / Н. П. Баранова, П. М. Бабинская, Н. В. Демченко // *Замеж. мовы ў Рэсп. Беларусь*. — 2007. — № 1. — С. 17—24.

5. *Сысоев, П. В.* Социокультурный компонент содержания обучения американскому варианту английского языка (для школ с углубленным изучением иностранного языка) : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02 / П. В. Сысоев. — Тамбов, 1999. — 231 л.
6. *Юхнель, Н. В.* Английский язык в 6 классе (с электронным приложением) / Н. В. Юхнель, Е. Г. Наумова. — Минск : Выш. шк., 2011. — 213 с.
7. *Anderson, L. W.* A taxonomy for learning, teaching, and assessing: A revision of Bloom's educational objectives / L. W. Anderson, D. R. Krathwohl. — New York : Longman, 2001. — 336 p.
8. *March, T.* Why WebQuests? [Electronic resource]. — Mode of access: http://tommarch.com/writings/intro_wq.php . — Date of access: 19.04.2016.

Репозиторий БарГУ

Репозиторий Баргу

УДК 372.881.111.1

Е. В. Шабусова

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

МЕТОДИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ УЧЕБНИКОВ КАК СРЕДСТВА РАЗВИТИЯ У УЧАЩИХСЯ КОМПЕНСАТОРНЫХ УМЕНИЙ В ЧТЕНИИ ИНОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТОВ ПРАГМАТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА

Введение. Сегодня роль и место изучения учебного предмета «Иностранный язык» имеет большую практическую ценность, так как обеспечивает развитие учащихся в коммуникативно-познавательной деятельности, формирование способностей к пониманию культуры, образа жизни и мыслей других народов, умение передавать собственные мысли и чувства. Поэтому в качестве генеральной цели обучения иностранным языкам выступает формирование учащихся «как субъектов межкультурной коммуникации посредством овладения ими иноязычной коммуникативной компетенцией и развития у них качеств поликультурной личности, востребованных современным информационным обществом в условиях глобализации» [1, с. 5]. С позиции этой цели особое значение приобретает формирование у учащихся компенсаторной компетенции во всех видах речевой деятельности. Как известно, *компенсаторная компетенция* — это совокупность умений использовать дополнительные вербальные средства и невербальные способы для решения коммуникативных задач в условиях дефицита имеющихся языковых средств [1, с. 7]. При этом настоящее исследование нацелено на разработку комплекса упражнений для развития у учащихся компенсаторных умений в чтении текстов прагматического характера.

Основная часть. Одной из основных *задач* проводимого исследования выступило определение методического потенциала отечественных учебников иностранного языка, т. е. изучение представленности упражнений для развития у учащихся компенсаторных умений в чтении иноязычных текстов прагматического характера. Выбор учебника как объекта анализа обусловлен пониманием того факта, что данное средство обучения рассматривается как «модель методики» [2, с. 40], предлагаемой авторами учебно-методического комплекса. Целесообразность решения упомянутой выше задачи вызвана необходимостью выявления соотношения между включёнными в учебную программу по иностранным языкам компенсаторными умениями в чтении и наличием упражнений, формирующих эти умения на основе текстов прагматического характера. Как следствие, недостающие упражнения должны быть включены в разрабатываемый комплекс. В качестве основного *метода* на описываемом этапе исследования был использован анализ отечественных учебников английского языка.

Следует отметить, что в соответствии с учебной программой по иностранным языкам учащиеся 6-го класса должны уметь читать такие виды иноязычных текстов прагматического характера, как письмо, меню, школьное расписание, киноафиша [3, с. 112], владеть следующими компенсаторными умениями в чтении: 1) прогнозировать содержание по заголовку, началу текста; 2) опираться на средства

зрительной наглядности (рисунки, фотографии, таблицы); 3) использовать языковую догадку (по схожести со словами родного языка, по словообразовательным элементам); 4) использовать двуязычные словари [3, с. 121]. В то время как учащиеся 8-го класса учатся понимать письмо, меню, афишу, программу праздника [4, с. 75] и овладевают умениями прогнозировать содержание по заголовку, подзаголовку текста, ключевым словам, средствам зрительной наглядности; использовать текстовые опоры различного вида (таблицы, графики, шрифтовые выделения); использовать языковую и контекстуальную догадку, двуязычные словари, различные комментарии [4, с. 84].

Для осуществления анализа были выбраны учебные пособия по английскому языку авторов Н. В. Юхнель, Е. Г. Наумовой (6-й класс) и Л. М. Лапицкой, Н. В. Демченко, Н. В. Юхнель (8-й класс).

В ходе анализа учебного пособия для 6-го класса было выявлено 98 упражнений для обучения иноязычному чтению, из них 29 упражнений для развития у учащихся компенсаторных умений в чтении текстов прагматического характера (таблица 1).

Т а б л и ц а 1 — Результаты анализа учебного пособия для 6-го класса

Компенсаторное умение	Количество упражнений для развития у учащихся компенсаторных умений в чтении текстов прагматического характера (% от общего количества)
Прогнозировать содержание по заголовку, началу текста	7 (24%)
Опирается на средства зрительной наглядности (рисунки, фотографии, таблицы)	22 (76%)
Использовать языковую догадку (по схожести со словами родного языка, по словообразовательным элементам)	— (0%)
Использовать двуязычные словари	— (0%)

Приведём примеры заданий, представленных в учебном пособии:

1) прогнозирование содержания по заголовку, началу текста: Look at the title of the text. Answer the questions. Discuss the pictures with your partner [5, с. 42];

2) опора на средства зрительной наглядности (рисунки, фотографии, таблицы): Look at the list of pictures. What do they symbolize? [5, с. 5].

Учебное пособие для 8-го класса содержало 119 упражнений для обучения иноязычному чтению, в том числе 40 упражнений для развития у учащихся компенсаторных умений в чтении текстов прагматического характера (таблица 2).

Т а б л и ц а 2 — Результаты анализа учебного пособия для 8-го класса

Компенсаторное умение	Количество упражнений для развития у учащихся компенсаторных умений в чтении текстов прагматического характера (% от общего количества)
Прогнозировать содержание по заголовку, подзаголовку текста, ключевым словам, средствам зрительной наглядности	23 (57,5%)
Использовать текстовые опоры различного вида (таблицы, графики, шрифтовые выделения)	17 (42,5%)
Использовать языковую и контекстуальную догадку	— (0%)
Использовать двуязычные словари	— (0%)
Использовать различные комментарии	— (0%)

В качестве примеров заданий могут быть приведены следующие:

1) прогнозирование содержания по заголовку, подзаголовку текста, ключевым словам, средствам зрительной наглядности: Can you explain the following quotation from George's letter? Read the first paragraph of the story. Stop to answer the questions in boxes [6, с. 27];

2) использование текстовых опор различного вида (таблицы, графики, шрифтовые выделения): Look at the menu below. Study the "piecharts" [6, с. 107].

Заключение. Проведённый анализ позволяет констатировать недостаточно высокий методический потенциал отечественных учебников как средства развития у учащихся компенсаторных умений в чтении иноязычных текстов прагматического характера. Следующим этапом данного исследования выступит разработка комплекса упражнений, включающего задания на развитие всех компенсаторных умений из представленного в учебной программе перечня.

Список цитируемых источников

1. Концепция учебного предмета «Иностранный язык» / Н. П. Баранова [и др.] // *Замеж. мовы ў Рэсп. Беларусь.* — 2015. — № 4. — С. 3—8.
2. *Пассов, Е. И.* Учебник как феномен сферы иноязычного образования / Е. И. Пассов // *Иностр. яз. в шк.* — 2004. — № 4. — С. 39—42.
3. Учебная программа по учебному предмету «Иностранный язык (английский, немецкий, французский, испанский, китайский)» для VI класса учреждений общего среднего образования с русским языком обучения и воспитания // *Учеб. программы по учеб. предметам для учреждений общего сред. образования с рус. яз. обучения и воспитания. VI класс.* — Минск : Нац. ин-т образования, 2016. — С. 99—121.
4. Учебная программа для учреждений общего среднего образования с русским языком обучения «Иностранные языки: английский, немецкий, французский, испанский, китайский. III—XI классы». — Минск : Нац. ин-т образования, 2012. — 132 с.
5. *Юхнель, Н. В.* Английский язык : учеб. пособие для 6 класса учреждений общего сред. образования с рус. яз. обучения / Н. В. Юхнель, Е. Г. Наумова. — Минск : Адукацыя і выхаванне, 2016. — С. 2—233.
6. *Лапицкая, Л. М.* Английский язык : учеб. пособие для 8 класса учреждений общего сред. образования с рус. яз. обучения / Л. М. Лапицкая, Н. В. Демченко, Н. В. Юхнель. — 2-е изд. — Минск : Выш. шк., 2016. — С. 2—193.

УДК 371.38

С. С. Яколевич

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

НАГЛЯДНОСТЬ КАК СРЕДСТВО КОММУНИКАТИВНОЙ МОТИВАЦИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ УСТНОМУ ИНОЯЗЫЧНОМУ ОБЩЕНИЮ В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ

Введение. В настоящее время приоритетным направлением в обучении иностранному языку является коммуникативный метод, при котором целью обучения становится общение — взаимодействие субъектов, в ходе которого происходит обмен информацией, опытом, знаниями, навыками, умениями, а также результатами деятельности. Необходимым фактором для возникновения общения является потребность в высказывании, так как мотивированность является характерной чертой этого процесса. Сегодня в рамках коммуникативного метода разрабатывается не один способ мотивирования учащегося на плодотворное общение. Одним из них является предъявление наглядного пособия, побуждающего к высказыванию [1, с. 58].

Наглядность — это опора в процессе обучения, согласно которой обучение строится на образах, воспринимаемых учащимися, а также показ языкового и лингвистического материала в целях облегчения его объяснения и использования в речевой деятельности. С развитием современных технологий компьютер становится средством обучения, способным наглядно представить различную информацию. Новые информационные технологии воздействуют на все компоненты системы обучения: цели, содержание, методы и организационные формы, средства обучения, что позволяет решать сложные и актуальные задачи: развитие интеллектуального, творческого потенциала, аналитического мышления и самостоятельности. Большие возможности содержатся в использовании компьютеров при обучении немецкому языку.

Обеспечить создание коммуникативной мотивации у школьников можно, предъявив в начале урока или перед выполнением какого-либо вида работы специально разработанный вид внешней наглядности. Вызвать эмоциональный и нравственный отклик ученика можно, поставив его перед проблемой, заставляющей самостоятельно размышлять и формулировать вывод. Но в современных учебниках очень небольшое количество картинок оказывает эмоциональное воздействие на учащихся. Внешняя наглядность должна быть смысловой и проблемной, только тогда она сможет обеспечить коммуникативную мотивацию и создание внутренней наглядности.

Основная часть. В учебном процессе формирование и развитие иноязычных навыков и умений осуществляется во взаимосвязи всех видов деятельности. Вместе с тем говорение занимает одно из ведущих мест на уроке иностранного языка. Говорение напрямую зависит от качества овладения его лексической и грамматической сторонами, а точнее, разнообразными действиями с языковым материалом, приводящими к формированию умений и навыков устной речи, начиная от простейших умений и навыков до выработки прочных автоматизмов и сложных творческих умений [2, с. 84].

В наше время применение интерактивных средств обучения прочно вошло в школы. Это не только современные технические средства, но и новые формы и методы преподавания, новый подход к процессу обучения. Применение в образовании компьютеров и информационных технологий оказывает существенное влияние на содержание, методы и организацию учебного процесса по различным дисциплинам. Применительно к компьютерному обучению принцип наглядности, называемый также «интерактивной наглядностью», играет очень важную роль. Если в традиционном понимании наглядность — это, прежде всего, иллюстративный компонент, обеспечение потребности учащегося увидеть в какой-либо форме

предмет или явление, то в компьютерном обучении наглядность позволяет увидеть то, что не всегда возможно в реальной жизни даже с помощью самых чувствительных и точных приборов [3, с. 78].

Представители многих направлений в методике преподавания иностранного языка используют прием наглядной семантизации, когда значение слова поясняется не путем перевода, а путем показа обозначаемого этим словом предмета или картинки с его изображением. Эта демонстрация конкретного предмета и является основным недостатком, так как в данном случае наглядность сводится только к зрительному восприятию того, что само по себе не составляет собственно языковых явлений. Ведь закреплению подлежат языковые явления, а не предметы, о которых мы говорим на том или ином языке.

Исследователь И. А. Зимняя считает, что широкое распространение получила лишь одна форма наглядности — внешняя, или перцептивная, основанная на процессах непосредственно чувственного отражения действительности (ощущении и восприятии) [4, с. 324].

Высказывая мысль на родном языке, человек направляет основное внимание на содержание, т. е. на то, что сказать и в какой последовательности, а то, как сказать, осуществляется на уровне фонового автоматизма. Говоря на иностранном языке, человек испытывает дополнительную трудность, так как его внимание переключается еще и на второй объект — отбор языковых средств, составление сообщения. Основная цель обучения устному иноязычному общению как раз и состоит в том, чтобы операции по отбору языковых средств, составлению из них сообщений перевести на уровень фонового автоматизма. Этим целям и может служить наглядность как внешняя, так и внутренняя, которую можно использовать как средство создания коммуникативной мотивации.

Следует сделать вывод, что обеспечить создание коммуникативной мотивации у школьников можно, предъявив специально разработанный вид внешней наглядности: рассказ, сюжетную картинку, видеofilm и др. Средствами внешней наглядности задается смысловое содержание и логическая последовательность высказывания, тем самым создается смысловая опора говорения [5, с. 84]. Как считает Е. И. Пассов, в этом случае внимание ученика направлено только на оформление этого смыслового содержания известными ему языковыми средствами. Желательно соблюдать данное условие на всех этапах формирования навыков и развития речевых умений. Обеспечить это условие возможно в том случае, если учитель будет стремиться использовать на уроке не столько внешнюю наглядность, основанную на ощущениях, сколько внутреннюю, которая базируется на образе представления.

Исследователи Н. И. Гез и М. В. Ляховицкий считают, что единственный способ вызвать глубокий эмоциональный и нравственный отклик подростка — поставить его перед проблемой, заставляющей самостоятельно размышлять и формулировать вывод.

Самый распространенный вид внешней наглядности — картинки. Так, В. Л. Прокофьева провела исследование среди учеников средней школы. Она попыталась определить, какие картинки вызывают наибольший интерес у школьников и способствуют созданию внутренней наглядности. Картинки из учебников немецкого языка иллюстрируют тексты или упражнения. Основные задания, предлагаемые ученикам, — это описание картинок или действующих лиц; составление вопросов или ответы на вопросы по картинкам. Опрос учеников привел к следующим выводам: ученикам 5-х классов интересны и сказки, и действительность, и прошлое, и будущее; они любят картинки, иллюстрирующие содержание текста; шести- или семиклассники интересуют серии картинок, объединенных одной сюжетной линией, старшеклассников — картинки остросюжетные, фабульные, связанные с проблемами современности, отношений и совсем не обязательно с жизнью школы. Отметим еще два вида наглядности: содержательную и смысловую. Содержательная наглядность направляет внимание учеников на содержание того или иного отрезка действительности, смысловая наглядность формирует отношение школьников к тому, что изображено на картинке, т. е. актуализирует личностный смысл, что очень важно для обучения на коммуникативной основе.

Заключение. В процессе обучения иностранным языкам важно использовать как внешнюю, так и внутреннюю наглядность для формирования коммуникативной мотивации учащихся.

Список цитируемых источников

1. Пассов, Е. И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению: пособие для учителей иностр. яз. / Е. И. Пассов. — М., 1985. — 208 с.
2. Комков, И. Ф. Методика преподавания иностранных языков: учеб. пособие / И. Ф. Комков. — М.: Минск, 1979. — 352 с.
3. Полат, Е. С. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования: учеб. пособие / Е. С. Полат. — М.: Академия, 2005. — 410 с.
4. Зимняя, И. А. Психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке / И. А. Зимняя. — М.: Просвещение, 1985. — 420 с.
5. Прокофьева, В. П. Наглядность как средство создания коммуникативной мотивации при устном иноязычном общении / В. П. Прокофьева. — М.: Иностр. яз. в шк., 1986. — 115 с.

Примечание. Ответственность за подбор и точность приведённых фактов, цитат, экономических данных, личных имён и другой информации несут авторы опубликованных материалов.

Научное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ
И ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК

II Республиканская студенческая
научно-практическая конференция
с международным участием

(Барановичи, 23 ноября 2016 года)

На русском, белорусском, английском, немецком языках

Ответственный за выпуск С. А. Березнюк
Технический редактор А. Ю. Сидоренко
Компьютерная вёрстка С. М. Глушак
Корректор Н. Н. Колодко

Подписано в печать 05.09.2017. Формат 60 × 84 ¹/₈. Бумага ксероксная.

Отпечатано на копировально-множительной технике.

Усл. печ. л. 21,30. Уч.-изд. л. 19,70. Тираж 9 экз. Заказ 550.

Учреждение образования «Барановичский государственный университет».

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий

№ 1/424 от 09.09.2016.

Ул. Войкова, 21, 225404 г. Барановичи. Тел. 8 (0163) 45 46 28, e-mail: rio@barsu.by .